



6

неприкосновенный
запас

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

158 ²⁰²⁴

- * годы теории Фредрика Джеймисона (1934—2024)
- * конституция СССР 1924 года в исторической ретроспективе
- * к 180-летию Ницше



неприкосновенный запас 6 [158] 2024

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

ГОДЫ ТЕОРИИ ФРЕДРИКА ДЖЕЙМИСОНА (1934–2024)	003	ФРЕДРИК ДЖЕЙМИСОН. Постмодернистский театр философии
	023	КОНСТАНТИН МИТРОШЕНКОВ. Как это делалось в Париже: Фредрик Джеймисон и его взгляд на послевоенную французскую теорию
	035	АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ. Перекодировать горизонт: о финальной работе Фредрика Джеймисона
ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ	059	ИГОРЬ СМИРНОВ. По ту сторону философии: учение Фридриха Ницше о воле к власти и проблема реального
КОНСТИТУЦИЯ СССР 1924 ГОДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ	075	Отечественное право и первая Конституция СССР
	078	ГЕОРГИЙ ГУРВИЧ. Советская Конституция и советская федерация
	089	НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВ. Советская федерация и Советская Конституция
	104	ВАДИМ КОРОЛЬКОВ. Конституция СССР 1924 года и критика современности
	121	МАРИНА ОКУНЕВА. «Интересы научных исследований отдельных частей Союза будут полностью обеспечены»: Конституция 1924 года и управление советской наукой
АРХИВ «НЗ»	133	ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ. Гусарские тайны: архив Андрея Балашова и «Братство Русской Правды»
CASE STUDY 1	159	БОРИС СОКОЛОВ. Бывшие белогвардейцы в советской элите
АРХИВ «НЗ»	196	«Я думаю об этом времени». Письмо советского писателя ВЛАДИМИРА КАНТОРОВИЧА секретарю ЦК КПСС ПЕТРУ ДЕМИЧЕВУ
КУЛЬТУРА ПОЛИТИКИ	209	ГЕОРГИЙ МАМВРИЙСКИЙ. Учебники истории, сталинский и постсоветский «руссоцентризм» и задачи нациестроительства
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	229	Все не так однозначно <i>Страницы</i> АЛЕКСЕЯ ЛЕВИНСОНА
CASE STUDY 2	232	ЮЛИЯ ФРОЛОВА. Такие же, но другие: национализм в Северной Стране Басков

Главный редактор
Ирина Прохорова

Шеф-редактор
Кирилл Кобрин

Редакторы
Андрей Захаров
Антон Золотов

Дизайн
Дмитрий Черногаев
Андрей Бондаренко

Корректор
Марина Алхазова

Маркетинг, PR и реклама
Анастасия Векшина
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail:
a.vekschina@nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2024

Постмодернистский театр философии¹

ФРЕДРИК
ДЖЕЙМИСОН

Мы не успели поговорить о том, почему Барт считал, что язык – это фашист², поэтому, мне кажется, нам следует решить эту проблему прежде, чем переходить к чему-то еще. Такого рода политические заявления весьма нехарактерны для творчества Барта. Очевидно, в 1960-е было много людей, обеспокоенных фашизмом, но подобный политический язык чужд Барту, хотя мы, конечно, видели, что его творчество обладает эффективным политическим значением. Под этим утверждением он мог подразумевать, что между языком и опытом имеется дизъюнкция. Мы уже сталкивались с этим в экзистенциализме и у мистиков – с идеей, что язык не может выразить такие вещи. Другой вариант этой идеи представлен в знаменитой фразе Лакана: реальное является «тем, что категорически противится символизации», где под символизацией подразумевается язык, язы-



- 1 Перевод выполнен по: JAMESON F. *Years of Theory: Postwar French Theory to the Present* / WELCH C. (Ed.). London; New York: Verso, 2024. Русский перевод книги Фредрика Джеймисона готовится к выходу в издательстве «Ad Marginem». Редакция «НЗ» благодарит «Ad Marginem» и лично Александра Иванова и Викторю Перетицкую за предоставленную возможность опубликовать этот текст в нашем журнале.
- 2 «Язык, как перформация всякой языковой деятельности, не реакционен и не прогрессивен; это обыкновенный фашист, ибо сущность фашизма не в том, чтобы запрещать, а в том, чтобы понуждать говорить нечто. Как только язык переходит в акт говорения (пусть даже этот акт свершается в сокровеннейших глубинах субъекта), он немедленно оказывается на службе у власти» (БАРТ Р. *Лекция // Он же. Избранные работы: семиотика, поэтика*. М.: Прогресс, 1989. С. 549). – Примеч. перев.

ГОДЫ ТЕОРИИ
ФРЕДРИКА
ДЖЕЙМИСОНА
(1934–2024)

Фредрик Джеймисон
(1934–2024) – американский литературовед,
философ, политический
теоретик, предложивший
влиятельную марксистскую
интерпретацию постмодернистской
культуры.

ковое выражение³. Реальное никогда не может быть выражено словами. Как так? Что бы язык ни ухватил, он это исказит. Почему? Да потому, что язык овеществляет; в нем полно обобщений и универсалий, тогда как для всех этих теорий важно признать, что вещи всегда единичны. Принимая эти идеи, мы уже (почти по определению) впадаем в своего рода номинализм.

Не думаю, что Барт подразумевает под этим что-то совсем уж метафизическое – он ведь не метафизик, – но, безусловно, в его «Мифологиях» содержится другой ответ, а именно: язык, утверждения общего характера и универсалии всегда так или иначе являются стереотипами. Универсалия – это стереотип. Если бы вы верили в обратное (возможно, это был бы своего рода идеализм), вы сказали бы, что единичности – всего лишь примеры. Таким образом, здесь возникает диалектика: обе стороны плохи. Если вы превращаете объект языка в пример, получается так себе. Если вы превращаете язык, на котором обсуждается объект, в стереотип, выходит ничуть не лучше. Из стереотипов рождаются различные расизмы, сексизмы и специфические формы фашизма. Но с таким же успехом стереотипы могут принимать и положительные формы. То есть все в языке должно быть стереотипом, потому что в этом и заключается универсальное. Мне вспоминается эксперимент Лейбница. Он преподавал при дворе в одном из княжеств Германии начала XVIII века. Выведя придворных дам в сад, он сказал: «Найдите мне один лист, который был бы абсолютно уникальным»⁴. Что ж, тогда слово «лист» было бы неуместным. Именно это имеет в виду Барт. По сути, он возвращается к своим самым ранним прозрениям, которые он разрабатывал в терминах мифологий, коннотаций массовой культуры. Об этом можно сказать еще многое, но здесь нам придется остановиться.

Теперь – к Делёзу. Его творчество необъятно, оно очень популярно в наши дни, а некоторые из его работ весьма сложны. Я попробую подступить к нему так же, как запланировал применительно к курсу в целом (не знаю, придерживался ли я этого плана на самом деле), то есть, оттолкнувшись от ключевых слов. Вот всего лишь несколько ключевых слов Делёза, взятых наугад: «ризома», «сборка», «молярный/молекулярный», «перекодиро-

3 Лакан Ж. *Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинар, Книга I (1953/54))*. М.: Гнозис; Логос, 2009. С. 91.

4 Имеется в виду принцип тождества неразличимых, согласно которому не может быть двух различных вещей с полностью идентичными свойствами; соответственно, суть эксперимента Лейбница не в поиске «одного листа, который был бы абсолютно уникальным», а наоборот – в поиске двух листьев, которые были бы совершенно одинаковыми: «Когда Лейбниц высказал однажды при дворе закон разности, то придворные кавалеры и дамы, гуляя по саду, старались отыскать два одинаковых листа, чтобы, показав их, опровергнуть высказанный философом закон мышления. Это, без сомнения, удобный и даже еще в наше время любимый способ занятия метафизикой» (Гегель Г. В. Ф. *Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики*. М.: Мысль, 1974. С. 274–275). – *Примеч. перев.*

вание», «интенсивность», «тело без органов», «шизик», «линия утекания»⁵, «территориализация», «план консистенции», «план имманенции». Думаю, было бы неплохо пройти по Делёзу термин за термином, потому что, на мой взгляд, его философия не является систематической. Это поднимает еще одну тему, которая должна быть для нас центральной, даже если она не всегда была в центре наших дискуссий: различие между теорией и философией. Я хочу сказать, что Делёз – и то и другое, но между этими вещами существует фундаментальный разрыв или даже противоречие. На мой взгляд, философия, или, как ее любят называть Хайдеггер и Деррида, «метафизика», всегда предполагает систему или стремится ее создать, а у этой системы, как показал Деррида, всегда будет центр, или, если вы предпочитаете более сложный язык, абсолют.

ФРЕДРИК ДЖЕЙМИСОН
ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ
ТЕАТР ФИЛОСОФИИ

Философия всегда предполагает систему или } стремится ее создать, а у этой системы всегда будет } центр, или абсолют. }

Что произойдет, если мы последуем уроку Ницше и решим, что абсолюта не существует? Тогда процесс создания системы пойдет прахом. И что же тогда делать? Нам придется занять что-то вроде сократической позиции снайпера. Мы должны совершать не связанные друг с другом набег на то или иное поле, как поступал Сократ применительно к различным объектам своей критики или как поступал Ницше (хотя он и не был почитателем Сократа) в том, что касается различных форм нападения. Я думаю, что теория делает нечто подобное – в том смысле, что ее абсолюты становятся темами. Так, например, о Поле Вирилио, к которому мы еще не обращались, можно сказать: его основная тема – скорость. Мы находим скорость в машинерии, фотографии, но и во всевозможных других вещах, в том числе социальных. Скорость уж точно не будет абсолютом; на мой взгляд, она центр дискурса Вирилио, а не метафизика. Но можно заметить, что она способна с легкостью соскользнуть в метафизику так, чтобы из нее возник некий образ мира, сведенного к импульсу и различным скоростям. Так что теория всегда очень близка к тому, чтобы соскользнуть в систематичность, но именно по этой причине теория всегда

5 В русских переводах текстов Делёза и Гваттари французское выражение *ligne de fuite* (в английском переводе *line of light*) передавалось как «линия бегства», «линия ускользания», «канал утечки», «линия «утечки»». Все эти варианты, однако, определяются выбором в пользу одного из смыслов *fuite*, которое означает как бегство/ускользание, так и утечку/протекание, тогда как Делёз и Гваттари обыгрывают оба значения. О делёзо-гваттарианской теории потоков см.: Делёз Ж. *Коды и капитализм (лекция 16 ноября 1971 года)* // *Censura*. 2006. 17 мая (<https://censura.ru/articles/codecapital.htm>). Русское «утекание» позволяет удержать двусмысленность *fuite*. – *Примеч. перев.*



будет настаивать на языке и на том, что различные темы конструируются лингвистически, а значит – отныне они должны рассматриваться не как реальности, метафизические или иные, а скорее как чистые конструкции.

Вот что, на мой взгляд, характеризует теорию. Это попытка сделать то, чем прежде занималась философия, но в ситуации, когда философия больше не кажется возможной. Что касается Делёза, то мы получаем сразу и то и другое – ведь он профессиональный философ. Некоторые из тех, кого мы рассматривали, таковыми не являлись: Леви-Стросс был антропологом; Барт был – кем? – литературным критиком, семиотиком, а не философом. Но Делёз – профессиональный философ и, стало быть, автор собственно философских книг, исследований различных философов. Он также написал всевозможные другие вещи, и я хочу их рассмотреть, но подступиться к ним мне хотелось бы с особой точки зрения, которая может вас удивить. Начало и конец его работы дополняют друг друга; это два строго философских текста: «Различие и повторение», которое представляет собой его диссертацию⁶ (хотя и было опубликовано чуть позже); а в конце его карьеры книга «Что такое философия?», написанная в соавторстве с Гваттари, о котором у нас еще будет повод сказать пару слов. Они кажутся систематическими, но если к ним приглядеться, то, например, «Различие и повторение» – ужасно сложная книга, поскольку вы хотите найти в ней систему, но при этом каждая глава в некотором смысле отделена от всех остальных. Я считаю, что ее нельзя превратить в систему (хотя, конечно, есть специалисты, которые попытались это сделать и, вероятно, преуспели больше меня), но при желании в ней можно отыскать ряд тем. Каждая ее глава – своего рода книга в себе.

Меня очень заинтриговало одно замечание, как-то высказанное Делёзом в интервью. Он говорит, что, написав что-то, никогда не пытается это запомнить. Гегель должен был написать разные вещи: исследование природы, исследование человеческой природы, затем исследование категорий природы, логику, эстетику, политику – и все это отдельные задачи. Как мы увидим, это напоминает ветви дерева. Полагаю, из этого корня, которым является гегелевское понятие Абсолюта, что-то вырастает, а затем появляются ветви, и каждая из них требует индивидуальной проработки. Раз так, то Гегель должен помнить, что сказал, и либо уточнять это, либо оставаться верным этому, сохраняя тот же словарь, обогащая его. Это тем более справедливо применительно к Аристотелю или Фоме Аквинскому, по-

6 Диссертация «Различие и повторение» была защищена и опубликована в 1969 году: Досс Ф. *Жиль Делёз и Феликс Гваттари. Перекрестная биография*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. С. 228, 142. – Примеч. перев.

сколькx их способы построения системы довольно схожи. Но, если дело обстоит иначе, может произойти разрыв. Например, вы скажете, что теперь у вас будет *Kehre*, поворот, и вы больше не собираетесь говорить о *Dasein*; не собираетесь исповедовать экзистенциализм, как в случае Хайдеггера.

Делёз говорит, что у него нет единого, постоянного проекта. «Я хочу забыть о том, что я только что написал, – замечает он. – Я собираюсь начать все с нуля и сделать что-то новое»⁷. И, как вы знаете, такие люди действительно существуют. Он был мыслящей машиной, одной из великих мыслящих машин. Делёз – один из самых удивительных мыслителей XX века. Как бы вы его ни классифицировали, делёзоведы скажут вам, что это не совсем верно; он не укладывается ни в какие рамки. Но тем не менее вы можете сказать, что между этим и другим концептом есть связь, что этот концепт – обновленная версия того. Сам Делёз не имеет к этому никакого отношения. Каждая вещь – отдельный проект, или отдельная проблема, и позже я вернусь к вопросу о решении проблем, который, на мой взгляд, является одним из менее интересных аспектов Делёза.

Как нам разобраться с уникальностью каждого делёзовского проекта? Мой метод, например, вызовет очевидные возражения: я установил некоторые связи (*continuities*), но при желании можно сказать, что все они фиктивны; другие сделали бы иначе, и в любом случае эти связи являются грубыми. К примеру, вскоре я скажу, что тело без органов – делёзовский термин, обозначающий синхронию. Это очень грубо – в том смысле, что любой делёзианец скажет вам: «Это не синхрония, это вообще не то же самое». Почему? «Ну, это просто что-то другое», – может ответить делёзианец. К тому же мы знаем, что такое синхрония: она старая, почти традиционная; она скучна. Мы хотим чего-то нового. Тело без органов, конечно, совершенно от нее отличается.

Любая попытка перевести новые и неизвестные вещи в привычные термины приведет к такому эффекту. Если, например, сказать, что предложенное Грамши понятие гегемонии – это новая версия понятия идеологии, то грамшианцы ответят вам, что это совершенно разные вещи; это целый набор новых изобретений. Да, но, как только вы переводите что-то одно во что-то другое, оно становится автономным. Уплывает в другом направлении. Обретает новую консистенцию, хотя я не хочу злоупотреблять этим словом. Перевод нового в старое, постулирование возникновения нового из старого – это всегда зло-

7 Ср.: «Все, что я изучаю, я изучаю для определенной цели. И когда цель достигнута, то лет через шесть–десять я уже ничего не помню. И это доходит до смешного: когда я хочу вернуться к тому или иному сюжету, я должен все начинать с нуля» (Делёз Ж., Парне К. *Алфавит Жюль Делёза (стенограмма на основе субтитров)*. 2012. С. 16 (https://platona.net/_ld/33/3397_DeleuzeParnetBo.pdf)). – *Примеч. перев.*



употребление, и мы можем и должны его осуждать; но оно позволяет подступиться к очень сложным вещам, и я не знаю другого способа сделать это удовлетворительно.

Теперь мы должны принять во внимание еще кое-что. Я говорил об извращенности применительно к Фуко – в том смысле, что он занимается выяснением того, что, как вы думаете, вы уже знаете, а затем говорит вам, что вы зря так думаете. Делёз действует не совсем так. Это не история идей и не структурализм. Делёз пишет о ряде не только традиционных, но и классических философов – о Дэвиде Юме, Бергсоне, стоиках, Лейбнице, Ницше, Фуко, а также о Спинозе, – но эти работы отличаются от введений или трактатов. Что же он делает со всеми этими философиями? Он берет их и превращает в версии самого себя. То есть все эти философы становятся тем, что Делёз с ними сделал. Они делёзианцы. Это совсем не то, что мы знаем из истории философии, и вряд ли хоть сколько-нибудь правдоподобно, чтобы все эти мыслители были делёзианцами. Конечно, у Делёза есть враги – Гегель и Платон, – и они не делёзианцы, но сам факт, что они не делёзианцы, становится интересной трансформацией. В прежние времена всех очень волновали маски. Эта тема доминировала в модернизме – например, у Пиранделло. Можно сказать, что Делёз надевает маски и получается своего рода карнавал, на котором внезапно появляются Кант, Спиноза или Юм, но вдруг мы обнаруживаем: нет, нет, это не они – это замаскированный под них Делёз.

Можно было бы взглянуть на это под таким углом, но мне это не очень нравится. Мне кажется, он немного активнее. Иногда Делёз может быть очень полезным проводником к этим людям. У него есть невероятные идеи о них, всевозможные новые идеи. Порой кажется, что лучше узнать, что думают об этом традиционные философы, ведь это не совсем Кант или Юм. Но я думаю об этом так: в некотором смысле это постановки, а точнее – перформансы. Идея перформативности пришла из лингвистики Джона Лэнгшо Остина. Деррида, де Ман, Джудит Батлер и прочие использовали ее в других целях, и я имею в виду под перформативностью нечто подобное тому, что имели в виду они.

Эти перформансы можно понимать в смысле постмодернистских постановок классики. Я приведу знакомый пример, потому что можно выбрать любые вещи, которые, возможно, не входят в вашу систему координат. Порой говорят о «Гамлете» без принца. Что под этим подразумевается? Это может быть плохой спектакль, в котором фигура Гамлета слаба, а другие актеры очень хороши. Это может быть интерпретация Шекспира, где Гамлет вообще не играет никакой роли. Или допустим, вы переписали «Гамлета», решив вывести на первый

план то, что всегда понималось как маргинальное, оставалось на заднем плане. Это могут быть, например, два его богатых, но услужливых однокашника, которые вызывают отвращение своим шпионажем и для которых все кончается плохо – Розенкранц и Гильденстерн. Тогда вы можете написать пьесу под названием «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» – она будет посвящена этим двум второстепенным персонажам, и это будет «Гамлет» с новой точки зрения.

Вот что я имею в виду под постмодернистской постановкой, и мне кажется, именно это Делёз и делает со всеми этими философами. Да, он называет даты написания их главных книг, но внезапно мы оказываемся совершенно не в той философии. Все это узнаваемые фигуры и мысли, но они полностью переиначены. Делёз – великий постановщик, как театральный или оперный режиссер, и он полностью переделал все это в модернистской – хотя я бы сказал «постмодернистской» – форме, потому что в модерне вы могли бы проделать такое с Шекспиром, но впоследствии вы делаете это со всем. Многие постмодернистские постановки на самом деле являются неплохими и успешными версиями своих оригиналов. Я считаю, что теоретический Делёз делает это со своими философами. В то время как философский Делёз отрицает это, пытаясь заниматься собственно философией. Так что у вас есть выбор: можете читать его и так и эдак. Но если хотите достичь полного эффекта, то, на мой взгляд, необходимо разобраться в этом деле постановки.

Да, я расскажу о том, что представляет собой эта философская система – порой не слишком оригинальная, – но я хочу, чтобы вы получили удовольствие от знакомства с ней. Делёз – великий автор, и это чудесный опыт. Неважно, насколько истинна или ложна эта система. Некоторые, похоже, уводят Делёза в сторону виртуального и виртуальности – идеи, которая, на мой взгляд, не играет здесь столь важной роли, хотя, конечно, можно утягивать Делёза в самых разных направлениях. Это прекрасно, но, чтобы вы поняли, это не тот Делёз, который интересен мне. Я хотел бы, чтобы вы почувствовали радостное волнение от этого материала, даже если не всегда его понимаете.

Время от времени Делёз сам выходит за узкофилософские рамки и пишет комментарии к литературным или художественным произведениям. И здесь следует упомянуть две очень важные книги – одну о Прусте, другую о Кафке⁸. Обе они действительно впечатляющие. Книга о Прусте полностью трансформирует традицию его интерпретации, которая на протяжении предыдущих пятидесяти лет во многом основывалась на

8 Делёз Ж. *Марсель Пруст и знаки. Статьи*. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 1999; Делёз Ж., Гваттари Ф. *Кафка: за малую литературу*. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. – *Примеч. перев.*



функции произвольной памяти. Да, мы знаем, что Пруст был кузеном Бергсона. Так является ли его работа бергсонистской или нет? По крайней мере она посвящена темпоральности. Что ж, достаточно, говорит Делёз и отбрасывает вопрос о темпоральности, чтобы показать, что Пруст работает с герменевтикой восприятия. Далекий от мистического оживления прошлого, Пруст имеет дело с системами знаков и перцептов. Эта инверсия в «Прусте и знаках» полностью изменила ориентацию исследований творчества Пруста.

Что касается Кафки, то я бы сказал, что книга о нем была не столько интерпретацией, сколько вводом концептов малой литературы и малого языка – а также идеи о том, что Кафка прибегает к определенному протополитическому использованию языков, с которыми он был в некоторой степени знаком: немецкого и идиша. В своих дневниках Кафка говорит, что самое важное решение, которое ему пришлось принять, – писать по-немецки или на идише. Да, он пишет на немецком, но не на официальном немецком. Кафка берет официальный немецкий и делает из него странный идиолект, который уже не является немецким в строгом смысле слова, но это и не идиш. Малый язык – как паразит внутри большого языка. Это не совсем диалект. Некоторые диалекты – малые варианты языка, а некоторые из них – настоящие языки, но это все равно диалекты. У лингвистов всегда была проблема с определением понятия «диалект». По-моему, именно Хомский сказал, что нет такой вещи, как диалект; язык – диалект, у которого есть авиакомпания, тюрьма и флаг⁹. Таким образом, большой язык – это государство, а диалект, малый язык – нечто такое, что существует в зазорах государства и использует фрагменты большого языка в других целях.

Затем Делёз пишет замечательную книгу о Захер-Мазохе и о мазохизме¹⁰. Есть еще несколько вещей, которые я хочу упомянуть. Среди них ряд небольших статей, одна из которых – знаменитый текст о «Бартлби» Мелвилла¹¹. Сейчас все говорят о «Бартлби» в политическом ключе или в каком-нибудь другом, и я думаю, что эти разговоры уходят корнями в эссе Делёза. Другое его эссе посвящено книге французского романиста, о котором вы можете не знать, – Мишеля Турнье¹². Книга Турнье

9 По всей видимости, имеется в виду фраза из статьи лингвиста Макса Вайнрайха «Язык – это диалект, у которого есть армия и флот». – *Примеч. перев.*

10 Опубликована в 1967 году под названием «Présentation de Sacher-Masoch: le froid et le cruel»; рус. перев.: Делёз Ж. *Представление Захер-Мазоха (Холодное и Жестокое)* // Делёз Ж., Фрейд З., Захер-Мазох Л. фон. *Венера в мехах*. М.: Ad Marginem, 1992. С. 189–313.

11 Делёз Ж. *Бартлби, или Формула* // Он же. *Критика и клиника*. СПб.: Machina, 2002. С. 96–124. – *Примеч. перев.*

12 Он же. *Мишель Турнье и мир без Другого* // Турнье М. *Пятница*. СПб.: Амфора, 1999. С. 282–302. – *Примеч. перев.*

представляет собой версию – и снова эти версии! – или скорее постановку «Робинзона Крузо» под названием «Пятница», и она о бреде, видениях, отношениях с другим. Это замечательная книга Турнье (который был однокашником Делёза) – великого писателя, и жаль, что он недостаточно известен. Делёз также очень интересовался американской литературой, которую рассматривал так же, как в свое время Сартр и Бовуар: как набор освободительных выражений «в-дороге», написанных против закона и государства. В общем, все эти работы очень интересны, но основная из них – его книга о художнике Фрэнсисе Бэконе¹³, которая, на мой взгляд, является монументальным вкладом в создание совершенно нового набора категорий, с которыми можно работать. Но это показывает, что, когда Делёз берется за что-то такое, он полностью это переизобретает. И я полагаю, что к этой стороне творчества Делёза можно отнести и две его книги о кино¹⁴, которые представляют собой экстраординарное переписывание всего канона фильмов начиная с эпохи немого кино и их реорганизацию таким образом, который должен был бы полностью изменить киноведение, если бы этим книгам позволили стать частью академического киноведения, что, как мне кажется, было возможно не всегда.

Каждая из этих вещей включает в себя новую лексику. Так что все эти отдельные работы следует в этом качестве и рассматривать, и все же в каждой из них есть свой словарь, свой набор неологизмов, новая терминология. Делёз не забывает более ранний словарь полностью; часть ранней лексики он использует позже, а часть отбрасывает, и это тоже очень интересно: когда тот или иной термин не появляется у Делёза вновь. Таким образом, каждая работа – это отдельное поле, терминологическое поле, требующее отдельного прочтения и изучения.

Когда Делёз говорит в интервью, что забывает обо всем, что написал, он все еще кажется модернистом – в том смысле, что стремится к новому. Новое – важнейшая категория у Делёза. Зачем беспокоиться, если не можешь сделать что-то новое? В этом смысле Делёз, наверное, отверг бы идею постмодернистской постановки, сказав, что он обновляет каждого из философов, о которых пишет. Так или иначе, единственный, кому он хранит верность во всех своих работах, – это Спиноза. Он написал две книги о Спинозе: одну – узкофилософскую, «Спиноза и проблема выражения»; другую – популярную, «Спиноза. Практическая философия»¹⁵. Можно возразить, что Бергсон

13 Он же. *Фрэнсис Бэкон: логика ощущения*. СПб.: Machina, 2011. – Примеч. перев.

14 В русском переводе работы «Cinéma 1: L'image-mouvement» (1983) и «Cinéma 2: L'image-temps» (1985) изданы в одной книге: Он же. *Кино*. М.: Ad Marginem, 2004. – Примеч. перев.

15 Он же. *Спиноза и проблема выражения*. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014; Он же. *Спиноза. Практическая философия*. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. – Примеч. перев.



и Ницше – тоже его постоянные спутники, но думаю, не настолько. Так что необходимо принять это во внимание. Постоянно возвращающийся спинозистский аспект связан с тем, как Спиноза понимает тело и отношения тел друг с другом. Его привлекательность отчасти продиктована влечением к материализму, присутствующему во всех философиях, с которыми работал Делёз, – но это стремление к выражению, поскольку у всего в теле есть свой эквивалент. По Спинозе, у бога несколько способов проявления, которые можно назвать «атрибутами». Один из них – тело, а другой – мысль. Протяженность и мысль – очень картезианские категории, но у Спинозы они тождественны, хотя в некотором роде и остаются различными. Таким образом, наши мысли подобны телам, наши тела – мыслям, но между ними нет никакого отношения, кроме того, что они тождественны. Существуют также модусы различных вещей, объектов, мыслей. А еще есть учение об аффектах, к которому я перейду позже. Но, на мой взгляд, Делёз увидел в Спинозе способ сохранить свою практику философского различения, понимая ее как телесную материю.

В чем суть философии Делёза? Мне кажется, что, в конечном счете, в мысли Делёза прослеживается классическая политика подрыва, или анархизма, если можно так выразиться. Все эти люди так или иначе одержимы трансгрессией. Не думаю, что Делёз когда-либо много писал о Батае. Он мог бы это сделать, но вряд ли сделал. Философ, о котором он не писал много никогда – и слава богу, – это Хайдеггер. В «Различии и повторении» есть всевозможные отсылки к нему, но эта одержимость Хайдеггером, характерная для Франции того времени, эта абсолютная необходимость цитировать его на каждой странице, вновь и вновь возвращаясь к этим довольно простым мыслям, полностью отсутствует у Делёза, так что об этом нам беспокоиться не придется. Впрочем, подрыв – в предложенном Крестевой смысле вторжения семиотического в символическое, его трансгрессии и трансформации – действует здесь в другой форме. А именно – в форме исторического мифа о государстве и кочевниках. Это базовая политическая идея Делёза. У вас есть государство – так сказать, истеблишмент. На этот истеблишмент нападают группы кочевников. Иногда они завоевывают государство, как в Китае, и сами становятся государством. Когда они становятся государством, другие становятся кочевниками. Иногда им дают отпор, а порой и вовсе уничтожают, но появляются новые, и это – что, на мой взгляд, характерно для анархизма в целом – циклический, нескончаемый процесс. Окончательной революции не бывает. Анархисты не хотят создавать новое государство, не хотят создавать новое общество – они просто хотят некоторой свободы от данного социального

порядка, а еще они хотят его разрушить. Помнится, под конец жизни Хейден Уайт очень интересовался анархистами. Он говорил, что, когда происходят все эти восстания, государство, в конце концов, спрашивает восставших, чего они хотят. «Какова ваша программа? Что мы можем вам дать?» А те отвечают: «Да ничего мы не хотим! Мы просто хотим все разрушить». В каком-то смысле это и есть дух кочевников.

ФРЕДРИК ДЖЕЙМИСОН
ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ
ТЕАТР ФИЛОСОФИИ

Анархисты не хотят создавать новое государство, не хотят создавать новое общество – они просто хотят некоторой свободы от данного социального порядка, а еще они хотят его разрушить.

Но суть кочевника в том, что у него нет места. Есть ли у кочевников свои законы? Ну, как только они их устанавливают, опять возникает государство. И так, перед нами проблема власти – проблема, которая, как мы видели, уже ставилась в антропологии. Вопрос о власти – об истеблишменте и нормализации – волнует Делёза, равно как и Барта, Фуко. Однако здесь этот вопрос принимает мифическую форму в двух книгах, о которых я еще не упоминал и которые являются результатом сотрудничества Делёза с Гваттари, – в «Анти-Эдипе» и «Тысяче плато». Две эти книги неотделимы друг от друга, но в чем-то они совершенно разные. Всегда трудно понять, как работает психология сотрудничества; это интересная, но редкая вещь. Бывает, когда романисты работают вместе, один пишет сюжет, а другой – диалоги. Мы никогда не узнаем, как это происходило у Делёза и Гваттари. Рассказывают, что они встречались, приносили друг другу прочитанные материалы – самые разные, от студенческих работ до непонятных статей по лингвистике или зоологии – и делились ими друг с другом. Потом расходились, читали еще и снова встречались. И, наконец, в какой-то момент Делёз говорит: «*Ça suffit comme ça*». «Хватит». И вот он садится и все это записывает.

Раньше мне казалось, что их всегда можно отличить друг от друга. В «Анти-Эдипе» есть большие тирады, направленные против Фрейда, и я думал: «О, это, должно быть, Гваттари». Гваттари был так называемым антипсихиатром¹⁶. В 1960-е су-

16 Автор допускает неточность: Феликс Гваттари был «институциональным психотерапевтом», а не антипсихиатром. Франсуа Досс пишет: «[Клинику] “Ла Борд” [где работал Гваттари] часто путали с антипсихиатрией. [...] Но достаточно послушать ее директора Жана Ури, чтобы убедиться в том, что тезисы антипсихиатрии и институциональную психотерапию разделяет пропасть. В “Ла Борд” занимаются психиатрией, подписываясь под ней: “Он [Феликс] был [...] увлечен антипсихиатрами. И это вызвало туман в голове плохо информированных людей, у которых “Ла Борд” смешалась с “антипсихиатрией”» (Досс Ф. Указ. соч. С. 417 и далее. – Примеч. перев.).



ществовала целая группа этих людей, которые опирались на такие вещи, как представление Фуко о клинике как институте нормализации. Самым известным английским антипсихиатром, восставшим против всего этого, был Рональд Лэйнг, который, что интересно для нас, среди прочих своих работ выпустил краткое изложение – насколько это возможно для книги в 800 очень сложных страниц – сартровской «Критики диалектического разума» в виде 200-страничного конспекта. При чем тут Сартр? В каком-то смысле его «Критика» – тоже теория анархизма, малых групп, кочевников. Сартровские группы-в-слиянии суть номады. Серийность не совсем государство, которое, как предполагается, находится где-то рядом, но не требует теории, поскольку возникает само по себе. Но группы, которые ей противостоят – группы-в-слиянии, – номадические уже у Сартра, и дальше этого он не идет, как не выходит и за рамки индивидуального сознания, то есть за пределы феноменологии и *cogito*, так что мы так и не добираемся до капитализма; мы доходим лишь до Сталина, олицетворяющего трансформацию кочевников в государство. Поэтому интуиция Лэйнга, что это исследование коллективного способа сопротивления государству, была верной.

В общем, Гваттари – один из тех самых антипсихиатров. Он работает в клинике. Он психиатр, или аналитик, который имеет дело с больными людьми, но вместе с тем и с разнообразными видами сопротивления, попытками преобразовать институт, трансформировать психоаналитическое учение. При этом Гваттари, очевидно, был еще и политическим активистом, чего нельзя сказать о Делёзе. Вы знаете, что Кант никогда не покидал пределов Кёнигсберга. Он никогда не выезжал за пределы этого города в Восточной Пруссии. Делёз ездил туда-сюда на свои семинары, блестящие семинары, в конце концов, но кажется, будто он никогда не выходил из своей квартиры. Я имею в виду, что у Делёза есть замкнутое пространство, в котором он отделен от всех остальных, и неоднократно отмечалось, что он был настоящим аутсайдером. Коль скоро он зарабатывал на жизнь преподаванием философии, ему приходилось быть частью академической институции и иметь какую-то студенческую аудиторию – Фуко очень помог ему продвинуться в академическом плане, – но в каком-то смысле Делёз был вне всего этого. Он не хотел быть связанным ни с чем – и уж точно не с политикой.

Оскар Уайльд написал одну из великих работ о социализме – «Душа человека при социализме», – в которой предложил совершенно замечательную теорию:

«Я социалист не потому, что мне жалко бедных. На самом деле я не хочу жалеть бедных! Это ужасное чувство. Я хочу избавиться

от ситуации, в которой мне приходится их жалеть. Я хочу создать ситуацию, в которой мне не придется никого жалеть, и как раз поэтому я социалист».

ФРЕДРИК ДЖЕЙМИСОН
ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ
ТЕАТР ФИЛОСОФИИ

Гваттари был активистом в этом смысле. Я не говорю, что он привнес Маркса в философию Делёза, но вскоре произойдет очень важная интервенция Делёза в марксизм. Говорят, в конце жизни Делёз (как и Деррида, выпустивший книгу о Марксе в атмосфере французской демарксификации и абсолютного упадка левых во Франции) также собирался написать книгу о Марксе, но, кажется, от этого замысла не осталось никаких следов, кроме эссе «Общества контроля»¹⁷, которое, как говорили некоторые из учеников Делёза, должно было стать главой этой книги.

Гваттари привнес в творчество Делёза много нового, включая взаимодействие с психоанализом, а еще он привнес активистское отношение к миру, чего, как мне кажется, у Делёза, как у философа или эстетика, не было. Сейчас у нас есть кое-какие заметки об их сотрудничестве, и они интересны с биографической точки зрения, но в судьбе Делёза, очевидно, очень значительную, крайне важную роль сыграла встреча с Гваттари и своего рода опыт сцепления в этом дуализме. Обратите внимание, как часто они говорят «мы». Это не безличное «мы», не королевское «мы». Это совместное «мы». Так что Гваттари, на мой взгляд, помог Делёзу решить проблему индивидуального сознания и авторства, превратив его в нечто безличное, не совпадающее ни с одной субъективностью, ни с другой, а представляющее собой нечто третье.

Поэтому именно с двух этих книг я и начну разговор о Делёзе, поскольку, как мне кажется, большинство терминов, ассоциирующихся с Делёзом, восходят к первой из них. Эта двойная работа называется «Капитализм и шизофрения», но на самом деле никто не использует это название, даже если решает читать их вместе. Эти книги очень разные по духу. «Тысяча плато» гораздо популярнее, потому что она, как некоторые из вас знают, разбита на главы, за которыми закреплены причудливые даты. Так, в названии главы о семиотике будет фигурировать «587 год до нашей эры». Что это значит? Имеет ли это какое-то значение? Конечно, имеет – для понимания того, что здесь подразумевается под историей и историческим нарративом. Но что еще это значит? Я не нашел ни одного исследования – хотя уверен, что люди пытались изучить этот вопрос, – в котором объяснялись бы все эти даты, но было бы интересно его провести.

17 Делёз Ж. *Post scriptum к обществам контроля* // Он же. *Переговоры*. СПб.: Наука, 2004. С. 226–233. – Примеч. перев.



Я начну с «Тысячи плато», потому что эта книга кажется единственной в своем роде. Она открывается главой о ризоме. Кто-то из вас сказал, что отталкиваться от ризомы не лучшая идея. Я согласен, но ее не выкинешь из текста. Все о ней знают. Думаю, мы должны принять это во внимание. Быть может, это ложная методология, но она, безусловно, интересна. Затем идет длинное мифическое повествование, в котором Делёз (для удобства в дальнейшем я буду называть соавторов просто «Делёз») заимствует у Артура Конан Дойла персонажа, профессора Челленджера, и приписывает ему целый ряд новых – и чрезвычайно сложных – идей о стратификации. А потом мы переходим к серии различных монографий на всевозможные темы. Мы поговорили о литературе и живописи. Одно плато – о музыке, о ритурнели, или рефрене. Другое – о лицевости. И вот, в самом конце, мы подходим к мифу о кочевниках и государстве, к «Трактату о номадологии», как озаглавлен этот раздел. Но все эти главы можно читать независимо друг от друга, что отчасти и сделало эту книгу популярной.

Впрочем, кажется, что у «Анти-Эдипа», первого тома «Капитализма и шизофрении», более ясная цель, если хотите, – и это критика психоанализа. Конечно, весьма интересно, что «Анти-Эдип» вышел в 1972 году. В книге заявляют о себе все разочарования того времени, и, как явствует из названия, она направлена против Эдипа. На французском теоретическом жаргоне *OEdipe* означает «Эдипов комплекс». Так что на самом деле эта работа борется с Эдиповым комплексом, а префикс «анти-» отсылает к хорошо известному «Анти-Дюрингу» Энгельса. Почему эта книга выступает против Эдипова комплекса? Потому что, как я уже говорил, Фрейд внушал своим пациентам, что все их переживания объясняются изначальной травмой, связанной с отцом и матерью, страхом кастрации и прочим. Мне не нравится слово «редуктивный», поскольку его вечно используют по-дурацки, но в данном случае Делёз и Гваттари имеют в виду именно это: фрейдистский психоанализ редуктивен по отношению к вашему опыту. Он сводит все к семейному треугольнику – мама, папа и ребенок. Он заставляет вас полностью переписать собственный опыт в терминах этого треугольника.

В конце концов, не стоит забывать, что фрейдовский анализ – это долгое переписывание вашей биографии, того, как вы видите свою идентичность. С вами произошло то-то и то-то, и поэтому вы такой, как есть; вы затаили обиду на такого-то и такого-то, на вашу мать или вашего отца, и пронесли эту обиду через всю свою жизнь. Вскоре мы увидим, что это означает для Делёза и Спинозы. Но пока что следует сказать, что так вы обедняете свою жизнь посредством того, что Спиноза на-

зывает «печальными страстями». То есть вы проводите всю свою жизнь в этой по сути инфантильной ситуации. Вспомните Дору. Дора просто сказала: «Нет, я не люблю своего отца, до свидания», – и вышла из кабинета Фрейда. Поэтому Фрейд в этой книге карикатурно изображен как злодей, который пытается изъять из нашего опыта все, кроме этой инфантильной драмы. С Лаканом они ведут себя поосторожнее, потому что восхищаются им, но и слегка нервничают, ведь на Лакана – по крайней мере в то время – нельзя было напасть так же, как на Фрейда. В каком-то смысле они держатся за все открытия Фрейда, избавляясь от самого Фрейда. Это «Гамлет» без принца, психоанализ без Фрейда. Еще одна важная фигура в этой работе – Вильгельм Райх, великий поборник раннего фрейдомарксизма, в русле которого (и аналогичную позицию позднее займет Фанон) невроз связан с социальной ситуацией и социальным угнетением, так что до известной степени эти части сохраняются. Но предпринимается попытка как бы ослабить эту связь, которая, с точки зрения Делёза и Гваттари, является своего рода интерпретацией.

Итак, в этом смысле «Анти-Эдип» выступает против интерпретации – как мне кажется, во многом в духе эссе Сьюзен Сонтаг, где она говорит, что люди вечно интерпретируют вещи, которые следует воспринимать эстетически, как объекты, как язык. Мне кажется, это очень близко Делёзу, для которого интерпретация всегда означает замену одной вещи на другую. Есть поверхность вещей, а есть нечто скрытое за ней, истинный смысл или сущность произведения, что требует замены этой истинной сущности на ложную. Это модель двойных поверхностей, двойная герменевтика – означающего и означаемого, – в которой снова вводится то, что Деррида называет «трансцендентальным означаемым», а именно: означающее в смысле значения, смысла, скрытого в произведении; тем самым возвращается плохой вид герменевтики, которую также можно считать редуکتивной. Как говорят Делёз и Гваттари, они не хотят знать, что вещь означает; они хотят знать, как она работает¹⁸.

18 «Бессознательное не ставит никакой проблемы смысла, только проблемы использования. Вопрос желания – не “Что это означает?”, а “Как это работает?” [La question du désir est, non pas “qu’est-ce que ça veut dire?”, mais “comment ça marche”]. [...Бессознательное] ничего не представляет, но производит, ничего не означает, но функционирует. Именно в момент повсеместного обвала вопроса “Что это означает?” на сцену выходит желание. Проблему языка было возможно поставить только в той мере, в какой лингвисты и логики освободили ее от смысла; наивысшая потенция языка была открыта, когда произведение было рассмотрено в качестве некоей машины, производящей определенные эффекты, подлежащей определенному использованию. Малькольм Лаури говорит о своем произведении: в момент, когда оно функционирует, оно может быть всем чем угодно, “а оно функционирует, будьте в этом уверены, уж я-то проверил”. Но тезис, гласящий, что смысл – это не что иное, как использование, становится прочным основанием только в том случае, когда мы располагаем имманентными критериями, способными определить законные способы использования, отличные от незаконных, которые отсылают само использование, напротив, к некоему заранее предположенному смыслу и восстанавливают определенную трансцендентность» (Делёз Ж.,



И это подводит нас к знаменитому «плану имманенции». План имманенции – это пространство, в котором ничто не скрыто, в котором смыслы находятся в самих вещах. Это похоже на феноменологию, и я думаю, что Гуссерль, конечно, стремился к имманентности, как никто другой. Но они отвергают гуссерлевское заточение в картезианском типе сознания, философии субъекта. В этот момент мы получаем новый набор героев. Каким было бы этическое существование, если бы вы не были пойманы в ловушку редукционизма, если бы вы как-то использовали эти психиатрические классификации, шизофрению или паранойю? Здесь они поднимают вопрос о фашизме. Фашизм – это паранойя. В 1960-е проблема фашизма вернулась во всей своей остроте – в том смысле, что никто, кажется, не осознавал, что фашизм никуда и не уходил. Нацизм, может, и ушел. Как отметил в своем письме Адорно, в Германии нацистов не осталось. Но в Италии и, конечно же, в Испании фашистские политические формы уж точно не умерли. Так называемый терроризм тоже вышел из этого. Стало ясно, что кое-что в нацизме действительно привлекает рабочий класс: почти единогласная приверженность общества гитлеризму в первые годы правления Гитлера возникла не только по вине коммунистической партии, вследствие провала социализма в Германии, но также была продиктована привлекательностью фашизма для масс. А значит, и объяснять его нужно было иначе, и к этому объяснению фашизма надо было подключить психоанализ, и собственно на эту тему вышла целая куча разных книг. В этом отношении Адорно стал первопроходцем, написав книгу об авторитарной личности; мне почему-то кажется, что это не лучшая его работа. Как бы то ни было, эта работа была коллективной¹⁹. Но были и другие. В эту же область вторгаются и Делёз с Гваттари: привлекательность паранойи. Это очень по-сартровски – хотя свобода и является идеалом, все, что вы выбираете, вы выбираете полностью и несете за это полную ответственность, и поэтому каждый из этих выборов абсолютен: есть абсолют фашизма, как и абсолют левых или абсолют анархизма, который должен быть по-своему признан.

Итак, у нас есть паранойя как проективный фашизм, перверсия как создание собственного «тайного сада», если можно так

ГВАТТАРИ Ф. *Анти-Эдип: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 174–175; перевод изменен. – *Примеч. перев.*); цит. по: JAMESON F. *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. Ithaca: Cornell University Press, 1981. P. 22. «Однако, с нашей нынешней точки зрения, идеал имманентного анализа текста, демонтажа или деконструкции его частей и описания его функционирования и сбоев равносильно не столько полному аннулированию всякой интерпретативной деятельности, сколько требованию конструирования некоей новой и более адекватной имманентной или антитрансцендентной герменевтической модели, предложить которую мы и попытаемся ниже» (Ibid. P. 23).

19 Адорно Т. *Исследование авторитарной личности*. М.: Серебряные нити, 2001. Работа написана совместно с Эльзой Френкель-Брюнсвик, Даниэлом Левинсоном и Невиттом Сэнфордом. – *Примеч. перев.*

выразиться, и, наконец, шизофрения, крайне важная для Делёза и Гваттари. Что такое шизофрения? Это разрыв означающей цепочки. Лакан видел в шизофрении отбрасывание языка за пределы психики; слово, которое он использовал, – *forclusion*, отвержение внутри вашего мира как отбрасывание за его пределы. Это разрушение идентичности и непрерывности, поэтому Ницше в своих последних бредовых письмах скажет: «Я – все имена истории. Я – Гелиогабал. Я – Юлий Цезарь. Я – Христос»; ведь, в конце концов, то, что мы называем своей идентичностью, формируется прошлым, нашим видением себя в некоей непрерывности развития, тем, как мы связываем свое детство с нашим настоящим. Если историческая преемственность разрушается, то не остается ничего, кроме абсолютного настоящего.

ФРЕДРИК ДЖЕЙМИСОН
ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ
ТЕАТР ФИЛОСОФИИ

То, что мы называем своей идентичностью, формируется прошлым, нашим видением себя в некоей непрерывности развития, тем, как мы связываем свое детство с нашим настоящим. Если историческая преемственность разрушается, то не остается ничего, кроме абсолютного настоящего.

Героем первого тома диалогии Делёза и Гваттари становится идеальный шизофреник, полностью погруженный в настоящее. Они приводят несколько примеров, литературных иллюстраций того, как «шизик», по их словам, воплощает этот абсолютный идеал жизни, протекающей полностью в настоящем, не отягощенный ни прошлым – фрейдистской версией того, что сделала с тобой семья, – ни будущим, которое может быть запятнано утилитаризмом, или, другими словами, вопросами о том, зачем делать те или иные вещи и к чему это приведет. Вместо этого происходит полное отождествление с настоящим. Позднее Делёз жалел, что они использовали этот психиатрический язык, поскольку видел, что происходит с его студентами – и не только в связи с наркотиками, но и в связи со всем остальным. Но на тот момент делёзовский шизик воплощал в себе некий вид свободы, представлял собой утопическую фигуру, отталкиваясь от которой, можно судить обо всех прочих политических и личных ситуациях. Когда установится эта альтернативная норма – а это своего рода идеальная норма, – оппозиция «шизик *versus* параноик» превратится в оппозицию «кочевник *versus* государство». Кочевник – коллективная категория (пожалуй, сродни коллективной шизофрении), но эта идея появляется только в «Тысяче плато». Тем не менее она не так уж и отличается от идеи шизофреника, особенно если под-



ключить к этому языку проблему угнетения в контексте клинических учреждений. Тогда получается нечто, вполне соответствующее гваттаррианской антипсихиатрии.

Тут они внезапно останавливаются и реконструируют версию Марксовых докапиталистических форм. В этом, на мой взгляд, заключается их большой вклад в марксизм: три области – племенное общество (или охотники и собиратели), восточный деспотизм (или империя) и, наконец, капитализм – переосмысляются в терминах «Анти-Эдипа». Этот раздел о докапиталистических формах похож на важную для Альтюссера (по крайней мере поначалу) статью «По каким критериям узнают структурализм?» в плане анализа капитализма, и я подумал, что мы прибережем эти более диахронические истории для следующего раза – ту серию способов производства, в которой Делёз, что крайне для него нехарактерно, имеет дело с изменениями и пишет то, что мы назвали бы неким историческим нарративом. Дело не в том, что эти вещи ненарративны, но нарративность нарративности – рознь, ведь точка зрения шизика – точка зрения абсолютного настоящего. То есть изменения происходят, но происходят они в настоящем. Один из базовых моментов в «Тысяче плато» – то, что Делёз называет «становлением-животным», бесконечный ряд изменений. В каком-то смысле героизм шизика сменяется становлением становления-животным, становлением чем-то еще.

Надо сказать, что, если вы хотите увидеть Делёза в действии, обратите внимание на интервью, взятое его студентами и соавторами: «L'Abécédaire de Gilles Deleuze». С ним стоит ознакомиться: это прекрасный, интересный опыт. В этом интервью студенты выбирают для Делёза темы для выступлений начиная с *A* – *animal* («животное»); *B* – *boisson* («выпивка»), где он говорит о Ф. Скотте Фицджеральде и алкоголизме. Там также есть сегменты, как в сегментарных обществах и так далее. Можно увидеть, что сама работа Делёза в некотором смысле сегментарна, и мы поймем в каком, вернувшись к «Анти-Эдипу». Пожалуй, следует сделать это прямо сейчас.

Самая загадочная из всех делёзовских категорий – тело без органов. Это один из главных концептов, возникающих на страницах «Анти-Эдипа», и этот концепт обретет долгую жизнь. Делёз черпает эту идею у другого писателя, который был особенно важен для этой книги, – актера по имени Антонен Арто, которого вы можете видеть в немом эпосе Абея Ганса о Наполеоне. Арто стал очень знаменитым. Покинул Европу, отправился в Мексику, жил в племени тараумара, принимал всевозможные *stupéfiants*²⁰. Лечился в клинике в Родезе, где

20 Наркотические вещества (фр.). – Примеч. перев.

жил и умер Ван Гог²¹. Затем вернулся в Париж. У него была целая теория театра, которую он назвал «театром жестокости», возвращением театра к телу. Он произнес весьма известную речь под названием «Pour en finir avec le jugement de Dieu», «Покончить с Божьим судом», – великолепный бредовый монолог, который есть в записи. Тело без органов – это бредовая идея из этой речи Арто, и существует немало разногласий по поводу того, что оно означает, всегда ли оно означает одно и то же, и означает ли оно вообще хоть что-нибудь. Я предпочитаю рассматривать тело без органов как еще одну версию синхронии – в том смысле, что оно имеет отношение к некоему присутствию во времени, чистому отношению. Как правило, мы даже не осознаем, что у нас есть органы, пока не бодем или не испытываем боль. Эта боль – чужак, орган, код. Клиницисты составили карту тела и его нормальности. Это другой тип тела, пустое тело, тело без органов, но это пространство, скажет Делёз – и это опять же язык «Анти-Эдипа», – пространство записи (*a space of inscription*)²², в котором кодируются или записываются всевозможные вещи. Коды – тропы охотников и собирателей, места, куда животные приходят на водопой, заросли, где можно отыскать редкие лекарственные растения.

Теперь я перейду к другой фигуре. Во многих отношениях тело без органов напоминает ризому, в которой соединяются всевозможные неожиданные вещи, как в связи между означающими. Все эти странные вещи собираются вместе – цветок и пчела. Некоторые из вас цитировали этот отрывок – на самом деле восходящий к Прусту, – где так или иначе один порядок мира, порядок растений, неким образом связан с другим порядком, порядком энтомологии и эволюции пчел²³. Как именно? Что это за связи между всеми этими не связанными друг с другом вещами? Разве муха не связана с пауком и паутиной? И каково отношение этих вещей друг к другу? Здесь мы подходим к еще одному термину, предложенному Гваттари, – трансверсальность. Обычно мы думаем, что какая-то куча вещей там – одна академическая специальность, а эта куча вещей здесь – другая, и так далее. Трансверсальность означает некое неожиданное пересечение, в котором эти вещи соединяются и что-то оказывается пчелой, а что-то другое – цветком.

И здесь возникает нечто, называемое «желающими машинами». Конечно, весьма любопытно, что для Делёза не имеет

21 Авторская неточность: Ван Гог лечился в больнице для душевнобольных «Сен-Поль» недалеко от Сен-Реми-де-Прованс и умер в Овер-сюр-Уаз под Парижем. – *Примеч. перев.*

22 На языке «Анти-Эдипа» – *la surface d'inscription*, «поверхность записи», или *surface of inscription* в английском переводе Роберта Хёрли, Марка Сима и Хелен Лейн. – *Примеч. перев.*

23 «Орхидея не воспроизводит кальку осы, она составляет карту вместе с осой внутри ризомы» (Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 21).



значения, какой образ используется – механический или органический: например, ризома, противопоставляемая дереву, которое обычно считается образом аристотелевского порядка продвижения от всеобщего к частному, в то время как ризома – это как картофель, просто пускающий свои корни во все стороны. Не знаю, известно ли вам, что такое машина Руба Голдберга. Это такие безумные машины, к которым прикрепляются различные части, не имеющие друг к другу никакого отношения, но растущие во всех направлениях. Именно так выглядит желаящая машина. У нее есть части. Одна вещь ведет к другой, но весьма неожиданным образом. В этих связях нет ничего нормативного. Здесь вы имеете дело с чем-то совершенно отличным от обычного понимания желания. В желаящей машине сцепляется целый кластер вещей: скажем, у вас есть какое-то представление о чем-то ацтекском, потом немного современной медицины, о которой вы что-то знаете, и вот вы связываете все эти вещи вместе, так что они становятся вашей личной цепочкой означающих, как сказал бы Лакан.

Но проще всего понять, что такое желаящая машина, поместив ее в контекст делёзовской полемики, ключевой тезис которой таков: желание не основано на нехватке. Оно не является негативным. И здесь я хочу вернуться к делёзовскому дуализму. Считается, что он борется с дуализмами, и тем не менее он крайне дуалистичен. Как нам с этим быть? Ведь «Различие и повторение» – это одна длинная атака на Платона, Гегеля, идеализм, отрицательное и негативность. Очевидно, Делёзу всегда нравится, когда есть другой. Делёз – философ различения. Думаете, здесь одна идея? Нет, нет. Идеи две. Он всегда разрезает, расщепляет эти когнитивные объекты и ведет вас во всевозможных направлениях. Стало быть, он практикует дифференциацию в дуалистическом, бинарном ключе, но при этом хочет избавиться от бинаризма, выйти из него через постоянное движение к новому. Думаю, нам придется вернуться к этому в следующий раз.

6 апреля 2021 года

Перевод с английского Дениса Шалагинова

Как это делалось в Париже: Фредрик Джеймисон и его взгляд на послевоенную французскую теорию

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

The Years of Theory: Postwar French Thought to the Present

FREDRIC JAMESON

London; New York: Verso, 2024. – 480 p.

Если я расскажу (или напишу) о только что происшедшем со мною самом событии, я как рассказывающий (или пишущий) об этом событии нахожусь уже вне того времени-пространства, в котором это событие совершалось.

Михаил Бахтин. «Формы времени и хронотопа в романе» (1937–1938)¹.

1

Пока книга «Годы теории» готовилась к печати, стало известно о смерти Фредрика Джеймисона: американский философ и теоретик культуры скончался 22 сентября 2024 года в возрасте 90 лет. Курс лекций о французской теории стал последней, законченной при жизни работой и теперь будет неизбежно восприниматься как интеллектуальное завещание, хотя и не задумывался в таком качестве. Поэтому, следуя завету самого Джеймисона «всегда историзировать», кажется правильным начать рецензию с разговора о том, при каких обстоятельствах был создан текст, опубликованный несколько месяцев назад в издательстве «Verso».

В весенний семестр 2021 года Джеймисон прочитал в Университете Дьюка (США, Северная Каролина) курс по французской теории. Он уже неоднократно преподавал этот материал студентам, но не в таких обстоятельствах: из-за пандемии коронавируса университетские кампусы были закрыты, поэтому Джеймисону пришлось вести занятия удаленно, преодолевая сопротивление техники. Как он пошутил в начале одного из занятий, в новой реальности лекции начинаются не с традици-



Константин
Александрович
Митрошенков (р. 1997) –
аспирант Колумбийского
университета.

1 Бахтин М.М. *Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа.* М.: Языки славянских культур, 2012. С. 502.



онного «Доброе утро!», а с растерянного вопроса профессора «Вы меня слышите?» (р. 133)². В этом смысле «Годы теории» – это не только финальная точка в интеллектуальной биографии Джеймисона, но еще и документ недавно завершившейся эпохи локдаунов и самоизоляции.

Обстоятельства создания заметно повлияли на стиль текста. Джеймисон, известный своим витиеватым письмом, предстает в этих лекциях по-демократичному прямолинейным и, как заметил Терри Иглтон, открытым по отношению к аудитории мыслителем³. Он доступным языком излагает сложные для студентов концепции вроде диалектики раба и господина или стадии зеркала, много шутит и использует яркие сравнения. Так, рассказывая о подходе Альтюссера к чтению «Капитала», он замечает: «Это все равно, что совместить Ленина с “новыми критиками”» (р. 219). Если судить по этим лекциям, то Джеймисон был не только выдающимся теоретиком, но и талантливым преподавателем – сочетание, которое встречается не так уж часто.

В предисловии и введении к книге практически ничего не сказано об организации курса. Как можно заключить из текста, к каждому из занятий студенты читали несколько теоретических текстов, которые затем обсуждались на лекции. Это обстоятельство важно учитывать при чтении: перед нами книга, предполагающая хотя бы минимальное знакомство с основными представителями французской теории и их идеями. Пожалуй, лекции было бы логично дополнить списком текстов, прочитанных студентами (комментируя Деррида или Лакана, Джеймисон не всегда уточняет, о какой именно работе идет речь), но по какой-то причине составители решили этого не делать.

2

Считается, что французскую теорию изобрели в американских университетах. До того, как в 1970–1980-е Леви-Стросс, Лакан, Фуко, Барт, Альтюссер, Лиотар, Бодрийяр и Деррида стали широко известны в США, никому не приходило в голову объединить этих столь непохожих (и часто конфликтовавших между собой) мыслителей в одну группу. Поворотным моментом в американской рецепции французской мысли стала конференция «Языки критики и науки о человеке» («The Languages of Criticism and the Sciences of Man»), проведенная в октябре 1966 года в Университете Джона Хопкинса. (Джеймисон в лекции ошибочно датирует конференцию 1967 годом.) В ней среди прочих при-

² Здесь и далее ссылки на конкретные страницы рецензируемой книги даются в скобках в тексте.

³ EAGLETON T. *The Excitement of the Stuff* // London Review of Book. 2024. Vol. 46. № 19 (www.lrb.co.uk/the-paper/v46/n19/terry-eagleton/the-excitement-of-the-stuff).

няли участие Ролан Барт, Жак Деррида, Жак Лакан, Режи Жирар, Люсьен Гольдман и Цветан Тодоров, Роман Якобсон, а Жерар Женетт и Жиль Делёз были приглашены, но не смогли приехать. По итогам конференции был опубликован сборник «Спор о структурализме» («The Structuralist Controversy»), ставший для многих американских академиков окном в мир того, что впоследствии будет названо французской теорией⁴.

Как отмечает Франсуа Кюссе в книге «Французская теория: как Фуко, Деррида, Делёз трансформировали интеллектуальную жизнь Соединенных Штатов», апроприация американской академией французской мысли стала возможна благодаря деконтекстуализации последней. Иными словами, американские исследователи и теоретики подходили к работам своих французских коллег без учета той интеллектуальной и исторической ситуации, в которой они создавались⁵. Джеймисон в своих лекциях производит обратную операцию контекстуализации, которая принимает двоякую форму. С одной стороны, он обрисовывает тот политический и социально-экономический фон, на котором Фуко, Деррида, Делёз и компания формулировали свои идеи, с другой – погружает студентов в интеллектуальный контекст послевоенной Франции, показывая, что теоретические интервенции часто совершались в спорах с конкретными авторами по конкретным вопросам.

Джеймисон предлагает свою версию истории французской теории. Отправной точкой для него становится 1943 год, когда в оккупированной нацистами Франции вышла книга Сартра «Бытие и ничто». Джеймисон сравнивает это сочинение с упавшим на землю метеоритом и отмечает, что оно не только стало одним из основополагающих текстов экзистенциализма, но и определило контекст теоретических дискуссий на многие десятилетия вперед. Закат теории Джеймисон датирует рубежом 1980–1990-х. Причиной тому, стал как уход из жизни многих ведущих теоретиков (Барт погиб в 1980-м, Фуко скончался в 1984-м, Альтюссер – в 1990-м, Делёз покончил с собой в 1995-м), так и изменение исторической ситуации: распад СССР, кризис марксизма, потеря Францией экономической и культурной автономии после вступления в Европейский союз, проведение неolibеральных реформ⁶.

Джеймисон признает, что кто-то может посчитать такую периодизацию неудовлетворительной. Однако, как он сам показал в эссе «Сингулярная модерность», периодизация всегда пред-

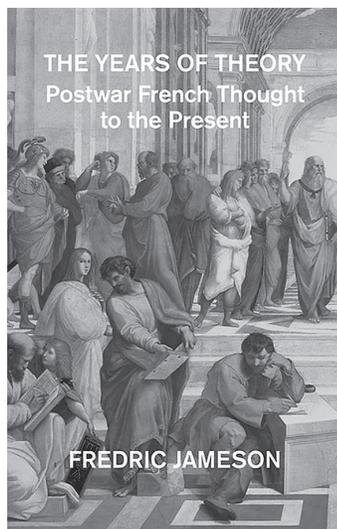
4 MACKSEY R., DONATO E. (Eds.). *The Structuralist Controversy: The Languages of Criticism and the Sciences of Man*. Baltimore; London: The John Hopkins University Press, 1970.

5 CUSSET F. *French Theory: How Foucault, Derrida, Deleuze & Co. Transformed the Intellectual Life of the United States*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2008. P. 7–8.

6 Схожие причины заката теории (впрочем, не только французской) приводит и другой критик-марксист – Терри Иглтон: EAGLETON T. *After Theory*. New York: Basic Books, 2003.

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ
В ПАРИЖЕ...



ставляет собой насилие над историческим материалом и не может быть оправдана имманентными свойствами самого этого материала. Проблема в том, что историки не могут обойтись без периодизации, ведь в противном случае на смену придет жанр хроники, представляющий историю как гомогенный процесс, в котором все события-монады равнозначны друг другу. Следовательно, доказывает Джеймисон, к выделению исторических периодов нужно подходить прагматически и оценивать различные версии периодизации с точки зрения той эвристической выгоды, которую они могут предложить⁷. Разумеется, никто из французских интеллектуалов 1950–1980-х не мыслил себя живущим в «эпоху теории». Однако, оглядываясь на этот период из перспективы сегодняшнего дня, мы обнаруживаем сходства между разнородными явлениями, которые не всегда были заметны современникам. Историк, подобно бахтинскому автору, всегда находится вне описываемого им события – отрицать этот факт так же глупо, как и не пользоваться связанными с ним преимуществами⁸.

Предложенная Джеймисоном периодизация позволяет осмыслить французскую теорию как цельное явление, вызванное к жизни не только внутренней динамикой интеллектуальной жизни, но и внешними факторами. Неслучайно, что границы «эпохи теории» очерчены двумя осевыми, как сказал бы Поль Рикёр, событиями: освобождением Парижа союзниками в августе 1944 года и распадом СССР⁹. Джеймисон связывает развитие теории во Франции с уникальной исторической ситуацией страны в XX веке. В предвоенные и военные годы во Франции развернулось противостояние левых и правых сил. Неудачный фашистский переворот 6 февраля 1934 года стал одной из причин победы левого Народного фронта на выборах 1936-го. После поражения лета 1940-го одна часть Франции была оккупирована нацистами, а в другой был установлен коллаборационистский режим Виши; одновременно по всей стране стало набирать обороты движение Сопротивления, активное участие в котором принимали многие французские интеллектуалы. После войны голлистская Франция оказалась

7 JAMESON F. *Singular Modernity: Essay on the Ontology of the Present*. London; New York: Verso, 2002. P. 23–30.

8 «Автор не только видит и знает все, что видит и знает каждый герой в отдельности и все герои вместе, но и больше их, причем он видит и знает нечто такое, что им принципиально недоступно, и в этом всегда определенном и устойчивом избытке видения и знания автора по отношению к каждому герою и находятся во все моменты завершения целого – как героев, так и совместного [...] события их жизни, то есть целого произведения» (Бахтин М.М. *Автор и герой в эстетической деятельности* // Он же. *Собрание сочинений*. Т. 1: *Философская эстетика 1920-х годов*. М.: Русские словари, 2003. С. 95).

9 См. в этой связи размышления Джеймисона о периодизации истории Франции: «Французская история уникальна в том отношении, что она структурирована переломными революционными событиями (в том числе и в XX веке: Народный фронт, освобождение Парижа, май 1968-го), придающими подлинную историчность даже самым непримечательным мирным годам» (JAMESON F. *Antinomies of Realism*. London; New York: Verso, 2013. P. 274).

одной из немногих крупных европейских стран, независимых в политическом отношении как от США, так и от СССР. Зажатые между капитализмом и коммунизмом французские интеллектуалы приступили к поискам «третьего пути». Существование между военно-политическими альянсами (Франция вышла из военных структур НАТО в 1966 году и вернулась в них только в начале XXI века) обеспечивало им относительную автономию, которой не всегда могли похвастаться их западные и особенно восточные коллеги.

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ
КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ
В ПАРИЖЕ...

Уникальная особенность Франции заключается в том, что интеллектуальная жизнь страны организована вокруг одного центра – Парижа. Он становится не просто местом интеллектуальных дискуссий, но самим условием их возможности.

Другая уникальная особенность Франции заключается в том, что интеллектуальная жизнь страны организована вокруг одного центра – Парижа, – в то время как в США или Германии таких центров несколько. В создаваемом Джеймисоном нарративе Париж играет особую роль. Он становится не просто местом интеллектуальных дискуссий, но самим условием их возможности. Предельная централизация интеллектуальной жизни приводила к тому, что в стенах одних и тех же университетов, кафе и редакций сталкивались конкурирующие группировки (лаканисты, альтюссерянцеы, фуколдианцы и так далее). Большое значение для развития теории имели публичные и университетские семинары, проводившиеся Лаканом, Альтюссером, Делёзом и другими теоретиками, которые также служили точками сборки парижских интеллектуальных сообществ. Несмотря на конкуренцию, а иногда и открытую вражду, эти сообщества не были замкнутыми: многие студенты Альтюссера посещали семинары Лакана, а на семинары литовско-французского лингвиста Альгирдаса Греймаса среди прочих заходили Юлия Кристева и Цветан Тодоров. В одной из глав Джеймисон сравнивает Париж с чашкой Петри и характеризует его как место, «где люди либо беседуют друг с другом, либо спорят друг с другом, где все знают, кто что говорит, и, следовательно, занимают какую-то позицию по отношению к чужим “дискурсам”» (р. 215). Также он как-то заметил, что в романах Бальзака Париж олицетворяет «коллективную тотальность» – схожим образом можно описать роль французской столицы и в его собственном нарративе¹⁰.

10 Ibid. P. 273–274.



Дополняя Джеймисона, стоит заметить, что во второй половине XX века Париж был не только национальным, но и международным интеллектуальным центром. Даже после Второй мировой войны французская столица продолжала привлекать интеллектуалов со всей Европы – прежде всего из ее восточной и центральной частей. В их числе и некоторые герои книги Джеймисона: литовец Греймас (поступил в Сорбонну в 1944 году), болгары Кристева и Тодоров (переехали в Париж в 1965-м и в 1963-м). Находясь во Франции, они выступали в роли посредников между западными и восточными теоретиками: Греймас опирался на идеи советского фольклориста Владимира Проппа (сыгравшего также важную роль в интеллектуальной биографии Леви-Стросса), а Кристева и Тодоров популяризировали во Франции идеи Михаила Бахтина. К этому нужно добавить влияние, оказанное на французских интеллектуалов немецкой философией, амбассадорами которой часто также оказывались эмигранты – например, бывший подданный Российской империи Александр Кожев, переехавший в Париж в конце 1920-х. Несмотря на свою четко выраженную национальную принадлежность, французская теория в определенном смысле является продуктом эмиграции и транснациональных контактов¹¹.

3

Рассказываемая Джеймисоном история поделена на периоды, каждый из которых характеризуется господством той или иной школы. Начинается все с Сартра и экзистенциализма, расцвет которого пришелся на промежуток между освобождением Парижа и началом Корейской войны (1950). В политическом отношении этот период характеризуется, с одной стороны, последствиями Второй мировой войны, а с другой – нарастающим антиколониальным движением в Алжире и Индокитае. Развитие философии экзистенциализма, с ее акцентом на проблеме индивидуальной свободы и выбора, во многом оказывается реакцией на эти исторические вызовы. Симона де Бовуар использует идеи экзистенциализма для анализа положения женщин в обществе, а Франц Фанон, скрещивая экзистенциализм с психоанализом, предлагает свою критику колониализма. Фанон в итоге принимает активное участие в Алжирской революции – таким образом, теоретические размышления оказываются напрямую связаны с политической практикой.

11 На это указывает Галин Тиханов в своем новаторском исследовании литературной теории первой половины XX века: ТИХАНОВ G. *The Birth and Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russian and Beyond*. Stanford: Stanford University Press, 2019. P. 12–13.

Прежде, чем мы перейдем к следующему этапу в развитии французской мысли, нужно сделать два концептуальных замечания. Любой исторический нарратив не просто фиксирует последовательно сменяющиеся друг друга явления, но и предлагает объяснение их смены – иногда эксплицитно (в форме собственной теории исторического процесса), а иногда имплицитно (посредством самой организации нарратива). По Джеймисону, за сменой интеллектуальных трендов в послевоенной Франции стоит смена философских проблем. Постановка той или иной проблемы открывает одни пути для исследований, одновременно блокируя другие. Например, акцент на проблеме субъекта позволяет подойти к темам вроде индивидуальной свободы, но не дает возможности исследовать надличностные системы и различные формы коллективности. В какой-то момент проблема исчерпывает свой продуктивный потенциал и превращается в «смирительную рубашку» (р. 11). Тогда на смену ей приходит новая проблема, позволяющая исследовать прежде недоступные темы. Схожим образом Джеймисон подходит к традиционно болезненному для интеллектуальной истории вопросу влияния. В лекции о Сартре он отмечает, что влияние вовсе не означает подражание. Назвать мыслителя влиятельным – значит указать, что он или она открыла для своих читателей прежде недоступные горизонты. Так было в случае с Сартром, который, совмещая философию, литературу и драматургию, предложил новые формы философского письма. Но в какой-то момент эти формы оказались исчерпанными и возникла потребность в мыслителях, бросающих вызов ортодоксии.

На смену экзистенциализму пришел структурализм, развитие которого во многом связано с переоткрытием идей швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра. Объясняя переход от экзистенциализма к структурализму, Джеймисон обращает внимание на то, что философия Сартра имела среди прочего одно важное ограничение: она не предлагала теории языка и вообще не проблематизировала его как явление. Лингвистика Соссюра дала возможность анализировать язык как систему, структурированную бинарными оппозициями; Клод Леви-Стросс, чье имя стало синонимом структурализма, распространил этот подход на всю сферу культуры. Рассказывая о Леви-Строссе, Джеймисон упоминает о его судьбоносной встрече с Романом Якобсоном в Нью-Йорке, где оба ученых оказались после начала Второй мировой войны. По мнению Джеймисона, именно в этот момент произошло рождение структурализма в современной понимании этого слова. Как мы видим, теория может быть не только реакцией на политическую историю, но и ее продуктом, пустью и побочным.

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ
В ПАРИЖЕ...



Важное отличие структурализма от экзистенциализма заключалось еще и в том, что первый работал не с индивидуальным субъектом, а с надличностными системами, будь то язык, отношения родства или мифы. В 1960-е исследования таких систем было продолжено теоретиками, которые хотя и опирались на структурную лингвистику, но в значительной степени выходили за ее рамки. Речь в первую очередь идет о Лакане и Альтюссере, но также о Фуко, с его археологией знания, и Делёзе, предложившем новый взгляд на философские концепты. Тогда же на первый план вышла проблема власти и контроля, которую по-разному решали Альтюссер, Фуко и антрополог Пьер Кластр, изучавший «безгосударственные общества». В политическом отношении главным событием этого периода стали события мая 1968 года, когда левые радикалы (в основном студенты Сорбонны) в союзе с рабочими бросили вызов режиму де Голля. После первых успехов Коммунистическая партия Франции выступила за прекращение протестов, чем серьезно испортила и без того натянутые отношения между коммунистами и леваками. Примерно тогда же французская теория, еще не носившая такого названия, начала проникать в США. Уже упоминавшаяся конференция в Университете Джона Хопкинса, которая, по задумке организаторов, должна была познакомить американскую аудиторию с достижениями структурализма, в итоге оказалась отправной точкой нового направления, получившего название постструктурализма¹².

Постструктурализм, одним из основополагающих текстов которого стал доклад, прочитанный на той конференции молодым Жаком Деррида¹³, бросил вызов структуре и организующим ее бинарным оппозициям. Постструктуралисты, к которым среди прочих относят Деррида, Фуко и Делёза, видели в структурализме опасное стремление к унификации и тотальности. Последнее понятие в интеллектуальном контексте тех лет было кодовым словом не только для гегелевской философии, но и для тоталитарных политических режимов, в первую очередь сталинского¹⁴. Постструктурализм хотел показать несостоятельность бинарного мышления, а заодно деконструировать сами основания западной философии: понятия репрезентации, идентичности и субъекта.

Как и «французская теория», «постструктурализм» – это термин, внешний по отношению к тому материалу, к которо-

12 CUSSET F. *Op. cit.* P. 31.

13 DERRIDA J. *Structure, Sign, and Play in the Discourse of the Human Sciences* // MACKSEY R., DONATO E. (Eds.). *Op. cit.* P. 247–272; см. также рус. перев.: ДЕРРИДА Ж. *Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук* // Он же. *Письмо и различие*. М.: Академический проект, 2000. С. 445–466.

14 На это часто указывал сам Джеймисон, см., например: JAMESON F. *Valences of Dialectic*. London; New York: Verso, 2010. P. 210–214.

му он применяется. Теоретики, которых мы сегодня называем постструктуралистами, сильно различались в своих подходах и нередко враждовали друг с другом (см. критику Бодрийяра в адрес Фуко)¹⁵. В каком-то смысле изобретение этого термина стало результатом простого хронологического совпадения: одновременно открыв для себя Деррида, Фуко и Делёза, американские исследователи и теоретики поспешили объединить их в одну группу¹⁶. Тем не менее Джеймисон не спешит отказываться от термина «постструктурализм». Несмотря на внешний и даже случайный характер, он позволяет уловить важное изменение во французской мысли, произошедшее в конце 1960-х и связанное с осознанием ограничений структурализма. Как и всегда в вопросах периодизации, на первый план для Джеймисона выходит практическая ценность того или иного хронологического понятия.

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ
В ПАРИЖЕ...

Эпоха постмодерна, по Джеймисону, характеризуется потерей веры в возможность подлинно новых свершений как в области теории, так и в политике, искусстве и общественной жизни.

Постструктурализм тесно связан с постмодерном – еще одним часто оспариваемым термином. Лиотар, характеризуя «состояние постмодерна», указал на кризис «больших нарративов» вроде гуманизма и прогресса, в то время как Бодрийяр предложил использовать термины «симуляция» и «симулякр» для описания культурной ситуации, в которой означающее производит означаемое. Сам Джеймисон в эссе о культурной логике позднего капитализма среди основных черт постмодерна выделял утрату чувства истории, господство пастиша и «ностальгический модус рецепции»¹⁷. Именно в период постмодерна, отмечает Джеймисон в одной из лекций, и начался постепенный закат теории. Несмотря на то, что французскую теорию часто ассоциируют с постмодерном, Джеймисон характеризует многих знаковых ее представителей (например Делёза и Лиотара) как модернистов, постоянно ищущих нового и переизобретающих теоретические инструменты. Эпоха же постмодерна, по Джеймисону, характеризуется затуханием этого импульса и потерей веры в возможность подлинно новых свершений как в области теории, так и в политике, искусстве и общественной жизни.

15 Бодрийяр Ж. *Забывать Фуко*. М.: Владимир Даль, 2000.

16 Нельзя не отметить параллели с рецепцией французской теории в России в 1990-е.

17 Джеймисон Ф. *Культурная логика позднего капитализма* // Он же. *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. С. 83–172.



В этот же период начинается кризис левых идей, в диалоге и продуктивной полемике с которыми формулировали свои позиции многие французские теоретики. Кризис в первую очередь был связан с масштабными геополитическими потрясениями конца XX века: падением коммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы и распадом СССР. В самой Франции еще в 1981 году к власти пришел социалист Франсуа Миттеран, чей неудачный эксперимент по построению социал-демократии Джеймисон считает еще одной причиной разочарования французов в левых идеях. Французская интеллектуальная жизнь этого периода отмечена тем, что Джеймисон называет «демарксификацией» – постепенным отходом французских интеллектуалов не только от коммунизма (в этом важную роль сыграло поведение Компартии Франции во время протестов 1968 года и обнародование информации о советских концлагерях), но и от марксистской теории. Примером демарксификации может служить интеллектуальная биография Жана Бодрийяра (ученика философа-марксиста Анри Лефевра), который пришел к немыслимой для ортодоксальных марксистов идее о полной потере референта и, следовательно, абсурдности самого понятия «реального мира».

Теория восставала против породившей ее философии, атаковала метафизику и, в отличие от философии, осознавала сконструированность используемого ею языка.

Период расцвета французской теории, по мнению Джеймисона, характеризуется размыванием границ между различными академическими дисциплинами. Подходы, разработанные в рамках структурной лингвистики, мигрировали в антропологию и литературоведение (Леви-Стросс, Греймас, Барт); психоаналитические категории применялись для анализа идеологии и литературы (Альтюссер, Кристева); философы бросали вызов традиционным подходам к историописанию (Фуко). Наконец, появлялись новые междисциплинарные области (семиотика и нарратология), игнорировавшие устоявшуюся структуру академического поля. «Теория, – пишет Джеймисон, – всегда представляла собой бунт против дисциплин» (р. 261). Отчасти это было связано с тем, что большинство теоретиков имели солидный философский бэкграунд, а философия исторически выступала поставщиком метаязыка для гуманитарных и социальных наук. Однако, замечает Джеймисон, теория также восставала против породившей ее философии, атаковала метафизику и, в отличие от философии, осознавала сконструированность ис-

пользуемого ею языка. Джеймисон характеризует теорию как «попытку заниматься тем же, чем когда-то занималась философия в ситуации, в которой философия уже не представляется возможной» (р. 367). Как бы то ни было, с закатом теории произошел возврат к прежним академическим дисциплинам. Исследователи не отказались от идей Леви-Стросса, Альтюссера и Фуко, но стали применять их в строго ограниченных областях, будь то эстетика, история или политология.

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ
В ПАРИЖЕ...

4

Такова в общих чертах история французской теории в изложении Джеймисона. Нетрудно заметить, что у этой истории есть два измерения: история различных теоретических направлений и история появления на свет того, что Галин Тиханов в своей недавней книге обозначил как Теорию с большой буквы¹⁸. В определенный (хотя и трудно локализуемый) момент во второй половине XX века разнообразные направления континентальной – и прежде всего французской – мысли перестают восприниматься как отдельные *теории* и превращаются в *Теорию как таковую*. Лекции Джеймисона демонстрируют, что это превращение имело для западной интеллектуальной истории не меньшее значение, чем изобретение Истории как собирательного числительного единственного числа (*collective singular*), описанное Рейнхардтом Козеллеком¹⁹.

Пожалуй, из всех современных авторов Джеймисон находился в наиболее выгодном положении, чтобы написать эту двойную историю. Его диссертация, защищенная в Йельском университете под руководством Эриха Ауэрбаха, была посвящена Сартру²⁰. Опубликованная в 1972 книга «Тюрьма языка: критический очерк структурализма и русского формализма» стала для многих англоязычных исследователей введением во французский структурализм²¹. В своих наиболее известных работах, прежде всего в книге «Политическое бессознательное: нарратив как социально-символический акт», Джеймисон активно использовал идеи Леви-Стросса, Альтюссера, Лакана и других французских теоретиков, адаптируя их для нужд марксистско-

18 ТИХАНОВ Г. *Op. cit.* P. 6. Примечательно, что Тиханов, ограничивающийся историей литературной теории, так же датирует ее «смерть» рубежом 1980–1990-х.

19 Козеллек обсуждает этот вопрос в целом ряде работ, см., например: KOSELLECK R. *On the Meaning and Absurdity of History* // ИДЕМ. *Sediments of Time: On Possible Histories*. Stanford: Stanford University Press, 2018. P. 177–196.

20 JAMESON F. *Sartre: The Origins of Style*. New Haven: Yale University Press, 1961.

21 ИДЕМ. *The Prison-House of Language: A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism*. Princeton: Princeton University Press, 1972. О Джеймисоне и американской рецепции французского структурализма см.: CUSSET F. *Op. cit.* P. 32.



го анализа культуры²². Наконец, в 1987 году он написал предисловие к английскому переводу избранных работ Греймаса – одного из ведущих французских структуралистов²³. Вместе с тем, будучи англоязычным автором и представителем американской академии, Джеймисон сохранял дистанцию со своими французскими коллегами, которая позволяла ему подмечать не всегда очевидные сходства между различными теориями и критически оценивать их потенциал. Как заметил Вальтер Беньямин в эссе о сюрреализме, большие интеллектуальные движения удобнее наблюдать со стороны, а не из гущи событий²⁴.

В заключение стоит сказать несколько слов о тех выводах, которые мы можем сделать из предложенного Джеймисоном нарратива. Провозглашая конец эпохи французской теории, Джеймисон вовсе не имеет в виду, что работы Сартра, Фуко, Лакана или Деррида потеряли актуальность. Сам факт, что он посвятил им отдельный курс, свидетельствует об обратном. Теперь, когда смелые теоретические инновации и споры стали достоянием прошлого, мы можем рассмотреть этот период как целое и контекстуализировать его, обращая внимание на сложные взаимоотношения между рядом интеллектуального производства и смежными ему рядами – политическим, культурным, социальным и так далее²⁵. Контекстуализация позволяет выявить условия, сделавшие возможным расцвет теории во Франции второй половины XX века. Одновременно исторический экскурс помогает лучше понять нашу собственную ситуацию, в которой, несмотря на сохраняющийся интерес к теории, уже невозможно производство теоретических высказываний в том виде, в каком оно происходило шестьдесят лет назад. Как ни парадоксально, такой исследовательский ход может оказаться лучшим противоядием от ностальгии по ушедшим временам «великих теоретиков». Осознание, что эпоха теории позади – это первый шаг к выработке новых форм политической, социальной и культурной рефлексии, адекватных изменившейся исторической ситуации.

22 В частности, именно у Леви-Стросса Джеймисон заимствовал ключевую для его теории идею о том, что в пространстве художественного произведения происходит воображаемое разрешение реальных социальных противоречий: JAMESON F. *The Political Unconscious: Narrative as Social Symbolic Act*. Ithaca: Cornell University Press, 1981. P. 79.

23 ИДЕМ. *Foreword* // GREYMAS A.J. *On Meaning: Selected Writings in Semiotic Theory*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. P. vi–xxii.

24 «Немецкий наблюдатель [сюрреализма] не находится у источника. В этом – его шанс. Он на равнине. Он может оценить энергетическую мощь движения» (Беньямин В. *Сюрреализм: последняя моментальная фотография европейской интеллигенции* // Новое литературное обозрение. 2004. № 4 (<https://magazines.gorky.media/nlo/2004/4/surrealism.html>)).

25 Понятие ряда я заимствую из работ русских формалистов, чьи опыты в области истории литературы имеют некоторое сходство с подходом Джеймисона к французской интеллектуальной истории: Тынянов Ю.Н., Якобсон Р.О. *Проблемы изучения литературы и языка* // Тынянов Ю.Н. *Поэтика. История литературы. Кино*. М.: Наука, 1977. С. 282–283.

Перекодировать горизонт: о финальной работе Фредрика Джеймисона

АНДРЕЙ
ГЕЛИАНОВ

The Years of Theory: Postwar French Thought to the Present

FREDRIC JAMESON

London; New York: Verso, 2024. – 480 p.

Туда, где однажды реальный дом возвышался,
Просится образ теперь, чистейшее измышление.

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ¹

У нас с друзьями-любителями чтения сложной художественной литературы давно бытует шутка, что постмодернизм в совершенно буквальном смысле продлевает носителю жизнь. И, действительно, даже если взять только американцев, наглядных примеров масса: Уильям Гэсс², Джон Барт³, Роберт Кувер⁴, Томас Пинчон⁵, Джозеф Макэлрой⁶, Дон ДеЛилло⁷ – очень многие как создатели, так и исследователи американской постмод-литературы перешагнули 90-летний рубеж, либо уверенно к нему приближаются.

Андрей Гелианов
(р. 1987) – писатель,
исследователь культуры.

Фредрик Джеймисон (1934–2024) – великий классик культурных исследований, который умер во время подготовки этого текста, – также наглядно подтверждает полшуточный тезис про постмодернистское долгожительство. На 91-м году жизни он выпустил сразу две новые книги. Первая из них, «*Inventions of a Present: The Novel in its Crisis of Globalization*»⁸, посвящена метаморфозам изящной словесности в наше время и заслужи-

1 Рильке Р.-М. *Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи.* М.: Искусство, 1974. С. 348.

2 Уильям Гэсс (1924–2017) – писатель, литературовед и преподаватель философии. На русский язык переведен его главный роман «Тоннель» (1995), написание которого заняло 26 лет (издание на русском 2020 года).

3 Джон Барт (1930–2024) – писатель, в 2024-м на русском вышли два его ранних романа: «Творческий отпуск» (1982) и «Торговец дурманом» (1960).

4 Роберт Кувер (1924–2024) – писатель, основатель Ассоциации сетевой литературы, на русский язык не переводился.

5 Томас Пинчон (р. 1937) – писатель, автор романа «Радуга Тяготения» (1973, русское издание 2012 года). На русский переведены все его книги, кроме двух поздних работ.

6 Джозеф Макэлрой (р. 1930) – писатель, на русский язык переводился только экспериментальный роман «Плюс» (1977, русское издание 2019 года).

7 Дон ДеЛилло (р. 1936) – писатель, на русский переведены семь романов, самый известный – «Белый шум» (1985); в 2022 году его с большими затратами и очень неудачно экранизировали.

8 JAMESON F. *Inventions of a Present: The Novel in its Crisis of Globalization.* London; New York: Verso, 2024.



вает отдельной рецензии. Вторая, которую мы и будем рассматривать, «The Years of Theory: Postwar French Thought to the Present», строго говоря, представляет собой обработанный конспект семинаров Джеймисона 2021 года – он должен был стать только первым этапом в большом интерактивном проекте (подробнее об этом ниже). Вместо этого «The Years of Theory» оказалась последней прижизненной работой Джеймисона. Следуя неумолимым законам функционирования медиа при позднем капитализме (Ф.Д. оценил бы), рецензия на эту книгу теперь обязана превратиться в ретроспективный обзор карьеры и значимости трудов автора, а также поднять вопрос о месте последней книги в его необъятном наследии, оставленном за шестьдесят лет работы. Постараемся сделать это, прекрасно осознавая всю колоссальную сложность задачи.

ЧЕЛОВЕК РЕНЕССАНСА

Фредрик Джеймисон всегда был крупнее и масштабнее своего читателя. Он принадлежал к почти уже вымершей породе гуманитарных ученых-гигантов (вроде Клода Леви-Стросса и Гарольда Блума, которые упоминаются и цитируются в рассматриваемой книге), в ренессансном духе интенсивно и плодотворно интересовавшихся сразу многими областями жизни и культуры – более того, способных уверенно в них ориентироваться и придавать понятию «интердисциплинарных исследований» его подлинный смысл, а также оставивших значительные труды в каждой из областей своего интереса. Некролог в «The New York Times»⁹ сообщает, что Джеймисон «привносил свою строгую, острую марксистскую критику в такой широкий диапазон предметов, как немецкая опера, научно-фантастические фильмы и дизайн роскошных отелей». Добавим от себя: архитектура, живопись, антропология, лингвистика, феминизм, доскональное знание философии экзистенциализма и культуры модерна.

Основными областями интереса для Джеймисона, помимо собственно литературы (а ведь формально он считался всего лишь «литературным критиком!»), были марксизм, психоанализ и глобальные изменения – сознания, языка, культуры, теории, политики – под влиянием позднего капитализма. Ученый оставил множество интересных находок, которые теперь широко применяются в самых разных областях теории. Например, в 1971-м он сформулировал концепт «исчезающего посредника» (*vanishing mediator*) – идею, симптом, стиль или даже по-

9 См.: www.nytimes.com/2024/09/23/books/fredric-jameson-dead.html.

литическую организацию, которые существуют ровно столько, сколько требуется, чтобы от одного состояния системы перейти к другому – после чего исчезают или (гораздо чаще) превращаются в нечто, не имеющее отношения к исходнику.

В 1981-м Джеймисон написал книгу «The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act», которая многими считается одним из сильнейших или даже самым сильным его произведением. В этой работе, используя лакановские и марксистские теории в качестве инструментов, Джеймисон, в частности, доказывает, что критики как таковой (и в литературе, и в теории, и в политике) по большей части не существует. Значительная масса критических высказываний (рецензий, интерпретаций, пересказов, заимствований) представляет собой *перекодировку* текстов в более простую и понятную форму, которая близка собственным взглядам интерпретатора. Наверное, тот, кто хотя бы раз пытался объяснить незнакомым людям в интернете какие-либо сложные концепции, наблюдал, как они лихо навешивают упрощающие ярлыки на понятные им составные части, непонятное отбрасывают и дальше используют уже не собственно тезис, а то, что сами смогли из него понять (чаще всего неправильно). В этом нет ничего нового, это известно с древних времен, а в новейшие Карел Чапек¹⁰ в «Двенадцати приемах литературной полемики» каталогизировал его под номером 6, «Imago»:

«Опровергаются мысли, которые противнику никогда и не приходили в голову и которых он, естественно, никогда не высказывал; ему показывают, что он болван и глубоко заблуждается, приводя в примеры действительно глупые и ошибочные тезисы, которые, однако, не принадлежат ему».

В англоязычном мире это явление более известно как «соломненное чучело» – *strawman fallacy*, – а новизна аргумента Джеймисона состоит в том, что, похоже, из некоей разновидности *strawman fallacy* состоит большая доля «критической культуры» как таковой. Поэтому, когда нам кажется, что мы что-то поняли, с весьма высокой вероятностью это не так – мы просто провели аналогию или аллегоризировали явление. Аналогичные мысли в 1966-м высказывала Сюзан Сонтаг в своей дебютной книге с красноречивым названием «Против интерпретации»:

«Интерпретация – это радикальное средство сохранить путем перекройки старый текст, который является весьма ценным, чтобы от него отказаться. Интерпретатор, фактически не уничтожая и не переписывая текст, изменяет его. Но он не может в этом сознаться.

10 Карел Чапек (1890–1938) – классик чешской литературы, фантаст, сатирик, автор термина «робот».



Он утверждает, что всего лишь делает его понятным, раскрывая его настоящий смысл»¹¹.

Сам Джеймисон избегает оценочных суждений относительно этого процесса, который скорее всего неизбежен в силу ментальной энтропии по мере фиксации и распространения мыслей. Вместо этого в «The Political Unconscious» он работает над тем, чтобы каталогизировать примеры таких когнитивных искажений, и предлагает «стратегии сдерживания» подобных интерпретаций, в результате которых создается иллюзия понимания непонятого (см., например, воспринимаемую крайне серьезно далекими от литературы людьми шутку Борхеса, что «существуют всего четыре сюжета»).

Когда нам кажется, что мы что-то поняли, с весьма высокой вероятностью это не так – мы просто провели аналогию или аллегоризировали явление.

Но почему подобное в принципе происходит? Только ли в энтропии дело? Джеймисон выдвигает тезис, что *потенциал интерпретаций содержится в самих текстах* (так как их написало наше мышление) и они неизбежно происходят в какой-то момент по принципу сведения усилий к минимуму и возвращения к знакомым паттернам. Таким образом проявляется «фундаментальное измерение нашего коллективного мышления и наших коллективных фантазий об истории и реальности»¹².

В поздний период своего творчества, уже перешагнувший за 70 исследователь не потерял живости ума и продолжал увлекаться самыми разными культурными явлениями: от анализа утопических¹³ мотивов в популярном полицейском сериале «Прослушка»¹⁴ до подробного обзорного материала по истории схематической визуализации мыслительных процессов от Иммануила Канта до Жюлья Делёза, Мишеля Фуко и Жана-Франсуа Лиотара¹⁵.

11 СОНТАГ С. *Против интерпретации и другие эссе*. М.: Ad Marginem, 2014, С. 10.

12 JAMESON F. *The Political Unconscious: Narrative as Socially Symbolic Act*. Ithaca: Cornell University Press, 1981. P. 10, 34, 116.

13 Можно сказать, что Утопия и возможности/проблемы ее построения были любимым мотивом позднего Джеймисона, этому посвящена масса текстов, см., например: ИДЕМ. *Archaeologies of the Future. The Desire Called Utopia and Other Science Fiction*. London; New York: Verso, 2007; ИДЕМ. *Why Socialists Need Utopias* // Jacobin. 2023. January 20 (<https://jacobin.com/2023/01/frederic-jameson-utopia-socialism-communism-revolution>); ИДЕМ. *The Politics of Utopia* // New Left Review. 2004. № 25 (<https://newleftreview.org/issues/ii25/articles/frederic-jameson-the-politics-of-utopia>); ИДЕМ. *An American Utopia* // *An American Utopia. Dual Power and the Universal Army*. London; New York: Verso, 2016.

14 ДЖЕЙМИСОН Ф. *Реализм и утопия в сериале «Прослушка»* // Логос. 2013. № 3. С. 37–55.

15 JAMESON F. *Schematizations, or How to Draw a Thought* // Critical Inquiry. 2023. Vol. 50. № 1. P. 31–53.

О РУССКОМ ПОСТМОДЕРНИЗМЕ

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ПЕРЕКОДИРОВАТЬ
ГОРИЗОНТ...

Все это русскоязычному читателю по большей части совершенно неизвестно (и, судя по всему, вряд ли когда-нибудь станет интересно). В российском культурном пространстве Джеймисона знали почти исключительно как автора книги «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма»¹⁶ (1991), причем в отсутствие ее перевода, больше по отсылкам и возражениям в других книгах – например, вокруг такой полемики построена большая часть переведенного гораздо раньше «Капиталистического реализма» Марка Фишера.

Саму же книгу, один из главных трудов по исследованию современного состояния культуры, созданную одним из главных ее исследователей, на русском языке издали только в 2019 году тиражом в одну тысячу экземпляров. Разумеется, в тот момент книга почти тридцатилетней давности уже безнадежно запоздала для осмысления, утратила актуальность и представляет собой только археологическую ценность. Ведь так?

Именно об этом поначалу нам пытается рассказать в предисловии¹⁷ Александр Павлов, который к тому же выдвигает смелый тезис: постмодернизм «закончился». Правда, уже через несколько страниц, оказывается, что все не так просто – и что на постсоветском пространстве постмодернизм как феномен вообще не был понят и (добавим от себя) превратился в итоге вместо термина, обозначающего какие-то конкретные вещи, скорее в ругательный ярлык, который наклеивают на все непонятное и тревожащее.

Насколько уникальна для постсоветского пространства эта ситуация непонимания и неспособности (нежелания?) понять явление постмодернизма при полной *de facto* в него погруженности на уровне культуры, быта, политики? В определенном смысле уникальна. Перефразируя самого Джеймисона (оригинальная фраза в «Постмодернизме» была про американских интеллектуалов и европейский опыт Второй мировой): постсоветские интеллектуалы в массе своей не обладали тем историческим опытом, который дал бы им достаточную квалификацию, чтобы судить о социальных и культурных процессах, которые сделали возможным феномен постмодернизма.

Действительно, откуда подобному опыту было взяться? Советский/постсоветский человек практически сразу из периода «*Gesamtkunstwerk* Сталин»¹⁸ через постоттепельные комедии

16 Джеймисон Ф. *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. М.: Издательство Института Гайдара, 2019 (далее при цитировании – «Постмодернизм»).

17 Там же. С. 7–57.

18 Эссе «*Gesamtkunstwerk* Сталин» искусствоведа Бориса Гройса было написано в 1987 году и с тех пор стало хрестоматийным при всей очевидной сегодня спорности его основных тезисов, см., например: Плунгян Н.



Леонида Гайдая шагнул к «чернухе» второй половины 1980-х, а затем сразу в 1990-е – к Александру Бренеру, который выгуливает на поводке Олега Кулика, каналу MTV и нескончаемому договорному рэп-баттлу Виктора Пелевина с Владимиром Сорокиным. Ни времени, чтобы отрефлексировать такой резкий, беспрецедентный в истории экзистенциально-экономически-культурный переход, ни теоретических, ментальных и языковых средств для такой рефлексии у постсоветского человека не было. Сейчас, благодаря хотя бы частичному переводу важнейшего корпуса западной гуманитарной литературы, можно сказать, что эти средства есть, но толку от них уже нет – окно для рефлексии было упущено на десятилетия, что и сделало возможным бессмысленный, но объяснимый всеобщий ресентимент, который можно наблюдать в России и некоторых сопредельных странах.

«Постмодернизм» Джеймисона вышел в ноябре 1990 года (в самой книге был указан 1991-й), за год до распада Советского Союза, который, получается, закончился примерно в тот же момент, когда – как на тот момент казалось – начинал заканчиваться и постмодернизм. Разумеется, на самом деле ничего не закончилось – а просто изменилось, перейдя в гораздо более угрожающую и тотальную фазу, которую для подчеркивания ее экономически-удушающего аспекта Марк Фишер в ноябре 2009 года, ровно через 19 лет после выхода книги Джеймисона, назовет *капиталистическим реализмом*.

МАРКС ФИШЕР

В одноименной 80-страничной брошюре¹⁹, которая воспитала целое поколение юных культурных марксистов (в большей степени от *Марка*, чем от Маркса), имя Фредрика Джеймисона упоминается 27 раз во всех ключевых местах текста. В первый раз оно появляется уже в третьем абзаце, когда Фишер формулирует самое меметически мощное высказывание своего труда (здесь и далее курсив в цитатах мой):

«Когда мы смотрим “Дитя человеческое”, вспоминается фраза, приписываемая Фредрику Джеймисону и Славою Жижекю: *“Легче вообразить конец света, чем конец капитализма”*. Этот лозунг схватывает именно то, что я имею в виду под выражением “капиталистический реализм”, а именно: широко распространенное ощу-

Gesamtkunstwerk Гройс // Неприкосновенный запас. 2018. № 6(122). С. 214–225. В своей работе Гройс предлагал радикально поменять точку зрения на отношения художественного авангарда начала XX века и тоталитаризма и вместо традиционного противопоставления «свободный художник – подавляющий его безыскусный тиран» увидеть между ними прямую преемственность на примере советского проекта.

19 Фишер М. *Капиталистический реализм. Альтернативы нет?* М.: Ультракультура 2.0, 2010. С. 12.

щение не только того, что капитализм является единственной жизнеспособной политической и экономической системой, но и того, что теперь невозможно даже вообразить непротиворечивую альтернативу ему».

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ
ПЕРЕКОДИРОВАТЬ
ГОРИЗОНТ...

Фишер избегает указывать на точный источник цитаты, потрудиться с точной атрибуцией пришлось и автору этих строк. По-видимому, исходным материалом для афоризма послужил вот этот абзац из авторского предисловия к книге Джеймсона «The Seeds of Time»²⁰:

«Кажется, сегодня нам куда легче представить себе всеобъемлющее ухудшение состояния земли и природы, нежели крах позднего капитализма; возможно, тому виной слабость нашего воображения. Я пришел к мысли, что слово “постмодерн” следует зарезервировать как раз для подобных размышлений».

Последнее предложение представляет крайний интерес, поскольку речь идет, судя по всему, об одном и том же явлении (описанном с немного разных сторон и с поправкой на время), о котором Джеймсон говорит в «Постмодернизме», а Фишер – в «Капиталистическом реализме». Любопытно также, что, хотя Фишер в своей книге берет такую интонацию, будто вступает с Джеймсоном в полемику, он каждый раз фактически соглашается со всеми его основными тезисами, указывая лишь, что за двадцать лет ситуация радикально изменилась – разумеется, в худшую сторону:

«В конечном счете, есть три причины, по которым “постмодернизму” я предпочитаю термин “капиталистический реализм”. В 1980-х²¹, когда Джеймсон впервые выдвинул свой тезис о постмодернизме, существовали, по крайней мере номинально, некоторые альтернативы капитализму. Теперь же мы имеем дело с более сильным и гораздо более устойчивым чувством истощения, культурного и политического бесплодия. [...] Джеймсон заметил, что лакановская теория шизофрении предлагает нам “мощную эстетическую модель” понимания фрагментации субъективности, сталкивающейся с развивающимся промышленно-развлекательным комплексом. Джеймсон пришел к выводу о том, что “при крушении означавшей цепочки шизофреник сводится к опыту чистых материальных означавших, или, другими словами, серий чистых и не связанных друг с другом моментов настоящего”. [...] Конечно, Джеймсон согласился бы с тем, что “недоверие к метанарративам” – это выражение “культурной логики позднего капитализма”, следствие переключения на постфордистский способ накопления капитала. [...] Когда] культура оказывается погруженной в чрезмерную

20 JAMESON F. *The Seeds of Time*. New York: Columbia University Press, 1996. P. 12.

21 Не ошибка, книга Джеймсона началась со статьи под тем же названием, опубликованной в 1984 году в «New Left Review».



ностальгию, она предается воспоминаниям, не будучи способной породить что-нибудь действительно новое. Возможно, предложенное Джеймисоном определение и исследование этой темпоральной антиномии – его наиболее ценный вклад в понимание постмодернистской и постфордистской культуры»²².

Здесь, наверное, время вернуться к поставленному ранее вопросу об уникальности непонимания постмодернизма на постсоветском пространстве. Теперь мы дадим на него противоположный ответ – хотя в определенном смысле ситуация для русскоязычного мира сложилась беспрецедентная. Непонимание истинной сути постмодернизма (по Джеймисону и Фишеру) это, увы, мейнстрим и для западного мира в целом.

Постсоветское непонимание представляет собой в этом случае лишь вариацию непонимания глобального: в каждом из кейсов это происходит по-своему, с использованием уникальных деталей для сборки и техник их соединения в языке и голове, но по одинаковым в целом чертежам – то самое *перекодирование*, описанное Джеймисоном в «The Political Unconscious», которое превращает сложное, масштабное и непонятное в понятное, уютное и тривиальное. Его можно затем, например, отторгнуть или положить в понятный культурно-эстетический ящик и забыть, игнорируя то, что постмодернизм / капиталистический реализм ни в какой ящик не помещается, а продолжает быть зловещим тотальным принципом овеществления и превращения всего подряд в *ценность*, руководящую сегодня повседневностью любого жителя западной цивилизации.

Одно из таких уютных непониманий – к примеру, восприятие постмодернизма исключительно как *культурного* или даже только *литературного* явления при полном игнорировании тектонических экономических и социальных сдвигов, которые его породили, фактически сведение его просто к *моде*, которая пройдет или даже уже прошла (в последнем случае изобретаются всяческие фантомные «метамодернизмы», которые якобы положили конец порочной постмодернистской культурной практике). Это заблуждение удивительно устойчиво – особенно в русскоязычном пространстве, – несмотря на то, что оно опровергается как просьбой к собеседнику дать определение постмодернизма, так и указанием на то, что все приписываемые ему литературные признаки (ирония, пастиш, отсылочность, спичность, лоскутность, смешение жанров, метатекстуальность) – и по отдельности, и в совокупности – давно присутствовали в (западной) культуре. Как минимум – с Возрождения («Гаргантюа и Пантагрюэль»), а далее идет второй том «Дон Кихо-

22 Цитаты из глав 1, 4 и 7 «Капиталистического реализма» (с. 20, 52 и 106).

та», «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» и далее, и далее, не говоря уже про непосредственно хронологически предшествовавшие постмодернизму произведения высокого модерна – «Мерфи» Сэмюэля Беккета, «Человека без свойств» Роберта Музиля, ранних сборниках Хорхе Луиса Борхеса.

При *литературном* анализе постмодернизма принято практически за негласное правило не учитывать политэкономические факторы – если только, к примеру, «пародия на общество потребления» не объявляется сама по себе очередным признаком литературного постмодернизма, да и пародия эта уже давно стала еще одним составным кирпичиком успешных бестселлеров общества потребления вроде «99 франков» Фредерика Бегбедера или «Карты и территории» Мишеля Уэльбека.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ
ПЕРЕКОДИРОВАТЬ
ГОРИЗОНТ...

ОТРАВЛЕНИЕ ГАЛЛАМИ

К слову о французах: постсоветскому человеку отдельно «повезло» еще и в ключе почти полной «забитости» дискурса только их именами при полном незнании американских или британских исследователей, разбор чего занимает немалую часть предисловия к русскому переводу «Постмодернизма» Джеймисона:

«Представления о постмодернизме как философском течении связаны у нас [исключительно] с французскими философами... В качестве наиболее показательного примера возьмем учебник “История философии”, подготовленный сотрудниками философского факультета МГУ им. Ломоносова... хотя в главе можно встретить упоминание множества имен, подробно они не рассматриваются, а в списке чтения из первоисточников – Лиотар, Фуко, Мерло-Понти, Деррида, Кристева, Делёз, Гваттари, Бодрийяр»²³.

Далее для иллюстрации понимания постмодернизма в России автор предисловия к Джеймисону анализирует текст «Куда катится философия?!», написанного создателем учебника «Социальная философия» Иваном Гобозовым:

«Обращение автора к тексту “Интеллектуальные уловки” очень показательно. В книге действительно содержатся резкие критические оценки взглядов французских философов, правда, с “научных позиций”. Критика ученых строится главным образом на комментировании цитат, вырванных из контекста. [...] Еще более проблематично то, что исходя из ограниченности критики Сокала и Брикмона формируется взгляд, будто постмодернизм – это прежде всего французские философы, не раз упоминаемые выше»²⁴.

23 *Постмодернизм*. С. 12–13.

24 Там же. С. 15.



Отметим, что тенденция заведомо-декларативного отказа осмыслять уже дважды неправильно понятый/перекодированный *постмодернизм* (как явление чисто гуманитарно-«философское» и как чисто французское) достигает апогея в повести Виктора Пелевина «Македонская критика французской мысли» (2003) – и пусть читателя не обманывает, что это пишет по сюжету рехнувшийся персонаж:

«Что касается Жана Бодриера [*sic!*], то в его сочинениях можно поменять все утвердительные предложения на отрицательные без всякого ущерба для смысла. Кроме того, можно заменить все имена существительные на слова, противоположные по значению, и опять без всяких последствий. И даже больше: можно проделать эти операции одновременно, в любой последовательности или даже несколько раз подряд, и читатель опять не ощутит заметной перемены».

Комментировать, как говорится, только портить. Наше – ставшее весьма объемным – предисловие необходимо не только для того, чтобы ввести читателя в курс основных достижений Фредрика Джеймисона и обрисовать то грустно-бесплодное интеллектуальное поле, на котором его до сих пор адекватно не прочитали, но для того, чтобы обрисовать контекст «The Years of Theory».

Попытки осмыслить постмодернизм как чисто литературное или сугубо философское явление заведомо бесплодны, поскольку не учитывают «слона в комнате» – колоссальные социальные сдвиги, вызванные во второй половине XX века поздним капитализмом, или капиталистическим реализмом.

Может показаться, что фокусировка Джеймисона на французских-шестидесятниках в чем-то противоречит сказанному выше – но это не так. Суть того, что мы стремились показать, – попытки осмыслить постмодернизм как чисто литературное или сугубо философское явление заведомо бесплодны, поскольку не учитывают «слона в комнате» – колоссальные социальные сдвиги, вызванные во второй половине XX века поздним капитализмом, или капиталистическим реализмом. А именно социальное и человеческое интересовало французов в 1960-е больше всего.

ПРОБЛЕСК УТОПИИ

Возвращение к послевоенным годам для Джеймисона, который особенно в последнее время был заинтересован темой Утопии

и того, когда и как именно мы ее потеряли, выглядит максимально логичным финалом его работы.

1960-е были годами, когда мы, люди, носители мысли и культуры, впервые поняли, как влияет на нас то, что мы делаем, и как *способы делания* и выбранная оптика меняют результат – речь в первую очередь про «Археологию знания» (1969) и другие работы Мишеля Фуко, коллективный «Языковой поворот» (1967) и «Смерть автора» (1967) Ролана Барта, «Общество спектакля» (1967) Ги Дебора, не говоря уже о сотнях других фундаментально важных гуманитарных открытий – большую часть которых Джеймисон перечисляет и осмысляет в своей последней книге. Условную черту под этой эпохой невероятного мыслительного изобилия можно подвести в 1980 году, когда погиб Ролан Барт, завершились лакановские семинары и вышел второй том «Анти-Эдипа» Жюлья Делёза и Феликса Гваттари.

1960-е и в меньшей степени 1970-е были годами масштабной деконструкции и реконструкции всего – от языка и искусства до социальных институтов и образа жизни в целом. Это была эпоха истинного возникновения постмодерна, но не в описательном или ругательном смысле, а в самом прямом: модерн заканчивается, когда мы *овладеваем техникой* (в широком смысле, по Хайдеггеру) и понимаем, что она делает. В данном случае техникой был язык, в частности, письменность/знаковость, способность очертить и варьировать парадигмы мысли.

Революция провалилась: вместо того, чтобы перестроиться в Утопию, общество – не только французское, но и британское, американское – выбрало новый вариант консерватизма и консюмеризма. Фишер помещает точку слома надежд и полной победы капиталистического реализма всего несколькими годами позже, когда Маргарет Тэтчер победила в противостоянии с бастующими шахтерами (1984–1985) и сломала хребет рабочему движению Британии.

«То, что “новые социальные движения” являются постмодернистскими, поскольку они суть эффекты и следствия “позднего капитализма”, – это едва ли не тавтология, которая не несет никакой оценочной функции. То, что порой называют ностальгией по классовой политике прежнего типа, в целом является скорее просто “ностальгией” по политике как таковой: учитывая, что периоды интенсивной политизации и последующие периоды деполитизации и отступления списываются с модели больших экономических циклов бума и спада деловой активности, называть такое чувство “ностальгией” верно примерно в том же смысле, в каком предобеденный голод можно назвать “ностальгией по еде”»²⁵.

25 Постмодернизм. С. 640.



Почему 90-летний Джеймисон в последней работе решил вернуться в бурные годы своей молодости? Может быть, потому что для нас *новое* все еще находится в прошлом, а не в будущем. В будущем, о чем позаботился капиталистический реализм, нас ждет только *то же самое*, которое будет усиливаться, а также искаженное образ-прошлое, которому дозволено воскресать с целью монетизации только в виде постмодернистской пародии или ресентимента.

Мы как цивилизация не проработали то, что было открыто французскими гениями в 1960-е, и каждое следующее поколение вынуждено мучительно открывать это для себя заново в сильно упрощенном виде через поп-культуру и объяснения на карточках. Возьмем на себя даже смелость сказать, что, несмотря на то, что их имена на слуху и активно используются для неймдроппинга, ни Фуко, ни Делёз, ни Барт, ни Джеймисон по сути *до сих пор не прочитаны*.

1960-е и 1970-е были годами масштабной деконструкции и реконструкции всего – от языка и искусства до социальных институтов и образа жизни в целом. Это была эпоха истинного возникновения постмодерна: модерн заканчивается, когда мы овладеваем техникой и понимаем, что она делает. В данном случае техникой был язык.

Как однажды отметил Джеймисон, постмодернизм пришел *слишком рано*. Мы только сейчас доросли до того, чтобы вообще понять, что это такое. Возник колоссальный разрыв между поп-культурой, которая ассимилировала это в себя, и способом восприятия обывателя, который – через ту же поп-культуру – легко впитал цинизм и мозаичность, фрагментарность калейдоскопа, но не приобрел никаких метазнаний, способов познания мира и себя самого, а просто дефрагментировался в своем исходном виде. Вместо эволюции произошла деградация. Джеймисон писал об этом еще четверть века назад:

«Вся наша современная социальная система мало-помалу начала терять способность сохранять собственное прошлое и стала жить в постоянном настоящем и непрерывных изменениях, которые стирают традиции»²⁶.

26 JAMESON F. *The Cultural Turn: Selected Writings on the Postmodern, 1983–1998*. London; New York: Verso, 1998. P. 123.

Только если мы вернемся к основам и попытаемся охватить, что было открыто и заложено *тогда*, если мы применим это к нашему праксису, к взаимодействию с миром вокруг, мы сможем осознать феномен великой эпохи и попытаться заявить свои права на открытые, но брошенные и утраченные возможности, пусть и с опозданием на шестьдесят лет. Таков путь, предложенный Джеймисоном в «The Years of Theory».

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ
ПЕРЕКОДИРОВАТЬ
ГОРИЗОНТ...

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ФОРУМ

Немного об обстоятельствах возникновения этой книги. Семинары, которые легли в ее основу, Джеймисон провел удаленно зимой–весной ковидного 2021-го для студентов и аспирантов Университета Дьюка (США, Северная Каролина) – частного учебного заведения, в котором он преподавал с 1985 года и до последних дней своей жизни. Именно в типографии этого университета за тридцать лет до семинаров Джеймисон напечатал «Постмодернизм» – сегодня эта книга остается самой популярной и востребованной публикацией в двухвековой истории Дьюка.

Некоторое время семинары, насколько можно понять, лежали «на полке», пока весной 2023 года журнал «Critical Inquiry»²⁷ не предложил автору использовать этот материал для онлайн-форума, в рамках которого гуманитарные исследователи полемизировали бы с высказанными на семинарах идеями Джеймисона или развивали их, а он бы публиковал свои ответы. (Все это в формате эссе, а не обычных сетевых постов или комментариев, то есть результат должен был стать чем-то вроде философской переписки эпохи Просвещения.)

Джеймисон, по словам создателей проекта, ухватился за идею с большим энтузиазмом, но, к сожалению, не дожил всего двух недель до начала форума: он умер 22 сентября 2024 года, а первые эссе-реплики в «Critical Inquiry» начали публиковаться 5 октября²⁸. Полноценного диалога не получилось, биология победила Логос, но подготовленная для проекта книга «The Years of Theory» осталась с нами – она вышла из печати 8 октября, к запланированному началу онлайн-полемики.

Литературный критик Джонатан Каллер, который открыл дискуссию в «Critical Inquiry» текстом «Jameson Stands Alone»²⁹, в первом же абзаце метко характеризует уникальность книги:

27 Основанный в 1974 году междисциплинарный ежеквартальный журнал, публикующий писателей, художников и ученых в области гуманитарных наук. В 2011 году перешел в формат онлайн-блога, сохранив, впрочем, и печатную версию.

28 См.: <https://critinq.wordpress.com/2024/10/10/book-forum-fredric-jamesons-the-years-of-theory/>.

29 См.: <https://critinq.wordpress.com/2024/10/07/jameson-stands-alone/>.



«Учитывая, что о французской теории написаны тысячи страниц, поражает, что “Годы теории” Фредрика Джеймисона стоят особняком. Существует множество книг о современной критической теории в целом, о структурализме и/или постструктурализме, а также об отдельных теоретиках, но, насколько мне известно, нет ничего [сопоставимого] в плане охвата теоретического движения во Франции с середины 1940-х и до начала XXI века».

Хотелось бы добавить собственные впечатления. Джеймисон принял мудрое решение, отказавшись редактировать под книжный формат тексты состоявшихся семинаров (которые он успел вычитать и снабдить примечаниями, иногда довольно забавными). Эффект получился очень неожиданный и приятный: перед нами живой человек, добрый, веселый, лишенный какой-либо желчи, бесконечно эрудированный и воспроизводящий по памяти сложнейшие логические конструкции (а Джеймисону на момент проведения семинаров было без малого 87 лет).

Он жизнерадостно острит про погоду («Надеюсь, вы все переживете этот ледяной шторм!», р. 171), про COVID-19 («эти чумные годы»³⁰, р. 4), использует непереносимое «Меня слышно?» при начале звонка в зуме как повод поговорить о структуралистском *double inscription*³¹ («Предположим, что “Меня слышно?” [в наши дни] означает [то же самое, что] “Доброе утро”. Вы можете переводить с одного кода на другой, и, говоря об этом, мы могли бы также начать [сегодняшний семинар] с темы кодов», р. 133), отпускает колкости в адрес университетских бюрократов («Когда я при случае пытаюсь объяснить [важность теории], к примеру, попечителям этого университета, никто никогда не понимает, о чем я вообще говорю», р. 145). В какой-то момент, что кажется совсем внезапным, Джеймисон даже шутит про Дональда Трампа, сравнивая его с Мао Цзэдуном начала «культурной революции».

«Не думаю, что [Трамп] когда-либо читал все эти весьма занимательные сочинения, но по сути перед нами тот самый приказ об огне по штабам³². Ты выводил своих последователей на улицы, чтобы они уничтожили твое собственное учреждение, откуда тебя изгнали» (р. 176).

Потом, правда, смотришь на дату в конце семинара и понимаешь, что он происходит в феврале 2021-го, всего через месяц

30 По всей видимости, Джеймисон отсылает к роману «Дневник чумного года» (1722) Даниэля Дефо, написанному в стиле, если можно так выразиться, *автофикшн* на основе дневников дяди автора, Генри Фо.

31 Кажется, у этого термина нет устоявшегося русского перевода.

32 «Огонь по штабам» – лозунг Мао, написанный в его первом дацзыбао, который провозглашал прямую диктатуру пролетариата и положил в 1966 году начало периоду «культурной революции». В результате этих событий были убиты около миллиона человек и уничтожена немалая часть историко-культурного наследия Древнего Китая. Сегодня компартия КНР официально считает «культурную революцию» «большой ошибкой» (статья Си Цзиньпина в газете «Цюши» от 1 апреля 2019 года).

после штурма трампистами Капитолия³³. Наверное, хорошо, что до повторения дурной истории под названием «Трамп-президент» Джеймисон уже не дожил.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ
ПЕРЕКОДИРОВАТЬ
ГОРИЗОНТ...

Вводный курс золотоискателя

Итак, о чем эта книга? Правильно будет сказать: обо всем. Это уникальный, возможно, единственный в своем роде курс по введению во все важные гуманитарные концепты второй половины XX века – философские, лингвистические, социокультурные, – изложенные максимально простым (но не *упрощающим*) языком и рассмотренные, что особенно важно, в их взаимосвязи и в отношении к сдвигам политических, экономических и социокультурных парадигм, на которые охваченный период был щедр.

Джеймисон прекрасно разбирается во всем, о чем бы ни говорил: Роман Якобсон, Клод Леви-Стросс, Юлия Кристева, Ролан Барт, Мишель Фуко, даже такой темный и неоднозначный мыслитель, как Жак Лакан³⁴, – все в его мягкой эрудированной оптике превращаются в понятные фигуры, которые развивали то-то и то-то, были связаны с тем и с этим. При этом неоднократно в ходе семинаров Джеймисон настаивает, что его курс нельзя считать чем-то самоценным и исчерпывающим, но только – пролегоменами к дальнейшим собственным изысканиям тех, кого заинтересовали эти имена и идеи:

«Этот семинар не предлагает [вам] некую единую “теорию поля”³⁵ в ответ на текущую ситуацию; его цель – продемонстрировать тем, кто никогда с этим не сталкивался, всю интенсивность и оригинальность проблем, поднятых в те старые “годы теории”» (р. 5). «Что же мы от всего этого [от семинаров] получим? Ну, по крайней мере у нас будет более обширный нарратив. Вам может не понравиться провести ночь, читая некоторых [из этих авторов]. Вам могут вообще не понравиться некоторые из них. Некоторые из них вам, впрочем, понравятся. А для интеллектуалов «нравиться» означает «интерес». Вам будут интересны некоторые из них, а

- 33** 6 января 2021 года толпа протестующих, вдохновленных риторикой проигравшего президентские выборы Дональда Трампа, ворвалась в здание Конгресса США в Вашингтоне. В результате погибли пять человек, были ранены 138. Впоследствии 467 нападавших были приговорены к тюремным срокам. Против Трампа также выдвинули обвинения, но он, став победителем президентских выборов, по-видимому, не понесет наказания как минимум до 2029 года.
- 34** Жак Лакан (1901–1981) – одна из самых влиятельных и при этом самых спорных фигур в истории психоанализа. Лакан почти ничего не написал, но с 1951-го по 1980 год проводил в Париже семинары, ставшие «кузницей» французских интеллектуальных кадров. В разные годы эти семинары посещали практически все известные личности, упоминающиеся в книге Джеймисона.
- 35** В физике «классическая теория поля» объединяет классическую электродинамику (теорию электромагнитного поля), теорию гравитационного поля, а также теорию классических калибровочных и спинорных полей.



другие – нет. Те, которые вам интересны, я надеюсь, сподвигнут вас к дальнейшим исследованиям, а что касается тех, которые вам неинтересны, вы по крайней мере узнаете, кто они, почему их враги были их врагами, что с ними не так и какую роль они играли в этот период великой распри» (р. 22).

Джеймисон также очень структурно ясно дает понять: это не энциклопедия, а краткий путеводитель (от себя хочется добавить – для растерянных³⁶):

«Я согласен, что мы имеем тут дело с довольно сложными предметами. Но помните, что наша задача – не столько вдаваться во все это подробно, сколько *идентифицировать и описать*. Имена и номера всех игроков [на поле]. Это как туристическая поездка, в которой у вас есть один день на Рим, один день на Неаполь, в таком духе. Конечно, вы ничего толком не успеете посмотреть, но вы знаете, где можно начать, потому что *ваш путеводитель* говорит вам: если хотите посмотреть на картины Караваджо, в Риме есть четыре церкви, которые следует посетить. Так что, если вы заинтересуетесь Караваджо, вы будете знать, где искать, когда вернетесь в следующий раз» (р. 115).

Мы написали выше, что тон Джеймисона в этих лекциях в основном жизнерадостный, хотя и слегка ироничный. Единственный, кажется, раз, когда в его речи проскальзывает осязаемая горечь, – это заочная полемика с некой «известной философией-феминисткой»³⁷, которая утверждает, что экзистенциализм сегодня для людей больше не актуален:

«Она говорит, что сегодня мы все это не читаем. Экзистенциальные штуки мы пропускаем сразу. Нам все это философствование больше не нужно. Кто вообще сегодня, говорит она, задает себе вопросы “оправданно ли мое существование?”. Ладно, но разве это хорошо – то, что мы больше не задаем себе больше таких вопросов? Может быть, мы что-то утратили? Должны ли мы сегодня волноваться об оправдании своего существования и вообще обо всех этих онтологических предметах? Она, видимо, думает, что не должны, что все это какая-то античная история, старый хлам, который пусть остается там, в 1940-х и 1950-х во Франции, и где там еще, а мы сегодня можем спокойно об этом забыть, потому что философская проблематика изменилась. Да, изменилась, но, с другой стороны, ведь [эти вопросы] они ставились как метафизическая дилемма об основе существования. Они, что, куда-то исчезли? Если эти вопросы исчезли, если люди больше об этом не говорят,

36 «Путеводитель растерянных» – основной философский труд средневекового еврейского философа Маймонида, написанный в XII веке. Новаторская для того времени работа, с привлечением и осмыслением внешних по отношению к иудаизму систем, в частности, рационализма Аристотеля и теологии ислама.

37 В сносках уточняется, о ком и о каком тексте идет речь: LE DOEUFF M. *Hipparchia's Choice: An Essay Concerning Women, Philosophy, Etc.* New York: Columbia University Press, 2007.

может быть, это само по себе что-то нам сообщает о нынешнем времени? Неужели это не интересно?» (р. 60).

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ПЕРЕКОДИРОВАТЬ
ГОРИЗОНТ...

Безусловно, интересно. Вопросы экзистенции, как иногда Джеймисон проговаривает прямо, а иногда просто отсылает к этому как к самоочевидному, в наши дни заменили «политики идентичности», вопросы общественной справедливости – потребление, респонсбилизация³⁸ и «безальтернативный» капиталистический реализм. Все, что сегодня осталось от когда-то бушевавших теорий социального изменения, – тексты этих теорий, статьи и книги, а также окказиональное отражение этих идей в популярной культуре. Можно сказать, что сегодняшние мы подобны индейцам из примера Леви-Стросса, который Джеймисон не приводит прямо в своих семинарах, но неоднократно к нему отсылает:

«Таким образом, им [бразильским индейцам] не удалось разрешить противоречия общественного устройства или, по крайней мере, сделать их менее явными и губительными с помощью искусственно созданных институтов. Однако средство, которое излечило бы их общество, у них отсутствовало, и они не могли найти его на социальном уровне, что подспудно продолжало их тревожить. Поскольку они были не в состоянии объективно осознать ситуацию, то начали грезить. Причем не в прямой форме, тогда они столкнулись бы с собственными предубеждениями, а в, казалось бы, безобидной – в форме изобразительного искусства. Если анализ верен, то можно понять загадочную притягательность и безосновательную, на первый взгляд, сложность графики кадиувеу, как отражающую образ их общества, с неутоленной страстью стремящегося в символической форме обрести те институты, которые оно могло бы иметь, если бы его интересы и суеверия не препятствовали этому»³⁹.

Действительно ли теории, которые мы забыли, хотя помним имена их авторов (а иногда, как правило, фрагментарно и без контекста, читаем что-то из их работ), были так значительны? Джеймисон настаивает, что да, соглашаясь с цитатой из Алена Бадью про три великих периода в истории философии:

«Во-первых, классическая греческая – я бы скорее сказал афинская – философия между Парменидом и Аристотелем, с пятого по третий век до нашей эры: весьма изобретательный и основополагающий момент, хотя на самом деле довольно недолговечный. [...] Во-вторых, немецкий идеализм между Кантом и Гегелем, через Фихте и Шеллинга: еще один исключительный философский момент, с конца XVIII по начало XIX века, чрезвычайно творческий и сжатый

38 Политика перекалывания ответственности при позднем капитализме, в котором системные проблемы отрицаются и маскируются под персональные неудачи индивидов. Термин введен Марком Фишером в 8-й главе «Капиталистического реализма».

39 Леви-Стросс К. *Печальные тропики*. М.: АСТ, 2018. С. 202.



в еще более короткий промежуток времени. [...В-третьих,] французский философский момент второй половины XX века» (р. 12).

Особое внимание Джеймисон уделяет тому, чтобы правильно описать предпосылки бурных 1960-х. Он начинает с истоков, возвращая в оптику больших нарративов подзабытого сегодня Жан-Поля Сартра и его написанную еще во время войны книгу «Бытие и ничто» (1943), указывая – через противопоставление, заимствования, отрицание – его невидимую, но важнейшую роль в контексте ключевых дискурсов философского десятилетия.

«Как же описать это сартровское бессознательное, если можно его так назвать, которое также называют “недобросовестность” [*bad faith*, буквально «плохая вера», далее Джеймисон играет именно с буквальным прочтением фразы. – А. Г.]? Мы говорим так в английском языке: когда мы спорим с кем-то и они спорят “недобросовестно”. Они не принимают правил игры; они обманывают, и я злюсь и говорю: “Вы не воспринимаете этого всерьез”. Так что недобросовестность – это ложь себе, и, конечно, мы лжем себе во всем, что делаем. Именно это религии имеют в виду, когда говорят, что человеческая жизнь совершенно пуста и мы ничто – в буддизме, например, – или, в религиях Книги, где написано, что мы грешны, мы падшие создания, что у нас падшее сознание и так далее. Все это – попытки выразить на разных языках первоначальное понимание того, что мы всегда находимся на некотором расстоянии [от себя], что мы никогда не сможем быть теми, кто мы есть, ведь мы должны пытаться “быть этим”, что означает, что мы – не “это”. Именно такова роль тревоги во всей этой [проблеме] чистого сознания. Мы всегда чувствуем [его проблеск] в тревоге, потому что она говорит: “Послушай, ты на самом деле ничто, и ты лжешь себе, и вся твоя жизнь – ложь”, и так далее, и тому подобное. Вот почему один из ответов на это – положительный ответ Сартра – заключается в том, что я должен принять себя и свои поступки. Поэтому я принимаю [*affirm*, буквально «утверждаю». – А. Г.] то, что я сделал в прошлом. Я принимаю свои качества как свои – или как не свои, – если я захочу сделать так. Но как именно мы это делаем? Вот где возникает вопрос о других людях⁴⁰» (р. 44).

Для дальнейшей иллюстрации того, что такое *свобода* по Сартру и почему его экзистенциализм не может устареть или выйти из моды, Джеймисон приводит мощную (и неожиданно актуальную) цитату из его эссе «Республика молчания» (1944), написанного немедленно после освобождения Парижа союзниками:

«Мы никогда не были так свободны, как во время немецкой оккупации. Мы были лишены всех прав, в том числе и права говорить, нас

40 Джеймисон отсылает к афоризму Сартра «Ад – это другие люди», который завершает одноактную пьесу «За закрытыми дверями», написанную философом в 1943 году, во время оккупации Парижа нацистами.

оскорбляли в лицо каждый день, и мы должны были молчать, нас всех ссылали: и рабочих, и евреев, и политических заключенных; везде на стенах, на страницах газет, на экране мы видели это грязное и бледное лицо: захватчики хотели, чтобы именно такими мы себя сделали. Именно поэтому мы были свободны. Нацистский яд проникал в наши мысли, и каждая мысль о справедливости была завоеванием. Каждое слово было на вес золота, поскольку вездесущая полиция пыталась заставить нас молчать. Каждая речь становилась ценной как декларация, каждый жест становился обязательством»⁴¹.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ
ПЕРЕКОДИРОВАТЬ
ГОРИЗОНТ...

И в другом месте, про Лакана, о том же самом:

«Суть эго – это защита. Это замок. Это все те укрепления, которые вы возводите вокруг себя. Вы хотите защитить себя и обороняться. Это ваше эго. Поэтому, говорит [Лакан], американские аналитики с их эго-терапией⁴² поощряют людей выстраивать все эти защиты. Мы не хотим защит! Быть живым – значит быть открытым для всех этих вещей, включая тревогу, включая страх» (р. 198).

О ТРЕХ УТОНУВШИХ КИТАХ

Вообще если попытаться сложить воедино позицию Джеймсона, который перед уходом из этого мира обзревает его взором знающего и понимающего интеллектуала, получается интересная картина. Ключевые философско-культурные процессы, которые начались с модернизма и продолжились после Второй мировой уже в других областях и с других ракурсов, были запущены под влиянием «трех китов»: марксизма, экзистенциализма и психоанализа. То есть: экономическая проблема справедливости общества, наличие у индивида воли совершать поступки с обретением смысла через действие и возможность произвести исследования и изменения в своей психике, чтобы понять, как все это вообще устроено.

С этими мыслями можно сделать многое (например высказать смелый тезис, что в начале XX века марксизм был по сути *экзистенциальным психоанализом общества*, призывом обратить внимание на эмпирические закономерности и факты, а не следовать господствующему нарративу, который пишет эго правящих классов). Но главное то, что сейчас, если сравнивать с 1960-ми, эти три кита просто ушли, растворились, как и сам пролетариат, распавшийся на загипнотизированных атомизированных *индивидов*. Экзистенциализм больше «не актуален».

41 Перевод Александра Шестопалова, в печатном виде текст не публиковался.

42 Эго-психология – собирательное название американской школы психоанализа, основанной дочерью Фрейда, Анной Фрейд. Лакан считал это направление искажением идей Фрейда в пользу консюмеристского поддержания *status quo* личности вместо возможности ее изменения; он яростно воевал с эго-школой всю свою жизнь (результатом чего, в частности, стало исключение Лакана из Международной психоаналитической ассоциации в 1953 году).



Марксизм не принято вообще принимать всерьез (помним – «альтернативы нет»), даже в сильно адаптированном и *обеззараженном* от «новых левых» виде. Психоанализ как таковой воспринимается в основном через призму (в широком смысле) мемов, а его значимые находки, как отмечал еще семьдесят лет назад Лакан, выродились (иначе не сказать) во всевозможные «психологии» и «психотерапии», направленные просто на поддержание *status quo* эффективного капиталистического индивида. Выходит, из трех двигателей у самолета работает с перебоями только один, ну и понятно, в общем, что ему остается теперь только врезаться в скалу истории.

«Психоанализ показывает нам, что сознание, этот субъект, который мы считали единым, не является таковым. [Психоанализ] совершил свою коперниканскую революцию, и субъект внезапно оказался снаружи. И этнология сделала то же самое. Та буржуазная культура, которую мы считаем [общечеловеческой, – на самом деле лишь одна из [возможных] форм общества, культуры, сознания и всего остального, но есть и много других. [...] Мы должны, по крайней мере, признать, что в мире есть инаковость, которая к нам не относится» (р. 343).

Джеймисон отмечает, что сама ситуация, в принципе, не нова: с конца Второй мировой и до 1960-х как марксизм, так и психоанализ были фактически *non grata*, их не изучали в учебных заведениях, их игнорировала культура, говорить о них считалось странным. С учетом «холодной войны» и недоверия ко всему, скажем так, «восточно-европейскому», причины такого положения дел не требуют объяснений. Но в конце 1950-х все-таки началось возрождение с подачи Сартра, Лакана, Альтюссера и все увеличивавшегося числа других интеллектуалов: им эти теории, уже насчитывавшие полвека истории, потребовалось пересобрать заново и актуализировать, в частности, приспособить к ним важнейшие находки структурализма:

«Хотя Фрейд не знал о Соссюре или лингвистике, но он предвидел, что многое из его находок будет со временем изменено [*cut*, буквально “вырезано”. – А. Г.]. По этой причине Лакан теперь собирает [эти находки заново] вместе и показывает, что сказал бы нам Фрейд, если бы он теперь лучше знал, о чем говорит, [то есть] если бы у него был язык лингвистики. Альтюссер [со своей стороны] сделает что-то смутно похожее с Марксом» (р. 201).

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ

В результате деятельности интеллектуалов, в первую очередь французских (причины уникального исторического положения

Парижа в описываемый период, позволившего всему этому произойти, Джеймисон подробно разбирает, но у нас уже нет места на этом останавливаться), можно сказать, что к концу 1950-х общество оказалось в подобии квантового состояния, из которого могло сколлапсировать в Утопию. В тот же миг, как по волшебству, появились инструменты разговоры с массами – например, метакинематограф «новой волны», – но также возникли неразрешимые технические проблемы (в первую очередь перед одним из лидеров «новой волны» Жаном-Люком Годаром):

«Так что же более революционно: фильм о революции или фильм, в котором революционизируются сами формы повествования, [то есть] в котором внимание уделяется кинематографической революции в формах, как, например, у Эйзенштейна (хотя подлинным культурным героем тут является, скорее, Дзига Вертов⁴³)? Взглянем на это с другой стороны: если вы политический активист и работаете с рабочими и радикальными группами, то эзотерические фильмы о создании фильмов вряд ли вызовут большой интерес своей осознанной революционной техникой. Похоже, у вас проблема» (р. 307).

«В итоге голливудский фильм и [голливудский] реализм, то есть, если можно так выразиться, враг, эпицентр всего этого процесса, закончил тем, что поглотил не только своих конкурентов, но и своих критиков, и своих трансгрессоров, и революционеров. Разумеется, этот процесс – наглядная аллегория исчезновения политики из глобализованного мира» (р. 310).

Решить проблему и наладить мосты между интеллектуалами и народом не удалось, и общество в итоге сколлапсировало – по причинам, которые можно обсуждать бесконечно, – в пост-модернистский неокapитализм. А какие были альтернативы? Куда в идеале общество могло сколлапсировать? Утопия, любимый концепт позднего Джеймисона, вероятно, считывалась для большинства обычных людей того времени (как, впрочем, и сегодня) просто как призыв к *опрощению*, по сути, к самоубийству цивилизации:

«[Леви-Стросс] считает, что история не должна была иметь место, что история, в конечном итоге, случайность – переход от холодных обществ, племенных обществ, к горячим обществам, в которых динамика заканчивается капитализмом. Я полагаю, Леви-Стросс сказал бы, что, как только вы начинаете работать с горячими обществами, приход [в итоге] к капитализму в том или ином виде неизбежен, но примитивные общества не обязательно закончили бы таким образом. История необязательно бы случилась. Современности не

43 После краха революционных надежд в 1968 году Жан-Люк Годар ушел в подполье и начал делать революционное кино с другими политически мотивированными кинематографистами под общим псевдонимом «Groupe Dziga Vertov». До распада в 1972-м они сделали четыре фильма; еще один, про Палестину, был завершен Годаром самостоятельно в 1976-м.



должно было произойти, и на самом деле нам было бы гораздо лучше в примитивном обществе. Думайте об этом [тезисе], что хотите, но такова часть утопического мышления [описываемого] периода» (р. 156).

Общество выбрало путь товарного изобилия и телевизионных сказок. Этот выбор логичен и понятен. Но вот последствия отказа от трех китов модерна:

– *Без марксизма* мы больше не бунтуем против экономических основ общества, мы даже не ставим их под вопрос, ведь «альтернативы нет». Мы живем в мире респонсибилизации: если заработал денег – молодец, если не заработал – сам виноват, таков *органический* закон жизни.

– *Без экзистенциализма* мы не ставим под сомнение собственное существование, приняв за некую усредненную реальность механически-научную картину мира: зачем задаваться вопросом о смысле жизни, живу как живу, жизнь как таковая (то есть ее овеществленное представление) все равно не имеет смысла.

– *Без психоанализа* мы не знаем, почему мы делаем то, что делаем, а психологические мотивационные объяснения, весьма часто смыкающиеся с пошлейшего толка эзотерикой, представляют собой, по сути, непрерывный аутотренинг по поддержанию *status quo*.

Самое главное, что отпечаталось в общественном сознании и почему невозможна никакая революция, никакой новый «золотой век», никакие новые 1960-е: средний человек ныне твердо убежден, что утописты, идейные, леваки – можно называть их как угодно – исторически проиграли (как именно и кому они проиграли и почему так произошло, он никогда не задумывается), а любые интеллектуалы сегодня опять *подозрительны*, потому что стремятся к нарушению существующего порядка (а может, желают загнать нас, *нормальных людей*, в ГУЛАГ).

Эту оптику Джеймисон предсказал и описал в «Постмодернизме» еще до рождения многих сегодняшних ее носителей, которые помнят СССР только по кинофильмам:

«Либидинальный страх или фантазия, говорящая о том, что утопическое общество, утопическое “примирение субъекта и объекта” станет почему-то *местом отрицания и упрощения жизни*, уничтожения увлекательных городских различий, приглушения чувственных стимулов (в таком случае открыто используются опасения сексуального подавления и табу), то есть в конечном счете возвращением к простым “органическим” деревенским формам “сельского идиотизма”, из которых было исключено все то сложное и интересное, что связано с “западной цивилизацией”. [...] Реймонд

Уильямс в одной из своих поздних работ лаконично опроверг это, указав на то, что *социализм будет не проще капитализма, а напротив, намного сложнее*; более того, представить себе повседневную жизнь и организацию общества, в котором люди впервые в человеческой истории полностью контролируют свою собственную судьбу – задача, для сознания настолько сложная, что субъектам сегодняшнего “управляемого мира” она *представляется непомерной и, как легко понять, зачастую пугающей* (р. 649).

Еще одна вещь, которая беспокоит Джеймисона: несмотря на видимость возвращения к системному изучению знания и колоссальной доступности важных теоретических книг, которой не было никогда раньше в истории, то, что было когда-то философскими системами, теперь становится просто... «эстетическим выбором» (р. 261) в соответствии с *внутренним чувством*. Наверное, можно и это назвать в широком смысле продолжением глобального процесса *овеществления*.

В этом есть «вина» и самих «шестидесятников»: колоссальная сложность их наследия, его мультидисциплинарный охват, нередкие взаимоисключающие высказывания и многоуровневые теории, экспериментальные попытки описать то, что раньше не было никем описано, для проверки которых нет других источников, кроме их же текстов, – все это вызывает в голове неподготовленного человека ту самую постмодернистскую фрагментацию, или же он выбирает одного–двух авторов и придерживается именно их системы, как будто это вопрос «фанатения» от рок-группы. Но и работы этих авторов тоже суть фрагменты, и вряд ли доскональное изучение, например, только текстов Лакана, поможет ответить на все вопросы о мире, жизни и обществе.

«Мы теперь находимся в ситуации, когда больше нет никаких абсолютов. Мы не достигнем стадии высшей истины [...] Что можно сделать с окончательно определяющей инстанцией? Является ли психоанализ высшей истиной для Лакана? Что касается Реального, мы никогда не узнаем, что это такое, пока оно не подавит нас, и, следовательно, только когда мы ослеплены им, мы только и можем, в принципе, коснуться его. Является ли это истиной, абсолютом? А как насчет лингвистики для каждого из [этих авторов]? Может ли существовать наука о лингвистике? Может ли существовать наука в принципе? Или это еще одна иллюзорная концепция? Все, что нам остается при отсутствии какого-либо абсолюта – выяснить, какова локальная истина для каждого из этих этапов [мысли]» (р. 250).

AFTER THE GOLD RUSH

Закончить этот текст на духоподъемной ноте непросто. Гуманитарных ученых такого калибра, как Джеймисон, больше практически нет, а новое поколение занимается в основном именно что изучением фрагментов и фрагментов фрагментов разбившейся когда-то (сразу же после появления, если вообще не в его процессе) огромной и прекрасной вазы знания.

Хотелось бы добавить, что книга неспроста называется «Годы теории» (что вызывает в памяти «Годы учения Вильгельма Мейстера» Гёте и «Годы странствий» Ференца Листа), а в ее названии нет слова «философия». Джеймисон намеренно избегает этого слова – несмотря на сравнение с золотым периодом «афинской школы», который мы знаем именно как *философский*. Причина в том, что если для древнего (и даже для модернистского) человека философия была тем, что должно было изменить сам образ его мышления и поведения, то для сегодняшнего фрагментированного индивида «философия» есть только интеллектуальное созерцание, биодобавка к прочному капиталистическому образу жизни.

«Теория всегда очень близка к тому, чтобы сползти в системность, но именно по этой причине она всегда будет настаивать на языковой [сущности] и на лингвистическом конструировании тех предметов, что ранее рассматривались как реальности, метафизические или иные, а теперь должны быть признаны как чистые конструкции. [Теория –] это попытка сделать что-то, что раньше было делом философии, в ситуации, в которой философия более невозможна» (р. 367).

В то же время *теория* (вспомним, что Джеймисон жалуется, как никто не понимает сегодня эту его идею) подразумевает и какую-то *практику*, другую сторону монеты. Да, прочесть все те книги, которые старый ученый упоминает в своем последнем цикле лекций, будет очень интеллектуально полезно. Но этого недостаточно. Нужно действовать. Но что же именно надо делать?

Жан-Люк Годар в 1970 году от имени «Группы Дзиги Вертова» писал, что «надо просто открыть глаза и познавать мир во имя диктатуры пролетариата». Пролетариата, правда, больше нет, да и мира, наверное, скоро не станет – по крайней мере в таком виде, в котором мы его знали.

Теория только подготавливает понимание для ответа на вопрос «Что делать?», который должен прийти изнутри. А пока – учитесь думать, учитесь видеть и никогда не прекращайте *учиться тому, как учиться*, – такое завещание нам оставил великий Фредрик Джеймисон.

По ту сторону философии: учение Фридриха Ницше о воле к власти и проблема реального

ИГОРЬ
СМИРНОВ

Эпоха реализма (1840–1880-е), завершение которой ознаменовали собой сочинения Фридриха Ницше, абсолютизировала мышление по аналогии, протягиваемой между разными областями нашего бытования-в-мире. Реализм обнаружил эквивалентность индивида и среды, художественного вымысла и фактической действительности, психики и физиологии, искусственно-культурного и естественного начал (отчего, в частности, производимые человеком продукты не должны были иметь в анархо-коммунистической утопии никакой иной цены, кроме себестоимости) и тому подобное¹. В предельно обобщенном виде эта установка давала тот результат, что равносильными оказывались два универсума, один из которых был чувственно воспринимаемым, а другой только мыслимым, воображаемым, потусторонним относительно опыта. При этом точкой отсчета для проведения аналогии реализму служил непосредственно предстающий перед нами мир, так что инобытие теряло своеобразие и наделялось признаками



Игорь Павлович Смирнов (р. 1941) – автор многочисленных статей и книг гуманитарного профиля, основной научный интерес сосредоточен на теории истории. Живет в Констанце (Германия) и Санкт-Петербурге.

¹ См. подробно: Смирнов И. *Мегаистория. К исторической типологии культуры*. М.: Аграф, 2000. С. 21–97.



ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

эмпирической действительности. Искомым становилось иное бытие, сходное по своим показателям с бытием. Реализм решал парадоксальную задачу: как трансцендировать известную из опыта действительность, чтобы она осталась имманентной себе? Владимир Соловьев извлек на свет в «Философских началах цельного знания» (1877) главный смысл эпохи, когда писал, что «мы можем познавать трансцендентные отношения только по аналогии с имманентными, можем познавать в первых только то, что у них есть общего с последними»².

Развязывание так поставленной проблемы отыскивалось в преобразовании реального в сверхреальное, захватывающее место, какое до того занимало идеальное. Такое реальное в высшем смысле конфронтировало с переживаемой реальностью, подлежащей безоговорочной критике. В своих наиболее далеко идущих выводах ментальность второй половины XIX века рисовала идеальное как физически достижимое, сущностное как феноменально выразимое, вхождение общества в трансисторическое состояние как осуществляемое средствами текущей политики. Реализм был временем выработки великих революционных проектов, соблазнения которыми не смогут избежать последующие эпохи. Если просвещенческий прогрессизм предполагал совершенствование уже добытых знаний, их дальнейшее развитие и приобщение к ним тех, кому пока еще не открылась истина, то реализм в крайних проявлениях считал, что свой поступательный порыв социокультура предпримет по ту сторону всех пройденных ею этапов, за гранью любой ее былой направленности. В статье «Что такое партия прогресса» (1870) Петр Ткачев – один из радикальных мыслителей своей поры, – вынашивая надежду на возникновение социальности, которая «гармонически» примирила бы интересы индивидов, полностью отвергал путь, пройденный человечеством:

«История не приближала, а постоянно удаляла общество от достижения его цели, иначе сказать, исторический процесс должен быть мыслим нами не как движение прогрессивное, а как движение регрессивное»³.

Как бы ни варьировались обличья революции, которую намеревался произвести реализм, ее итогом у разных авторов всегда выступало завоевание некоей всеобщей цельности, не знающей исключений и в свою очередь исключающей отмену себя в дальнейшем. В позиции идеального реальное теряло своего конкурента, делаясь абсолютным. Наступающее будущее принимало образ то художественного произведения, ин-

2 Соловьев В.С. *Сочинения: В 2 т.* / Под ред. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 206.

3 Ткачев П.Н. *Кладези мудрости российских философов* / Под ред. Б.М. Шахматова. М.: Правда, 1990. С. 80 (курсив в оригинале).

тегрирующего в себе все искусства (*Gesamtkunstwerk* Рихарда Вагнера); то мирового коммунистического общества, снимающего самоотчуждение своих членов и упраздняющего труд, как то предвидели Карл Маркс и Фридрих Энгельс в «Немецкой идеологии» (1846), и, значит, вбирающего в себя *otium*, ничего-неделанье, нейтрализацию (по принципу: ни то ни другое) напряжения между умственными и физическими усилиями; то человеческого единства с божеством – «вселенского организма как воплощения божественной идеи»⁴ (в соловьевских «Чтениях о Богочеловечестве», 1878–1881); то безраздельной власти – государства в функции церкви, распоряжающегося и социальным телом, и духом (в «Братьях Карамазовых» Федора Достоевского, 1880).

Чтобы доказать сравнимость каких-либо двух величин, необходимо найти *tertium comparationis* – основание для их уравнивания (если xRy и yRz , то xRz , где y тот посредующий элемент, на который опирается аналогия между x и z). Но как быть, если речь идет о двух универсумах, наблюдаемом и только представимом, пребывающих в дизъюнкции, так что промежуток между ними оказывался пустым? Что дает право сблизить их? Довод для уподобления иного мира сему приходилось искать в поле опыта. Трансгисторическое реальное возводилось поэтому в революционном визионерстве 1840–1880-х к прецеденту, некогда имевшему место в действительном течении событий, но тогда еще недовоплотившему в жизнь свои возможности. Вершина эстетического мимесиса, *Gesamtkunstwerk*, как его трактовал Вагнер в «Искусстве и революции» (1849), был предсказан античной трагедией, выразившей, однако, лишь «дух одной прекрасной нации», тогда как «художественное произведение будущего» заключит в себя «дух свободного человечества поверх всех национальных барьеров»⁵. Маркс размышлял о ранних формах коммунизма (свидетельствовавших, впрочем, не более чем о том, что человек еще не дорос до владения частной собственностью) в экономико-философских рукописях 1844 года, но затем забросил эту тематику⁶, передвинув внимание на *tertium comparationis*, который в ближайшем политическом будущем соотнесет старый строй с чаемым бесклассовым обществом, сосредоточившись на диктатуре пролетариата (аналоге воцарения антихриста перед возведением на престол Агнца в «Откровении» Иоанна). Однако это Марксово небрежение историческим прецедентом подлинно справедливой социальности было восполнено теориями первобытно-

4 Соловьев В. Чтения о Богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров»: краткая повесть об Антихристе / Под ред. А. Б. Муратова. СПб.: Художественная литература, 1994. С. 168.

5 WAGNER R. *Mein Denken* / GREGOR-DELLIN M. (Hrsg.). München; Zürich, 1982. S. 113.

6 Ср.: MÜNKLER H. *Marx, Wagner, Nietzsche. Welt im Umbruch*. Berlin, 2021. S. 503.



го коммунизма, выстроенными Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» (1881) и Фердинандом Тённисом в «Общине и обществе» (1887). Для Соловьева человек «как связующее звено между божественным и природным миром»⁷ пресуществует тому окончательному порядку, какой объявится, по формуле из «Философских начал цельного знания», в «мире сверхприродном и сверхчеловеческом»⁸, обоженом. Государство как церковь у Достоевского подготавливает второе пришествие Спасителя, которого отверг в «Братьях Карамазовых» Великий инквизитор, обративший в извращении истинной власти церковь в государство.

Если будущему неведомы исключения из правила, то в прошлом они как раз наличествуют, обещая, что оно подвергнется генеральному пересмотру. Аргументом большой аналогии, в результате которой *mundus sensibilis* замещал собой *mundus intelligibilis*, служила, по существу дела, малая аналогия, сопрягавшая по сходству то, чем предстоит сделаться истории, с тем, что в ней и вообще на Земле однажды случилось. В реалистической ментальности на ее пике аналогия легитимировала саму себя, не допуская выхода из *mise en abyme*, из «вечного возвращения подобного», если воспользоваться формулой Ницше.

Философия Ницше во многих пунктах параллельна идеям, которые завладели его современниками. Намерение Ницше добиться «переоценки всех ценностей» того же происхождения, что и тотальная критика отчужденного от себя исторического человека у Маркса или анархистский отказ Макса Штирнера от любых узаконенных традиций святынь (государство, сакрализующее себя за счет поддержки религии, отвергается в «Человеческом, слишком человеческом» (1878) точно так же, как и в «Единственном и его достойнии» (1844)). Дионисийский экстаз, который Ницше принял проповедовать в «Рождении трагедии из духа музыки» (1872), подразумевал возведение в культ автотрансцендирования – инаковости в качестве внутренне свойственной самостям, менее всего подчиняющимся самосохранению по тому требованию, какое предъявлял им Бенедикт Спиноза в своей «Этике». У сего мира, как то было подчеркнута в «Сумерках идолов» (1888), нет потусторонней альтернативы, почему попадание в запредельные всему бывшему обстоятельства должно совершиться, по словам Заратустры, в той же плоти, которой мы располагаем, но которая допускает свой переход в высшее состояние.

Этот решительный переворот не имеет ничего общего с постепенным ростом уже завоеванного. Как и другие мыслители

7 Соловьев В. Чтения о Богочеловечестве... С. 143.

8 Он же. Сочинения... Т. 2. С. 152.

реалистического периода, Ницше оспаривал просвещенческое представление о развитии⁹, называя в «По ту сторону добра и зла» (1886) «*progressus in simile*», нисхождением «в обычное, посредственное, стадное»¹⁰. Соловьев сочувственно отозвался на провозглашенное в «Так говорил Заратустра» (1883–1885) учение о сверхчеловеке («Идея сверхчеловека», 1899), потому что и сам пользовался независимо от Ницше этим понятием. По убеждению обоих философов, биофизическое перерождение в новом образе предназначено в финале исторического процесса человеческому роду *in toto* (пусть эта мутация и разыгрывается у Ницше после смерти бога, а у Соловьева, напротив, в акте теургии). Сродни прочим революционно настроенным умам своего времени Ницше полагал планируемое им будущее предугаданным в промежуточном между историей и трансисторией звене, каковое в «Антихристе» (1888) было опознано в Ренессансе, ревизовавшем христианские ценности (ту же роль у Ницше, как и у Вагнера, играла досократовская античность, выдвинувшая на передний план трагедию, которой предстояло сделаться, согласно сказанному в «Ессе homo» (1888), прототипом грядущего «трагического века», когда человек поставит себя на пробу в войнах «без того, чтобы страдать от этого» (VI, 313)). Реализм, выдвинувший в эпохальный смысловой центр аналогию, ею же и сопрягал между собой свои философские идиолекты.

Несмотря на множество переключек с идейным контекстом эпохи, концептуальные построения Ницше выбиваются из ее рамок, бескомпромиссно доводя радикализм до крайности, до отдачи первенства реальному применительно к любой мысли о нем. При такой предпосылке философу не оставалось никакой ниши, кроме той, что располагалась за концом умозрения. В «Сумерках идолов» Ницше отрицал скопом философию за неспособность постичь мир в противоречивом становлении, за сведение всего что ни есть к каким-либо конечным абстрактным (и потому «пустейшим») понятиям (VI, 76). В «Веселой науке» (1881–1882) неадекватным действительности было объявлено «сознание вообще», раз оно возникает из социальной потребности людей в обмене сообщениями, являя собой «сетевой контакт между человеком и человеком», замыкающий в ницшеанской негативной семиотике «общественное животное» на себе (III, 591–592). «Нет ничего непосредственного, – сокрушается Ницше в набросках к «Воле к власти. Попытке переоценки всех ценностей» (1885–1888) – ибо сознание содержит в себе

9 К взглядам Ницше на Просвещение ср.: BLUMENBERG H. *Die nackte Wahrheit*. Berlin, 2019. S. 10.

10 NIETZSCHE F. *Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bänden*. München; Berlin; New York, 1980. Bd. V. S. 222. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в основном тексте статьи с указанием тома и страницы.



двойное отражение» (XII, 24), то есть как рефлексию о внеположных ему данностях, так и авторефлексию.

Если Дэвид Юм («Исследование о человеческом разумении», 1748) противопоставлял самовластия ума, по собственному усмотрению выводящему следствия из причин, апостериорное знание, добытое в опыте и тем самым имеющее под собой надежное основание, то для Ницше, замечавшего в тех же набросках, что «не существует ни причин, ни следствий» (XIII, 275), – практика не могла верифицировать деятельность интеллекта, поскольку тот исчерпывался порождением знаков, социальным функционированием, коммуникативным целеполаганием. Иммануил Кант нашел выход из скепсиса, поставившего у Юма философию под сомнение, в том, что обратил ее от вещей-в-себе к нравственной проблематике. По Ницше («Воля к власти»), поиск истины в морали означает, что «мир ложен» (XII, 384). Но такое умозаключение неприемлемо. Фальшью отдает сама мораль – плод рабского ressentiment; орудие, компенсирующее потерю твердо определенного «я»; средство социальной («стадной») нивелировки индивидуальных различий, подставляющее взамен утраченных идентичностей «не-я», в каковое Ницше превращал в «Генеалогии морали» (1887) кантовского субъекта нравственности, переживающего в трансцендентальном акте свою сопричастность Другому. «Критики» Канта были расширены у Ницше так, что охватили собой всю социокультуру, символический порядок как таковой. Любое осуждение философами их собственного дискурса (например недовольство Маркса тем, что философия лишь объясняла мир вместо того, чтобы занять его изменением) уступает тем упрекам, адресатом которых стал у Ницше – ни много ни мало – сам *homo sapiens*¹¹.

Что позволило Ницше все же быть философом и вне философской традиции? В не опубликованной при жизни статье «Философия в трагическую эпоху Греции» (1873), примыкавшей к «Рождению трагедии», он писал о досократиках: «Деятельность старших [*der älteren*] философов клонится [...] по большому счету [*im Grossen*] к исцелению и очищению»¹². Если подхватить эту мысль, то можно сказать, что философия в своем зачатке вырастает из архаического ритуального катарсиса, который, согласно исследовавшей его Мэри Дуглас, имел задачей предотвратить смерть (оберегая тела от загрязнения, смешения с неодушевленной средой) и освятить целостность («to be holy is to be whole»¹³). Нет ничего случайного в том, что пер-

11 Общее неприятие в текстах Ницше мышления в его «функциональности» (в приложении к объектам) – главный тезис в книге Пьера Клоссовски о «вечном возвращении»: KLOSSOWSKI P. *Nietzsche et le Cercle vicieux*. Paris, 1969.

12 NIETZSCHE F. *Werke in drei Bänden*. München, 1977. Bd. 3. S. 358.

13 DOUGLAS M. *Purity and Danger. An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. Harmondsworth: Penguin, 1970 [1966]. P. 68.

вомудрецы постарались пурифицировать вселенскую материю, свертывая ее к очистительным стихиям – к воде (Фалес), огню (Гераклит), воздушному движению (Анаксимен). Вслед за тем философия явилась на свет *in propria persona* как умствование о целостностях, избавленных от всякой частноопределенности, отвлеченных от акциденций.

Что до Ницше, то он опрокинул катарсис на саму философию, продолжил ее дело в противоход к ней, абстрагировался от абстрагирования, очутившись лицом к лицу с мирообъемлющей целостностью, которая более не поддавалась мыслительному редуцированию, схватыванию лишь в каком-то одном концепте. Отказ от философского очищения действительности вел Ницше к апологии нестерильности, вернее, к непризнанию скверны скверной. Заратустра учит: «В мире много загаженности. [...] Но из-за этого сам мир еще вовсе не фекальное чудовище!» (IV, 256). Для Ницше нет грязи, запятнанности: в «Ессе homo» он предостерегал от уничижительного взгляда на половую жизнь – от ее «марания [...] в понятии “нечистое”», представляющем собой преступление против нее (VI, 307). В известном смысле Ницше сублимировал, нейтрализовал в своих выкладах деяния того трикстера из мифов индейцев виннебаго, который в противоположность демиургу едва не поставил мир на грань катастрофы, залив его экскрементами¹⁴.

Ницше опрокинул катарсис на саму философию, продолжил ее дело в противоход к ней, абстрагировался от абстрагирования, очутившись лицом к лицу с мирообъемлющей целостностью, которая более не поддавалась мыслительному редуцированию, схватыванию лишь в каком-то одном концепте.

Смерть в восприятии Ницше не отделена от жизни, как и нечистое от чистого, с необходимостью входит в становление, «принадлежит к условиям действительного прогресса» («К генеалогии морали» (V, 315–316))¹⁵. Раз так, то бессмертие невоз-

¹⁴ О нечистоте трикстера см. подробно: Ibid. P. 142 ff.

¹⁵ Мотив становления-через-смерть был подхвачен у Ницше Сабиной Шпильрейн в статье «Die Destruktion als Ursache des Werdens» (1912), которая побудила Зигмунда Фрейда ввести в психоаналитическую теорию наряду с принципом наслаждения понятие влечения к смерти. Вслед за Ницше и прочими авторами 1840–1880-х Фрейд отдавал должное реальному, на признании которого покоилась, по его представлениям, психическая норма, но, будучи человеком периода, следовавшего за реализмом, он изучал невротические и психотические отклонения от нее. Принцип наслаждения (который был для Ницше лишь производным от «воли к власти», незначимым сам по себе) превалировал в психоанализе над принципом реальности, и поэтому *Todestrieb*, позыв к неоспоримо фактичному прекращению земной жизни, выступил у Фрейда в качестве устремления к «нирване», блаженству.



можно, а жизнь за гробом, над которой Ницше иронизировал в «Веселой науке», иллюзорна. Самоубийство, превознесенное Заратустрой, не более чем закономерный вывод из того обстоятельства, что Танатос интегрирован в Эросе. Человек – это «больной зверь» («К генеалогии морали» (V, 367)), коль скоро неизбежно несет в себе свою кончину. Но человек все же жив-в-смерти. Его недуг обратим в неистребимое «великое здоровье», если дать свободу таящемуся в субъекте объектно-му, гиблому, дабы «завоевание, авантюра, опасность, боль превратились в потребность» (V, 336), – в такой Танатос, который не гасит, а источает из себя витальную энергию, побуждает нас к действию¹⁶. «Свободный человек – воин», как сказано в «Сумерках идолов» (VI, 140). Поскольку смерть не обособлена от жизни, постольку «не существует никакой боли в себе» – без шокового воздействия извне, на которое реагирует нервная система, организм не ощущает имманентной ему агонии («Воля к власти» (XIII, 359)).

Соприсутствие мертвого в живом должно как будто подразумевать победу Зла в мире, и именно так трактовал ницшеанский аморализм Жорж Батай¹⁷. Но для Ницше одушевленное и неодушевленное эквивалентны и поэтому «не бывает никаких грехов в метафизическом смысле, но в том же смысле и никаких добродетелей» («Человеческое, слишком человеческое» (II, 75)). Ницше порицает духовность, каковая отрывает человека от благой телесной витальности («Испорченный желудок – вот что такое Дух», – восклицает Заратустра (IV, 258)), и вместе с тем не вполне доверяет правде жизненной силы, допуская в «Веселой науке», что «воля к истине [...] могла бы быть спрятанной волей к смерти» (III, 576). Утверждение жизни и пожертвование ею равно релевантны в ницшеанской (пост)философии¹⁸. Сотворенное человеком само себя разрушает: «Мы принадлежим к некоему времени, культура которого пребывает в опасности уничтожить себя средствами культуры же», – таков один из афоризмов в «Человеческом, слишком человеческом» (II, 324).

Такой сугубо негативный взгляд на положение дел в современности вовсе не означает, что сотериология была чужда

16 В докладе, прочитанном в 1976 году, Жак Деррида вывел жизнестойкость смерти у Ницше из его биографии – из ранней кончины отца, партиципированной, вобранной в себя ребенком, который ассоциировал свою дальнейшую жизнь с материнской, генеративной (ДЕРРИДА Ж. *Ухобиографии. Учение Ницше и политика имени собственного*. СПб.: Академический проект, 2002. С. 60 след.). Дополняя сказанное в тексте Деррида, можно думать, что фиксация Ницше на самопреодолении следовала из вмещения в себя ребенком мертвого отца, то есть из эдипальной победы продолжающего жить существа над скончавшимся родителем-соперником. В «Человеческом, слишком человеческом» читаем: «Мы находим в отдельной человеческой жизни [...] подвергнушуюся сжатию борьбу, которая обычно разыгрывается между двумя поколениями, между отцом и сыном» (II, 222).

17 BATAILLE G. *Sur Nietzsche. Volonté de chance*. Paris, 1945. P. 202–203.

18 Ханс Блюменберг был односторонен, думая, что Ницше безальтернативно отождествлял стремление к истине и *Todestrieb*: BLUMENBERG H. *Nietzsche*. S. 16.

Ницше, как думают многие из его истолкователей¹⁹. «Спасти прошлое и пересоздать все “Это было” в “Так я этого хочу!” – говорит Заратустра, – только то и зовется для меня спасением» (IV, 181). В той мере, в какой история стоит на службе жизни (то есть присутствия здесь и сейчас), она скрывает в себе неисторическую сердцевину (в трактате «О пользе и вреде истории для жизни» (1874), где был высказан этот тезис, Ницше переформулировал соображение Аврелия Августина о всегдашнем настоящем, которое не только есть, но и было). Воле к искуплению надлежит сделать явным тайно вечное (позднейший *élan vital* Анри Бергсона) в истории и перевести ее в «сверхисторию», избавленную от ниспадения в пагубу.

Логика выхода за границы философии и – шире – сознания предусматривала отказ от мышления в смысловозначительных оппозициях. Их отрицанием открывается трактат «По ту сторону добра и зла»: «Правомерно [...] сомневаться в том, существуют ли вообще противоположности» (V, 16). Ницше отменяет расхождение не только органического и неорганического, а заодно Добра и Зла, но также противочленов многих иных ценностно-категориальных пар, в том числе видимости и факта или ложного и истинного. Видимость, согласно черновым заметкам, сделанным Ницше в августе–сентябре 1885 года, есть «единственная реальность вещей», к которым мы можем подойти, лишь найдя для них определенные предикаты, а не непосредственно. Реальность недоступна для установления «логической истины», каковая и сама есть достояние «только одного воображаемого мира» (XI, 654). Аналогия была поднята у Ницше на ту высоту, на которой она сблизила полюса самых разных антитез, так что не осталось ни другого, ни автоидентичного. Все самотождественно в своей инаковости себе, в самопревозмогании, в дионисийском исступлении.

Ницше не диалектик в том плане, что для него внутренняя противоречивость чего бы то ни было не снимается в конечном примирении враждебных начал. Они конфликтно соприсутствуют в любом явлении, соответственно, раздваивающемся. Многочисленные попытки исследователей свести мысль Ницше к какой-либо однозначности должны быть сочтены бьющими мимо цели. «Сумерки идолов», в которых художник изображен существом, наращивающим свою силу (VI, 116), как будто подтверждают сказанное Мартином Хайдеггером о том, что у Ницше «воля к власти имеет в искусстве свое высшее воплощение [*Gestalt*]»²⁰. Но в «К генеалогии морали» искусство заклеено в качестве «воли к обману», здесь оно «святит ложь»

19 См., например: SLOTERDIJK P. *Der Denker auf der Bühne. Nietzsches Materialismus*. Frankfurt am Main, 1986. S. 162; MÜNKLER H. *Op. cit.* S. 284–289.

20 HEIDEGGER M. *Nietzsche* [1961]. Stuttgart, 1998. Bd. 1. S. 70; см. также: S. 97 ff, 122, 221.



(V, 402). Всегда готовый к зачеркиванию своих положений, автор «Воли к власти» выступил против «всех систем и систематиков» (XII, 450).

Между тем суждения Ницше вовсе не хаотичны, их непоследовательность вполне последовательна, подчинена некоей организующей их установке, которую чувствуют и стараются выяснить интерпретаторы его сочинений, пусть часто впадая при этом в односторонность. Связность обеспечивается его постулатами тем, что они вписаны в эпохальную парадигму, составляя тот ее особый вариант, в котором реализм поднимается на свою верхнюю ступень, становится реализмом *in extremis*. Доподлинно для Ницше бытие без бытующего, без осмысляющего действительность человека, которому придется – ради торжества реального – сойти на нет, будучи замещенным трансгуманным существом. Пока этого преобразования не случилось, все что ни есть для бытующего тонет в неразрешимой амбивалентности, подрывающей систематичность мышления о мире и вместе с тем системообразующей в качестве мышления в его чистом виде, освобожденного от расчета на добывание референтно выполнимой истины.

Суждения Ницше вовсе не хаотичны, их непоследовательность вполне последовательна, подчинена некоей организующей их установке. Связность обеспечивается его постулатами тем, что они вписаны в эпохальную парадигму, составляя тот ее особый вариант, в котором реализм поднимается на свою верхнюю ступень, становится реализмом *in extremis*.

Инициаторам постмодернизма Ницше оказался близок в произведенной им ломке оппозиций. Мыслителям 1960–1970-х хотелось бы неклассическим путем отыскать третье данное за чертой дизъюнктивных отношений между смысловыми величинами. Мишель Фуко ухватился за критику, которой Ницше подверг происхождение морали, и заключил отсюда, что историческое сознание должно передать свои права генеалогии, обнаруживающей отсутствие истины в истоке («Ницше, генеалогия, история», 1971). Для Фуко одинаково потеряли весомость и генезис, и кинезис, которые, по его мнению, будут вытеснены изучением (собственно: дерридианской деконструкцией) того исторического наследования, какое задано порочным первоначалом. Но разве генезису в «Происхождении трагедии» присвоен отрицательный знак? Зарождение явления, как и

все прочие категории, не имеет у Ницше аксиологического единства, двусмысленно. За порогом дизъюнктивного различия у Ницше, в отличие от мэтров постмодернизма, нет ничего, кроме обнаженно реального, никаких мыслительных конструкций. «Переоценка всех ценностей», накопленных умом, наделяет в результате значимостью лишь то, что не уступает концептуализации и валоризации, – бытие, которое нельзя «направить, измерить, сравнить, вынести на суд» и в котором отсутствует *causa prima* («Сумерки идолов» (VI, 88–97)). Даже и сама категорическая негация, которой оперирует Ницше, распадается у него надвое. Есть христианский нигилизм, подлежащий осуждению как «воля к концу», ожидающему дольний земной мир («Антихрист» (VI, 176)). Более того: «все, что создается, представляет собой явление завершения» («Воля к власти» (XIII, 335)). Но этот нисходящий нигилизм вывернется наизнанку, сделается восходящим, если помыслить его самого как содержащего в себе свой конец: «мы должны сперва пережить нигилизм, чтобы зайти за него» («Воля к власти» (XIII, 190))²¹. *Negatio negationis* – все то же отрицание, пусть и к себе повернутое.

Поскольку наши понятия претворяются в противоположия, как только мы допускаем превосходство реального над рефлексией, в обратном порядке бытие непременно будет включать в себя собственное Другое – становление. Себе тождественное и в то же самое время становящееся бытие нельзя понять иначе, как «вечное возвращение подобного»: «То, что *все возвращается*, есть самое далеко идущее *приближение некоего мира становления к бытию*» («Воля к власти» (XII, 312), курсив в оригинале). Модель общезначимого круговорота давала онтологическое основание для опровержения тех несовместимостей, в каких интеллект выстраивал картину действительности: любая противоположность данному повторяет то, с чем контрастирует. В «колесе бытия» можно усмотреть образ, пришедший на смену вере в постмортальное спасение: жизнь воспроизводится у Ницше не на том свете, а по сию сторону смерти, восстанавливается сама по себе. Можно сказать также, что «вечное возвращение» – это проекция дионисийского экстаза, самозабвения, не уводящего в мистическую запредельность, а составляющего сущность самоутверждения, идентичности, которую нельзя изъять из здесь и сейчас. Можно, далее, констатировать несовпадение ницшеанской идеи с ритуально-циклическим возобновлением демиургического акта: она имела в виду не возвращение к Творению, коль скоро бытие изначально, а возвращение как непрерывное Творение – как

21 См. также: Ibid. S. 387 ff. К двоякости нигилизма у Ницше ср. еще: DELEUZE G. *Nietzsche et la philosophie*. Paris, 1962. P. 169 ff.



недопустимость того, что бытие обойдется без становления, оказывающегося всегдашним в нем. Как, однако, ни меняй точку зрения на смысл «вечного возвращения», оно не избавляется от противоречивости. Вернее: оно и есть само противоречие, заключающееся в том, что некое содержание значения невыполнимо применительно к объему данного значения. Этот разлад в «вечном возвращении» абстрактен в самой высшей степени: объем всего что ни есть принципиально неизвестен – между тем неотчетливому в своих контурах бытию приписывается определенное содержание, наделяющее его дистинктивным признаком постоянной процессуальности.

То, о чем мы не знаем, конечно оно или бесконечно, представит – помысленное как круговорот – в виде финализуемого, возвращающегося к себе. Именно за стремление к завершенности Ницше критиковал деятельность интеллекта. По мнению Екатерины Поляковой, Ницше потерпел поражение, стараясь очистить реальное от интерпретаций, но не избежав их²². Такой подход к концептуальному сооружению, возведенному Ницше, вполне правомочен. Однако на эту конструкцию стоит взглянуть и *sub specie saeculi*. Перед нами не просто субъективная интерпретация, но и заявляющая в ней о себе объективность историко-культурной стадии, на которую Ницше шагнул на последнюю границу своего времени, но не переступил ее. Эпохальное смыслопорождение заставило философа, несмотря на все старания пробиться к реальному как таковому, придать ему аналоговую внутреннюю форму, изобразить его множачим подобия (всего всему). Ницше единодушен в этом плане с Достоевским, уповавшим на второе пришествие, или с марксизмом, искавшим в ранней человеческой истории предвосхищение грядущего коммунизма. Вне влияния Ницше Соловьев сформулировал буквально тот же самый принцип, каким руководствовался и Заратустра. В «Чтениях о Богочеловечестве» Соловьев постулировал, что «абсолютно-сущее» следует полагать «как сохраняющее и утверждающее себя в [...] своем содержании, [...] другими словами, как находящее себя в другом или вечно к себе возвращающееся и у себя сущее»²³.

Направленное *in concreto* на историю аналоговое мышление побуждало реалистов (Достоевского, марксистов) к поиску образца, по которому сформируется будущее. В предельном обобщении (у Ницше, Соловьева) проведение аналогий выли-

22 POLJAKOVA E. *Realität als Macht. Epistemologische, ideologiekritische und theologische Aspekte einer Philosophie der Macht*. Baden-Baden, 2023. S. 151 ff. О том же много раньше писал Евгений Грубецкой в очерке «Философия Ницше» (1904): «Отрицание разума, отрицание самой возможности суждений есть все-таки суждение; как всякое суждение [...] оно предполагает веру в разум, то есть в то самое, что отрицается» (Фридрих Ницше и русская религиозная философия / Под ред. И. Т. Войцкой. Минск: Алкиона-Присельск, 1996. Т. 1. С. 229; курсив в оригинале).

23 Соловьев В. *Чтения о Богочеловечестве...* С. 115.

валось в представление об их всеместности, о тотальной эквивалентности любых элементов мироздания. Разница между Соловьевым и Ницше в том, что для первого человек неустрашим из бытия (присутствуя в нем даже и до своего биологического возникновения в качестве его объективной интенции), тогда как второй разработал антропологию сугубо негативного свойства. По словам Батая («Суверенность», 1953–1956), у Ницше «мысль, доведенная до предела, требует жертвоприношения, то есть смерти самой мысли»²⁴. В своем индивидуальном намерении Ницше и впрямь был нацелен на то, чтобы его тезисы разрушали себя в антитезисах. Но статья вполне суверенным карателем интеллекта ему мешала включенность в эпохальную умственную парадигму, его порабощенность социокультурной историей, преодолевая которую, он сам увяз в «вечном возвращении подобного» – ведь книга о Заратустре оказалась не более чем еще одним благоветием, «антихристианским Евангелием как в стиле, так и в содержании», по точному определению Карла Лёвита («Повторение учения о вечном возвращении у Ницше», 1934)²⁵.

Завороженность аналогизированием потребовала от Ницше сформулировать парафразу «вечного возвращения», которой сделалась «воля к власти»²⁶: «Запечатлеть в становлении характер бытия – это и есть высшая воля к власти» (XII, 312; здесь и далее цитируется незавершенная книга Ницше о переоценке всех ценностей; курсив в оригинале). Становление невозможно без самоутверждения, откуда проистекает агональность бытия, в котором все его слагаемые сразу не только эквивалентны, но и неизбежно борются друг с другом («война всех против всех», бывшая у Томаса Гоббса догосударственным естественным состоянием человека, превращается у Ницше в неизменно сущее). Или иначе: чем больше энтропии в бытии с его круговращением, тем сильнее индивидуальное должно, чтобы конституироваться в этом космохаосе, тяготеть к автократии. «Воля к власти» равно царит как в неорганической, так и в органической сферах и обуславливает любую иную человеческую решимость, будь то воля к истине, знанию, логическому выводу, наслаждению или самосозиданию, каковое есть превосхождение себя.

В подоплеке порыва к доминантности лежит аффектация, не контролируемая интеллектом, раскрепощающая в субъекте объективно-натуральное начало²⁷. Целеустремленность к власти в человеческом мире – реальное внутри нас. Эта настроен-

24 БАТАЙ Ж. *Проклятая часть. Сакральная социология*. М.: Ладомир, 2006. С. 441.

25 LÖWITZ K. *Weltgeschichte und Heilsgeschehen* [1949]. Stuttgart, 1953. S. 203.

26 К тесной взаимосвязи этих двух посылок у Ницше ср.: HEIDEGGER M. *Op. cit.* Bd. 2. S. 7–29.

27 Ср.: HEIDEGGER M. *Op. cit.* Bd. 1. S. 40–51.



ность императивна и, следовательно, оппонирует христианской свободе выбора, которая программирует половинчатое несовершенство личности, ее внутреннюю разьединенность и неизбежное отсюда лицедейство («Schauspielerei») (XIII, 310) перевертывает у Ницше смысл нападок Августина на театр как языческую институцию)²⁸. Свобода выбора, наряду с догматом христианской религии о свободе воли, мишень полемики, развязанной Ницше, – дарвинизм, согласно которому в борьбе за существование выживают особи, приспособляющиеся к среде. В трактовке Ницше (XIII, 303–304) они вовсе не сильнейшие, а напротив, упадническая среднестатистическая масса, подчиненная стадному инстинкту, полярная тем, кто, положившись на удачу (на *kairos*), властно возглавляет «поступательное движение рода» (по-видимому, понимание истории как выпадения шанса Ницше унаследовал из культурософских сочинений своего современника Антуана Огюста Курно).

Целеустремленность к власти в человеческом мире – реальное внутри нас. Эта настроенность императивна и, следовательно, оппонирует христианской свободе выбора, которая программирует половинчатое несовершенство личности, ее внутреннюю разьединенность и неизбежное отсюда лицедейство.

Марксово рассмотрение классовой борьбы, которая прекратится в обществе с наступлением коммунизма, выглядит в сравнении с онтоагональностью у Ницше уступкой, какую философия делает социальной истории ради того, чтобы покорить не только умозрительное, но и практическое сознание своих адресатов. Классовым конфликтам надлежит исчезнуть потому именно, что они не бытийны. Их возвращение не бессрочно. Для Ницше же, вразрез с Марксом, схватка за господство, по справедливому суждению Хайдеггера, как эссенциальна, так и экзистенциальна²⁹: она составляет одновременно и «самую что ни на есть внутреннюю сущность бытия» (XIII, 260), и необходимое условие жизни, в которой голод отнюдь не *primum mobile*, а «следствие не становящейся более владыкой воли к власти» (XIII, 361). *Summa summarum*: в противоборстве, неустранимом из бытия, открывается чтойность (*quidditas*) центров, перетекающих в начала.

28 Петер Слотердаjk приписал актерство самому Ницше, с чем тот вряд ли согласился бы (ср. особенно: SLOTERDIJK P. *Op. cit.* S. 100 ff).

29 HEIDEGGER M. *Op. cit.* Bd. 1. S. 381.

Воля, претендующая в понятийном словаре Ницше на место духа, неприемлемого для противника идеализма, имеет в виду, что власть, в которую она метит, будет не чьим-то индивидуальным достоянием, а всеобщей целеположенностью, отвечая тем самым идее «вечного возвращения подобного». Макиавеллевская инженерия власти не занимала воображение Ницше. После смерти бога власть дольше не потустороння в мире сем, она присуща ему изнутри, означая не столько его господство над бытующими, как думал Хайдеггер³⁰, сколько его независимость от чуждой ему силы, его самоуправство. Если вера в то, что бытие заключено в самоповторе, подчинила мысль Ницше требованию эпохи, перешедшему у пациенса исторических обстоятельств, которому хотелось бы прикоснуться до реального, в обсессивно-компульсивный невроз, то реформулирование этой веры в терминах воли к власти выразило соучастие мыслителя в том всеилии, на какое покушалась современная ему ментальность, увидевшая в инобытии продолжение, а не альтернативу бытия. В философии Ницше отпечатались, как ни в какой иной, война, которую ведут друг с другом разные стадии социокультурной динамики. Неотменяемость властного азарта, являющего собой само реальное, увековечивала реализм как раз в тот момент, когда он стал клониться к закату, когда его принялась теснить формирующаяся культура того периода, который принято обозначать как *fin de siècle*. Вступивший в бескомпромиссную полемику с декадансом (с «волей к ничто»), Ницше защищал свою эпоху, вместе с тем и руша ее, коль скоро ненароком демонстрировал, что питавшее реализм сомнение в достоверности идей само есть не что иное, как идея. Всякий думающий – вне реального, хотя и не обязательно вне реальности.

Для Ницше не было иного выхода из гнетущего противоречия, кроме самоотчуждения, обращения «пафоса дистанции» на самого страждущего этого отрешения от социокультурной рутины, перевоплощения из мудреца в глупца, нахождения настоящей свободы в абсурде, как то было заявлено в «Человеческом, слишком человеческом». Дионисийская трагедийность перерождалась в комизм, в известном смысле не столько обезвреживающий катастрофическую ситуацию, в какой находился философ, сколько усиливающий ее (как ни тщишь умствовать, кто ты, если не «nur Narr! Nur Dichter!» (VI, 377 ff)). Бахтинская теория карнавала, сложившаяся во многом под влиянием требования развенчать все высшие ценности, отстаиваемого Ницше, отняла у его смеха трагическое приращение. Строго говоря, кульминирующее в бессмыслице смыслопорождение само по

30 Ibid. S. 381.

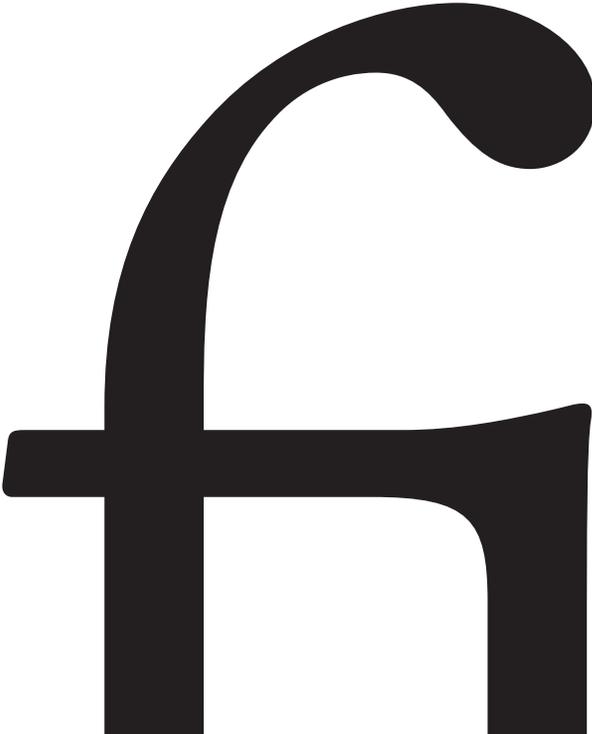


себе закрыто для нашего понимания, обреченного быть в той или иной степени недостаточным или даже промахивающимся мимо цели до тех пор, пока мы не реконструируем эпохальную предпосылку, объясняющую, что именно диктовало философии Ницше ее склонность к автодеструктивности (иначе говоря, ее «волю к власти» и над самой собой). Заратустра декларирует: «Всегда есть [...] доля разума в безумии» (IV, 49). Умопомешательство Ницше на склоне его дней стало тем ультимативным достижением реального, которому препятствовал перевод такового в мыслительные операции, окончательным самоотвержением философа. Приходится только гадать, почему Ницше отказался от подготовки «Воли к власти» для печати. Быть может, причиной послужило то обстоятельство, что этой книге предназначалось фундировать окончательным образом все философское творчество Ницше. Испытывал ли он провидческий страх от того, что вслед за этим ему оставался еще только один шаг в дионисийском возвышении над собой мыслящим – безумие?

Отечественное право и первая Конституция СССР

Отмечая столетие Конституции СССР 1924 года, «НЗ» подготовил подборку материалов, посвященных этому важнейшему документу и написанных как его современниками, так и нынешними исследователями. Открывает ее «зеркальная» публикация двух архивных текстов, отражающих восприятие духа советского Основного закона юридическими сообществами, с одной стороны, Советской России, а с другой, русского Зарубежья. Поскольку одной из ключевых областей, регулировавшихся этой Конституцией, стали федеративные отношения, в центре внимания специалистов естественным образом оказывается федеративный строй Советского Союза и его базовые характеристики.

Первому слово предоставлено Георгию Гурвичу (1886–1964). Родившись в Одессе, он в 1908 году поступил на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, который окончил с отличием, а с 1917-го работал в том же университете на кафедре уголовного права. После октябрьской революции активно поддерживал новую власть, руководя отделом государственного права в Народном комиссариате юстиции РСФСР. Гурвич также входил в состав комиссии при Всероссийском центральном исполнительном комитете, занимавшейся разработкой первого послереволюционного Основного закона – Конституции РСФСР 1918 года. С 1922-го в ка-



**КОНСТИТУЦИЯ
СССР 1924 ГОДА
В ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕТРОСПЕКТИВЕ**

честве профессора преподавал на различных кафедрах политико-юридического отделения факультета общественных наук (позже факультета советского права, а затем юридического факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Вслед за советским правоведом Конституцию СССР 1924 года и санкционированный ею строй комментирует правовед антисоветский. Николай Алексеев (1879–1964) родился в Москве в семье юриста. Он был исключен из Императорского Московского университета за революционную деятельность, полгода провел в тюрьме, после чего продолжил образование в Германии. В 1903 году, вернувшись в Россию, восстановился в университете и в 1906-м с отличием окончил юридический факультет. Работая с 1912 года на кафедре энциклопедии права и истории философии права, в январе 1917-го был избран экстраординарным профессором. Алексеев поддержал февральскую революцию и деятельность Временного правительства, участвовал в подготовке созыва Учредительного собрания. Большевистский переворот решительно не принял, присоединившись к Добровольческой армии, вместе с остатками которой в октябре 1920 года покинул Россию. В 1922-м в числе других известных русских правоведов стал сотрудником юридического факультета Русского народного университета в Праге, созданного эмигрантской профессурой для содействия молодым русским изгнанникам в получении образования. В начале 1930-х переехал в Страсбург, преподавал на Русских юридических курсах Сорбонны, в годы Второй мировой войны участвовал в движении Сопротивления. В 1945 году Алексеев получил советское гражданство, но на родину не вернулся, до конца своих дней проживая в Женеве.

Вскоре после принятия Конституции СССР 1924 года Гурвич и Алексеев опубликовали работы, посвященные анализу советского государственного строя, фрагменты из которых представлены ниже. Почти синхронные публикации двух авторов, получивших классическое университетское образование на юридических факультетах двух старейших российских университетов, преследовали разные цели и были адресованы разной аудитории. Если книга Гурвича, выдержавшая не одно переиздание, была направлена на популяризацию знаний о государственном устройстве СССР среди широких слоев советских граждан, то Алексеев адресовал свой текст русским эмигрантам, не менее живо интересовавшимся советской государственностью: так, Съезд русских юристов за границей, прошедший в Берлине в 1922 году, признал изучение права советской России подлинной необходимостью. В предисловии к сборнику, куда входил и текст Алексеева, указывалось:

«[Такое изучение] необходимо прежде всего для того, чтобы иметь возможность не только в общей форме отрицать его, но и опровергать столь часто встречающиеся за пределами России ошибочные представления о нем, в особенности в настоящее время, когда в связи с провозглашением лозунга “революционной законности” и изданием внешне упорядоченных кодексов создается видимость глубокого перелома в правовом состоянии страны в сторону улучшения»¹.

Оценивая Конституцию СССР 1924 года из дня сегодняшнего, мы можем согласиться с суждением, разделяемым одним из составителей сборника, согласно которому с советским правом «придется считаться и при всяких изменениях в формах политического бытия России»². Для нас точно так же очевидно, что без обращения к Конституции 1924 года, утвердившей федерализм в качестве одной из основ советского строя, невозможно осмыслить бытование советской государственности, а не разобравшись в особенностях последней, нельзя понять, как работает (или не работает) федерализм в нынешней Российской Федерации.

Эту историческую преемственность подчеркивают и приглашенные нами специалисты-современники: Вадим Корольков, называющий Конституцию СССР 1924 года «самой либеральной и самой федералистской из всех советских конституций» и сравнивающий ее с действующей Конституцией Российской Федерации 1993 года, и Марина Окунева, описывающая утверждение после 1924 года новых – федералистских – «правил игры» в руководстве советской наукой, а также противоборство московских и республиканских властей за первенство в этом деле.

Редакция благодарит Марину Окуневу за отбор архивных текстов для этого тематического блока, а также за подготовку биографических справок специалистов-конституционалистов.
[«НЗ»]

- 1 Алексеев Н.Н., Завадский С.В., Маклецов А.В., Тимашев Н.С. *От составителей // Право Советской России: сборник статей. Вып. 1: Источники права. Государственный строй. Административное право. Публично-хозяйственное право* / Сост. Они же. Прага: Пламя, 1925. С. 6.
- 2 Там же.

Советская Конституция и советская федерация¹

В ЧЕМ СУТЬ СОВЕТСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА?

Георгий Семенович
Гурвич (1886–1964) –
советский правовед-
конституционалист.

Суть советского федерализма на частном примере РСФСР может быть правильно установлена только в плоскости национальной проблемы, во имя которой пролетариат допускает федеративным началам пронизывать плотно сбитое тело своего демократически-централизованного государства. Он «учитывает ясный факт, что национальный вопрос еще не изжит, и потому признает федеративную республику “шагом вперед”»². Она есть средство для изживания национального вопроса, изживания, возможного только в атмосфере пролетарской диктатуры и действительно начатого. Все дело в том, что есть один элемент в федерализме, подлинно существенный, который буржуазия затушевывает и затемняет кучей юридической дребедени. Это принцип равенства составляющих федерацию частей. Где соглашающиеся стороны не равны, а *только уравнины* жестокой палкой центральной власти, как каторжники, прикованные к общей тачке, ненавидящие друг друга за тяжесть не ими созданных цепей и принуждаемые надсмотрщиками послушно влачить проклятый груз, там нет федерации – *союзного* государства. Так обстоит дело в буржуазных союзах. Иначе – в случае советской федерации. Здесь в союз вступают нации, предварительно уничтожившие каждая у себя частную собственность на орудия производства как основную предпосылку раздоров, неприязни, эксплуатации, угнетения, неравенства. Они все получают не только одинаковое право на жизнь, но и действительные средства осуществления этого права – *больше тому, кто слабее* (а не по «естественным» законам собственнического общества – *больше тому, кто сильнее!*). Между ними еще нет фактического равенства – конечно, нет. Потому-то и нужна сильная рука федеральной власти, чтобы распределять (а не делить!) как неизбежные тяжести гражданских войн и социалистического строительства, так и достигнутые блага.

1 Печатается по изданию: Гурвич Г.С. *Основы советской Конституции*. Изд. 4-е. М.: Государственное издательство, 1924. С. 118–126. Название публикации дано редакцией. Печатается с незначительными сокращениями.

2 Ленин В.И. *Государство и революция*. Петроград: Жизнь и знание, 1918. С. 68.

Не вина пролетариата, что взору юриста, мысль которого движется в привычных формах внешнего благообразия и наружной симметрии, здесь чудится «урезывание компетенции», большее или меньшее «подчинение центру», «больше или меньше автономии» и тому подобные несправедливости: ведь он привык раздавать равные права неравным субъектам, и в этом он видит справедливость!

Между нациями Советского Союза – безразлично, возьмем ли мы их в масштабе РСФСР, или ЗСФСР, или СССР – еще нет фактического равенства. Но нет и не может быть в то же время малейшего поползновения сильного воспользоваться слабостью слабого для его ущемления. Напротив: в порядке дня «действительная, систематическая, искренняя настоящая пролетарская помощь с нашей стороны трудящимся массам отсталых в культурном и хозяйственном отношении национальностей»³, помощь, не ограничивающаяся возвращением национальных языка и школы, а направленная главным образом к созданию на окраинах очагов промышленности⁴. При таких совершенно невиданных и немыслимых в капиталистическом строе междунациональных отношениях фактическая слабость той или другой нации теряет свой унижительный характер, перестает быть неисчерпаемым источником ненависти, раздражения, стыда, предлогом для гнусных разговоров об «избранных» нациях, о «благородных» расах, а есть то, что она есть: вполне исцелимый недостаток, деятельное лечение которого ни в каком случае не является актом благотворительности, а требуется интересами преуспевания целого. Жестокая классовая борьба всегда спаивает членов молодого, полного сил класса: отставших и изнемогших не добивают и не покидают на произвол судьбы, а поддерживают общими силами коллектива, и в этом – залог самоотверженности и безоглядной преданности каждого. Так и в Советском Союзе наций *реальная слабость того или другого сочлена имеет тенденцию вознаграждаться не менее реальной поддержкой сильной федеральной власти*. Добиваясь того, чтобы интенсивность этой поддержки была прямо пропорциональна нужде в ней, мы достигаем результата, в котором *вся суть советского федерализма, секрет прочности, спаянности и растущей мощи советской федерации: все нации, члены этого союза, неравные сами по себе в отдельности, все равны в союзе, ибо каждая из них прибавляет к своей собственной силе ровно столько силы союза, сколько ей нужно, чтобы сравняться с другими*. При этом она ничего не теряет, а приобрета-

3 Сталин И.В. Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве // Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). 17–23 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М.: Красная новь, 1923. С. 446.

4 Там же.

ет в своей индивидуальной самобытности и пребывает полноправным членом федерации независимо от того, населяет ли она автономную область или автономную республику.

Но так поставить дело национального равенства может только пролетариат. И такой *уравновешивающей* по отношению к нациям силой может быть только классовое государство пролетариата.

Именно из указанных выше фактов народы советских республик сделали вывод, необходимым следствием которого было объединение четырех независимых государств в одно союзное государство.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

До конца 1922 года происходило восстановление и укрепление советского строя в Белоруссии, на Украине и на Кавказе. Украинская, Белорусская, Азербайджанская, Армянская и Грузинская Советские Социалистические Республики в жестокой борьбе с внешней и внутренней контрреволюцией одновременно отвоевали свое право на самостоятельное существование. Но, утвердивши у себя советскую власть, каждая из этих республик немедленно обращала взор на РСФСР – тот испытанный центр, откуда пошла пролетарская революция и где ни разу не угасал ее очаг. Не поступаясь нисколько своей юридической самостоятельностью, каждая из этих Республик связала себя с РСФСР как равная с равной, Союзным договором, который подтверждал и более или менее ясно формулировал ту общность внешней политики и внутреннего строительства, которая всегда существует между советскими государствами уже потому, что они – советские.

Цель этих договоров столь же простая, сколь и определенная: военная оборона советских республик и некоторые важнейшие отрасли народного хозяйства должны быть объединены руководством в одной сильной и верной руке, что и достигалось созданием так называемых объединенных Народных комиссариатов по соответствующим отраслям. Характерной особенностью этих договорных соглашений служило то, что в результате их не получалось новых органов законодательства и управления: Всероссийский Съезд Советов, ВЦИК и некоторые Народные комиссариаты РСФСР присоединяли к своим ранее существовавшим функциям еще и обязанности обслуживания той или иной договорной республики. Естественно, что начиная с IX Всероссийского Съезда представители всех этих республик приобрели место на Съезде и во ВЦИК.

Понятна также и другая особенность этих договорных отношений: не существовало кругового договора, взаимно связывавшего друг с другом все советские государства – Украину с Азербайджаном, Грузией и так далее, Армению с Белоруссией, Грузией и так далее, – но каждое из них вступало в непосредственные союзные отношения с одной РСФСР.

Такой порядок не мог считаться нормальным и окончательным. С оживлением и усложнением международных связей и внутренней жизни советских республик становилось очевидным, что нельзя обременять органы РСФСР столь ответственной и трудной работой общесоюзного руководства сверх их непосредственных обязанностей по обслуживанию РСФСР. Помимо крупных технических неудобств, такое положение не соответствовало общему представлению о равенстве и самоценности братских советских республик: первоначальную задачу помощи и руководства каждой из молодых республик РСФСР – старшая их сестра – уже исполнила: она собрала их вокруг себя и помогла им встать на ноги, но не затем, чтобы и дальше водить их на помочах. Теперь они могли и должны были непосредственно подать друг другу руки, связаться круговым союзом и поставить над собой верховный общий орган, чтобы он удовлетворял их общие нужды.

В необходимости и целесообразности создания единого государства, возглавляемого единой верховной властью, союзные республики имели возможность убедиться за все время существования договорных отношений. Сами эти союзные договоры ни разу не были, как у буржуазии в подобных случаях, тайным или явным разбойничьим сговором, рассчитанным на захват предполагаемой или на дележ уже приобретенной добычи: они, как отчетливо засвидетельствовала позже «Декларация об образовании СССР», являлись выражением самого строения советской власти, «интернациональной по своей классовой природе», ведущей советские массы к объединению в одну социалистическую семью. Этой великой истине независимые братские республики учились на жестоких уроках борьбы с внешними и внутренними эксплуататорами. Наивысшая централизация военного, например, дела диктовалась прямыми, явно ощутимыми жизненными интересами этих республик, пролетариат которых штыками вынужден был доказать капиталистам всю серьезность своего намерения превратить самого себя в нацию. Но в этих классовых войнах пролетариата сила штыков была и всегда будет лишь производной от его хозяйственной и финансовой мощи. В капиталистическом государстве вполне возможно и сплошь да рядом наблюдается такое положение, когда разоренные, голодные, вымирающие массы содержат гигантскую армию, составленную из крестьян

и рабочих, на три–четыре года насильственно оторванных от привычного труда, превращенных в солдат-специалистов. Такой армией, отлично вымуштрованной и прекрасно снаряженной, командует тщательно подобранная каста военных начальников, для которой не жалеют ни окладов, ни пенсий, ни дорогостоящих орденов и наград. И сильная, блестящая и гремящая армия живет ужасным, злокачественным наростом на измученном теле народа. В социалистическом государстве такое положение совершенно немыслимо. Здесь нет вообще солдат-специалистов и грохочущих палашами военных трутней. Здесь сильная армия, способная внушить страх неприятелю и отразить его напор, может быть лишь прямым и естественным следствием хозяйственного благосостояния страны. Здесь нет господствующего класса собственников, содержащего армию за счет разоренных и разоряемых низов. Трудящиеся здесь у власти, их армия составляет с ними одно. Если народное хозяйство в упадке, если массы не овладели производством – не будет армии, не будет вооруженных сил.

Первоначальную задачу помощи и руководства каждой из молодых республик РСФСР – старшая их сестра – уже исполнила: она собрала их вокруг себя и помогла им встать на ноги, но не затем, чтобы и дальше водить их на помочах. Теперь они могли и должны были непосредственно подать друг другу руки, связаться круговым союзом и поставить над собой верховный общий орган, чтобы он удовлетворял их общие нужды.

Таким образом, объединение хозяйственного строительства требовалось насущными нуждами советских стран. Такое требование не раз предъявляла история к буржуазным государствам, заставляя их поневоле складываться в федерацию. Но там в кровавой междоусобице приходилось преодолевать сопротивление частных хаотичных интересов. У нас этих тяжелых трений не могло быть, потому что социалистическое хозяйство есть плановое хозяйство, и согласование экономического строительства советских республик приходило само собой вместе с уничтожением власти капиталистов и национализацией промышленности. И не менее ясно было, что выйти из величайших финансовых затруднений, подвести под возрождающееся хозяйство города и деревни базу «хорошей деньгй», можно только дружным, одновременным усилием, руководимым из общего центра.

Договорные соглашения, которыми советские республики связывали себя с РСФСР, и служили этим целям укрепления и выравнивания внутреннего и внешнего социалистического фронта. Время существования договорных отношений было временем экзамена этому единому фронту, когда союзные республики на деле убеждались, как много им может дать союз и как мало он способен потребовать с них ту дорогую и унижительную плату, которая так обычна в союзах капиталистических.

ГЕОРГИЙ ГУРВИЧ
СОВЕТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ
И СОВЕТСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ЗАВЕРШЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Тогда братские республики сделали следующий шаг, необходимый и подсказанный всем предыдущим развитием. Тот порядок, при котором одно из государств – в данном случае РСФСР – берет на себя права и обязанности руководящего центра, был произведением военных условий, когда в боевой обстановке гражданской войны бойцам некогда сговариваться и выбирать командный орган по всем правилам демократии: командира назначила сама война. С наступлением же мирной передышки пришла возможность пересмотреть все эти случайные, неполные и бессистемные договорные соглашения и возвести на их месте стройное и прочное здание союзного государства. Именно с переходом от прежних договорных отношений, сосредоточивавших столь значительные, в общем, полномочия в руках одной из республик, к режиму союзного государства, где органы общесоюзной власти выбираются равноправными членами союза, республики наши обрели ту форму сожителства, которая наиболее соответствует пролетарским представлениям о достоинстве, значимости и независимости советских наций и государств: если уж говорить о зависимости, то там каждое государство «зависело» от РСФСР, здесь же каждое зависит от всех и все – друг от друга!

Им не приходится при этом поступаться своей суверенностью. Но ошибочно было бы думать, что в отношении между советскими государствами и в свою союзную Конституцию пролетариат привнес то искусственное понятие суверенитета, которое создалось с целью обосновать и оправдать эгоистическую тиранию собственнического государства. Мы видели, что у буржуазии объединение в федерацию есть обычно результат междоусобной драки, когда слабые нации или области, более или менее основательно побитые сильными, «добровольно» подчиняются команде эксплуататорского центра. XIX век – буржуазный век – был временем национальных стремлений и борьбы за национальное государство. Но неожиданным резуль-



татом этой борьбы было возникновение многонационального государства, чудовища, пожиравшего слабые нации в угоду господствующей нации. Великобритания в Ирландии и Индии, Германия в Познани и Эльзас-Лотарингии, Австро-Венгрия на каждом клочке своей лоскутной территории, Россия на сплошном кольце своих окраин – все они демонстрировали воочию основной факт национальной политики буржуазии: господствующая нация, организовавшись в государство, пользуется им для порабощения, эксплуатации, обезличения подчиненных наций. Тогда стало ясным, что государство есть отрицание нации, подобно тому, как буржуазное общество, основанное на равенстве свободных индивидов, оказалось в своем диалектическом развитии резким отрицанием свободной человеческой личности, ежеминутно ограничиваемой в законнейших потребностях, втаптываемой в грязь и приносимой в жертву капиталу. Тогда-то идеологи буржуазии, частью не понимая, частью скрывая действительную сущность происходящих явлений, объявили суверенитет нации «пустой фразой». *Они перенесли его на государство, лишив таким маневром суверенитета подчиненные нации, но сохранив его за господствующей.*

Но пролетариат в советском многонациональном государстве отвергает все эти воровские манипуляции. Разве он не возвращает нациям то, что у них украла буржуазия, то есть их верховное право располагать собою? *Право нации на самоопределение, на образование самостоятельного государства и есть ее суверенитет.* Своим добровольным присоединением к Советскому Союзу она только утверждает это право. Здесь нация не бьется в безжалостных тисках чужого государства, и государство не питается живую плотью и кровью обезличиваемых наций: государство – не отрицание, а *утверждение* нации. Не очевидно ли в таком случае, что противоестественному разделению суверенитета государства и суверенитета нации приходит конец? А если так, то государству, входящему в Советский Союз, не нужно для сохранения здесь своего суверенитета больше того, что нужно нации для сохранения ее суверенитета: права на самоопределение. Поэтому союзная Конституция, обеспечивая союзным республикам право одностороннего выхода из Союза, тем самым дает необходимое и достаточное доказательство их суверенитета.

И этот суверенитет члены Советского Союза сохраняют всегда и полностью. Четвертой статьей Конституции пролетариат удостоверил, что менее кого бы то ни было мог бы и хотел бы он ограничивать права нации на самоопределение. Если же третья статья говорит об ограничении суверенитета *в определенных пределах*, то это означает лишь, что ряд функций государственного управления союзные республики свободно

и добровольно вручают союзным органам, причем право этих республик в любую минуту вернуть себе эти функции – поруча целостности и неприкосновенности их суверенитета.

Инициатива объединения исходила от суверенных наций: все это союзные республики учли еще до оформления союза. В конце 1922 года они через свои верховные органы определенно заявили, что настало время перестроить союзное здание. Местный почин в этом отношении пришел со стороны Закавказья, где в декабре 1922 года три государства – Азербайджан, Армения и Грузия – стали союзным государством и создали Конституцию Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Немного позже X Всероссийский Съезд Советов присоединился к волеизъявлениям договорных республик и признал своевременным «объединение РСФСР, УССР, ЗСФСР и БССР в Союз Социалистических Советских Республик», после чего представители четырех государств, собравшись на первый Союзный Съезд Советов 30 декабря 1922 года, подписали Декларацию и Договор об образовании Союза. После того, как центральные исполнительные комитеты договаривающихся республик рассмотрели оба эти акта, они были приняты на II сессии ЦИК Союза 6 июля 1923 года, составив Конституцию СССР. Эту Конституцию II Съезд Советов Союза в январе 1924 года утвердил.

ГЕОРГИЙ ГУРВИЧ
СОВЕТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ
И СОВЕТСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Союзная Конституция, обеспечивая союзным республикам право одностороннего выхода из Союза, тем самым дает необходимое и достаточное доказательство их суверенитета.

Обзор союзной Конституции

Легко убедиться, что союзная Конституция сохранила все же основные черты и общие линии советского государства, которые впервые были схвачены и запечатлены Конституцией РСФСР. Тон рабочей революции и пролетарской государственности одушевляет, конечно, и ее, и для того, кому знаком и понятен этот тон, не трудно разобраться в характере и взаимоотношениях органов союзной власти. Он заметит, что «Декларация об образовании СССР» так же, как и «Декларация трудящегося и эксплуатируемого народа», не преминула подчеркнуть диктаторский характер власти пролетариата, воспользовавшись при этом возможностью подвести некоторые итоги и указать, что именно диктатура пролетариата и совет-



ская система осуществили братское сотрудничество и свободное национальное развитие народов. Далее, читатель увидит, что верховный орган Союзного государства – Съезд Советов Союза – при всей огромности и непререкаемости его власти, не имеющей соперников, черпает эту власть в городских и сельских советах (статья 9). Равным образом положение ЦИК Союза, заступающего Съезд по окончании его занятий во всех его правах и обязанностях (статья 8) и перед ним ответственного (статья 28), роль Президиума ЦИК, находящегося в таких же отношениях к ЦИК, как последний к Съезду (статьи 26, 29, 36), и значение избираемого ЦИК Совета Народных комиссаров (статья 37) говорят о том, что принцип распределения рабочих функций (а не разделение властей) так же последовательно проведен в союзной Конституции, как и в Конституции РСФСР. И здесь ЦИК в деле осуществления своих законодательных, исполнительных и распорядительных полномочий (статьи 29, 17) опирается на подотчетные ему Президиум и СНК (статьи 17, 36, 40) таким образом, что в Президиуме приобретает перевес законодательная работа над исполнительной, в СНК – обратно. Но здесь имеются и существенные особенности, которые интересно отметить: одна касается отношений Союзного Съезда и Центрального Исполнительного Комитета, другая – Президиума ЦИК.

1) Центральный Исполнительный Комитет Союза не целиком избирается Союзным Съездом.

Для того, чтобы *классовая* политика советской власти была надлежащим образом согласована с национальными интересами народов Союза, необходимо построить Центральный Исполнительный Комитет так, что все его мероприятия, диктуемые общими потребностями Союза как целого, еще до своего осуществления получили бы предварительную оценку отдельных наций как частей этого целого. И лишь после этой оценки и обсуждения с различных точек зрения можно рассчитывать, что общий интерес не будет отождествлен с интересом более сильных или более предприимчивых членов Союза, что никто не будет невольно принесен в жертву своему соседу, что будут равномерно распределяться и тяготы, и блага общего дела. В то же время важно, чтобы национальные единицы могли проявить живейшую инициативу в общесоюзном советском строительстве: они должны иметь прямой и верный путь для непосредственного участия своего, как *национальных тел, в общегосударственном управлении.*

Этой цели и служит *Совет Национальностей*. Он не избирается Союзным Съездом. Он образуется из представителей союзных и автономных республик и автономных областей и в целом утверждается Съездом (статья 15). Рядом с ним стоит равный

ему в правах и обязанностях, избираемый Съездом, *Союзный Совет*, таким образом, что, хотя заседания их происходят обычно раздельно, вместе они образуют единое учреждение верховной власти – Центральный Исполнительный Комитет Союза, от имени которого публикуются декреты (статья 22).

И здесь бесполезны, конечно, какие бы то ни было сравнения с так называемой двухпалатной системой буржуазии. Историческое назначение верхней палаты – служить тормозом для демократических увлечений нижней, чему соответствует и особый порядок составления верхней палаты почти повсюду, где она существует. С течением времени в борьбе между палатами за первенство победу одержала нижняя палата, что особенно явственно сказалось в Англии, где права палаты лордов существенно ограничены законом, и лишь отчасти во Франции, где сенат и палата депутатов, формально равноправные, до сих пор борются за преобладание. В Соединенных Штатах Америки сенат, набиравшийся до последней реформы выборщиками, долженствовал как будто представлять интересы отдельных штатов в государственном целом, но на деле превратился в настоящую цитадель плутократии, совершенно задавившую ничтожную палату представителей.

Во всех случаях буржуазия не знает мирного рабочего сотрудничества верхней и нижней палат. Либо «верх» попирает «низ», либо «низ» сотрясает «верх». При равноправии палат законопроект, отвергнутый одной из них, бесповоротно погибает (как, например, во Франции), при преобладании одной из них – законопроект приобретает силу вопреки противодействию слабой (как, например, в Англии, где – острят англичане – нужно троекратное вето палаты лордов, чтобы проект стал законом). Союзный Совет и Совет Национальностей – взаимно дополняющие друг друга части единого рабочего механизма. Если между ними возникает деловое разногласие, они в совместном заседании улаживают его (статья 24) – совершенно неслыханный и невозможный в буржуазном обиходе способ работы, где палаты тщательно избегают встречи и соединяются лишь в особо исключительных случаях: для изменения конституции или для выборов президента!

2) В соответствии со способом составления Центрального Исполнительного Комитета находится и способ составления его Президиума. Он образуется ЦИК на первом заседании в количестве 21 члена так, что две трети его даются уже перед тем избранными Президиумами Союзного Совета и Совета Национальностей (статьи 25 и 26 Конституции Союза и статья 10 Положения о Центральном Исполнительном Комитете Союза). Единству ЦИК, следовательно, вполне соответствует единство его Президиума.

В то же время роль Президиума ЦИК, постепенно возвышаясь, достигла в Конституции Союза весьма значительной важности. Меж тем, как Конституция 10 июля 1918 года лишь случайно и мимолетно упоминает о Президиуме ВЦИК (статья 45), VII Всероссийский Съезд уже уделяет ему право приостанавливать решения Совета Народных комиссаров, а VIII Всероссийский Съезд – право отменять эти решения. Союзная Конституция в связи с окончательным признанием сессионной системы (статья 21) выдвигает Президиум ЦИК на место высшего органа власти между сессиями ЦИК (статья 29), чем, разумеется, вполне определяются его права и что между прочим делает перед ним ответственным Совет Народных комиссаров Союза (статья 40).

ФЕДЕРАЦИЯ КАК ПЕРЕХОДНАЯ ФОРМА

Изучение союзной Конституции убеждает, что в ней целесообразно и точно запечатлена сущность советского федерализма. Федерализм Союза Советских Социалистических Республик по природе и смыслу своему тот же, что и федерализм РСФСР или ЗСФСР. И здесь и там одна из самых значительных черт советской федерации: ее способность быть «переходной формой к полному единству трудящихся разных наций»⁵. Это полное единство можно понимать только как «единую, централистически-демократическую республику»⁶. Но в то время, как в буржуазных федерациях путь к государственному единству лежит через обезличение и ассимилирование господствующей нацией всех других, в советской – момент полного политического единства совпадает с моментом достижения всеми нациями полного фактического равенства. Лишь медленно и постепенно представители наций в Советском Союзе будут переходить от защиты отдельных интересов этих наций перед Союзом к защите общих интересов Союза перед нациями. Но момент этого равенства есть вместе с тем момент наиболее совершенной хозяйственной культуры, всестороннего овладения пролетариатом каждой нации своей собственной нацией. Путь к этому равенству еще так долог и тернист, еще так много националистических пережитков, предрассудков и косности – наследия старого режима, – что бессмысленно устанавливать какие бы то ни было сроки: этапы движения предусмотреть с точностью трудно, но если ясна *тенденция развития*, то это уже очень много и очень важно.

5 Ленин В.И. *Собрание сочинений*. М.: Государственное издательство, 1925. Т. XIX. С. 268.

6 Он же. *Государство и революция*. С. 68.

Советская федерация и Советская Конституция¹

НИКОЛАЙ
АЛЕКСЕЕВ

ФЕДЕРАЛИЗМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Одной из исторических миссий, насильственно навязанных большевикам историей, можно считать властное собирание рассыпавшейся после революции Российской империи. Советский строй вопреки анархо-синдикалистским течениям, свойственным иногда его политической идеологии, стихийно принужден был проводить то дело собирания, которое было выполнено ранее московскими царями. В Советском Правительстве победили централистические, а не федералистические тенденции – и это нашло прямое выражение в принятом на V Съезде основном конституционном законе. Однако же и по этому закону Советская Россия сохраняет название республики федералистической. Преобразование в 1923 году РСФСР в СССР, как кажется, окончательно должно было закрепить эти начала федерализма. Какова же идеология и существо этого федерального строя республики Советов?

В вопросе о федеральном строе государства и вопросах местной автономии большевистская партия издавна занимала чисто тактическую позицию. Считая себя тактически обязанной поддерживать различные демократические лозунги, большевистская группа тем самым определенно высказывалась за широкое проведение принципа местной и национальной автономии². Однако в тактических же соображениях принцип автономии подвергался в то же время существенному ограничению. «Разделение по национальностям школьного дела в пределах одного государства безусловно вредно с точки зрения демократии вообще и интересов классовой борьбы пролетариата в особенности», – говорит пункт 2 вышеприведенной резолюции по национальному вопросу³. На первый взгляд, мы имеем здесь дело с явным противоречием: с одной стороны, в интересах демо-



Николай Николаевич
Алексеев (1879–1964) –
российский правовед-
конституционалист.

- 1 Печатается по изданию: АЛЕКСЕЕВ Н.Н. *Государственный строй // Право Советской России: сборник статей. Вып. 1: Источники права. Государственный строй. Административное право. Публично-хозяйственное право* / Сост. Н.Н. Алексеев, С.В. Завадский, А.В. Маклецов, Н.С. Тимашев. Прага: Пламя, 1925. С. 63–82. Название публикации дано редакцией. Текст публикуется с небольшими сокращениями научного аппарата.
- 2 См.: *Летнее совещание ЦК с партийными работниками: РКП в резолюциях ее съездов и конференций*. М.: Государственное издательство, 1922. С. 155 (резолюция по национальному вопросу).
- 3 Там же. С. 156.

кратии следует проводить широкое самоопределение, с другой, проведение обычных требований культурного самоопределения оказывается вредным. Но противоречие это скрывает весьма тонкую политическую тактику. Поддерживая самоопределение, большевистская партия шла рука об руку с революционными течениями. Ограничивая его, она стремилась объединить в одно целое интернациональный пролетариат. Тактику своей партии по национальному вопросу Ленин формулирует так:

«Прогрессивное пробуждение масс от феодальной спячки, борьба против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность наций. Отсюда безусловная обязанность для марксиста отстаивать самый решительный и самый последовательный демократизм во всех частях национального вопроса. *Это задача главным образом отрицательная*»⁴.

Положительная же задача сводится к тому, чтобы, раздув революционное движение, постараться безусловно объединить и вполне слить рабочих всех национальностей во всех рабочих организациях, профессиональных, кооперативных, потребительных, просветительных и всяких иных, в противовес всякому буржуазному национализму⁵.

Поддерживая самоопределение, большевистская партия шла рука об руку с революционными течениями. Ограничивая его, она стремилась объединить в одно целое интернациональный пролетариат.

Но подобное, хотя несколько более сложное, тактическое отношение обнаруживает большевистская программа и к вопросам федерализма. Принципиально Ленин и руководимая им партия стали к федералистическому государственному строю в отношении отрицательное. В 1913 году он писал:

«Марксисты, разумеется, относятся враждебно к федерации и децентрализации – по той простой причине, что капитализм требует для своего развития возможно более крупных и возможно более централизованных государств. *При прочих равных условиях сознательный пролетариат всегда будет отстаивать более крупное государство. Он всегда будет бороться против средневекового партикуляризма, всегда будет приветствовать возможно тесное экономическое сплочение крупных территорий, на которых бы могла широко развернуться борьба пролетариата с буржуазией*»⁶.

4 Ленин В.И. *Собрание сочинений*. М.: Государственное издательство, 1925. Т. XIX. С. 52.

5 Там же. С. 41.

6 Там же. С. 62.

На такую же принципиально антифедералистическую точку зрения Ленин встал и в своей брошюре «Государство и революция». Он присоединяется здесь к словам Энгельса, определившего отношение социал-демократов к федерализму: «По моему, пролетариат может употреблять лишь форму единой и неделимой республики». Итак, «единая, централистическая республика» – таков основной лозунг социал-демократии большевистского крыла. Откуда же в таком случае вытекает неумеренное стремление советской власти к началу федерализма? По-видимому, самим, не слишком тонким, советским политикам вопрос этот не был вполне ясен. По крайней мере бывший председатель первого советского правительства на Украине Пятаков на VIII Съезде Советов весьма решительно высказывался как против «права наций на самоопределение», так и против «самоопределения трудящихся масс каждой нации». Выступивший с возражениями Ленин охарактеризовал пятаковскую точку зрения так: «К чему все эти самоопределения, когда есть прекрасный ЦК в Москве?»⁷. Казалось бы, что таковой должна была быть и собственная точка зрения Ленина, однако в своих разъяснениях он и развил ряд тактических соображений, позволяющих при некоторых условиях признавать пользу федерализма. Строго говоря, речь идет о старых и испытанных политических приманках и привадах. В различных странах размежевание пролетариата и буржуазии идет своеобразным путем. На этом пути мы должны действовать осторожнейшим образом. Особенно нужно быть осторожным по отношению к различным нациям:

«Ибо нет вещи хуже, чем недоверие нации. [...] Трудящиеся массы других наций были полны недоверия к великороссам, как к нации кулацкой и давящей. [...] В национальном вопросе нельзя рассуждать так, что нужно во что бы то ни стало хозяйственное единство. Конечно, нужно. Но мы должны добиваться его проповедью, агитацией, добровольным союзом. Башкиры имеют недоверие к великороссам потому, что великороссы более культурны и использовали свою культурность, чтобы башкиров грабить. Надо с этим считаться, надо с этим бороться. Но ведь это длительная вещь. Ведь этого никаким декретом не устранишь. *Вот почему мы должны сказать другим нациям, что мы до конца интернационалисты и стремимся к добровольному союзу рабочих и крестьян всех наций*»⁸.

Отсюда виден весь внутренний смысл идеологии советского федерализма. Федерация – это простое тактическое средство воздействия на население, заманчивый и обольстительный лозунг. Используя его действие, можно будет уже перейти

7 Там же. Т. XX.

8 Там же. С. 232.

к централизму. В первоначальном наброске тезисов по национальному вопросу для 2-го Съезда Коммунистического Интернационала говорится:

«Федерация является переходной формой к *полному единству* трудящихся разных наций. Федерация уже на практике обнаружила свою целесообразность как в отношениях РСФСР к другим советским республикам, так и внутри РСФСР по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (например, башкирская и татарская автономные республики в РСФСР, созданные в 1919 и 1920 годах)»⁹.

Федерация – это простое тактическое средство воздействия на население, заманчивый и обольстительный лозунг. Используя его действие, можно будет уже перейти к централизму.

ФЕДЕРАЛИЗАЦИЯ ВЕЛИКОРОССИИ

Вышеизложенные тактические позиции по отношению к федерализму в действительной жизни встречались с фактом беспримерного разложения государственного организма Российской империи. Пробудившаяся в некоторых частях ее «самостоятельность» властно требовала политического признания, и следует сказать, что советская власть обнаружила по отношению к этому факту большую эластичность и приспособляемость. С одной стороны, она с оружием в руках завоевывала отошедшие от государственного организма части, с другой стороны, она тотчас же по присоединении принимала всевозможные меры к тому, чтобы хотя бы внешним образом пойти навстречу национальному самоопределению населения. Таким образом, в советском федерализме нужно различать две категории сил, из которых он сложился: 1) намеренное тактическое создание «федеративных» и «автономных» частей Республики и 2) неизбежное и вынужденное признание самостоятельности некоторых частей бывшей Российской империи. И, как всегда в вопросах федерализма, действие этих двух сил имело совершенно различный и даже противоположный политический смысл. Искусственно насажденная федерализация имела смысл намеренного распыления или по крайней мере тактически имела в виду демонстрировать такое распыление и, следовательно, расслабление властных отношений. Напротив того, вынужденное при-

9 Там же. Т. XIX.

знание отложившихся частей ставило целью объединение и воссоздание разрушенного целого, установление связи там, где она была тонка и грозила полным разрывом. Чтобы понять сложную и еще не вполне выкристаллизовавшуюся современную структуру СССР в ее целом, следует начать с ее центра, с Великороссии. Советские юристы называют ее «основным государством» (Стучка), «центром тяжести», «прототипом системы» (Дурдыневский). И действительно, это есть некоторый политический микрокосм, черты которого мы наблюдаем в макрокосме федеративного целого. Здесь сложилась советская система, и отсюда она была в свойственных ей чертах перенесена с большим или меньшим приближением и на другие федеративные части Союза, и на всю его политическую структуру.

Великороссия отчасти сохранила свое прежнее деление на губернии. Советская власть довольно решительно подавила в ней проявившуюся областную самостоятельность там, где это не соответствовало ее политическим видам (например Дальневосточная Республика). В других же местах она сознательно насадила федерализм, и, наконец, она должна была признать факт обособления и пойти ему навстречу. Таким образом, Великороссия превратилась в некоторую весьма сложную федеративную республику, состоящую из следующих частей:

1) Из живущих на основании общих начал советского управления губерний. По Конституции РСФСР в них имеются губернские, уездные, волостные и сельские органы советской власти – советы, съезды и исполнительные комитеты.

2) Из одиннадцати автономных областей. Различие между коммунами и областями, по признанию самих советских юристов, только словесное¹⁰. Но также словесно отличие их и от губерний. Один советский юрист говорит:

«Это национальные губернии или, иначе, национально-территориальные образования, выделенные из одной или нескольких губерний и организованные в обособленные единицы на правах губерний и с тождественной губернии системой органов советской власти»¹¹.

При образовании этих особенных губерний проявился намеренный тактический прием федерализации России. Об этом весьма прозрачно говорит тот же советский юрист:

«Не представляя из себя юридического своеобразия, автономные области имеют огромное политическое значение. Национальности, бывшие до советского строя раздробленными между несколькими административными единицами, угнетаемые как царской властью

10 Дурдыневский В. *На путях советского федерализма* // Советское право. 1923. № 1(4). С. 31.

11 Магеровский Д. *Союз ССР* // Советское право. 1923. № 1(4). С. 9.

так и вообще великорусской нацией, в силу этого оказавшиеся отсталыми и в экономическом, и в культурном отношении, – теперь объединяются в самостоятельные административные единицы, пользующиеся широким советским самоуправлением»¹².

3) Из десяти автономных республик. По своему политическому строю эти части Великороссии определенно отличаются от губерний, автономных областей и коммун. Политическое устройство их воспроизводит структуру центральной, верховной власти Великороссии, то есть, кроме местных Съездов Советов, во главе этих автономных республик стоят самостоятельные Центральные Исполнительные Комитеты, Советы Народных комиссаров, а также и самостоятельные народные комиссариаты. Таким образом, они являются как бы самостоятельными государственными образованиями.

Юристы расходятся в оценке такой самостоятельности. Плетнев считает их государственность «декоративной». По его мнению, автономные республики по своей компетенции мало чем отличаются от компетенции нашего дореволюционного, губернского земства¹³. Дурдыневский находит, что это «не совсем так» и что «по крайней мере некоторые из этих республик довольно ревниво относятся к своему национально-государственному имени»¹⁴. Но и по мнению вышеназванного автора, «республики эти не могут претендовать на суверенитет». Советский юрист Магеровский, полемизируя с Плетневым, полагает, что к вопросу нужно подходить «диалектически»:

«Россия еще не стала федерацией, ибо нации, получившие свой суверенитет, еще экономически и культурно не доросли до той стадии, когда они самоорганизуются в полном смысле этого слова и смогут свой суверенитет воплотить в живые формы. Но эти нации растут и развиваются, вызывая преобразование своей государственной структуры, а вместе с ростом зарождается и растет Российская Федерация»¹⁵.

Неясно только, как этот предвещаемый рост федерации совместим с несомненной отмеченной нами выше склонностью к централизму идеологов советского строя?¹⁶ Для правильного уяснения государственно-правового положения этих республик в пределах Великороссии нужно прежде всего обратить внимание на то, что все они без исключения стояли в зоне

12 Там же.

13 Плетнев Б. *Государственная структура РСФСР* // Право и жизнь. 1922. Кн. 1.

14 Дурдыневский В. *Указ. соч.* С. 31.

15 Там же.

16 По мнению Курского, «история уже внесла поправку в концепцию Энгельса, и Союз Советских Республик доказывает это»: Курский Д. *Предисловие* // Магеровский Д. *Союз Советских Социалистических Республик: обзор и материалы.* М.: М.К.Х., 1923.

гражданской войны и были отвоеваны советской властью у белых армий. Причем некоторые из названных республик по географическому положению своему были столь недосыгаемы, что завоевание и покорение их до сей поры нужно считать относительным (например Горская, Якутская, Дагестанская республики). Далее, во многих из них с начала русского революционного процесса наметилось уже определенное стремление к национальному самоопределению (у татар в Крыму, у кавказских народностей, вообще у мусульман), с которым невозможно не считаться. Таким образом, процесс федерализации в значительном количестве случаев был вынужденным. Кроме того, процесс этой федерализации, проводимый по великорусскому образцу с введением везде московской советской системы, был в то же время процессом укоренения великорусского влияния.

Можно согласиться с мнением советских юристов, что великорусский федерализм не следует измерять исключительно с точки зрения установившихся юридических понятий и схем. Но во всяком случае некоторые из этих понятий могут дать примерный масштаб для уяснения смысла названных федеральных отношений. Три вопроса нужно признать при этом наиболее существенными.

1) Вопрос о распределении компетенции в материальном смысле этого слова. Схема наиболее типичного распределения отраслей управления между центральной властью и членами Союза приблизительно построена по следующему образу: центральная власть ведает иностранными делами, внешней торговлей, военным делом и политическим управлением посредством так называемых централизованных Народных комиссариатов (в Москве), посылающих своих уполномоченных на места. Продовольствие, финансы, народное хозяйство, организация труда, рабоче-крестьянский контроль, пути сообщения, почта и телеграф находятся в руках объединенного управления, то есть зависят и от местного Центрального Исполнительного Комитета, и от соответствующих Народных комиссариатов в Москве. Наконец, внутренние дела, юстиция, народное просвещение, народное здравоохранение, социальное обеспечение и землеустройство находятся в ведении местных автономных Народных комиссариатов, которые, однако, подчинены непосредственно Всероссийскому (московскому) Центральному Исполнительному Комитету¹⁷.

О степени зависимости этого автономного управления от Москвы Конституция РСФСР прямым образом ничего не говорит. Однако же статья 49 Конституции относит к ведению ВЦИК

17 Более подробные указания можно найти, помимо цитированных выше произведений Магеровского, в статьях: Турубинер А. *К вопросу о положении автономных республик в СССР* // *Власть Советов*. 1923. № 6–7. С. 48–53; Архипов К. *Типы советской автономии* // *Власть Советов*. 1923. № 8–9. С. 28–44.

общее руководство всей внутренней политикой, общегосударственное законодательство, судоустройство, судопроизводство, гражданское и уголовное законодательство и прочее. Кроме того, по статье 50, ведению ЦИК в Москве «подлежат все вопросы», которые он признает «подлежащими его разрешению». Все это убеждает нас, что Москва может непосредственно управлять даже автономными областями ведения «государств-членов» – вывод, подтверждаемый и мнением советских юристов. «Согласно Конституции автономной республики – говорит Магеровский, – ее автономные Народные комиссариаты непосредственно ответственны перед ВЦИК, в силу этого постановления, казалось бы, что и все постановления и декреты, тем более ВЦИК, обязательны для автономной республики»¹⁸. Тем более, это влияние Москвы неоспоримо в деятельности «объединенных» Народных комиссариатов, находящихся в сфере непосредственного влияния московских комиссариатов и московского Совета Народных комиссаров – и, конечно, доступных влиянию ВЦИК.

2) Вопрос о формальной компетенции, то есть о распределении отдельных прав верховной власти. Советская система не знает разделения властей, а потому ее отдельные органы власти наделены и законодательными, и правительственными, и исполнительными функциями. Отсюда следует, что, передавая отдельные материальные сферы управления местным властям, советская система не полагает при этом никаких формальных границ, федерирует власть в полноте ее функций, в ее самых разнообразных отправлениях. Деятельность автономных Народных комиссариатов «государств-членов» нельзя назвать «исполнительной». Они могут до известной степени и законодательствовать, декреты их могут иметь значение местных законов. Тем более, могут законодательствовать местные Съезды, Центральные Исполнительные Комитеты и советы Народных комиссаров. Возможная при этом законодательная путаница, юридически, в конце концов, разрешается фактическим надзором ВЦИК – обстоятельство, недостаточно выявившееся в законодательных постановлениях РСФСР, но получившее совершенно ясную формулировку в новейшей Конституции СССР. Практически же возможный разнорой и даже законодательная анархия в известной мере устраняются фактической диктатурой коммунистической партии.

3) Наконец, вопрос о так называемой «компетенции над компетенцией», то есть о праве изменять принятое материальное и формальное распределение компетенцией между Союзом и его членами. Пункт «г» статьи 49 Конституции РСФСР гласит:

18 МАГЕРОВСКИЙ Д. *Союз ССР*. С. 11.

«Установление границ и компетенции областных советских союзов, входящих в состав РСФСР, а также разрешение споров между ними, входит в круг ведения Всероссийского Съезда Советов и ВЦИК». В ведение Москвы входит также «общее административное разделение территории и утверждение областных объединений; принятие в состав РСФСР новых сочленов Советской Республики и признание выхода из Российской Федерации отдельных частей ее»¹⁹. Наконец, 8-й Съезд Советов постановил, что «никакие органы, кроме Всероссийского Съезда Советов, ВЦИК, его Президиума и СНК, не имеют права издавать законодательные акты общегосударственного значения». Принимая во внимание, что само установление конституции автономных республик было актом центральной власти, приходится признать, что только она и обладает правом определять компетенцию государств-членов и изменять ее.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВ
СОВЕТСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
И СОВЕТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

**Советская система не знает разделения властей,
а потому ее отдельные органы власти наделены
и законодательными, и правительственными, и
исполнительными функциями.**

Таковым представляется государственный строй «основного государства» России – строй, еще неопределенный, невыкристаллизовавшийся, при изучении которого нужно всегда отличать политические лозунги и тактические приемы властвования от фактических дифференцирующих и интегрирующих сил, с одной стороны, и от фактической политики московской власти, с другой. Если провести эти различия, то государственную систему Великороссии будут характеризовать: широчайшие федеральные возможности в программах и лозунгах; выявившаяся, но отчасти силой, отчасти старым тяготением к Москве в большей или меньшей степени преодоленная самостийность некоторых земель; твердая политика московской советизации, с большим или меньшим искусством проведенная в писаном праве и в государственных установлениях.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ СТРОЙ СССР

Вокруг Великороссии, как основного государства, располагаются еще пять самостоятельных членов Советской, или Общероссийской, Федерации. Из них два – Украина и Белоруссия – являются *унитарными советскими социалистическими*

¹⁹ Пункты «е» и «д» статьи 49.

республиками; два – Бухара и Хорезм – представляют из себя тоже *унитарные*, но не социалистические, а просто народные советские республики (по договору 30 мая 1922 года) и, наконец, одна Закавказская Федерация, состоящая из Грузии, Армении и Азербайджана и включающая в себя еще ряд внутренних автономных частей, – постройка по типу Великороссии, то есть социалистическая *федеративная* советская республика. Исторически большая часть всех этих государственных образований вышла также из процесса распада Российской империи и последующей гражданской войны. Но в противоположность автономным республикам Великороссии почти все они пережили период совершенно автономного, не российского, а самостийного государственного бытия, не принадлежа ни к советской, ни к русской государственной системе, установить которую стремилось так называемое «белое» движение. Советская власть покорила их с оружием в руках и отчасти насильственно, отчасти пользуясь поддержкой местных коммунистических сил, водворила в них советский строй и связала их тем самым с Москвой. Здесь в отношениях к этим национальным политическим образованиям с еще большей явственностью наступает момент того вынужденного признания, наличие которого мы уже встречали при характеристике автономных членов Великороссии. Однако же, несмотря на его наличие, общее политическое положение этих республик до 1923 года было очень сходно с положением автономных частей Великороссии, отличаясь разве только большей неопределенностью и неопределенностью. Высшим органом власти являлся и для них ВЦИК. Никаких особых *союзных* верховных органов Федерация не знала. Компетенция Союза и государств-членов не была точно установлена, и распределение этой компетенции было различно у различных членов федерации²⁰. В общем, преобладала тенденция централизовать некоторые важные области управления в Москве (например военное дело), а в других создать род объединенного управления с предоставлением некоторой доли самоопределения в вопросах местной жизни и в области национальных интересов. Так был создан ряд объединенных Народных комиссариатов по договорам с Украиной, Азербайджаном и Белоруссией²¹. Договор с Грузией представ-

20 Конституции этих республик объявляют их совершенно самостоятельными государственными образованиями и в конституционных текстах никак не отражается их отношение с Москвой. Ср., например, Конституцию Белорусской Социалистической Советской Республики, принятую на I Белорусском Съезде Советов 4 февраля 1919 года, и дополнения к ней, принятые на II съезде 17 декабря 1920 года. Так же Конституция Украины 14 марта 1919 года объявляет ее совершенно независимым от Великороссии государством. Так поступают конституции и других союзных республик. Отношения к Москве устанавливаются отчасти *de facto*, отчасти на основании особых соглашений.

21 Ср., например, Союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и УССР от 28 декабря 1920 года: его пункт III объявляет объединенными комиссариаты: 1) военных и морских дел; 2) высший совет народного

ляет решение этого вопроса последующим дополнительным соглашениям. Интересно отметить, что неизбежные при этом конфликты между Москвой и самостоятельными членами федерации, в конце концов, решались в Москве тем же ВЦИК (например по вопросу о силе Московских декретов на территории союзных республик)²².

Порядок этих отношений, разумеется, был далек от совершенства и даже от простого удобства. С выходом из эпохи гражданской войны он настоятельно требовал преобразования. Такое преобразование и было совершено в акте союзного договора от 30 декабря 1922 года, который был положен в основу принятой в июле 1923 года новой Конституции СССР. Союзный договор от 30 декабря 1922 года и последующая новая Конституция Союза от 6 июля 1923 года²³ призваны были прежде всего оформить все эти неопределенные отношения между составляющими политическое тело России государственными образованиями. Само заключение Союзного договора обставлено было с большой торжественностью, и день 30 декабря был признан праздничным днем для Союза Советских Социалистических Республик. Стеклов в «Известиях» заявил, что «этот день открывает новую страницу всеобщей истории». По словам Сталина, утвержденный Союз является «прообразом грядущей мировой социалистической республики». «Мы даем образец пролетарского государства, который закладывает камень мирового объединения пролетарских республик», – заявил другой небезызвестный советский деятель, Фрунзе. По содержанию своему договор от 30 декабря, как всякий подобный ему договор, устанавливает общие основы политического устройства Союза. Основы эти в более подробном виде были развиты в новом конституционном законе от 6 июля.

При самом поверхностном рассмотрении этих актов бросается прежде всего в глаза, что прототипом нового государственного союза послужила Конституция РСФСР, этого «государства-центра» советской федерации. Союзная Конституция в точности воспроизводит общую систему верховных органов РСФСР – только на место Всероссийского Съезда Советов ставится Съезд Совета Союзов, из которого последовательно образуются Союзный ЦИК, его Президиум, Союзный СНК. Отношения между Народными комиссариатами Союза и комиссариатами государств-членов строятся по типу такого же от-

хозяйства; 3) внешней торговли; 4) финансов; 5) труда; 6) путей сообщения; 7) почт и телеграфа. По договору с Азербайджаном от 30 сентября 1920 года объявляются объединенными те же отрасли управления (§ 2), однако же порядок и форма такого объединения не предусматриваются договором (§ 3) и устанавливаются последующими особыми соглашениями.

22 МАГЕРОВСКИЙ Д. *Союз ССР*. С. 16.

23 Речь идет о Конституции СССР 1924 года; автор здесь указывает дату ее утверждения ВЦИК. – *Примеч. ред.*

ношения в пределах Великорусской Федерации, образуются общесоюзные, объединенные комиссариаты, а также автономные комиссариаты. Только вся эта система вполне упорядочена и обобщена. Общесоюзными комиссариатами являются комиссариаты по иностранным делам, военным и морским делам, внешней торговле, путям сообщения, почте и телеграфу. Объединенными оказываются высший совет народного хозяйства, Народные комиссариаты продовольствия, труда, финансов и рабоче-крестьянской инспекции. Остальные комиссариаты являются автономными²⁴. Каждое государство-член в свою очередь управляется своим Съездом, ЦИК, его Президиумом и СНК. Таким образом, систематически устанавливается старое отношение, структура части построена по типу структуры целого. Сверх того, Конституция вновь устанавливает Верховный Суд Союза и Союзное Объединенное ГПУ.

Каково же политическое существо этого нового политического образования? На вопрос этот существует уже много ответов. Называли его союзом государств, союзным государством, федерацией²⁵. При общих особенностях советского строя и при его еще политически не установившемся характере ошибочно было подводить его под какие-либо сложившиеся юридические типы союзных образований. Однако многие общие черты «буржуазных» федераций повторяются в федеративном строе Социалистической Советской Федерации.

Союз Советских Республик, если судить по его писаной Конституции, принадлежит к типу тех федеративных государств, которые построены на принципе разделения государственного суверенитета. Статья 3 Конституции СССР в некоторых чертах почти буквально воспроизводит взгляды одного из теоретиков этой формы федерации Георга Вайца:

«Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в настоящей Конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза. Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно»²⁶.

В то же время Союз представляет собою несомненное юридическое лицо: *universitas*, а не *societas*. Новая союзная Конституция, подобно Конституции РСФСР, вполне преодолела идею местной самостоятельности, для которой главной основой власти является не центральная власть, представляющая волю некоего «юридического лица», а Советы как действительные реальные объединения, защищающие интересы организован-

24 См.: Конституция СССР. 1924. Гл. VIII.

25 См. упомянутые выше статьи Магеровского и Дурдыневского.

26 WAITZ G. *Grundzüge der Politik*. Kiel, 1862. S. 155 ff.

ного труда. Преодолела она и самостоятельность областную. Конституция считает высшей властью верховные органы Союза как некоторого единого лица. Союз Советских Республик имеет *непосредственную* власть над подданными, должностными лицами и учреждениями входящих в него государств-членов, «представляющих». Все декреты, постановления и распоряжения, издаваемые ЦИК – гласит статья 19 Конституции СССР, – «обязательны к *непосредственному* исполнению на всей территории СССР». Равным образом Союз обладает правом *непосредственного* контроля над законодательной и правительственной деятельностью членов Союза²⁷. Союзная Конституция устанавливает единое союзное гражданство для граждан союзных республик²⁸. Все эти особенности убеждают нас, что наиболее существенные конкретно-морфологические признаки союзного государства имеются налицо в государственном устройстве Союза.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВ
СОВЕТСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
И СОВЕТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Новая союзная Конституция преодолела идею местной самостоятельности, для которой главной основой власти является не центральная власть, представляющая волю некоего «юридического лица», а Советы как действительные реальные объединения, защищающие интересы организованного труда.

Что касается весьма важного вопроса о распределении компетенций, то надо признать, что с точки зрения материального содержания компетенция Союза весьма широка и, пожалуй, превосходит обычные в современных федерациях отношения²⁹. В то же время компетенция верховных органов Союза в некотором смысле обширнее, чем компетенция верховных органов РСФСР. Если мы сравним статью 49 Конституции РСФСР, устанавливающую предметы ведения ее верховных органов, с соответствующей статьей 1 союзной Конституции, то мы увидим, что в последнюю с некоторыми редакционными изменениями вошли почти все предметы ведения Всероссийского Съезда Советов и ВЦИК, за исключением только двух существенных пунктов, а именно: права устанавливать компетенцию государств-членов и права на общее административное разделение территории и на утверждение областных изменений. Но сверх того в компетенцию Союза вошли следующие новые предме-

²⁷ Конституция СССР. Ст. 20.

²⁸ Там же. Ст. 7.

²⁹ Ср.: ГАЧЕК Ю. *Общее государственное право на основе сравнительного правоведения. Ч. III: Право современного государственного соединения*. Рига: Наука и жизнь, 1913. С. 89.

ты ведения: 1) установление общих начал землеустройства и землепользования, а равно и пользования недрами, лесами и водами по всей территории Союза; 2) общесоюзное законодательство о межреспубликанских переселениях и установление переселенческого фонда; 3) установление основных законов о труде; 4) установление общих начал в области народного просвещения; 5) установление общих мер в области охраны народного здоровья; 6) организация общесоюзной статистики.

Можно поставить вопрос: что же остается в исключительном ведении государств-членов, в какой области компетенции в материальном смысле этого слова они осуществляют свою государственную власть самостоятельно? По-видимому, никакой особой вполне независимой материальной сферой государственной деятельности государства-члены не обладают – обстоятельство, которое убеждает нас, что новая союзная Конституция не только не ограничила, но, напротив, расширила компетенцию Союза в области главнейших отраслей управления и государственных задач. Она возложила на Союз ведение такими областями, которые обычно принадлежат компетенции членов и, по Конституции РСФСР, составляют материальную область ведения автономных республик Велико-россии. Она распространила влияние Союза буквально на все сферы государственной деятельности, сделала материальную компетенцию Союза вполне универсальной. Но вместе с тем союзная Конституция имеет стремление уточнить формальное распределение компетенций между Союзом и его членами.

Принимая во внимание, что новейшее советское законодательство стремится установить особый формальный порядок для издания общегосударственных законов, приходится допустить, что государства-члены обладают правом *непосредственной законодательной деятельности* разве только в области местного законодательства. Преимущественно же компетенция их ограничена только делом местного управления. Область их самоопределения и есть по преимуществу область деятельности автономных Народных комиссариатов. Развивая собственную деятельность в сфере народного просвещения, местного суда, местного хозяйства и прочего, они получают общие указания о направлении своей политики от центральных органов Союза.

Остается, наконец, вопрос о праве изменять установленное распределение материальной и формальной компетенции. Мы видели, что РСФСР определенно предоставила это право центру в то время, как союзная Конституция как раз и выключила соответствующие постановления из области ведения союзной верховной власти. Новая союзная Конституция закрепляет право распределения компетенции в самом конституционном

законе, и, таким образом, вопрос об изменении этого распределения связывается с вопросом об изменении самой Конституции³⁰. Изменение же основных начал Конституции подлежит исключительному ведению Союзного Съезда Советов³¹. Таким образом, нужно признать, это право распределения компетенции остается в ведении Союза, а не государств-членов. И вместе с тем за государствами-членами Конституция СССР от 6 июля признает право свободного выхода из Союза – то право, которое особенно подчеркивают советские юристы, указывая, что их Союз является наиболее свободной политической организацией³². Правда, Конституция не определяет порядка этого выхода. Можно предположить, что выход может быть совершен по постановлению верховных органов союзных государств – в частности, их Съездов Советов. Однако же постановления Съезда Советов Союзных Республик могут быть приостановлены и даже отменены Союзным Съездом и Союзным ЦИК³³. Спрашивается, что же это за «свобода выхода», которая может быть отменена и приостановлена? В сущности говоря, объявленная союзной Конституцией свобода выхода есть чисто декларативный лозунг, который может иметь немалое агитационное значение, но не обладает ровно никаким реальным юридическим смыслом. И провозглашение такой свободы менее всего следует принимать во внимание при определении юридической природы Союза, который по всем вышеописанным признакам ближе всего подходит к типу союзного государства. Декларируемый Конституцией суверенитет государств-членов есть так же суверенитет чисто декларативный³⁴. Один советский юрист называет его «потенциальным»³⁵, разумея под этим, что он *не проявляется* в момент существования федеративных отношений, но *может* проявиться в акте отделения от Союза, который, как мы говорили, в свою очередь может быть приостановлен и отменен верховной властью союзных органов. Нужно сказать, что таким «потенциальным» суверенитетом обладает каждый член любого союзного государства, если только предполагать, что у него существует какая-либо *фактическая* возможность выйти из Союза и *преодолеть* сопротивление центра.

30 Конституция СССР. Ст. 3, 65.

31 Там же. Ст. 2.

32 Там же. Ст. 4.

33 Там же. Ст. 1. П. «ч»; Ст. 20.

34 Там же. Ст. 3.

35 Такова позиция Магеровского.

Конституция СССР 1924 года и критика современности



Вадим Владимирович Корольков (р. 1997) – ассистент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, глава Дискуссионного клуба федералистов.

НЕЗАМЕТНЫЙ ЮБИЛЕЙ

Столетний юбилей Конституции СССР 1924 года, который для российского политико-правового дискурса является знаковой датой, едва ли был замечен нашим обществом. С одной стороны, в течение года не только готовились специальные публикации, но и проводились различные научные мероприятия, в рамках которых обсуждались всевозможные формально-юридические и содержательные особенности этого акта. С другой стороны, при проведении традиционных сопоставлений Конституции СССР 1924 года с более ранними и более поздними актами конституционного значения – в этом ряду, естественно, Конституция РСФСР 1918-го, Союзный договор 1922-го, Конституции СССР 1936-го и 1977 годов – не вызывает сомнений то, что юбилярша остается в тени всех упомянутых документов. В ряду конституционных актов советской власти Основной закон 1924 года лишен ореола исторического первенства и потому не содержит новшеств революционного характера. Он не учредил Союз ССР, но лишь подтверждал его существование; он не блистал красотами юридической техники; он не ассоциировался с именами вождей советского государства. Кажется, сама история вытеснила этот документ на периферию общественного и профессионального интереса – и, надо сказать, едва ли это случайно.

Даже при поверхностном взгляде на проблему нетрудно обнаружить, что и в советскую эпоху Конституция 1924 года не пользовалась особой популярностью среди исследователей. В сталинские времена научный дискурс, работавший на пропагандистскую машину, затушевывал различия между ленинским и сталинским планами построения советской федерации, стремясь выставить «отца народов» единственным последовательным ленинцем. Помимо изъявлений неприкрытого сервизма – например, нарочитых преувеличений роли Сталина в подготовке документа, естественным путем исчезнувших из дискурса после 1953 года, – Конституцию 1924 года часто путали с Союзным договором 1922-го, из-за чего спустя десятилетия разразилась дискуссия о «договорной» или «конституционной» природе советской феде-

рации¹. Подытоживший ее вывод о том, что правовой основой для федерации может служить только Конституция, а не договор, был самоочевиден как для дореволюционных, так и для современных авторов², а потому не имеет ни малейшей научной ценности. Однако для советской доктрины он стал очень знаковым. Отсутствие свободы научного творчества, полноценной социологической и политологической науки закономерно привело к тому, что главными участниками любых социально-политических дебатов в СССР неизменно оказывались ученые-юристы. С одной стороны, это оборачивалось поверхностно-позитивистским толкованием конституционных актов, а с другой стороны, из-за этого смешивались в одну кучу правовые и прочие социальные характеристики не только Конституции, но и советского строя в целом.

Предваряя дальнейший анализ, необходимо сделать несколько важных оговорок. Во-первых, Конституция 1924 года стала первым актом, создавшим конституционную основу для восстановления государственности на территории бывшей Российской империи: ни Конституция РСФСР 1918 года, принятая в пылу гражданской войны, ни Союзный договор 1922-го, формально являвшийся международным, не обладали этой значимой характеристикой. Во-вторых, подобно упомянутым документам, первая советская Конституция стала актом нормативного воплощения марксизма-ленинизма – идеологии, которую исповедовала правившая группа. В этом смысле Конституция, не только пронизанная марксистско-ленинской фразеологией, но и конституирующая предусмотренные марксизмом властные институты, выступила идейной предшественницей последующих Основных законов СССР. В-третьих, в отличие от последующих Конституций союзного уровня, Конституция 1924 года была единственной, не говорящей ни слова о коммунистической партии как об особом субъекте государственно-правовых отношений, поскольку партия, хотя и располагала большинством в Советах всех уровней, на момент принятия Конституции еще не была монопольной политической силой. Наконец, в-четвертых, в федералистском смысле Конституция 1924 года, не ограничивая политический процесс, лишь очерчивала пре-

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ
КОНСТИТУЦИЯ СССР
1924 ГОДА И КРИТИКА
СОВРЕМЕННОСТИ

- 1 Подробнее см.: *Государственное право СССР* / Под ред. С.С. Кравчука. М.: Юридическая литература, 1967. С. 233; Лепешкин А.И. *Советский федерализм (теория и практика)*. М.: Юридическая литература, 1977. С. 148; Чистяков О.И. *Конституция СССР 1924 года*. М.: Зерцало, 2004.
- 2 См., например: Коркунов Н.М. *Русское государственное право. 6-е изд.* СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909. Т. I. С. 151–153; Жилин А.А. *Теория союзного государства*. Киев: Типография И.И. Чоколова, 1912. С. 279; Яценко А.С. *Теория федерализма: опыт синтетической теории права и государства*. Юрьев: Типография К. Матисена, 1912. С. 286; Лазаревский Н.И. *Русское государственное право. 3-е изд.* СПб.: Слово, 1913. Т. I. С. 226; Корольков В.В. *Актуализация классификации федеративных систем: основания для пересмотра выделения «договорных» и «конституционных» федераций* // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 7. С. 47–57.



дели компетенции союзных республик. (Интересно, что в этом она гораздо больше похожа на Конституцию США, тоже принятую в развитие более раннего конфедеративного договора, нежели на любую из последующих Конституций СССР.) Учитывая все вышесказанное, можно утверждать, что Конституция 1924 года была не только формально, но и практически самой либеральной и самой федералистской из всех советских конституций.

В отличие от последующих Конституций союзного уровня, Конституция 1924 года была единственной, не говорящей ни слова о коммунистической партии как об особом субъекте государственно-правовых отношений.

Тем не менее до сих пор ни в правовой, ни в политической, ни в социологической литературе не наблюдалось должного осмысления базовых постулатов советского строя, впервые закрепленных в Конституции 1924 года и частично воспроизводимых в последующих конституционных актах. Отсутствие же напрашивающейся рефлексии ведет к тому, что современные внутри- и внешнеполитические события словно выпадают из контекста – то есть воспринимаются без учета ключевых идейных установок, которые, обозначившись еще в 1924 году, в своей тесной взаимосвязи по-прежнему продолжают влиять на происходящее не только на постсоветском пространстве, но и во всем мире.

КОНСТИТУЦИЯ 1924 ГОДА И КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Осмысление интеллектуальной и идеологической основы, поддерживающей Конституцию 1924 года и влияющей, как ни странно, на современные политические процессы сразу в нескольких измерениях, целесообразно начать с некоторых общих, но не всегда очевидных вещей. Прежде всего следует сказать, что марксистское учение, положенное в основу Конституции 1924 года, с точки зрения социальной философии является частной импликацией критической теории в целом и либерализма как ее политического проявления в частности. Либерализм, выступающий реакцией на неравенство и связанные с ним ограничения, критикует реальность, для которой это неравенство и эти ограничения естественно присущи. В подобном виде либерализм сложился тогда, когда условия реаль-

ной жизни – рост производства, развитие рынка, институционализация капитала – перестали соответствовать наличным политическим порядкам и социальным практикам. И хотя эти порядки, стремясь легитимировать себя, порой привлекали метафизические аргументы (например отсылки к божественной воле), конечной целью любой их аргументации всегда оставалось объяснение наличного политического строя как естественного и, следовательно, единственно возможного. Заслуга либерализма, таким образом, состояла в том, что им впервые был поставлен под сомнение консервативный тезис о неизменной природе реальности: вопреки этому тезису он настаивал на противоестественности неравенства, присущего феодализму или абсолютизму.

В свою очередь социализм в целом и марксизм в частности можно считать новой вехой развития либеральной мысли: здесь критическая теория пошла еще дальше и поставила под сомнение тот социально-политический порядок, который сложился уже при самом классическом либерализме. Таким образом, левый фланг либеральной мысли в логике критической теории вновь выставил на суд критики все то же неравенство – но возникающее уже не за счет передаваемых по наследству привилегий, а благодаря свободному рынку, лелеемому классическим либерализмом. Трактующий в этой логике марксизм представлял не антагонистичной либерализму идеологией, а напротив, вполне либеральной реакцией на современное общество и подкрепляющую его индустриализацию. Иначе говоря, получалось так, что «оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии»³. Рассуждая в том же ключе, можно добавить, что столь же закономерным продолжением развития либеральной идеологии позже станет возникновение анархизма или либертарианства, отрицающих не только экономическую, но и всякую иерархию как структурную основу неравенства.

Таким образом, в отличие от реалистических политических теорий, объясняющих, как устроен общественный мир, но не ставящих перед собой вопрос о том, каким он должен быть, критические политические теории делают упомянутый вопрос приоритетным. Нападая на реализм, критические теории требуют от общественного пространства постоянных изменений, подталкивая его к большей гибкости. Например, тот же либерализм, положительно относящийся к социальной инженерии, не только восприимчив к изменениям, но и готов отражать их в целом комплексе социальных структур, к числу которых относятся государство и право. Идея утилитарно конструируемой и

3 Маркс К., Энгельс Ф. *Манифест Коммунистической партии* // Они же. *Сочинения*. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 430.

управляемой реальности позволяет критическим политическим теориям указывать ориентиры для развития общественных отношений в дальнейшем.

Например, критическая идея об ограничении произвола феодалов и абсолютных монархов привела к формированию ключевых принципов либерального устройства, включая правовое государство, приоритет прав человека, республиканскую форму правления и разделение властей. Критическая идея о необходимости структурных изменений, позволяющих искоренить произвол обладателей крупного капитала, привела к формированию основных принципов социалистического государства, к числу которых относится постулирование социальных прав человека – на образование, медицинскую помощь, защиту в трудовых спорах и так далее. Наконец, критические идеи классического анархизма и современного либертарианства видят во всяком публичном воздействии на личность ограничение ее воли и поэтому приходят к концепциям «смерти государства» и разработке альтернативных государству моделей социальной организации.

Все сказанное имеет прямое отношение к Конституции 1924 года, включающей Декларацию об образовании Союза ССР. В ней конституируемый союз открыто противопоставляется буржуазным государствам и гораздо менее явно – предшествовавшему абсолютистскому строю. Создателям конституционного акта в этом виделась единственная возможность защитить отстаиваемые ими ценности от иерархизма, от которого, по мысли марксистов, классический либерализм так и не смог избавиться окончательно. Показательна в этом смысле заочная дискуссия по поводу того, каким надлежит быть послереволюционному российскому федерализму, участники которой весьма выразительно противопоставляли друг другу «вертикальные» (иерархические) и «горизонтальные» (неиерархические) подходы к созиданию нового государства. Она настолько интересна, что есть смысл уделить ей некоторое внимание.

После того, как традиционный уклад рассыпался на части в революционном 1917 году, один из его прежних стойких критиков, классический либерал и кадет Федор Кокошкин, написал:

«Построение российской федерации, основанной на началах национального разделения, представляет задачу государственного строительства практически неосуществимую. [...] Я не знаю, может быть, мы движемся навстречу какой-нибудь новой эпохе, может быть, она создаст какие-нибудь новые государственные формы, которые нам и не снились, может быть, в соответствии с изменением человеческой психологии изменятся и основания для построения форм государства, но сейчас, стоя на почве данных

условий, на почве данных законов государственного строительства, построить в России федерацию народностей невозможно»⁴.

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ
КОНСТИТУЦИЯ СССР
1924 ГОДА И КРИТИКА
СОВРЕМЕННОСТИ

Это откровенно саркастическое замечание регулярно цитировалось советскими авторами, преследовавшими, однако, различные цели. Одни обращались к нему, чтобы упрекнуть своих либеральных антагонистов в преданности старым иерархическим порядкам; развивая именно эту линию, Алексей Лепешкин, возглавлявший в 1960-х журнал «Советское государство и право», утверждал:

«Временное правительство продолжало проводить в области национальных отношений ту же политику, что и царизм, только в новых, более утонченных формах. Оно также выступило и против федерации в условиях России. Устами своего идеолога Ф.Ф. Кокошкина оно открыто отрицало возможность федеративной формы государственного устройства России»⁵.

Другие советские правоведы, также опиравшиеся на высказывания видных кадетских теоретиков, выбирали иное направление атаки. Так, по словам профессора МГУ Давида Златопольского, «даже буржуазные юристы вынуждены признать, что буржуазные федеративные государства не могут разрешить национального вопроса»⁶, хотя для советской власти, напротив, эта амбициозная задача вполне по плечу – ведь в строительстве нового государства она решительно отказалась от привычных клише:

«Построение советской федерации по национальному принципу было осуществлено впервые в мировой истории; такая федерация явилась одним из могучих средств разрешения национального вопроса в Советском государстве. [...] Это был новый, неизвестный ранее практике государственного строительства принцип федерации, ибо буржуазные союзные государства строились отнюдь не по национальному признаку и создавались зачастую насильственно, в результате захвата территории»⁷.

Следует добавить, что на уникальность и неповторимость советского федеративного опыта указывали и современники

- 4 Кокошкин Ф.Ф. *Автономия и федерация*. М.: Лештуковская паровая скоропечатня «Свобода», 1917. С. 14–15; см. подробнее: *Революция и федерация. Избранные места из дискуссий 1917–1923 годов // Неприкосновенный запас*. 2022. № 6(146). С. 88–128.
- 5 Лепешкин А.И. *Указ соч.* С. 70.
- 6 Златопольский Д.Л. *Государственное устройство СССР*. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960. С. 53. Автор, впрочем, атаковал не Федора Кокошкина, а его соратника по кадетской партии и тоже дореволюционного правоведа Александра Яценко, писавшего, что «никакая областная децентрализация или федерация, как бы она организована ни была, не может разрешить национального вопроса» (Яценко А.С. *Указ. соч.* С. 392).
- 7 Златопольский Д.Л. *СССР – федеративное государство*. М.: Издательство Московского университета, 1967. С. 52–53.

советского Основного закона 1924 года – то есть эта мысль была на редкость устойчивой⁸.

Представленные позиции демонстрируют особенности критического подхода к социальной реальности применительно лишь к одному из вопросов, входящих в предмет регулирования конституционного права: к политико-территориальному устройству. Именно он оказался центральным предметом правового регулирования для Конституции 1924 года, хотя вдохновлявшая этот документ критическая традиция проявила себя и в других элементах: в основах конституционного строя, правовом статусе личности, организации публичной власти. Все эти вопросы нашли свое отражение, причем в духе все той же критической теории, в принятых впоследствии конституциях союзных республик и общесоюзных Основных законах 1936-го и 1977 годов. Однако в марксизме, который оставался радикальным ответвлением либерализма и критической теории, столь же решительно проявились и скрытые недостатки этих направлений общественной мысли. Парадоксальным образом то, что сейчас принято называть «кризисом либерализма», было в гипертрофированной форме заложено в основания отечественной государственности ровно сто лет назад. Последствия этого мы переживаем до сих пор.

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ КРИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Главнейший недостаток критических теорий предстает закономерным продолжением их основного достоинства. Не имея возможности опереться на живой факт, критическая политическая мысль ориентирует практику общественных отношений на гипотетические, не подкрепленные опытом примеры социальной организации. Опираясь на чисто идеалистические установки, она не озадачивается вопросом, можно ли на деле выстроить те идеальные общественные институты, которые существуют в воображении ее создателей. Иначе говоря, концепции, критикующие реальность, в значительной мере воздвигнуты на ее решительном отторжении.

Классический либерализм, оформлявшийся в противовес вековым привилегиям правящих групп, вместе с самими при-

8 В частности, накануне принятия Конституции 1924 года российский и советский правовед Всеволод Дурденевский – тоже, что интересно, не обошедший стороной знаменитого кадета, – писал: «Ф.Ф. Кокошкин оказался трижды прав. В 1917 году создать федерацию народностей было еще невозможно и государственное единство России временно разрушилось; в 1919–1920 годах мы, по-видимому, прошли через конфедеральную стадию, и сейчас, с изменением в горниле революции экономики и психологии, Россия стоит перед новой, никем непредвиденной формой государственного строя, имя которой – Союз Советских Республик» (Дурденевский В.Д. *На путях к русскому федеральному праву* // Советское право. 1923. № 1. С. 34–35).

вилегиями отрицал и их культурное превосходство. Вместо наследственного приобретения властных прерогатив его сторонники предлагали сделать власть доступной и для тех, кто не мог претендовать на нее по праву рождения. Подобное новшество, однако, не снимало вопроса о том, насколько справедливо в социуме распределяются различные виды капитала. В свою очередь невозможность окончательно разобраться со справедливостью как наличной, так и вообще любой иерархии провоцировала радикализацию либеральной мысли. Запнувшись на противоречивости собственных базовых установок и не пожелав их пересматривать, сторонники классического либерализма начали критиковать возникавшие социалистические идеи и порядки в той же манере, в какой они прежде критиковали абсолютизм. Именно это позволило учению Маркса, опираясь на свою предельную критичность и вопреки всем своим недостаткам, не только сделаться логичным продолжением ранней либеральной философии, но и предложить более целостную и потому более убедительную картину мира.

Противостояние критицизма и ультракритицизма могло закончиться иначе, если бы сторонники либерализма сумели выйти за рамки, установленные их собственным учением, сосредоточившись на внутренних противоречиях новых политических теорий, бросивших им вызов, и подвергнув их имманентной критике. Но вместо этого классические либералы пытались оценивать новые явления, используя устаревшие средства. В частности, именно такую когнитивную ошибку, как представляется, совершил Карл Поппер, превратив истолковавший Платона, Гегеля и Маркса как тоталитарных противников автономии личности. Более того, в предисловии к русскоязычному изданию своего главного сочинения, опубликованному в 1992 году, Поппер заявлял, что построение «открытого общества» в России, вне всякого сомнения, достижимо – если только в стране будет организован свободный рынок, базирующийся на новой, либеральной конституции и новом, столь же либеральном, гражданском кодексе немецкого образца, проекты которых тогда находились в разработке⁹. Читая эти строки сегодня, остается лишь удивляться глубочайшей наивности именитого автора, даже не попытавшегося сопоставить свои яркие идеи с реалиями посткоммунистической России.

В указанном смысле всякая либеральная идея обречена в той или иной степени оставаться метафизической абстракцией, действенность которой будет зависеть скорее от эффективности убеждения адептов, нежели от реальной обоснованности. Не стал исключением и марксизм, который, несмотря на

9 См.: Поппер К. *Открытое общество и его враги*. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992. Т. 1. С. 7–15.

демонстративное противостояние классическому либерализму и позиционирование себя в качестве материалистической – то есть предельно реалистичной – политической теории, содержал колоссальное внутреннее противоречие. Имея в виду предстоящее ниже обращение к Конституции СССР 1924 года, полезно остановиться на нем подробнее.

Критическая политэкономия Маркса претендовала на научность и потому базировалась на анализе уже известных и многократно описанных фактов социальной жизни. В частности, понимание ею исторического процесса вдохновлялось тезисом о непрерывности классовой борьбы за производительные силы и вытекающей из нее смене общественно-экономических формаций¹⁰. Иначе говоря, отталкиваясь от опыта более ранних формаций, классики марксизма критиковали их с материалистических позиций – располагая при этом достоверными сведениями о том, какая именно социальная сила вышла победителем из ранее складывавшихся революционных ситуаций. Та же логика применялась и в критическом препарировании капитализма XIX века, причем вскрытие недостатков классического либерализма требовало от марксистов обозначения какой-то знаковой цели, делавшей закономерными смены всех предшествующих формаций.

В результате, занимаясь проектированием социалистического – и уж тем более коммунистического – будущего в условиях, когда коррелирующие с этим будущим общественные отношения попросту отсутствовали, левые теоретики-критики были вынуждены прогнозировать их развитие на основе абстрактных понятий. Борясь за научность своей теории, Маркс и Энгельс наотрез отказывались признать социальное развитие хаотичным по сути процессом, что оборачивалось его грубо линейной интерпретацией – и, следовательно, постулированием его конечной точки. Коммунизм как утопическая идея общества, избавленного от иерархии и неравенства, выступал, таким образом, мерилем, в сопоставлении с которым обосновывалась недоброкачественность уже сложившейся буржуазной действительности. Критикуя видоизменившуюся социальную реальность, радикально-либеральная реакция на становление модерна к аргументам классического либерализма добавляет собственный радикально-этический аргумент. Именно так происходит неочевидная, но колоссальная по своему значению подмена фундаментального принципа марксистского уче-

10 См., например: МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. *Манифест Коммунистической партии*. С. 424–436; МАРКС К. *К критике политической экономии* // МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. *Сочинения*. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 5–9; МАРКС К. *Послесловие ко второму изданию «Капитала»* // МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. *Сочинения*. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 12–22.

ния – материализма (или, говоря точнее, политического реализма) – политическим идеализмом¹¹.

В свою очередь из этого методологического противоречия рождается тезис, согласно которому *политическая теория становится материальной силой тогда, когда она овладевает массами*, сформулированный Марксом в начале его теоретического пути и подхваченный Лениным на пике его практической деятельности¹². Глобальный смысл этого положения заключается в том, что основным полем классово-борьбы внезапно оказывается спор не о принадлежности различных видов капитала – как это было в условиях классического, современного общества, – а о контроле над массами, открывающем доступ к капиталу. Среди прочего сказанное означает, что все политические теории априори являются едва ли не равнозначными конкурентами по отношению друг к другу и преуспеет среди них та, посредством которой действительно удастся взять под контроль массы. В противоборстве же равных идей в условиях фактического неравенства верх одержит та из них, которая уже поддерживается различными видами капитала, необходимого для проведения в жизнь любой идеи.

Это достижение критической политической мысли, которое без преувеличения можно назвать самым значимым, подразумевает, однако, что сами критические теории, вступая в конкуренцию за лучший образ будущего, не имеют очевидных преимуществ перед реализмом. Обещая построение справедливого общества без иерархии под руководством партии трудящихся, марксизм обходит стороной вопросы превращения самой партии в новый класс, вызревания бюрократической контрреволюции – и, как следствие, отхода от социализма. Для советской партийной бюрократии, непосредственно затронутой этими трендами, они не казались настолько же очевидными, какими их видел внешний наблюдатель. Между тем Лев Троцкий, будучи одним из таковых, с помощью марксистского метода критиковавший сталинский режим, смог спрогнозировать процессы, в конечном счете обусловившие крушение советского строя¹³. На первый взгляд может показаться парадоксальным,

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ

КОНСТИТУЦИЯ СССР
1924 ГОДА И КРИТИКА
СОВРЕМЕННОСТИ

11 Эта подмена наиболее отчетливо просматривается в «Манифесте Коммунистической партии», вторая часть которого резко выбивается из общей логики критической политической экономики.

12 См.: МАРКС К. *К критике гегелевской философии права. Введение* // МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. *Сочинения. Т. 1. М.*: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 422; ЛЕНИН В.И. *Удержат ли большевики государственную власть?* // Он же. *Полное собрание сочинений. М.*: Издательство политической литературы, 1969. Т. 34. С. 332.

13 См.: Троцкий Л. *Преданная революция: что такое СССР и куда он идет?* М.: Т8 RUGRAM, 2017. С. 52–81, 129–160. Примечательно, что оценки советского строя, данные марксистом Троцким за полвека до его крушения, совпадают с результатами социологических и институциональных исследований, проведенных в процессе распада СССР и после него. См., например: Восленский М.С. *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза*. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990; ГАЙДАР Е.Т. *Гибель империи. Уроки для современной России*. М.: РОССПЭН, 2006.

что последователи ультракритической политической теории, стремясь приблизить ее метод к реальности, которую хотели улучшить, в итоге отступились от этого метода, а один из наиболее идеалистично настроенных ее адептов, сохраняя верность методу в ущерб собственному политическому будущему, смог безошибочно спрогнозировать эволюцию политической системы, основанной на этой теории. То есть в этом случае волей-неволей получается, что для воплощения марксизма в жизнь нужно перестать быть марксистом, а чтобы остаться таковым навсегда, ни в коем случае не нужно предпринимать попыток воплотить марксистскую модель на практике.

Однако при более тщательном рассмотрении выясняется, что мы имеем дело с парадоксом, присущим не только марксизму, но и любым либеральным – то есть критическим – политическим теориям. Критический метод, безусловно, необходимый для совершенствования реальности, не должен быть единственным средством ее восприятия, поскольку перманентная критика реальности подразумевает ее отрицание, что исключает саму возможность ее последующего улучшения. Таким образом, обозначается естественный когнитивный предел всякой критической теории, приложимой к политике, – тупик, который невозможно преодолеть, сохраняя прежние целеполагание и старые методы. Но одновременно этот тупик можно использовать в качестве стартовой площадки для поиска новых подходов, предполагающих конструктивную конвергенцию критического и реалистического подходов. По-видимому, нечто подобное после краха СССР произошло в Китае.

Будучи наиболее радикальной критической теорией, марксизм вышел к ее границам прежде других идеологий, а также раньше иных либеральных практик государственного строительства. Он опытным путем продемонстрировал предельность критической мысли в чистом ее виде. Несмотря на крах советского эксперимента, ведущие либеральные демократии продолжали со временем смещаться влево, перенацеливая радикализацию своего критического начала с имущественного расслоения на иные формы иерархии и неравенства. Провозглашая в качестве своей цели защиту прав человека, критическое отношение западных правопорядков к реальности обрело радикальные формы. Так, справедливые по своей природе требования ликвидации формальных и фактических ограничений личности по критериям ее гендерной, расовой или сексуальной принадлежности привели к вырождению движения за права женщин в бескомпромиссное мужененавистничество, движения за права цветных – в реверсивный расизм, движения за права сексуальных меньшинств – в нормализацию всевозможных расстройств полового поведения. Отрицая ба-

зовые человеческие характеристики столь же концептуально, как ранее коммунизм отрицал всякую социальную иерархию, упомянутые – и некоторые другие – идеологии рано или поздно займут свое место в ряду «научно обоснованных», но практически невозможных и потому несбывшихся утопий.

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ
КОНСТИТУЦИЯ СССР
1924 ГОДА И КРИТИКА
СОВРЕМЕННОСТИ

КОНСТИТУЦИЯ 1924 ГОДА В КРИТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Принципиальное отторжение реальности критическими политическими теориями сделало основанные на них социальные институты и структуры потенциально неустойчивыми. О скалы реальной политики сначала разбился корабль марксизма, потопив вместе с собой Союз ССР, а сегодня аналогичным образом у нас на глазах трагично гибнет классический либерализм. Если в западных странах эта тенденция проявляет себя в дальнейшем эволюционировании критической теории – в частности, в ужесточении политического дискурса, описывающего естественные свойства индивидов и их групп, – то в России она обретает иное выражение. Некогда зафиксированные в Конституции Российской Федерации 1993 года либерально-демократические положения выхолащиваются из самой практики общественной жизни как элементы, чуждые российской конституционно-правовой идентичности. Несмотря на то, что в некоторых случаях речь идет об изъятии из конституционного строя заведомо мертворожденных, идилических институтов, гораздо чаще формальные и фактические отступления от аутентичного текста Конституции обусловлены организационной унификацией публичной власти всех уровней и поступательным ограничением прав человека. Не углубляясь в эту тему детально, обозначим все же немаловажный вопрос: если, как было показано ранее, для пересмотра критических политических теорий действительно имеются объективные причины, а либерально-демократические порядки по-прежнему их игнорируют, продолжая спорить с реальностью, то что же предлагается на замену классическому либерализму, изгоняемому из отечественного конституционного строя?

Поправки, внесенные в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, нормативно запечатлели доминирование в социальном дискурсе так называемых «традиционных ценностей». Клише взято в кавычки, поскольку к самой этой культурной, политической и правовой конструкции есть ряд серьезных вопросов. За столетие с небольшим российское общество *трижды* кардинальным образом меняло свои устои: от монархии



оно перешло к социализму, от социализма – к либерализму, от либерализма – к великодержавию. К какой же из трех предшествующих традиций должны отсылать активно продвигаемые «традиционные ценности»? Впрочем, эта тема едва ли претендует на первостепенность. Гораздо более важным представляется то, что закрепленные в обновленной Конституции Российской Федерации популистские положения, позже раскрытые в подробностях и деталях¹⁴, по большей части представляют собой набор абстрактных стереотипов типа «за все хорошее против всего плохого». Претендуя на привлечение симпатий максимального числа сограждан, они не имеют между собой рационально постижимой системной связи, а также не обладают сколько-нибудь внятными формами институциональной организации. В попытке подвести под эти разрозненные идеи хоть какую-то когнитивную основу близкие к официозу идеологи все чаще обращаются, в частности, к писаниям Ивана Шмелева или Ивана Ильина, провоцируя реакцию критически мыслящей части общества, особо бурно проявляющуюся в среде левых активистов. Ошибочность выбора упомянутых авторов на роль «созидателей новой антилиберальной России» обусловлена даже не их одиозными политическими знакомствами, зафиксированными документально, а самим характером отстаиваемой ими идеологии. Оформляясь в качестве реакции на успехи критических теорий, доктрина о сохранении традиционных способов легитимации (и, следовательно, традиционных общественных иерархий), была исходной и потому наименее совершенной формой политического реализма. Более того, эта разновидность традиционалистской идеологии, отрицающая необходимость общественного развития, уже подверглась разгромной деконструкции, которую предприняли классический либерализм и ортодоксальный марксизм.

Нежелание опираться на критические политические теории в процессе государственного строительства не означает отказа от их завоеваний и преимуществ: из этого вытекает лишь то, что критицизм и реализм нужно приспособлять друг к другу – для, позволим себе тавтологию, критического восприятия реальности посредством реалистичной критики. Саморазрушение советских общественных институтов, основанных на радикальной критической политической теории, спровоцировало в постсоветской России экзистенциальный кризис, который сейчас предлагается преодолевать наиболее примитивным способом: откатом к докритическим формам политической организации социума. Такой выбор, пусть даже обеспечиваю-

14 Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>).

щий сохранение капиталов и привилегий как минимум двум поколениям олигархов, силовиков и обслуживающего их персонала, не имеет серьезных исторических перспектив. В контексте современного или даже постмодерного общества замшелое традиционалистский фундамент социальной сплоченности выступает наихудшим выбором не столько в свете этических соображений, сколько потому, что, отрицая прогрессивное, да и всякое иное развитие¹⁵, он влечет за собой масштабную, бессмысленную и пустую растрату потенциала и ресурсов страны. О том, как это работает в экономической сфере, столетие назад прозорливо писал все тот же Троцкий, противопоставляя два типа компрадорского этоса:

«Реставрация буржуазной России означала бы для “настоящих”, “серьезных” реставраторов не что иное, как возможность колониальной эксплуатации России извне. В Китае иностранный капитал орудует через компрадоров, то есть китайскую агентуру, нагревающую руки на грабеже собственного народа мировым империализмом. Реставрация капитализма в России создала бы химическую культуру русского компрадорства, с “политически-правовыми” предпосылками деникински-чанкайшистского образца. Все это было бы, конечно, и с богом, и со славянской вязью, то есть со всем тем, что нужно душегубам для “души”»¹⁶.

Разумеется, сказанное можно спроецировать не только на экономику.

За столетие с небольшим российское общество трижды кардинальным образом меняло свои устои: от монархии оно перешло к социализму, от социализма – к либерализму, от либерализма – к великодержавию. К какой же из трех предшествующих традиций должны отсылать активно продвигаемые «традиционные ценности»?

Возвращаясь к Конституции СССР 1924 года, можно констатировать, что она при всех своих несовершенствах и противоречиях представляла собой не только набор идеологических установок для контроля над массами, но и *инструмент совершенствования реальности*. Несмотря на то, что ориентиром

15 См., например: Эвола Ю. *Люди и руины*. М.: АСТ, 2007. С. 5–18; Дугин А.Г. *Философия традиционализма*. М.: Арктогея-Центр, 2002.

16 Цит. по: Троцкий Л. *К капитализму или к социализму?* // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 11 (www.marxists.org/russkij/trotsky/works/trotm273.html).

для ожидаемых изменений выступала несбыточная коммунистическая утопия, сохранявшаяся в этом документе критическая интеллектуальная основа позволила ему стать первым актом социального новаторства *такой* юридической силы и *такой* степени детализации. Более того, по сравнению с предшествующим правопорядком, который базировался на сохранении иерархий, фактически разложившихся под давлением модерности, Конституция 1924 года выглядела гораздо более реалистичной: общественные силы, привлекаемые ею для воплощения умозрительной утопии будущего, оказались куда внушительнее общественных сил, задействованных для сбережения никогда не существовавшей, но освящаемой традицией утопии прошлого. В этом смысле несмотря на многочисленные недостатки советского правопорядка, закрепленного в Конституции 1924 года, его утилитарный характер позволил вовлечь в социально-политическую практику значительные сегменты населения, прежде не имевшие возможности участвовать в публичных делах. Как следствие, установленные в этом Основном законе принципы обуславливали благо каждого гражданина достижением общего блага. Надо сказать, что нынешняя Конституция Российской Федерации никогда не была столь же очевидно действенной: она лишь *декларировала* идеологические установки социально-политической жизни, а апелляции к включенным в нее с недавних пор «традиционным ценностям» оправдывают, как правило, не расширение прав человека и упрочение их гарантий, а напротив, внедрение все новых запретов или ограничений.

Несмотря на многочисленные недостатки советского правопорядка, закрепленного в Конституции 1924 года, его утилитарный характер позволил вовлечь в социально-политическую практику значительные сегменты населения, прежде не имевшие возможности участвовать в публичных делах.

В стремлении вернуть никогда не существовавший «золотой век» нынешние апологеты традиционализма подменяют рациональные решения общественных проблем суррогатными. Так, для преодоления демографических затруднений вместо коренного пересмотра действующих программ поддержки семьи, материнства, отцовства и детства стараются усложнить процедуры аборта и развода, а вместо поддержания конкуренции мнений, жизненно необходимой для нормального общест-

венного развития, публичный дискурс стерилизуют под благородным предлогом военной цензуры. Деградация общественных институтов, провоцируемая отказом от использования критического метода, влечет за собой деградацию не только общественного дискурса, но и всех общественных отношений. Симптоматичным проявлением такого вырождения можно считать зазвучавшие с недавних пор предложения ограничить преподавание в общеобразовательных школах обществознания, а также теории эволюции. Эти вывихи не должны удивлять: в традиционалистском обществе нет места для достоверных знаний ни о нем самом, ни о естественности всякого развития.

Ссылки идеологии традиционализма на историю тоже не могут не вызывать существенных нареканий. Так, помимо упомянутой выше проблемы, касающейся хронологических границ мнимого «золотого века», в который стоило бы вернуться нашему обществу, возникает закономерный вопрос о том, что делать с причинами, некогда его уже погубившими: ведь если они по-прежнему в силе, то, вступив в «золотой век» вновь, его с легкостью можно будет опять потерять. И потом, если таковые причины известны заранее, то не мешало бы еще и разобратся, почему обитатели предыдущих утопических царств, будь то имперское или советское, не отреагировали на них своевременным и должным образом. Столь же смущающим выглядит и привлечение религиозных текстов, по идее, призванных оправдывать фактическое неравенство, но на деле иногда опровергающих саму традиционалистскую идеологию. В этом плане характерна амбивалентность, отличающая слова апостола Павла, согласно которым «нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1). Привлекающие этот отрывок в апологетических целях по неведению или по лукавству избегают упоминания о том, что его автор на пару с другим апостолом были незаконно задержаны римскими магистратами македонского города Филиппы и подвергнуты пыткам, после которых (а также после явленного ими чуда, напугавшего тюремщиков), отказались, несмотря на освобождение, покидать тюрьму до тех пор, пока им не принесут официальные извинения – как римским гражданам, которых, согласно закону, было строго запрещено пытать. Ученики Христа добровольно покинули узилище лишь после того, как их условие было выполнено (Деян. 16:36–39). Иначе говоря, даже в рамках христианской традиции, признающей естественность всякой иерархии, откровенный произвол властей вполне можно воспринимать негативно, и, следовательно, невозвратный тезис о подчинении всякой власти не исключает критического анализа ее действий.

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ
КОНСТИТУЦИЯ СССР
1924 ГОДА И КРИТИКА
СОВРЕМЕННОСТИ



В настоящее время осмысление того места, которое критические и реалистические теории занимают в политике и праве, не является приоритетной научной задачей, а имеющих качественных публикаций, затрагивающих эту тему, недостаточно для корректировки доминирующего научного дискурса¹⁷. Тем не менее, лишь сосредоточившись на выстраивании новой интеллектуальной традиции, основанной на конструктивном симбиозе реалистической теории и критического метода, можно будет преодолеть обозначившееся в отечественной социальной мысли неприятие прогресса. Публичные дискуссии, посвященные юбилею Конституции СССР 1924 года, способны послужить прекрасным поводом для того, чтобы начать разворот от культивирования стагнации к поощрению развития. Уклониться от подобного разговора нашему экспертному сообществу все равно не удастся, будь то сейчас или позже – в связи с какой-то иной значимой годовщиной, на которые богат 2025 год.

17 О необходимости разработать в рамках науки конституционного права метод критического реализма первым написал Сергей Денисов, который, однако, связывает это понятие исключительно с идеями классического либерализма, не предлагая принципиального решения методологической проблемы: Денисов С.А. *Критический реализм в отечественной науке конституционного права* // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 6–12; см. также обстоятельную публикацию: *Критические теории права: коллективная монография* / Под ред. Е.Н. Тонкова, И.И. Осветимской. СПб.: Алтейя, 2023.

«Интересы научных исследований отдельных частей Союза будут полностью обеспечены»: Конституция 1924 года и управление советской наукой¹

МАРИНА
ОКУНЕВА

Одним из неоспоримых достижений эпохи СССР считалась – и считается – советская наука. Но, констатируя это, стоило бы обратить внимание на вопрос, который редко привлекает исследователей: каким образом, собственно, советская система организации науки превращалась в общесоюзную? Порой в этой характеристике видится нечто изначально ей присущее. Между тем после образования СССР вопрос об организации управления наукой, а также о сотрудничестве и подчиненности научных учреждений союзных республик решался в ходе достаточно острых дискуссий, идеально вписывавшихся в процесс так называемого «федеративного торга».



СОВЕТСКАЯ НАУКА ПОЯВЛЯЕТСЯ НА СВЕТ

Формально разграничение полномочий между СССР и союзными республиками, регулирующих управление наукой, долгое время нигде не закреплялось. Ни в Договоре об образовании СССР (1922), ни в Конституции СССР (1924) вопрос о том, как центральные и республиканские власти должны управлять своей наукой, не ставился и не решался. Компетенция высших органов государственного управления также не позволяла делать однозначные выводы на этот счет: если народное просвещение было отнесено к исключительному ведению республик, то народное хозяйство принадлежало к вопросам совместного ведения². В частности, в РСФСР на момент учреждения СССР органы управления наукой одновременно вписывались в струк-

Марина Олеговна Окунева – старший научный сотрудник Центра истории российской науки и научно-технологического развития Российского государственного гуманитарного университета.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант № 20-78-10095-П).

² См. статьи 11, 18 и 19 Договора об образовании СССР 1922 года, а также статьи 52 и 67 Конституции СССР 1924 года.

туры управления как народным хозяйством, так и народным образованием. С одной стороны, зарождавшиеся отраслевые научно-исследовательские институты, обслуживавшие нужды промышленности, оказались под началом Высшего совета народного хозяйства в лице его научно-технического отдела. С другой стороны, академическая и вузовская наука пребывала в подведомственности органов, руководивших образованием: структурных подразделений Народного комиссариата просвещения РСФСР в лице его Главного управления научных и научно-художественных учреждений (Главнауки) и Государственного ученого совета³. При Совете народных комиссаров РСФСР был образован Особый временный комитет науки, к компетенции которого относились вопросы, «имеющие общее значение для постановки и развития всего научно-ученого дела в целом», а также налаживание «более тесной связи между наукой и производственной жизнью Республики»⁴. Поставленная властями задача укрепления смычки между наукой и производством оказалась ключевым фактором, который в дальнейшем способствовал тому, что управление наукой было передано из сферы народного просвещения в сферу народного хозяйства.

Скудость научного поля практически сразу задала большевикам политическую цель: нужно было едва ли не с нуля создать республиканскую науку.

В союзных республиках на момент образования СССР число научных учреждений было незначительно, а собственная академия наук имела только в одной из них: в Украинской ССР с 1918 года работала Всеукраинская академия наук (ВУАН)⁵. В прочих республиках научная деятельность ограничивалась стенами университетов и других высших учебных заведений, а также единичных отраслевых НИИ. В структуре высших органов государственного управления союзных республик за управление наукой, как и в РСФСР, отвечали главные управления научных и научно-художественных учреждений (главнауки) республиканских наркоматов просвещения⁶. Эта скудость научного поля практически сразу задала большевикам политическую цель: нужно было едва ли не с нуля создать республиканскую науку. Особенно бурными темпами на про-

3 Грибовский М.В., Дежина И.Г., Долгова Е.А. и др. *Наука большой страны: советский опыт управления*. М.: РГГУ, 2023. С. 80–86.

4 *Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): сборник документов* / Ответ. ред. К.В. Островитянов. Л.: Наука, 1968. С. 68–69.

5 Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. *Наука в СССР: о чем говорит статистика?* М.: РГГУ, 2023. С. 10.

6 Глухарев Н.Н. *Поиск форм общегосударственного управления наукой в СССР во второй половине 1920-х гг.* // Наука и школа. 2010. № 6. С. 150.

тяжении 1920-х в СССР развивался отраслевой сектор, на долю которого к концу десятилетия приходились 32% научных организаций⁷. Соответственно, подъем экономики требовал скорейшего расширения сети исследовательских центров, а также их рационального размещения на территории страны⁸.

Хотя при обсуждении Договора об образовании СССР и проекта союзной Конституции об управлении наукой вообще не упоминали, практически сразу после принятия Основного закона возник первый повод затронуть эту тему. В 1924 году в связи с упразднением Особого временного комитета науки при СНК РСФСР необходимость разрешить чисто административный на первый взгляд вопрос – какой Совнарком, российский или союзный, должен ликвидировать упомянутое учреждение – спровоцировала напряженную дискуссию между вице-президентом Академии наук, математиком Владимиром Стекловым, и редактором-консультантом СНК СССР неким Бернштейном. В центре внимания спорящих оказался вопрос о конституционности существования общесоюзного органа управления наукой⁹. «Федералистская» позиция Бернштейна основывалась на буквальном толковании только что принятой Конституции СССР, которая не предусматривала создания объединенного Наркомпроса и относила к компетенции Союза лишь установление общих начал народного просвещения. С этой точки зрения учреждение предлагаемого Стекловым постоянного Комитета науки при СНК СССР выглядело «конституционно неправильным»¹⁰.

Позиция вице-президента Академии наук основывалась на констатации народнохозяйственного значения проводимых исследований, «имеющих важные практические применения к хозяйственному и экономическому строительству Союза ССР». Отталкиваясь от нее, Стеклов делал вывод, согласно которому «такого рода исследования выходят из ведомства Наркомпроса и носят характер вне- или междуведомственный, затрагивают по преимуществу интересы других наркоматов». Соответственно, регулирование работ, производимых на всей территории СССР и выходящих за рамки компетенции отдельных (необъединенных) союзных наркоматов, было возможно, по мнению академика, только на уровне общесоюзного органа управления. С точки зрения Стеклова, необходимо было централизовать и руководство международным сотрудничеством советских науч-

МАРИНА ОКУНЕВА

«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

7 Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. *Указ. соч.* С. 9.

8 Кольцов А.В. *Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР. 1917–1961 гг.* Л.: Наука, 1988. С. 16.

9 Армашова А.В., Максимова Д.Д., Максимова О.Д., Окунева М.О. *Правовая политика Советского государства в сфере развития науки.* М.: Ленанд, 2022. С. 79–83.

10 *Заключение редактора-консультанта СТО и СНК СССР Бернштейна по докладной записке академика В.А. Стеклова.* Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 7. Л. 151–151 об.

ных организаций¹¹. Хотя по итогам обсуждений единый межотраслевой общесоюзный орган, управляющий всеми научными учреждениями страны, на свет не появился (вместо него был учрежден Отдел научных учреждений СНК СССР, к функциям которого отнесли управление международным научным сотрудничеством), в этой дискуссии достаточно ярко проявилась позиция руководства Академии наук.

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРАЛИЗУЕТСЯ

Во второй половине 1920-х сложилась система, которая сочетала в себе государственные органы управления наукой на уровне союзных республик и сосуществующие с ними общесоюзные органы с ограниченной компетенцией, находящиеся в подчинении Совета народных комиссаров СССР и Центрального исполнительного комитета (ЦИК)¹². Тем не менее на фоне общего тяготения к централизации, отражавшего дух эпохи, продолжали выдвигаться предложения учредить общесоюзный орган управления наукой и передать наиболее важные научные учреждения под непосредственное управление общесоюзной власти. Так, в апреле 1925 года в СНК РСФСР была подана докладная записка Главнауки и Наркомпроса РСФСР о необходимости создать при СНК СССР Комитет по делам науки¹³, а в ходе Всесоюзной конференции главнаук республиканских наркоматов просвещения, состоявшейся в 1926 году, озвучивалась идея учредить общесоюзный орган управления наукой при СНК СССР¹⁴.

В записке Главнауки и Наркомпроса РСФСР содержалось достаточно подробное обоснование причин, по которым систему научных исследований в СССР надо передать под общесоюзное управление:

«Необходимость координации и, в некоторых случаях, полного объединения деятельности наркомпросов отдельных республик по научно-исследовательской линии вызывается: а) интересами самого исследовательского дела; б) интересами народного хозяйства, заинтересованного в объединенном плановом научном изучении культурных и хозяйственных ценностей всего Союза; в) неизбежностью выступлений на международных съездах, совещаниях и т.п. от имени всего Союза».

11 Докладная записка вице-президента Академии наук академика В.А. Стеклова Председателю СНК об организации Постоянного комитета науки при СНК СССР вместо Особого временного комитета науки. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 7. Л. 181, 180.

12 Глухарев Н.Н. Указ. соч. С. 150.

13 Здесь и далее цит. по: Докладная записка Наркомпроса и Главнауки в СНК РСФСР о необходимости создания при СНК СССР Комитета по делам науки // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925)... С. 76–78.

14 Глухарев Н.Н. Указ. соч. С. 150.

Кроме того, продолжали авторы документа, общесоюзный статус «некоторых наиболее важных научных учреждений» обеспечил бы как «планомерное и систематическое построение их научной работы», так и улучшение их финансирования, что крайне актуально во времена восстановления экономики после разрухи. В качестве антитезы в записке приводится печальный опыт передачи серьезного научного учреждения – заповедника имени Христиана Раковского (прежде «Аскания-Нова») – под управление местных органов власти: «Этот ценнейший памятник природы из научно изучаемого и охраняемого учреждения мирового значения был превращен в простой совхоз и пришел, вследствие неумелой его эксплуатации, в катастрофическое состояние». Подчеркивалось, что общесоюзный статус важнейших научных учреждений также был бы в интересах союзных республик: «Деятельность таких мощных научных центров, обслуживающих сейчас лишь какую-либо одну из входящих в Союз республик, распространилась бы и на другие республики, обогащая их научными силами и обслуживая их жизненные интересы». Наконец, необходимым признавалось и централизованное руководство международным научным сотрудничеством: «Связь СССР с границей настолько окрепла, что возникает настоятельная необходимость Союзу ССР, как единому целому, вновь возобновить прерванные сношения с международными научными объединениями».

Наркомпрос РСФСР предлагал создать орган, который координировал бы научную деятельность учреждений разных республик Союза – Комитет по делам науки при СНК СССР. К задачам этой структуры Наркомпрос относил: а) согласование вопросов научной деятельности, затрагивающих интересы нескольких республик; б) организацию научного представительства СССР в международных сношениях; в) общий контроль над деятельностью научных учреждений всесоюзного значения. Предлагаемый орган предполагалось составить из представителей отдельных республик во главе с председателем, назначаемым Совнаркомом СССР персонально¹⁵.

В 1925 году вопрос об общесоюзном (и республиканском) статусе научных учреждений и распределении полномочий по управлению ими вновь вышел на первый план в связи с обсуждением статуса Академии наук. После революции петроградская Академия была преобразована из Императорской в Российскую, оставаясь таковой и после образования СССР. Двухсотлетний юбилей научного учреждения давал повод не только для масштабного празднования, но и для обновления устава Академии – которая продолжала работать на основании

МАРИНА ОКУНЕВА

«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ
ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

15 Докладная записка Наркомпроса и Главнауки в СНК РСФСР... С. 76–78.

дореволюционной, пусть и измененной, версии, – а также соответствующего пересмотра ее статуса. В феврале 1925 года Академия наук представила в Совнарком записку, в которой обосновывалась целесообразность подчинения ее высшему государственному общесоюзному органу – СНК СССР¹⁶. Наркомпрос РСФСР в записке наркома Анатолия Луначарского и председателя Главнауки Федора Петрова поддержал позицию Академии в части придания ей «значения всесоюзного органа», но, «по соображениям идеологическим, плановым и организационным», потребовал оставить ее в сети учреждений Наркомпроса РСФСР¹⁷.

В обсуждении проекта нового Устава участвовали представители не только самой Академии наук, но и республиканских правительств, парторганизаций, заинтересованных ведомств. Приоритетным сюжетом выступал поиск оптимального разграничения предметов ведения союзных и республиканских органов власти, а это, естественно, напрямую затрагивало права союзных республик¹⁸. В контексте бурных споров о суверенитете и объеме прав членов Союза ССР, имевших место в недавнем прошлом, когда федерация только-только создавалась, республики обращали особо пристальное внимание на все решения, способные затронуть в будущем их права. По этой причине в создании общесоюзных органов управления республиканские власти усматривали вмешательство в свои внутренние дела¹⁹. Отдельное политическое значение приобретала также тема взаимодействия с Всеукраинской академией наук: заинтересованным сторонам было понятно, что предстоящая трансформация российской Академии во всесоюзную будет означать ту или иную форму подчинения ВУАН союзным структурам. В этой связи отдельные члены ЦК Коммунистической партии Украины в том же 1925 году протестовали против ожидаемых решений, настаивая на том, что изменение статуса «ленинградской академии политически несообразно». Раздражение вызывал и повод переименования; на этот счет резко высказался нарком просвещения УССР (и в будущем академик ВУАН) Владимир Затонский, заявивший, что «нельзя начать передергивать нашу общественную систему из-за двухсотлетия»²⁰. Наконец, в глазах некоторых передача академии с республиканского на союзный уровень – из ведения Наркомпроса РСФСР в ведение СНК или ЦИК СССР – в организационном плане означала отрыв науки от образования²¹.

16 Армашова А. В., Максимова Д. Д., Максимова О. Д., Окунева М. О. *Указ. соч.* С. 102.

17 Там же. С. 103–104.

18 Грибовский М. В., Дежина И. Г., Долгова Е. А. и др. *Указ. соч.* С. 228.

19 Глухарев Н. Н. *Указ. соч.* С. 149–151.

20 Грибовский М. В., Дежина И. Г., Долгова Е. А. и др. *Указ. соч.* С. 228.

21 Там же.

В марте 1925 года вопрос о придании Академии наук всесоюзного статуса был вынесен на обсуждение фракции РКП(б) III сессии ЦИК СССР второго созыва, где решение о ее переименовании во Всесоюзную было одобрено большинством голов после исключительно горячей дискуссии. Представители УССР и некоторые представители Наркомпроса РСФСР категорически противились признанию Академии высшим научным учреждением СССР. Заместитель наркома юстиции РСФСР Николай Крыленко напоминал:

МАРИНА ОКУНЕВА

«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ
ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

«[Конституция СССР] запрещает распространительно толковать в общесоюзном масштабе те отрасли культурной и просветительской работы, которые Конституцией и решением партии переданы в учреждение и управление республик. Вытекает тенденция [...] о том, чтобы [необъединенным наркоматам. – М.О.] превратиться в общесоюзный наркомат. Этой тенденции должен быть положен конец»²².

Секретарь ЦИК СССР Авель Енукидзе в свою очередь замечал:

«Украинцы по всякому поводу, что бы мы ни создали, всегда возражают и приводят национальные соображения, которые совершенно не связаны с действительными опасениями, [...] а Конституцию мы всегда можем дополнить, расширить».

Представители УССР и некоторые представители Наркомпроса РСФСР категорически противились признанию Академии высшим научным учреждением СССР.

Вместе с тем компартии некоторых других союзных республик поддержали предлагаемое решение о переименовании²³. И если председатель СНК ЗСФСР Иван Орахелашвили мягко указывал, что речь идет «только о признании того, что сейчас есть», то председатель СНК Грузии Шалва Элиава высказался гораздо резче:

«Каждая республика полагает, что она будет развивать свою собственную науку. Это чепуха, вздор. Наука не бывает русской, грузинской или армянской. Наука не терпит этих границ, а маленькие республики ввиду того, что у них ограниченные материальные возможности, не могут питать таких учреждений»²⁴.

22 Армашова А.В., Максимова Д.Д., Максимова О.Д., Окунева М.О. *Указ. соч.* С. 107–108.

23 Там же. С. 105–110.

24 Там же. С. 109–110.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ

Но на упомянутой сессии ЦИК СССР, прошедшей в марте 1925 года, не удалось разрешить другой проблемный вопрос – о статусе Академии наук. В июне того же года Алексей Рыков подал в ЦК ВКП(б) записку, в которой докладывал о ходе и результатах обсуждения:

«Ввиду приближения 200-летнего юбилея Академии наук и необходимости к этому моменту утвердить устав академии я предлагал обменяться на фракции мнениями по этому вопросу, наметить принципиальное решение его, предопределить, что Всесоюзная академия будет учреждением при ЦИК или СНК Союза, не будет иметь никаких административных прав и что интересы научных исследований отдельных частей Союза, в особенности наиболее отсталых, будут полностью обеспечены»²⁵.

По итогам положительного решения вопроса в партийной фракции Рыков просил ЦК вынести решение на утверждение высших органов власти. Разобраться с этим вопросом скорейшим образом нужно было для того, чтобы принять новый устав Академии. 8 июля последовало решение Политбюро ЦК ВКП(б) о переименовании Академии наук во Всесоюзную. В нем отмечались мотивы, побудившие изменить статус:

«Ввиду того, что Академия наук обслуживала до сего времени только Великороссию, и для того, чтобы сделать ее орудием поднятия науки и культуры всех, особенно отсталых наций, признать необходимым преобразование ее во Всесоюзную, обеспечив в ней сотрудничество всех национальных республик».

Следующим пунктом того же документа решался «украинский вопрос»: партийное руководство требовало «обеспечить сохранение независимости молодой Украинской академии, которой Всесоюзная академия должна всемерно помогать в ее развитии». Для разработки проекта устава Академии и иных вопросов ее организации была создана комиссия «из народных комиссаров по просвещению всех союзных республик», председателем которой стал Рыков²⁶.

К 1925 году в составе Советского Союза были уже шесть союзных республик: РСФСР, БССР, УССР, ЗСФСР, Узбекская ССР и Туркменская ССР (две последние появились после национально-государственного размежевания в Средней Азии, прошедшего в 1924–1925 годах). Все они приняли участие в разработке про-

25 О переименовании Академии наук во Всесоюзную. 8 июля 1925 г. (ПБ от 2.VII. 25 г., пр. № 69, п. 9.) (т.т. Рыков, Каганович, Луначарский) // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991 / Сост. В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1 (1922–1952). С. 38.

26 Там же. С. 37–38.

екта устава Академии наук СССР, представив в марте 1926-го свои заключения. Надо сказать, что мнения республиканских властей совпадали не во всем. Если ЗСФСР и Туркменская ССР вообще не имели возражений против предложений центра, то отклик Узбекской ССР указывал на то, что проект нуждается в уточнениях: во-первых, следует разобраться, на каком принципе – единоначалия или коллегиальности – лучше выстроить управление административной, финансовой и хозяйственной деятельностью Академии; во-вторых, «в полном соответствии с Конституцией и постановлением о присвоении Академии наук всесоюзного значения необходимо в статьях 15, 16 и 38 заменить слово “русский” словами “ученый СССР”»²⁷. Что касается украинцев, то постоянное представительство УССР «ввиду того, что вопрос об утверждении Устава Академии наук СССР имеет весьма важное значение», сочло необходимым направить обсуждаемый документ на отзыв украинскому правительству²⁸.

По итогам обсуждения в административно-финансовой комиссии СНК СССР 23 марта 1926 года постоянным представителям республик было предложено представить заключения своих правительств – республиканских Советов народных комиссаров – по проекту устава Всесоюзной академии наук²⁹. Содержание этих отзывов свидетельствует, что наибольший интерес для субъектов федерации представляли вопросы, касающиеся обеспечения их собственных интересов, а также взаимодействия всесоюзной Академии и ее научных учреждений с республиканскими властями. В проекте 1925 года, согласованном с самой Академией, предусматривался следующий порядок координации:

«Академия наук по всем своим делам сносится непосредственно с наркоматами и другими учреждениями СССР и союзных республик, а по вопросам, требующим разрешения высшего Правительства, – выходит через Управление делами СНК СССР»³⁰.

Некоторым республикам привязка Академии к республиканской проблематике представлялась недостаточной. В частности, правительство ЗСФСР указывало:

«Прежде всего необходимо в большей степени, чем это сделано в проекте, обеспечить связь научной работы Академии с наркомпросами союзных республик, отсутствие этой связи в особенности чувствуется в статьях 3, 8, 64 и 72. Необходимо ее обеспечить,

27 *Заключения ведомств по проекту Устава Всесоюзной Академии Наук.* ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 1. Д. 231. Л. 9–9 об.

28 Там же.

29 Там же. Л. 19.

30 *Записка А.И. Рыкова в Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 апреля 1927 г. об уставе Академии наук // Академия наук в решениях Политбюро...* С. 48–52.

МАРИНА ОКУНЕВА

«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ
ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

принципиально ее установив в специальной статье проекта. В то же время научные учреждения, стоящие при Академии наук и находящиеся на территории отдельных республик, – должны быть подчинены правилам, которые выработаны для научно-исследовательских учреждений этой республики. С другой стороны, Всесоюзная академия должна быть не только связана с наркомпросами союзных республик, но и со всей культурной работой, которая производится в последней. При производстве научных, исследовательских и экспедиционных действий в пределах республик Академия должна использовать культурные силы этих последних, на чем особенно настаивает Армения. После статьи 9 должна быть вставлена статья, предоставляющая по соглашению Академии наук с совнаркомом союзных республик открывать ее отделения в этих республиках, причем последние должны работать как под руководством Академии, так и местных наркомпросов»³¹.

Правительство УССР не возражало против принятия проекта, но только при условии внесения ряда изменений, касающихся взаимоотношений Академии наук СССР с республиканскими органами власти и управления. В частности, предлагалось закрепить право Академии наук «по всем своим делам относиться непосредственно с наркоматами и другими учреждениями СССР и вносить свои запросы на непосредственное разрешение высших правительственных органов СССР и союзных республик», а также дополнить проект устава статьей следующего содержания: «План деятельности Академии наук согласуется Президиумом Академии наук с наркомпросами Союзных республик»³².

Как ни странно, наиболее резкая критика последовала со стороны правительства БССР. В его заключении проект Устава объявлялся «неприемлемым», а в числе мотивов такого суждения указывалось следующее:

«Из общих положений устава неясны задачи Всесоюзной академии как учреждения, которое должно содействовать советскому социалистическому строительству и в своей структуре отражать особенности этого строительства. [...] Проект Всесоюзной академии наук не признает на территории Союза других национальностей, кроме русских, так как только для них вместе с иностранцами открыты двери Академии наук. [...]

[Чтобы] Устав Академии наук СССР и ее структура действительно соответствовали назначению Академии как всесоюзного учреждения для того, чтобы она одинаково обслуживала все советские республики, строя работу на их самостоятельности, и способствовала общему стремлению их в направлении советского социалистического строительства, Всесоюзная академия наук должна быть построена на следующих основаниях:

31 Заключение ведомств по проекту Устава Всесоюзной академии наук. ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 1. Д. 231. Л. 19.

32 Там же. Л. 19–20 об.

а) Академия наук СССР является учреждением, обслуживающим весь Союз ССР и его отдельные республики путем 1) разработки научных вопросов республиканского, всесоюзного и всемирного значения; 2) координирования работы Академий союзных республик, когда она по общему плану проводится по всему Союзу, причем выдающимся ученым национальных республик должна быть предоставлена возможность вести в кабинетах, библиотеках и учреждениях Всесоюзной академии при благоприятных условиях работу по изучению того или иного научного вопроса в республиканском масштабе;

б) [Свою] работу [...] Всесоюзная академия наук проводит или через республиканские академии наук и соответствующие им учреждения, или через свои учреждения в контакте с республиканскими академиями и соответствующими учреждениями;

в) Академия наук состоит при ЦИК СССР;

г) Для общего управления Академией наук СССР из представителей союзных республик и их академий или соответствующих им учреждений образуется Комитет Академии наук СССР³³.

МАРИНА ОКУНЕВА

«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ
ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

УСТАВ ПРИНЯТ

С учетом замечаний правительств союзных республик проект был доработан и представлен на утверждение в Политбюро ЦК ВКП(б) 6 апреля 1926 года, а затем передан на утверждение СНК СССР³⁴. В действие, однако, его ввели только в следующем году. В тексте Устава 1927 года часть поправок, предложенных правительствами республик, не нашла своего отражения, поскольку документ в основном был сосредоточен на регулировании внутренней организации Академии, а не на вопросах ее взаимодействия с республиканскими органами. Наиболее радикальные предложения по созданию союзно-республиканских органов управления Академией также не были приняты. Тем не менее в «Общие положения» было включено указание на общесоюзный статус и ее подчинение СНК СССР: «Академия наук Союза ССР есть высшее ученое учреждение Союза ССР, состоящее при Совете народных комиссаров Союза ССР, которому она ежегодно представляет отчет о своей деятельности», – говорилось в статье 1 Устава. В числе задач Академии значилось приспособление научных теорий и результатов научных опытов и наблюдений «к практическому применению в промышленности и культурно-экономическом строительстве Союза ССР» (пункт «в» статьи 2), а при проведении научно-экспедиционной работы требовалось учитывать «нужды и пожелания союзных республик» (статья 3). В Уставе 1927 года впервые

33 Там же.

34 Академия наук в решениях Политбюро... С. 52.



МАРИНА ОКУНЕВА

«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ
ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

появился отдельный раздел, в котором перечислялись особые права Академии наук Союза ССР, позволявшие ей непосредственно взаимодействовать со всеми учреждениями страны. Исходя из того, что за Академией наук закреплялась ведущая роль в развитии науки в Советском Союзе, Устав требовал согласовывать ее планы с правительствами союзных республик, а потом утверждать их в СНК СССР³⁵.

Таким образом, после образования СССР в ходе зачастую весьма напряженного торга федерального центра с союзными республиками постепенно складывалась советская система организации науки. Управление научной деятельностью в ее рамках относилось к совместному ведению СССР и субъектов федерации: в каждом из трех секторов советской науки выделялись два уровня подчинения научных учреждений – общесоюзный и республиканский. Такая система сохранялась вплоть до распада СССР. Более того, такой подход был воспринят и в процессе разграничения предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов, получившем закрепление в Конституции 1993 года.

35 Подробнее см.: *Устав Академии наук Союза Советских Социалистических Республик. 1927 год // Уставы Академии наук / Ответ.* ред. Г.К. Скрыбин. М.: Наука, 1975. С. 120–129.

Гусарские тайны: архив Андрея Балашова и «Братство Русской Правды»

ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-
ТАНДИЛЬ

«**В**есна пришла в Париж, но не радует она простых парижан», – нередко вспоминаю эту ставшую крылатой фразу одного из «выездных» советских журналистов. Весна 2024-го, однако, для меня, «простой парижанки», оказалась совсем не такой, а напротив, урожайной на интересные материалы. На столе моего парижского кабинета разложены русскоязычные прокламации, текст которых гласит: «Коммунизм умрет. Россия не умрет!» Или вот еще: «К “высшей мере” коммунистов! / Смерть отродью Каина! / Подымай на штык чекистов! / А первое – Сталина!» Китчевые частушки сопровождаются грубоватым наброском протыкаемой штыком головы «вождя народов». Всем «предателям отчизны» и чекистам листовки обещали скорый и грозный «сов-каюк». Век назад такие листовки тысячами просачивались сквозь границы Советского Союза. Ходоки-активисты по ночам обклеивали ими вагоны поездов, шедших в СССР, и передавали матросам пароходов, отбывавших в советские гавани. Оскорблявшие революционное дело и поносившие его вождей пропагандистские материалы прилетали даже на воздушных шарах¹. ГПУ было вне себя. Подписавшиеся называли себя «Братством Русской Правды» (БРП).



¹ См.: БАЗАНОВ П.Н. *Братство Русской Правды – самая загадочная организация Русского Зарубежья*. М.: Посев, 2013. С. 104–114.

АРХИВ «НЗ»

Илл. 1, 2. Малоформатные листовки БРП. Частное собрание.

БЕЛОГВАРДЕЙСКАЯ «МАФИЯ»: ОТРИЦАНИЕ И ОБРЕТЕНИЕ

Созданное в 1921 году в Берлине БРП с самого начала ушло в глубокое подполье. Объединенная на формально монархической платформе организация внимала духу времени и в какой-то мере подражала своим противникам-большевикам: согласно



ее установкам, любые методы были оправданы, если они вели к торжеству контрреволюции. Главным делом организации был подрывной активизм, не ограничиваемый никакими моральными, политическими или иными рамками. Новые члены, которых называли «братчиками», приносили клятву верности, после чего получали индивидуальные братские номера для отчетов и переписки, а также принимали псевдонимы. Объедине-

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ГУСАРСКИЕ ТАЙНЫ...

ДОЛОЙ КРОВАВУЮ ЗВЕЗДУ!		ДА ЗАРАДОВАТЬСЯ РОССИЯ!	<p>Коммунизм умреть Россия не умреть.</p> <p>КРАСНОФЛОТЕЦЪ, ПРОСНИСЬ!</p> <p>Краснофлотецъ, сынъ народа! Стоялъ ты грудью за Союветы. Былъ ты „красой и гордостью“ революци. Гляди, куда привело! Стономъ стонеть Россiя! Поругана вбра! Развалена семья! Последнее народное добро вывозить силою у нищаго народа заграницу! Возстановлено крѣпостное право. Народъ — въ кабалѣ у проклятой пятнадцѣтки. Не жизнь, а собачье житье. Самъ видишь, какъ живутъ въ другихъ странахъ.</p> <p>Первымъ начинай возстаніе! Срывай красную тряпку! Подымай старый честный Андреевскій флагъ!</p> <p>Стань красой и гордостью освобожденной Россiи! Долой инородцевъ-комиссаровъ! ДАЕШЬ РОССIЮ! ДАЕШЬ РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО!</p> <p>ВЕРХОВНЫЙ КРУГЪ БРАТСТВА РУССКОЙ ПРАВДЫ.</p>
КРАСНОФЛОТЕЦЪ, ПРОСНИСЬ!		КРАСНОФЛОТЕЦЪ, ПРОСНИСЬ!	<p>Коммунизм умреть Россия не умреть.</p> <p>КРАСНОФЛОТЕЦЪ, ПРОСНИСЬ!</p> <p>Краснофлотецъ, сынъ народа! Стоялъ ты грудью за Союветы. Былъ ты „красой и гордостью“ революци. Гляди, куда привело! Стономъ стонеть Россiя! Поругана вбра! Развалена семья! Последнее народное добро вывозить силою у нищаго народа заграницу! Возстановлено крѣпостное право. Народъ — въ кабалѣ у проклятой пятнадцѣтки. Не жизнь, а собачье житье. Самъ видишь, какъ живутъ въ другихъ странахъ.</p> <p>Первымъ начинай возстаніе! Срывай красную тряпку! Подымай старый честный Андреевскій флагъ!</p> <p>Стань красой и гордостью освобожденной Россiи! Долой инородцевъ-комиссаровъ! ДАЕШЬ РОССIЮ! ДАЕШЬ РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО!</p> <p>ВЕРХОВНЫЙ КРУГЪ БРАТСТВА РУССКОЙ ПРАВДЫ.</p>
ДОЛОЙ КРОВАВУЮ ЗВЕЗДУ!		ДА ЗАРАДОВАТЬСЯ РОССИЯ!	<p>Коммунизм умреть Россия не умреть.</p> <p>КРАСНОФЛОТЕЦЪ, ПРОСНИСЬ!</p> <p>Краснофлотецъ, сынъ народа! Стоялъ ты грудью за Союветы. Былъ ты „красой и гордостью“ революци. Гляди, куда привело! Стономъ стонеть Россiя! Поругана вбра! Развалена семья! Последнее народное добро вывозить силою у нищаго народа заграницу! Возстановлено крѣпостное право. Народъ — въ кабалѣ у проклятой пятнадцѣтки. Не жизнь, а собачье житье. Самъ видишь, какъ живутъ въ другихъ странахъ.</p> <p>Первымъ начинай возстаніе! Срывай красную тряпку! Подымай старый честный Андреевскій флагъ!</p> <p>Стань красой и гордостью освобожденной Россiи! Долой инородцевъ-комиссаровъ! ДАЕШЬ РОССIЮ! ДАЕШЬ РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО!</p> <p>ВЕРХОВНЫЙ КРУГЪ</p>



Екатерина Олеговна Николаева-Тандиль (р. 1989) – историк-искусствовед, действительный член административного совета Французского синдиката экспертов по произведениям искусства и предметам коллекционирования, докторант Университета Сорбонны, специализируется на истории русской эмиграции.

ние не имело декларируемого лидерства, ориентировалось на террор и организовывало автономные ячейки – или, в редких случаях, небольшие отделы – в странах русского рассеяния.

Именно из-за отсутствия явных вождей большинство специалистов, подступавших к теме, задавались вопросом: а существовала ли эта антисоветская *Cosa Nostra* в действительности? Выдвигались различные версии: по мнению одних, литературу и листовки печатали энтузиасты-анонимы; согласно другим, БРП было плодом травмированного воображения изгнанных интеллектуалов, а ее куцая история граничила с профанацией². Выдвигаемые догадки, как правило, не обременялись документальными подтверждениями. Собственно, взяться таковым было и неоткуда: конспирация в БРП соблюдалась настолько неукоснительно, что «братчики» чаще всего не знали друг друга по имени и в лицо, а потому история организации словно с концами ухнула во мглу изгнания. Лишь позже появилась подтвержденная документами уверенность в том, что БРП действительно существовало, а отдельные его кадры даже участвовали в повстанческой деятельности в дальневосточном приграничье СССР³. В 2013 году появилась по-настоящему научная и обстоятельно фундированная работа Петра Базанова, восстанавливающая идеологию и деятельность БРП по доступным на тот момент документам. Сомнений тогда уже не оставалось: и организация, и литература, и боевики – все было реальным, и, казалось бы, можно ставить точку. Да, история БРП по-прежнему полнилась загадками, но им, как виделось еще совсем недавно, суждено оставаться таковыми и впредь. Ведь даже коллекции более крупных эмигрантских организаций труднодоступны и в немалой части утеряны или сохранились лишь частично. Анонимы же и того не собирали.

Внести в это дело ясность помог случай. В 2021 году, в столетнюю годовщину основания БРП, на аукционный рынок Франции поступил объемнейший архив неизвестного ранее изгнанника Андрея Владимировича Балашова (1889–1969). Поэт и гусар, участник Первой мировой и гражданской войн, прошедший лагерь в Галлиполи, он был также известен под псевдонимом «Изюмец». Более того, как выяснилось, в качест-

2 См., например: Будницкий О.В. *Братство Русской Правды – последний литературный проект С.А. Соколова-Кречетова* // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 114–143; COUDENYS W. *Activisme politique et militaire dans l'émigration russe: réalité ou sujet littéraire? À propos du «Bratstvo Russkoj Pravdy» (BRP) après sa «disparition»* // MARTIN S. (Ed.). *Les premières rencontres de l'Institut européen Est-Ouest*. Lyon: ENS-LSH, 2005. P. 241–258.

3 Основываясь на документах советской разведки, российский историк Николай Егоров довольно подробно рассматривает деятельность повстанческих групп БРП на территории Маньчжурии и Китая, их вылазки в СССР и борьбу с ними ГПУ. Однако, не обладая доступом к документам европейских отделов организации, Егоров недооценивает роль БРП в зарубежье. См., например: ЕГОРОВ Н.А. *Пресечение органами государственной безопасности СССР подрывной деятельности дальневосточного центра Братства Русской Правды* // Дальневосточный форпост. 2016. № 28. С. 44–51.

ве «брата № 114» Балашов оказался руководителем бельгийского отдела БРП, автором множества текстов, обнародованных от имени Братства, издателем основного массива его агитационной литературы. В истории Братства он оказался многопланово центральной фигурой.

Незадолго до кончины в доме престарелых под Брюсселем этот подвижник, не имевший ни семьи, ни наследников, передал свой архив на хранение близким друзьям. А передать действительно было что: за двадцать лет активной работы Балашов сберег тысячи писем, связывавших его с более чем тремя сотнями корреспондентов; фотографии, отчеты соратников, полную бухгалтерию запутанной сети отделов и ячеек Братства, а также множество иных материалов, позволяющих отследить историю организации вплоть до постигшего ее в 1933 году раскола и последующего угасания. Аккуратист Балашов печатал письма, обязательно подкладывая копировальный лист, а на большинство копий крепил квитанцию об отправке с реальным именем адресата. Балашовский наказ друзьям был прост: до поры сберечь все это богатство, поскольку «время еще не пришло».

Шли годы, успел развалиться Советский Союз. Время все никак не приходило, полсотни(!) коробок с богатейшими историческими источниками продолжали лежать на брюссельском чердаке. Минули еще несколько десятков лет, на протяжении которых специалисты продолжали изготавливать статьи о «наличии отсутствия» таинственного Братства. Наконец, в 2020 году потомки друзей Балашова решили, что время пора поторопить – и обратились к парижскому аукционисту Вильфриду Казо, главе одноименного парижского аукционного дома. Тот предложил мне провести экспертизу вводимых в оборот материалов, организовать продажу массива документов и стать «экспертом архива БРП». Это звание сопровождало меня в течение трех последующих лет⁴.

Требования к работе эксперта-искусствоведа отчасти схожи с требованиями к гонщику «Формулы-1». Нужно безошибочно, быстро, четко сориентироваться в горах незнакомых, хаотичных, расфасованных кое-как коллекций, посвященных давно исчезнувшим темам, людям, делам. Столь же стремительно требуется находить достоверную информацию, а при описании архива выделять самое важное и пренебрегать менее существенным. Разумеется, трудности сравнительного и графологи-

4 По результатам семи торгов, состоявшихся в 2021–2024 годах, большая часть архива БРП пополнит коллекцию Гуверовского института при Стэнфордском университете и станет доступна для исследователей в ближайшее время. Мне было предоставлено разрешение на дальнейшую работу с материалом. Оставшаяся часть архива была приобретена частными лицами, любезно разрешившими использовать вводимые в оборот новые материалы в настоящей статье.



ческого анализа идут отдельным сюжетом. Увы, у аукциониста нет возможности посвятить месяцы и годы выверке каждого листа и чтению всего подряд, и потому колесо работы эксперта аукционного дома прокручивается шесть раз в году, требуя колоссальных затрат энергии. Один аукцион средним объемом в двести или триста лотов готовится два месяца. Но полсотни балашовских коробок требовали куда большего вложения духовных и физических сил. Тем не менее, увлекая исследователя, они позволили впервые собрать воедино полную историю таинственного БРП. Время все-таки пришло.

В паре статей, которые недавно увидели свет, я попыталась подробно осветить историю формирования балашовского архива, а также его попадания на публичные торги в Париже. Мной был произведен первичный анализ найденных бумаг, позволивший наметить ряд новых подходов к истории эмигрантской организации, долгое время ускользавшей от специалистов⁵. Тем не менее вместить всю обретенную информацию в два текста не получилось, поскольку за рамками рассмотрения оставался огромный и неизведанный пласт: практическая деятельность БРП в русском зарубежье. Вместе с тем архив Балашова предлагал много интересного на этот счет, заставляя продолжать изыскания. Таким образом, настоящая статья, не дублируя предшествовавшие ей материалы, заполняет лакуны, оставшиеся после их выхода.

СОКОЛ, КРЕЧЕТ И ГРИФ

Излишне в деталях пересказывать все, что известно на сегодняшний момент о БРП, хотя беглый эскиз истории организации представляется необходимым. Любое движение нуждается в медиа, несущем его идеи в массы. БРП избрало таковым периодическое издание под названием «Русская правда», выпускаемое бывшим офицером Сергеем Соколовым-Кречетовым (1878–1936). С момента первого выхода в свет в 1921 году небольшая берлинская газета призывала бороться с большевизмом всемерно и всемирно, а также рассказывала о тяготах жизни в СССР. Кроме того, на ее страницах печатались отчеты об акциях и диверсиях против советских представителей за рубежом.

В какой-то мере издание отражало нелегкую жизнь и своего издателя, типичную, впрочем, для того поколения русских интеллигентов. Соколов – поэт-символист – до революции был

5 См.: Николаева-Тандиль Е.О. «Братское сердце», или Полвека на чердаке: уникальная история архива Братства Русской Правды // Историческая экспертиза [Кишинев]. 2024 (www.istorex.org/post/ekaterina-nikolaeva-tendil); Она же. Дневник корнета: Андрей Владимирович Балашов – связной Братства Русской Правды // Историческая экспертиза [Кишинев]. 2024 (www.istorex.org/post/ekaterina-nikolaeva-tendil-2).

РУССКАЯ ПРАВДА



ГОЛОСЪ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ.

Ноябрь-Декабрь 1930 года

Какой подарок принесли народу коммунисты на Новый 1931 годъ? Голоды! Голоды! Голоды! Рабочіе, бастуйте! Крестьяне, не давайте своего хлѣба! Народъ, раскачивай, ломай красный аппаратъ власти! Долой кабальную пятилѣтку! Долой Комиссарскую власть! Да здравствуетъ Русское Национальное правительство!



Сталину-Джугашвили

Отъ Братства

Русской Правды

новогоднее пожеланіе.

Новый отводъ глазъ! — Врешъ, не повѣримъ!

(Ко всѣмъ гражданамъ Россіи)

Закончился судъ надъ спецами-вредителями въ Москвѣ. Надъ профессорами Рамзинымъ, Калининковымъ, Федотовымъ и другими. Обвинялъ ихъ самъ прокуроръ Совѣтской Республики, товарищъ Крыленко. Каждый день подъ окнами суда проходили „добровольныя“ манифестаціи, сотни

тысячъ Московскихъ жителей („попробуй-ка, не пойдѣ!“). Кричали во всю глотку съ „искреннимъ“ негодованіемъ („попробуй-ка, не покричи!“): „Смерть вредителямъ! Смерть врагамъ Совѣтовъ!“

Добрый мѣсяцъ писали про этого „будъ“ всѣ

известен в литературных кругах благодаря возглавляемому им издательству «Гриф», в котором публиковались Александр Блок, Константин Бальмонт, Андрей Белый, Федор Сологуб, Владислав Ходасевич, Иннокентий Анненский, Максимилиан Волошин. Неудивительно, что литератор, уже тогда печатав-

Илл. 3. Газета «Русская правда», ноябрь-декабрь 1930 года. Частное собрание.



шийся под псевдонимом «Кречетов», был вхож в наиболее влиятельные столичные салоны и состоял в дружбе со многими поэтами и писателями рубежа веков⁶. Ему доверяли и его уважали.

Летом 1914 года началась война, и Соколов, подобно многим молодым интеллектуалам Российской империи, ушел добровольцем на фронт⁷, где в качестве прапорщика 53-й артиллерийской бригады участвовал в Восточно-прусской операции. Сегодня нам известно, что на момент призыва издатель «Грифа» был еще и директором Капорской железной дороги, а значит, имел бронь от мобилизации – но патриотическое чувство взяло верх. Соколов проявил себя смелым воином, неоднократно отличался в боях. В 1915 году, прикрывая отступление основных сил корпуса, он получил тяжелейшее ранение в голову, последствия которого будут мучить его до конца дней, и попал в немецкий плен⁸. Среди его собратьев по неволе оказались будущий «красный маршал» Михаил Тухачевский и будущий лидер «Свободной Франции» Шарль де Голль.

На уже революционную родину Соколов вернулся только в августе 1918 года. Привычный мир не просто рухнул – от него не сыскать было даже осколков, но зато осталось много злобы и желания отомстить за поруганную жизнь. Соколов присоединился к Добровольческой армии, но из-за недавнего ранения о фронте можно было позабыть, и «Гриф» обосновался в Осведомительном агентстве (ОСВАГ) – пропагандистском органе добровольцев. Следующие два года Соколов трудился на агитационном поприще⁹. После Новороссийской эвакуации марта 1920-го Соколов транзитом через Константинополь очутился в Париже, затем в Берлине. Темперамент не позволял ему сидеть сложа руки, и уже через год было открыто издательство «Медный всадник». Дело спорилось благодаря финансовому вспомоществованию со стороны старого друга, герцога Георгия Лейхтенбергского, сумевшего сберечь часть зарубежных активов своего рода. Соколов одновременно включается во множество дел: он соучредитель «Цеха поэтов», товарищ председателя правления «Союза русских литераторов и журналистов», делегат парижского Российского Зарубежного съезда 1926 года, постоянный автор газет «Общее дело» и «Возрождение».

6 См.: Базанов П. Н. *Книгоиздательство «Медный Всадник» и Братство Русской Правды* // Библиокодекание. 2005. № 6. С. 52–58.

7 См.: Бессонов В. А. «Арбатский Гриф» // *Арбатский архив. Литературно-краеведческий альманах. Вып. II*. М.: Наука, 2009. С. 428.

8 Шрапнель раздробила Соколову часть скулы и повредила челюсть. Некоторые исследователи предполагают, что следствием ранения стала и опухоль мозга, послужившая причиной его смерти в 1936 году; однако без медицинских документов подобные заключения остаются гипотетическими.

9 Бессонов В. А. *Указ. соч.* С. 417–435.

Вместе с соратниками – среди них все тот же Лейхтенбергский, донской атаман и литератор Петр Краснов, князь Анатолий Ливен – Соколов сколачивает основу БРП, приняв титул «брата № 1» и псевдоним «Фор Эвер». В дальнейшем организация будет разделена на два крыла, полупубличное и непубличное. Очень скоро к ее деятельности подключились другие эмигранты: митрополит Антоний (Храповицкий), журналист Владимир Бурцев, писатель Александр Амфитеатров, а также множество бывших военных чинов, среди которых самыми яркими фигурами стали генерал-лейтенанты Михаил Дитерихс и Дмитрий Хорват, руководившие деятельностью БРП на Дальнем Востоке.

Членство в организации подразделялось на три разряда, которые состояли из «братчиков», действовавших, во-первых, в Европе, во-вторых, на приграничных территориях СССР и, в-третьих, непосредственно в Советской России. Две последние категории составляли боевой сектор: их члены переходили через границу, организовывали акты саботажа и террора, участвовали в перестрелках с агентами ГПУ и пограничниками. Тыловым «братьям» надлежало поддерживать тех, кто работал в СССР: как неоднократно отмечалось в газете и многочисленных листовках БРП, «вся работа братства направлена туда». Поскольку ранее специалистам-историкам были доступны некоторые чекистские документы, более или менее четкое представление о деятельности «братчиков» в приграничье и внутри Советского Союза удалось сформировать – вместе с тем активность БРП за границей до недавнего времени оставалась практически полностью скрытой.

«ЗАМЕТАТЬ СВОИ СЛЕДЫ ОТ КРАСНЫХ ГЛАЗ»

Широкая, как и сама русская диаспора, братская сеть охватывала около трех десятков стран. Департаменты, или отделы, БРП существовали в Австрии, Аргентине, Бельгии, Болгарии, Бразилии, Великобритании, Германии, Греции, Египте, Италии, Канаде, Китае, Корее, Латвии, Литве, Парагвае, Персии, Польше, Румынии, США, Финляндии, Франции, Чехословакии, Эстонии, Югославии, Японии. В некоторых европейских странах – как, например, во Франции – было несколько отделов. Департаменты различались по количеству принесших клятву «братчиков», да и задачи, в зависимости от страны, были несопоставимыми: «братское» дело в далекой египетской Александрии отличалось от работы в граничащей с Советами Финляндии.

Кто же мог стать «братом»? В организации отсутствовали градации, связанные с классом, происхождением, профессией.



В нее вступали представители и военных, и гражданских, и духовенства, и студенчества, и мужчины, и женщины: то есть наряду с «братчиками» были еще и «сестры». Судя по изученным мною данным, весьма заметную по численности группу составляли офицеры младших чинов, которые в изгнании поступили в зарубежные университеты. Женская активность в БРП имела специфику: пользуясь доступом в разного рода дамские кружки и ассоциации, а также церковные приходы, «сестры» в основном стремились привлекать в БРП финансовые средства; особое внимание они уделяли тем местам, которые еще не были затронуты присутствием других крупных объединений вроде Русского общевоинского союза (РОВС).

Такой организационный плюрализм позволял БРП распространять свое влияние на максимально широкое число русских. Финансово поддержать БРП мог любой сочувствующий, но, разумеется, подобное соучастие отнюдь не всегда становилось регулярным, равно как и не все жертвователи превращались в «братчиков» (или «сестер»). Кандидат на вступление – «брат-соревнователь» – подписывал «клятвенное обязательство» и получал порядковый номер, после чего выбирал себе псевдоним. Балашов инструктировал сподвижников следующим образом:

«В письмах подписывайтесь вымышленным именем. В левом же верхнем углу помещайте №. Первая буква обозначает начальную букву текущего месяца, затем №, которому пишут, и после №, который пишет. Таким образом для нас будет ясно, кто и от кого, а для непосвященных же это будет какой-нибудь исходный №. Но, конечно, никто не должен из посторонних этого знать. Таким образом Вы в этом месяце будете мне писать Д№РД1/25. РД – сокращенное название Отдела “Русское дело”. Мы должны всячески заметать свои следы от красных глаз»¹⁰.

Эта чехарда номеров способна свести историка с ума. С одной стороны, согласно используемой БРП многоуровневой нумерации, каждый рядовой член организации приписывался к своему отделу, обращаясь к своему руководителю с использованием персонального кода. С другой стороны, внутри отделов нередко применялся какой-то другой способ нумерации. Так, департамент «Изюмская связь», рассеянный по тем европейским странам, где проживали гусары 11-го Изюмского полка, и руководимый полковником Андреем Долинским, обозначался как «ИС». Наконец, названия некоторых отделов нам по-прежнему неизвестны, и потому трудно понять, почему Екатерина Шереметьева из Франции писала в качестве «№ВП-82», а Александр Куренков из Канады обозначался как «№НА-28». Хуже того,

10 Частное собрание (ЧС), без дополнительной идентификации. А.В. Балашов – М.А. Квасневскому. 6 декабря 1929 года.

в 1930–1933 годах многие номера были перетасованы. Например, Константин Горovenko, «брат № 99» – руководитель Лионского отдела, работавший под псевдонимами «Черноморский» и «Националист», – с конца 1933-го внезапно стал «братом № 75», а Георгий Ларин – глава Красновского отдела в Шанхае, а также подотделов в Приморье, работавший под псевдонимом «Восточный» и до октября 1930 года носивший № 150, – с осени 1930-го стал № 120. Если бы не заметки Балашова, то в этом лабиринте можно было бы плутать бесконечно, хотя и его документы далеко не все расставляют по местам.

Людам, приобщившимся к организации, предписывалось молчать о ее работе. По сути, БРП стало первой группировкой Русского Зарубежья, доведшей «обет молчания» до крайней степени. Тайну запрещалось разглашать даже в случае выхода из братства. Новообращенный бельгийский «брат РД-27» Владимир Гемпель получил следующее наставление:

«О Вашей Братской принадлежности никто не должен знать. Для облегчения Вашей работы примите к руководству Обращение БРП к Русскому Зарубежью, особенно то, что говорит об “Общем духе РП” и об “Особых целях БРП в Зарубежье”. Обо всем, что Вас будет интересовать, и если потребуются какие-либо разъяснения – пишите мне. Обращаю Ваше особое внимание на ХРАНЕНИЕ ТАЙНЫ!!!»¹¹

Естественно, такой характер деятельности способствовал превращению организации в легенду. Некоторые из работавших в приграничье «братчиков» представляли в виде чуть ли не мифических героев: таковыми были, в частности, атаманы Кречет и Дергач, переходившие советскую границу многократно и устраивавшие теракты самолично. Сами «братчики», разумеется, поддерживали такие слухи. «БРП не есть организация, каких много в нашем рассеянии. Мы не говорим, не собираемся для пустых словопрений, а только действуем»¹². Братство не имело какой-то конкретной политической платформы, которую России предстояло принять после «победы». Общие цели были довольно расплывчатыми, поскольку приоритет отдавался действию: «[БРП] не партия и не душит народу голову хитрыми программами. Братство Русской Правды вышло из народа. Оно есть подлинный голос народа и точное выражение его воли»¹³.

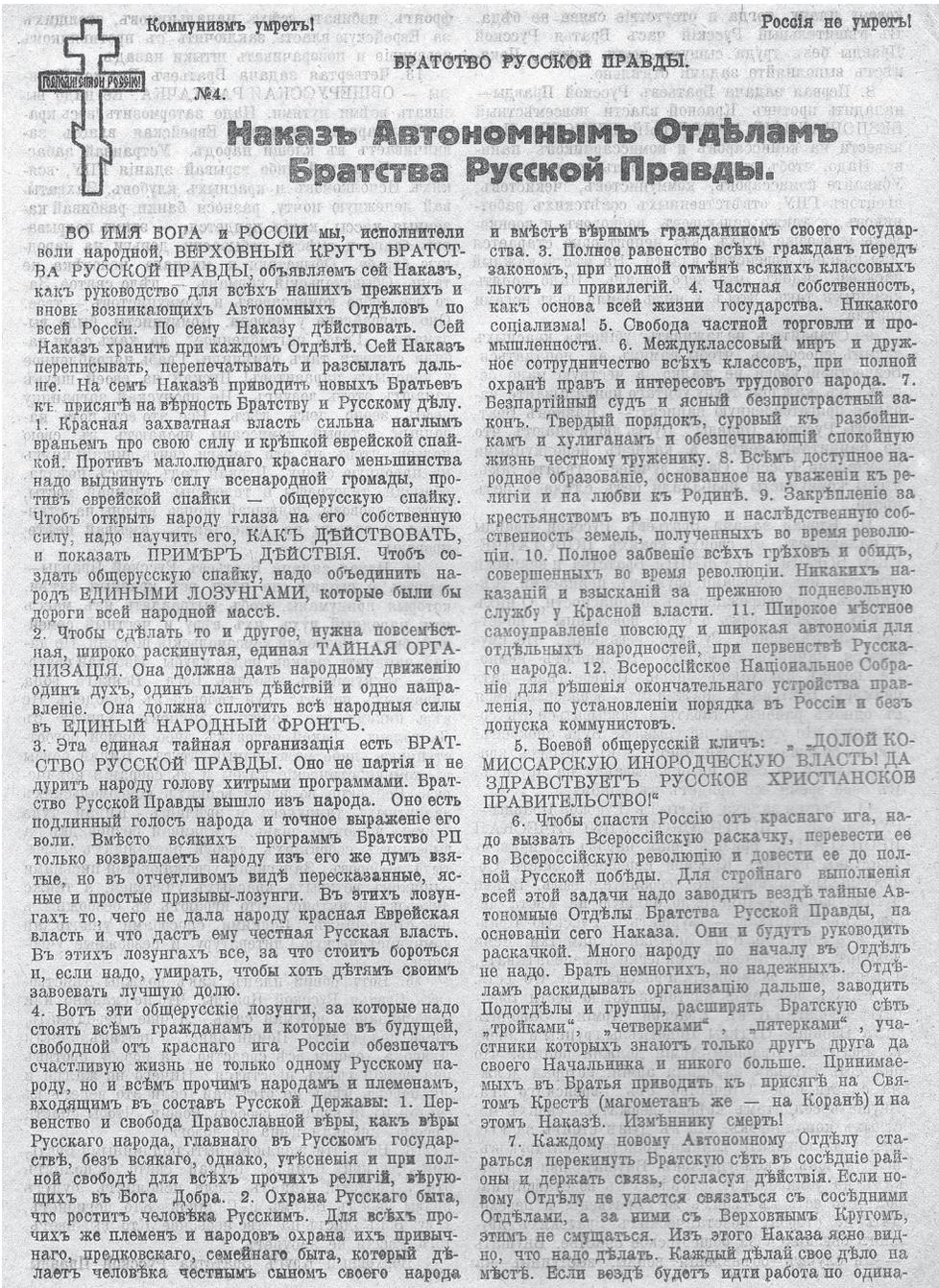
Переписка, собранная в коллекции Балашова, показывает, что желающих перейти из тыловиков в боевики было много. Ему не раз приходилось остужать горячие головы, напоминая

11 Hoover Institution Archives. Andrey Balashov Collection. Unsorted acquisition. July 2024 (HIA – Balashov). А.В. Балашов – В.Д. Гемпелю. 19 ноября 1929 года.

12 ЧС. А.В. Балашов – М.А. Квасневскому. 9 октября 1929 года.

13 ЧС. Листовка «Наказ Автономным отделам Братства Русской Правды», б.г. [конец 1920-х].





Илл. 4. Наказъ автономнымъ отдѣламъ БРП, 1929 год. Частное собрание.

о разделении обязанностей: «Каждый винт в Братской машине нужен на своем месте. Работай там, где поставила судьба»¹⁴. Из-за этого переезды «братчиков» в другие страны или даже в дру-

14 НИА – Balashov. А.В. Балашов – И.С. Федорову, 27 ноября 1932 года.

гие города не приветствовались: силы релоканта неизбежно пришлось бы тратить на обживание на новом месте, а значит, деятельность ячейки неизбежно угасала бы. Пылавший желанием попасть в дело «братчик» Иван Федоров («Единоверец»), обратившийся за разрешением переехать в один из «прифронтовых» регионов, в конце 1932 года получил отказ. Руководству казалось, что его недавно созданный отдел в Ужгороде, на тот момент принадлежавшем Чехословакии, был гораздо важнее:

«Нам очень важно Ваше присутствие в стране Вашего пребывания. Вас знают в ней, Вы – столп русский, Вы – энергичны и хороший организатор. Моя горячая братская просьба к Вам: принять энергичные меры к нахождению места в Вашей стране нынешней и стремиться развить дело на месте. Великая ошибка думать, что, чем ближе Вы к врагу, тем хуже для него. Там, как в приграничье, люди есть, но они как раз неустанно просят о помощи из тыла. [...] Дело наше в Вашей стране развито весьма слабо, и потому на Вас вся надежда»¹⁵.

Сам Балашов, о путаном жизненном пути которого будет сказано ниже, «подняв дело» в Брюсселе, неоднократно отказывался от переезда в эпицентр эмигрантской активности – в Париж, – так как считал восстановление на новом месте набранных организационных оборотов непосильной задачей. И действительно – подобные трансферы срабатывали лишь в редких случаях. Кубанский казак и протоиерей Давид Чубов, «брат № 84», один из самых преданных активистов БРП, в 1922–1929 годах проживал в болгарском Сливене. Уже в первой половине 1920-х Чубов стал «братчиком», позже учредив и поставив на ноги Свято-Крестовский автономный отдел БРП в Болгарии (в 1931-м он был переименован в «Ново-Крестовский», называясь также и «Братским центром № 8»). В 1932 году Чубов покинул Болгарию, отправившись во Францию, где сперва служил настоятелем храма в Виши, а затем перебрался в город Южин на границе со Швейцарией. Свой болгарский автономный отдел он отдал под управление Афанасию Приходченко, «брату № 172», работавшему под псевдонимом «Т. Ростев», которому полностью доверял. Продолжая следить за работой в Болгарии, Чубов сумел организовать отдел и на новом месте, охватив русских как в самом Южине и соседнем Аннеси, так и на приграничных со Швейцарской Конфедерацией территориях¹⁶.

Общей и ключевой задачей для всех «братчиков» был неустанный поиск финансирования. Важнейшим источником поступлений были крупные и постоянные спонсоры, среди ко-

15 Там же.

16 НИА – Balashov. Д.А. Чубов – А.С. Балашову. 23 февраля 1931 года.



торых выделялись князь Лейхтенбергский, русский фашист Анастасий Вонсяцкий, дореволюционный миллионер Николай Парамонов. Случались и разовые, но весьма крупные пожертвования от таких светил, как изобретатель Игорь Сикорский или композитор Сергей Рахманинов¹⁷. С 1930 года важнейшую роль в сборе средств для БРП начинают играть «Русская Освободительная Казна имени Великого Князя Николая Николаевича» и лично Сергей Палеолог. Немало денег приходило и от простого эмигрантского люда. Чаще всего сборы осуществлялись через распространение агитматериалов: марок, листовок, газеты «Русская правда». Если в начале 1920-х вся литература шла из Берлина, то к 1926-му центр производства и распространения агитационных продуктов сместился в Брюссель.

«Служение России не может, особенно в наших условиях, осуществляться по трафарету. У каждого из нас свои возможности. [...] 1 – Помощь материальная путем распространения всевозможного патриотического материала / Братские марки, портреты и пр. 2 – Пропаганда наших идей среди русских людей для привлечения их к участию в общем деле. 3 – Искание путей для отправки туда литературы БРП и сама отправка. Многие русские люди отворачиваются от этой черной работы потому, что она “черная”, и ищут “интересной”. Однако эта черная работа и является самой ценной»¹⁸.

Помимо всего перечисленного, каждому из новичков, особенно в зонах, где влияние организации было несущественным, настоятельно рекомендовалось «создавать ядро»:

«Сообщите, удалось ли Вам составить пока хоть малую группу лиц – ежемесячных взносов на БРП через Вас. Образование такой группы – первейшая Ваша задача, Родной Брат. Из нее в дальнейшем и возможен будет отбор для составления местного Братского ядра под Вашим руководством»¹⁹.

«Стремитесь подобрать постоянный, верный кадр сотрудников. Из их среды стремитесь воспитать будущих Братьев и Сестер, конечно, не обнаруживая в этой работе себя как Брата. Говорю это потому, что в будущем возлагаю на Вас надежды, мысля Вас во главе одного из местных наших отделов. Обращайте особое внимание при подборе лиц на умение молчать. Болтунов и стремящихся к “фигурянию” нам не надо»²⁰.

Подобные «ядра» изредка создавались и за кордоном. Так, руководитель южинского отдела во Франции Чубов сообщал Балашову, что сумел запустить ячейку из «полусотни казаков» на Кубани.

17 ЧС. Личный дневник А.С. Балашова. Тетради за 1932–1933 годы.

18 ЧС. А.С. Балашов – М.Г. фон Краак. 27 октября 1930 года.

19 НИА – Balashov. А.С. Балашов – И.С. Федорову. 25 февраля 1933 года.

20 НИА – Balashov. А.С. Балашов – В.В. Линдемману. 25 сентября 1932 года.

Проявивший себя в работе «братчик» мог быть введен в Основной круг БРП – один из двух штабов организации. Вторым центром был Верховный круг – *de facto* высший исполнительный орган, непосредственно занимавшийся всеми практическими делами. В отличие от него, Основной круг, более широкий по составу, сочетал исполнительные и представительные функции²¹. Если Основной круг был открыт для всех «братьев», то в Верховный круг входили руководители отделов и прочие важные чины БРП.

ГУСАР-ПЕЧАТНИК

А что же сам Балашов, архив которого и послужил ключом к истории БРП? Андрей Балашов родился 3(16) октября 1891 года в Москве в семье помещика Владимира Балашова (1864–1919) и дочери полкового капельмейстера Раисы Флаксерман (1866–1959). Большая семья Балашовых проживала в основном в Москве, а также в имении в Тульской губернии. Окончив курс гимназии Императорского лицея в память Цесаревича Николая в Москве (XXXVIII выпуск), и его же университетские курсы, молодой Балашов с началом Первой мировой войны добровольно ушел на фронт. Распределенный в 11-й Изюмский гусарский генерала Дорохова полк, он очень скоро оказался на линии фронта – в окружении гусар, которым было суждено стать его второй семьей. 1915 год был отмечен Георгиевским крестом, пожалованным за храбрость в бою; за наградой последовало и первое ранение. В сентябре 1916-го контуженный Балашов был откомандирован с фронта в Борисоглебск: ему предстояло держать экзамен на первый офицерский чин. Однако вместо военной карьеры прапорщика Балашова ждали революция и скорое расформирование полка.

Застряв в Борисоглебске, он вел дневник, ставший одной из центральных составляющих будущего архива²². Записи в нем были отрывочны, но в целом неплохо отражали тяжкое предчувствие перемен, а затем и кровавые будни гражданской войны²³. У офицера-патриота все чаще возникали проблемы с новым партийным руководством города, и поэтому после ареста из-за отказа снять Георгиевский крест решение присоединиться к Добровольческой армии начало казаться ему самоочевидным.

21 Базанов П.Н. *Братство Русской Правды...* С. 35.

22 Подробнее об этом артефакте см.: Николаева-Тандиль Е.О. *Дневник корнета...*

23 Биография Балашова реконструирована мной на основе его личного дневника, биографических заметок, переписки с матерью и сестрами. Он крайне мало писал о своих личных заслугах, поэтому многие факты пришлось собирать по крупицам. Во время работы над архивом со мной связались потомки сестер Балашова, оставшихся в Москве после 1917 года. Благодаря общению с ними удалось уточнить информацию о происхождении семьи, а также о жизни Балашова до отъезда в эмиграцию.



В 1918-м Балашов уже на Дону, в составе 1-го Богучарского отряда, а через год он присоединяется к родному полку, восставшему в Добровольческой армии под именем Изюмского дивизиона.

В ходе военных скитаний молодой офицер проявляет глубочайший интерес к истории Изюмского полка и становится его фактическим летописцем, собирая всевозможные свидетельства, делая заметки и зарисовки, расспрашивая сослуживцев и записывая их воспоминания. Чувство ответственности за историю родного подразделения не покинет его до конца жизни; как безусловную святыню он вывезет архив полка в эмиграцию и уже на чужбине продолжит свое дело военного историка.

С армией генерала Александра Кутепова полк отступил в лагерь Галлиполи, где Балашов пробыл почти до самого конца знаменитого «сидения». Эвакуация затягивалась, все больше друзей принимали предложения о переезде и работе; многие, надеясь на лучшее будущее, рассеивались по Балканам. В 1923 году не выдержал и Балашов. Контракт на работу по строительству моста забросил его на границу Королевства сербов, хорватов и словенцев с Албанией. Там, в холодных бараках, страдая от старых ран и нищенского жалованья, он усердно учил сербохорватский, чтобы при первой возможности перебраться в Нови Сад, где его уже ждали друзья. В этом городе корнету Балашову предстояло провести три года. Уже в 1924 году он развернет здесь активную издательскую и активистскую деятельность. Основав небольшой патриотический союз «Все – Родине», он начал выпускать патриотические марки и буклеты, доход от реализации которых через Сергея Палеолога направлялся в помощь «Русской Освободительной Казне». А еще через два года, подталкиваемый друзьями, он опять переезжает – на этот раз в Брюссель.

К тому моменту у Балашова вполне сложилось собственное понимание патриотической работы. Первостепенной задачей ему казалось восстановление на новом месте печатного дела. Быстро были налажены контакты с сетью типографий; появились мастера – изготовители клише и подрядчики, готовые выполнять заказы в рассрочку. Благодаря помощи соратников по Союзу, Балашову в сжатые сроки удастся приобрести небольшую типографскую машину, которую князь Андрей Оболенский согласился установить в подвале собственного дома. Так появился «патриотический склад», минимизировавший свои расходы за счет собственных полиграфических мощностей, а вместе с ним и частное издательство «Союз русских патриотов», которые занимались выпуском всевозможной патриотической продукции: копий наград, георгиевских лент, значков. За по-



ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВА-
ТАНДИЛЬ

ГУСАРСКИЕ ТАЙНЫ...

*Илл. 5. Андрей Балашов,
Брюссель, 1926 год.
Частное собрание по-
томков семьи Балашо-
вых, Стокгольм.*

добным материалом к Балашову и его другу Борису Берин-Бей Попперу обращались эмигранты из Бельгии и других стран, союзы и объединения, организаторы русских праздников. Вскоре издательство стало своеобразным «буфером» для активистской деятельности Балашова и компании²⁴. Так, второе издание книги Амфитеатрова «Стена плача» вышло именно там, а вся выручка от продаж ушла в БРП.

В начале лета 1926 года, благодаря своему старому другу, ротмистру-изюмцу Николаю фон Розеншильд-Паулину, Балашов вступил в переписку с берлинцем Александром Кольбергом. Последний был секретарем БРП («брат № 9», псевдоним «Верный»). Подталкиваемый Кольбергом, увидевшим в этом контакте возможность вывести БРП на новый уровень, Балашов фонтанировал идеями – к немалому восторгу своего корреспондента:

24 См.: Она же. «Братское сердце», или Полвека на чердаке...



ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВА-
ТАНДИЛЬ

ГУСАРСКИЕ ТАЙНЫ...

«С величайшим удовольствием прочел Ваше письмо и порадовался Вашему начинанию относительно обращения письма Краснова в листовку – это давнишняя наша мечта, но мы, к сожалению, из-за ограниченности наших средств заняться этим не могли, и если Вы теперь начали это и будете продолжать, то, верьте, мы достигнем колоссальных успехов, тем более, что их можно рассылать простыми письмами, не вызывая никакого подозрения. [...] Кроме того, этим мы увеличим вообще количество агитационной литературы надлежащего качества, а она сейчас нужна, как манна»²⁵.



Илл. 6. Проект обложки второго издания книги «Стена плача» Александра Амфитеатрова, 1931 год. Частное собрание.

Учитывая столь тесную причастность к делу БРЦ, Балашов тогда же, в 1926 году, получил предложение вступить в орга-

25 НИА – Balashov. А.Н. Кольберг – А.В. Балашову. 17 ноября 1926 года.

низацию. Однако, как ни странно, он отказался. Свое нежелание стать «братом» он объяснял Кольбергу тем, что возглавляет союз «Все – Родине» и несет в этой связи определенные обязательства. На деле же Балашову требовалось время, чтобы заручиться поддержкой двух важных для него людей: ответственного за дела русских беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, старого друга Сергея Палеолога, и последнего донского атамана Петра Краснова. Балашов и Краснов к тому моменту были давними знакомыми, сблизившимися еще в Новочеркасске. В 1924 году Балашов делился с атаманом первыми идеями совместных патриотических публикаций, видя в нем фигуру, способную стать символом антибольшевистского сопротивления. Он регулярно трудился над редактированием публичных заявлений Краснова и корректурой его статей. Объединив свои знакомства, контакты и работу на БРП (членом которой он пока еще не был), Балашов начал выпускать небольшие листовки. Материалы шли на границу и оттуда в СССР, где еще теплилось слабое сопротивление, о чем свидетельствует, в частности, запись от 3 января 1927 года:

«Радость: письмо от Атамана Белорусских Партизанских отрядов Зеленого Дуба, с уведомлением, что полученные им 200 экз. письма ПНК [атамана Краснова. – Е.Н.-Т.] на Дон посланы будут по назначению на текущей неделе, с просьбой высылать литературу в возможно большем количестве. Написал Адамовичу о посылке ему 400 экз. письма ПНК»²⁶.

Краснов передал Балашову контакты генерал-лейтенанта Федора Абрамова, начальника III отдела РОВС в Болгарии, и генерала Александра Геруа в Румынии. Те предложили помощь с переброской материалов в СССР по своим каналам²⁷. Вторым маршрутом была отправка листовок в европейское приграничье: в Польшу, «брату № 355», есаулу Александру Мельникову (псевдоним «Артиллерист», шеф департамента БРП в Гродно), и в Финляндию, «брату № 30», Анатолию Толлю (псевдоним «Горемыка»).

Объемы издаваемого и засылаемого неуклонно росли, и по архиву видно, как Балашов понемногу выходил на солидные обороты. В апреле 1927 года «Открытое письмо к казакам на Дон № 8» было отпечатано в количестве 10 тысяч экземпля-

26 ЧС. Личный дневник А.С. Балашова. Тетрадь за 1927 год. С. 3.

27 Отношения между БРП и РОВС обострились после смерти великого князя Николая Николаевича, конфликтного раздела названной в его честь казны и открытого выступления Сергея Палеолога на стороне БРП. РОВС неоднократно нападал на БРП, запрещая своим членам вступать в организацию и всячески раздувая скандал в эмигрантской прессе. Это, однако, не мешало некоторым высшим чинам РОВС тайно помогать БРП. Так, Георгий Гартман – сын генерал-майора Бориса Гартмана, начальника V отдела РОВС в Бельгии – вступил в БРП в 1930 году, а супруга генерала Мария Константиновна открыто поддерживала Братство и тесно общалась с Балашовым.



ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВА-
ТАНДИЛЬ

ГУСАРСКИЕ ТАЙНЫ...

Илл. 7. Обращение ата-
мана Петра Краснова
«Донцы!», 1930 год. НИА.



„Добрый конь подо мною — Господь надо мною.“
Казачья поговорка.

Генералъ отъ кавалеріи Петръ Николаевичъ Красновъ въ бытность
Донскимъ Атаманомъ. Въ Новочеркасскѣ въ 1918 году.

Д О Н Ц Ы !

До какихъ поръ будемъ терпѣть униженіе, плѣнь, рабство, издѣ-
вательство надъ нами инородческой Антихристовой власти? До какихъ
поръ будемъ оставлять нашихъ родныхъ братьевъ мыкаться по за-
границамъ и ѣсть горькій хлѣбъ изгнанія?

Добыть либо дома не быть!

ров, а в июне 1928-го – 20 тысяч экземпляров. В январе 1929-го
Краснов пишет текст под названием «Призыв для Зарубежья»,
ставший «летучей листовкой» (и вновь 10 тысяч экземпляров).
В феврале 1929-го тиражом в 20 тысяч выходит «Призыв гене-
рала Краснова», а уже в мае в том же количестве печатается
памфлет «К русской изгнаннице».

Балашов не только перепечатывал красновские проклама-
ции, но и лично рисовал картинки к различным листовкам²⁸.
В мае 1930 года он отмечал в дневнике:

28 НИКОЛАЕВА-ТЕНДИЛЬ Е. *Cazo Commissaire-Priseur. Art Russe: Archives d'Andreï Balachov & à Divers Amateurs.*
[Описание лотов 71 и 72, представленных на торгах аукционного дома «Cazo» в Париже 26 октября 2021 года].

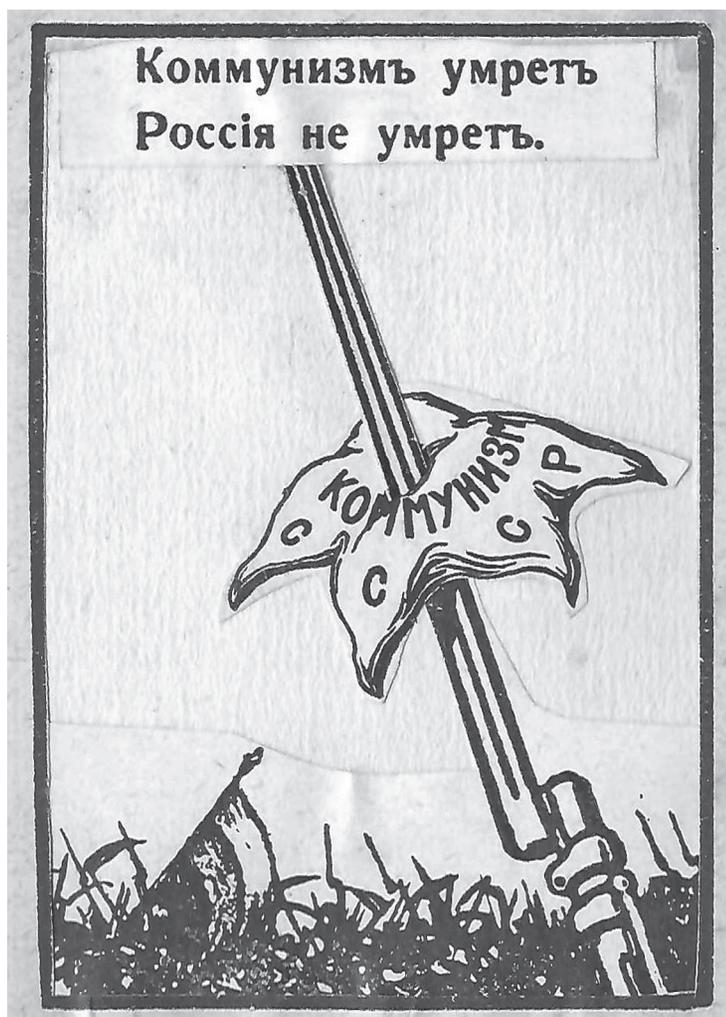
«Набросал рисунок: красная звезда, пронзаемая мечом, серпом и молотом».

«Составил объяснение к Братской “зажигалке” “Союза Красного Петуха”. Надо, чтобы было коротко и ясно. Решил написать Братский марш. Мотив мой. Слова просятся. Обложка также будет моя. Издам в пользу БРП»²⁹.

Иные листовки должны были воспламенять в буквальном смысле: под «зажигалкой» подразумевалась листовка «Русский красный петушок», в которой приводился простой рецепт изготовления зажигательной смеси.

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ГУСАРСКИЕ ТАЙНЫ...



Илл. 8. Проект листовки БРП, начало 1930-х. Частное собрание.

Балашовым же создавались и разнообразные частушки, тоже предназначавшиеся «для отправки “туда”»: «Гладит серп и мо-

²⁹ ЧС. Личный дневник А.С. Балашова. Тетрадь за 1930 год. С. 9.



лоток больно по головушке – не довольно ль, мужичок, литься русской кровушке?»; «Во советском во раю подложили нам свинью, а мы, дурни, лопаем, да ушами хлопаем»³⁰.

Наконец, Балашовым была разработана наградная система для членов БРП, предусматривавшая своеобразный плюрализм: христианам полагались бронзовые награды – Братский крест и Боевой крест («Спасовый крест»), – а для «братьев» из числа мусульман, работавших в Персии и на Кавказе, предусматривались свои медали. Помощь с арабской вязью, провозглашавшей «Нет мира между Аллахом и шайтаном», оказал глава Серафимовского отдела БРП в Турции, «брат № 213» Павел Парфенов (псевдонимы «Муромец», «Илья Муромец», «И.М.», «Н. Владимирский»).

Учитывая такой агитационный накал, Краснов, регулярно сетовал на то, что столь внушительные объемы печатной продукции не удастся распространить. Однако бухгалтерия Балашова говорит об обратном: десятки тысяч копий расходились в среднем за три–четыре месяца, и все приграничные посты (Польша, Турция и Финляндия) рапортовали, что листовки ушли по назначению – дальше, «туда».

СОВЕТСКИЙ ПАР И ТАТАРСКОЕ МЫЛО

Если главной внутренней задачей БРП было изыскание средств, то в ряду внешних задач очевидно доминировала заброска агитматериалов в СССР. Понимание эффективности печатной пропаганды пришло к Балашову еще в 1924-м, в период экспериментов с союзом «Все – Родине». В дневнике за 1927 год он цитирует свои планы из письма Палеологу:

«Отправка получаемой от организаций, а также печатаемой собственными силами агитационной литературы – через окраинные государства – партиями и обычными почтовыми отправлениями по вымышленным адресам. [...Распространение среди иностранцев] литературы, направленной против III Интернационала, с осведомлением о его деятельности и путем бесед членов Союза с иностранцами в местах их проживания, с призывом к борьбе против общего врага»³¹.

В 1920-е второй из упомянутых пунктов считался крайне важным³². Дело это было непростое: новые каналы открывались и закрывались постоянно, а из-за нелегального характера этой деятельности приходилось проявлять немалую сноровку

30 Там же. Тетрадь за 1929 год. С. 17.

31 Там же. Тетрадь за 1927 год. С. 10.

32 БАЗАНОВ П.Н. *Братство Русской Правды...* С. 107.

и действовать быстро. «Братчики» постоянно информировали друг друга о том, появились ли у кого какие-то новые «выходы». Например, руководитель лионского отдела Горovenko сообщал:

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВА-
ТАНДИЛЬ
ГУСАРСКИЕ ТАЙНЫ...

«В Севастополе есть мой брат, перешлю им при первой возможности на совпароходе, может быть, через Константинополь или Порт-Саид, это будет зависеть, откуда я получу весточку. Этим путем я уже пересылал нашей литературы очень много и имел подтверждения, что все получено благополучно»³³.

Естественными точками этого «братского интереса» стали портовые города. Архив Балашова позволил проанализировать работу автономного отдела БРП имени Святого Преподобного Серафима Саровского (Серафимовского отдела) в Турции, о котором до сей поры практически не имелось информации. Отдел возглавлял упомянутый выше капитан Парфенов («брат № 213»); его «ядро» было небольшим, но весьма энергичным. Парфенов и его люди постоянно испытывали давление со стороны турецких властей, а налаживание торговых связей между Советской Россией и Турецкой Республикой лишь усугубляло ситуацию³⁴. Постоянные проверки и присутствие прибывших в Константинополь «топтунов» из ГПУ отравляли жизнь белым активистам, и с годами ситуация становится лишь сложнее. Парфенов сетовал:

«Высокие гости из СССР пробыли здесь две недели. Из опасения, чтобы не было на них покушения, из среды белых хозяевами [турками. – Е.Н.-Т.] было взято до 200 заложников. [...] Я сам не был арестован, но пришлось две недели просидеть в деревне, никуда не показываясь. Перед самым приездом гостей здесь был пущен слух, что в нашу страну прибыл террористический отряд БРП для охоты на красную знать. Ясна провокационная цель»³⁵.
«Угроза ежедневной высылки дамокловым мечом висит над нами. А это очень мешает делу. [...] Красные союзники хозяев при посредстве своих агентов составили списки трехсот русских белых, кои должны быть высланы»³⁶.

Парфенов неоднократно пытался выехать из Турции, но только захватив с собой нескольких самых близких «братчи-

33 НИА – Balashov. К.Ф. Горovenko – А.С. Балашову. 8 сентября 1931 года.

34 Выстраивая новые отношения с Турцией, Ленин буквально ломал исторически сложившиеся альянсы. В 1920 году власти РСФСР решают поддержать «врага своего врага» и начинают помогать правительству Мустафы Ататюрка в его борьбе с британцами и французами, оккупировавшими Константинополь после Первой мировой войны. Финансовая поддержка, поставки вооружений, присутствие в стране советских специалистов оборачивались усиливающимся давлением на русскую эмиграцию. Подробнее см.: Цыплин В.Г. *Советско-турецкие контакты по военным вопросам в начале 1920-х годов* // Известия Саратовского университета. Серия «История. Международные отношения». 2019. Т. 19. С. 69–75.

35 НИА – Balashov. П.И. Парфенов – А.С. Балашову. 10 ноября 1933 года.

36 Там же. 14 мая 1935 года.



ков». В итоге решено было продолжать работу несмотря ни на что. Уже в 1930 году были налажены первые способы заброски литературы и листовок в СССР:

«Питание нашей Братской литературой сов. матросов мною налажено месяца три тому назад. И теперь всякий сов. пароход, отплывающий отсюда, уносит на своем борту то или иное количество нашей литературы. Иногда сами моряки указывают, какая литература им желательна. Особенным успехом пользуется послание посвященного Владыки Митрополита Антония»³⁷.

Нередко у «братчиков» не оставалось выхода, кроме как подходить к советским матросам на улице, завязывать с ними разговор и вручать им листовки. Были и более изощренные способы:

«Моряки закупают здесь мыло на русском заводе царицынских татар. В обертку каждого куска закладываются наши листовки. Я откупаю у них некоторое количество для бесплатной раздачи матросам. Да и сами они дают для дела. А то просто как я, так и они в известные пункты сов. России рассылаем литературу почтой»³⁸.

Парфенов постоянно работал над расширением охвата и возможностей своих агитационных сетей, зондируя почву в соседних странах Ближнего Востока:

«Теперь у меня налаживается линия для снабжения нашей литературой через Тегеран пограничных частей красной армии, стоящих на сов.-персидской границе. Но сообщу об этом более подробно, когда добьюсь осуществления этого»³⁹.

И вновь выручали друзья-татары: в Тегеран материалы планировалось переправлять с одним из хозяев мыловаренного завода, где отоваривались товарищи краснофлотцы; владелец предприятия сочувствовал идеям БРП⁴⁰. К 1931 году за такие заслуги перед будущим освобожденным отечеством Парфенова ввели в состав Основного круга БРП. В следующие два года отправка агитационных материалов была поставлена на поток, расширяясь вместе с увеличивавшимся числом швартовавшихся в турецких портах советских кораблей. «Хорошо пошла наша литература»⁴¹, – сообщает Парфенов Балашову в апреле 1931 года.

Антисоветская деятельность такого размаха не могла не привлечь внимания ГПУ. В августе 1932 года Парфенов получил на этот счет предупреждение: записку от «брата № 5». Осведомленный соратник сообщал, что, по свидетельствам матросов

37 Там же. 18 декабря 1930 года.

38 Там же.

39 Там же.

40 Там же. 26 января 1931 года.

41 Там же. 9 апреля 1931 года.

с парохода «Ильич», 17 августа заходившего в один из портов Турции (предположительно в Измир), «вся эта литература БРП идет из Константинополя. ГПУ произвело чистку среди некоторых судовых команд. Чтобы люди не могли привыкнуть друг к другу, происходят частые смены и перемещения в командах»⁴². Матросам воспрещалось выходить в город поодиночке, это позволялось только группами. Пройдут годы, и эта практика дополнится для редких выездных счастливых обязательным присутствием соглядата-чекиста в штатском.

В 1932 году количество кораблей уменьшилось, но пыл Парфенова не ослабевал:

«Прямая связь туда за лето была очень слаба. Пароходов нет. Хозяева взяли у своих союзников концессию на поставку лимонов туда. Я эту концессию использовал для поставки нашей литературы. Опять расходы»⁴³.

Как правило, в БРП деньги, получаемые со сборов на местах, шли наверх, но, учитывая стратегически выгодную позицию турецкого отдела, «серафимовским» разрешалось оставлять себе часть доли для подкупа нужных людей. Работа отдела не прекращалась, несмотря на регулярные «просеивания» эмигрантской среды турецкими спецслужбами. Дополнительно искали и сторонние выходы:

«На нашем пункте по известным причинам тамошним матросам запрещены всякие покупки. Концессию на снабжение моряков требуемыми товарами взял один грек. Пункты: Салоники, Пирей (Афины?). Если есть там наши, следует указать, чтобы обратили на это внимание»⁴⁴.

Благодаря сетевому характеру БРП, чувство локтя и «братской» связи было очень развитым; приправленное конспирацией, оно создавало ощущение, что «везде есть наши люди». Разветвленная структура позволяла относительно быстро информировать соратников о сомнительных персонажах, «засланных казачках», каких-либо изменениях в работе, всевозможных происшествиях. Секретарь Кольберг в этом был особенно незаменим: по ряду свидетельств, содержащихся в переписке с Балашовым, именно берлинские «братчики» снабжали действовавших в СССР повстанцев издаваемыми в Германии листовками, а также оружием и деньгами. По очевидным причинам дошедшие до нас доказательства отрывочны. Когда в 1932 году Кольберг отправил Балашову и другим членам Верховного круга несколько фотографий с оружием и листовками в доказательство

42 НИА – Balashov. «Брат № 5» – П.И. Парфенову. Б.д., отметка о получении 17 августа 1932 года.

43 НИА – Balashov. П.И. Парфенов – А.С. Балашову. 4 октября 1932 года.

44 Там же. 22 августа 1936 года.



подготовки очередной диверсии, корреспонденты сочли такой поступок чрезвычайно опасным: и Краснов, и Балашов отчитали «брата № 9» за проявленное легкомыслие.

Не исключено, впрочем, что дела обстоили гораздо хуже. В 1932 году скандал потряс основы БРП: незаменимый Кольберг оказался замешан в шпионском скандале. Он начал пропускать данные о БРП английской разведке (а скорее всего и большевикам). Последовавшее громкое расследование, подкопившее БРП, совпало с другой открывшейся информацией: «брат № 1», Соколов-Кречетов, оказался действующим членом франкмасонской ложи, в которую привлекал и других членов организации. Бульварные газеты и мечтать не могли о столь удивительных кульбитах «православного» БРП. Разумеется, последовали организационные изменения. «Фор Эвер» подал в отставку, «Верный» (какая ирония!) – Кольберг – впал в истерику, а руководство принял на себя князь Ливен. В итоге структура поколебалась, но выстояла. Спасли те самые разветвленность и отсутствие единого командного центра, о которых говорилось выше. «Братство» продолжало свои акции вплоть до конца 1930-х, причем особенно отличался отдел, работавший на Дальнем Востоке: его руководство лично организовывало акции на территории СССР.

Европейские «братчики» тем временем продолжали тонуть в скандалах. Новое руководство самим фактом своего появления внесло раскол в и без того растрепанную верхушку. Часть «братчиков», среди них и Балашов, выступила за Ливена, сilesя сохранить БРП в существовавшем виде, но активная молодежь, в особенности из парижского отдела, была против. Возглавляемые графом Георгием Орловым-Денисовым («брат № 256») и Дмитрием Потоцким («брат № 50»), они решили отделиться и объявили о создании Исполнительного центра, требуя полномерного и глубокого реформирования Верховного круга. Еще одним их требованием стало вторичное воцарение Соколова-Кречетова. Разочарованный крахом общего дела Краснов, которого многие умоляли встать у руля оставшегося без капитана корабля БРП, взял самоотвод.

Соколов-Кречетов скончался в 1936 году. Тогда же деятельность организации начала замедляться и почти затухла к началу 1939-го. «Братство Русской Правды», которое так и не распустили официально, впало в анабиоз, в котором и провело Вторую мировую войну. В 1950-е на руинах разоренной Европы Балашов попытался найти ниточки, тянущиеся к оставшимся где-то в 1930-х «братчикам». Тогда же он начал подписывать свои письма как «брат № 1». Эти документы, оказавшиеся посланиями в пустоту, позже упокоились на брюссельском чердаке. Последний «брат» остался полным сиротой.

Бывшие белогвардейцы в советской элите

БОРИС
СОКОЛОВ

Кто служил у БЕЛЫХ

Это может показаться удивительным, но в советской элите были довольно широко представлены бывшие белогвардейцы и военнослужащие национальных армий, сражавшихся в годы гражданской войны против большевиков. Под элитой мы понимаем членов и кандидатов в члены ЦК КПСС, министров и заместителей министров, руководителей учреждений министерского уровня, руководителей общественных организаций, лауреатов Сталинской и Ленинской премий, обладателей почетных званий. Занявшись изучением прошлого некоторых представителей этой социальной группы, нам удалось установить следующих бывших белогвардейцев и военнослужащих национальных армий.

1. Родион Яковлевич Малиновский (1898–1967) – маршал Советского Союза (1944), министр обороны (1957–1967), член ЦК КПСС (1956–1967), дважды Герой Советского Союза (1945, 1958), кавалер ордена «Победа» (1945). Прапорщик в войсках Восточного фронта Верховного правителя России адмирала Александра Колчака (август–ноябрь 1919 года).



*Борис Вадимович
Соколов (р. 1957) –
историк, филолог, член
ассоциации ПЭН-Москва.*

CASE STUDY 1

2. Леонид Александрович Говоров (1897–1955) – маршал Советского Союза (1944), заместитель министра обороны (1950–1955), кандидат в члены ЦК КПСС (1952–1955), Герой Советского Союза (1945), кавалер ордена «Победа» (1945). Прапорщик Народной армии Комуча (Комитета членов Учредительного собрания) (1918), подпоручик в войсках Восточного фронта Верховного правителя России адмирала Александра Колчака (1919).

3. Иван Христофорович (Ованес Хачатурович) Баграмян (1897–1982) – маршал Советского Союза (1955), заместитель министра обороны (1955–1956, 1958–1968), член ЦК КПСС (1961–1982), дважды Герой Советского Союза (1944, 1977). Поручик армии Армении (1918–1920).

4. Николай Семенович Тихонов (1896–1979) – поэт, председатель Советского Комитета защиты мира (1949–1979), председатель правления Союза писателей СССР (1944–1946), председатель Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР (1956–1979), Герой Социалистического Труда (1966), лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1957), Ленинской премии (1970), трех Сталинских премий 1-й степени (1942, 1949, 1952), народный поэт Азербайджанской (1974) и Узбекской ССР (1974). Подпоручик или поручик Северо-Западной белой армии (армии Юденича) (1918–1920) и Русской армии (армии Врангеля) (1920). Следует отметить, что Советский Комитет защиты мира был единственным учреждением СССР министерского уровня, который не только мог, но и должен был возглавлять беспартийный человек¹.

5. Анатолий Петрович Александров (1903–1994) – физик, президент Академии наук СССР (1975–1986), директор Института атомной энергии (1960–1989), член ЦК КПСС (1966–1989), трижды Герой Социалистического Труда (1954, 1960, 1973), лауреат Ленинской премии (1959), трех Сталинских премий 1-й степени (1942, 1951, 1953), Сталинской премии 2-й степени (1949), Государственной премии СССР (1984). Служил юнкером в Вооруженных силах Юга России (1919–1920) (армии Деникина) и в Русской армии (1920) (армия Врангеля).

1 «Белому» периоду биографии Николая Тихонова мы посвятили уже две статьи, вышедшие в «НЗ»: Соколов Б. *Соцреалист во стане белых воинов?* // Неприкосновенный запас. 2022. № 5(145). С. 30–66; Он же. *Николай Тихонов: военная биография, превращенная в фаустяну* // Неприкосновенный запас. 2023. № 3(149). С. 208–228. В данной статье мы знакомим читателя лишь с некоторыми новыми обстоятельствами жизни поэта, которые нам удалось выяснить совсем недавно. Во избежание повторений к основной части реконструкции «белой биографии» Тихонова, изложенной в указанных статьях о нем, здесь мы обращаться не будем.

6. Борис Владимирович Иогансон (1893–1973) – художник, президент Академии художеств СССР (1958–1962), директор Государственной Третьяковской галереи (1951–1954), Герой Социалистического Труда (1968), народный художник СССР (1943), лауреат двух Сталинских премий 1-й степени (1941, 1951). Служил в войсках Восточного фронта Верховного правителя России адмирала Колчака (1918–1919) офицером или военным чиновником.

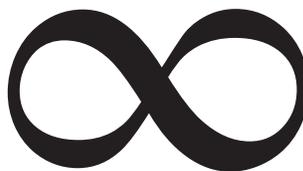
7. Николай Николаевич Зубов (1885–1960) – инженер-контр-адмирал, океанолог, начальник Государственного океанографического института (1944–1948), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1960). Подполковником (капитаном 2-го ранга) служил в Народной армии Комуча (1918) и в войсках Восточного фронта Верховного правителя России адмирала Колчака (1918–1919).

8. Леонид Максимович Леонов (1899–1994) – писатель, председатель Всероссийского союза писателей (1929–1932), председатель Литературного фонда (1946), Герой Социалистического Труда (1967), лауреат Сталинской премии 1-й степени (1943), Ленинской премии (1957) и Государственной премии СССР (1977), заслуженный деятель искусств РСФСР (1949). Служил прапорщиком в белой Северной армии (1919–1920) (армия Миллера).

9. Валентин Петрович Катаев (1897–1986) – писатель, основатель и главный редактор журнала «Юность» (1955–1961), один из шести руководителей Союза писателей СССР (1938), Герой Социалистического Труда (1974), лауреат Сталинской премии 2-й степени (1946). Служил подпоручиком в Вооруженных силах Юга России (1919–1920) (армия Деникина).

10. Всеволод Вячеславович Иванов (1895–1963) – писатель, секретарь правления Союза писателей СССР (1934), председатель правления Литературного фонда (1934), председатель приемной комиссии Союза писателей СССР (1955–1963). Служил рядовым в войсках Восточного фронта Верховного правителя России адмирала Колчака (1919).

11. Николай Федорович Погодин (Стукалов) (1900–1962) – драматург, главный редактор журнала «Театр» (1951–1960), лауреат Сталинской премии 1-й (1941) и 2-й степени (1951), Ленинской премии (1959), заслуженный деятель искусств РСФСР (1949), член правления Союза писателей СССР (1934). Служил юнкером в Вооруженных силах Юга России (1919–1920) (армия Деникина).



12. Борис Андреевич Лавренев (Сергеев) (1891–1959) – писатель, член правления Союза писателей СССР (1945), лауреат Сталинской премии 1-й (1946) и 2-й степени (1950). Воевал офицером в Вооруженных силах Юга России (1918–1919) (армия Деникина).

13. Василий Григорьевич Ян (Янчевецкий) (1874/75–1954) – писатель, лауреат Сталинской премии 1-й степени (1941). Был военным чиновником (коллежским советником) и редактором армейской газеты в Народной армии Комуча (1918) и в войсках Восточного фронта Верховного правителя России адмирала Колчака (1918–1919).

14. Лев Константинович Книппер (1898–1974) – композитор, агент ОГПУ-НКВД-КГБ с 1922 года, лауреат двух Сталинских премий 2-й степени (1946, 1949), заслуженный деятель искусств РСФСР (1968), народный артист РСФСР (1974). Служил корнетом в Вооруженных силах Юга России (1919–1920) (армия Деникина) и Русской армии (1920) (армия Врангеля).

15. Александр Петрович Довженко (1894–1956) – кинорежиссер, лауреат Сталинской премии 1-й (1941) и 2-й степени (1949), Ленинской премии (1959, посмертно), заслуженный деятель искусств Украинской ССР (1940), народный артист РСФСР (1950). Служил офицером, возможно, сотником (капитаном), в армии Украинской народной республики (УНР) (1917–1919).

16. Игнатий Игнатьевич Сосновский (Добржиньский) (1897–1937) – комиссар госбезопасности 3-го ранга, заместитель начальника управления НКВД Саратовского края (1935–1936). Служил подпоручиком в Польской армии (1918–1920).

17. Вадим Васильевич Шверубович (1901–1981) – театральный деятель, заведующий постановочной частью МХАТа (1932–1941), один из основателей театра «Современник» (1956), заслуженный деятель искусств РСФСР (1948). Служил рядовым в Вооруженных силах Юга России (армия Деникина) (1919–1920).

Из этих семнадцати человек криптобелогвардейцами, то есть теми, кому удалось утаить свою службу в белых или национальных армиях, были семеро: Малиновский, Тихонов, Александров, Катаев, Иванов, Шверубович, Ян. Катаев более чем через 20 лет после окончания гражданской войны признал свою службу у белых, но сильно исказил ее обстоятельства. Остальные десять человек не имели возможности скрыть свою службу у белых, так как были взяты в плен красными, верну-

лись из эмиграции с ведома советских органов безопасности (Книппер) или были арестованы ВЧК (Сосновский).

В десяти случаях из десяти это не воспрепятствовало отнюдь успешно карьере в СССР. Только Сосновский был арестован и расстрелян в 1937 году, в период Большого террора, но и здесь причиной гибели послужила не служба в польской армии и разведывательная деятельность против Советской России, а сочетание службы в НКВД на высокой должности и польской национальности, что в то время практически неизбежно означало смертный приговор. Сосновский стал одной из первых жертв так называемой «польской операции» НКВД, в ходе которой во внесудебном порядке были репрессированы проживавшие в СССР поляки, занимавшие более или менее значительные должности или просто казавшиеся подозрительными.

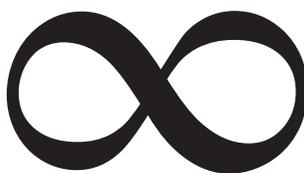
Почти столь же опасное сочетание было у Книппера – этнического немца, тесно связанного с НКВД (хотя мы до сих пор не знаем, имел ли он звание офицера госбезопасности), и потому явного кандидата на то, чтобы стать фигурантом «немецкой операции» НКВД, аналогичной польской. Его спасло то, что он приходился племянником знаменитой актрисы – вдовы Чехова Ольги Книппер-Чеховой, – вокруг которой при Сталине сложился своего рода культ, поощряемый властью, что более или менее надежно защищало ее родственников от террора.

Может показаться, что шансы на дальнейшую карьеру в СССР были практически одинаковы как у криптобелогвардейцев, так и у тех, о чьем белогвардейском прошлом было известно властям. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что это не совсем так. Вряд ли Малиновский, если о его белогвардейском прошлом стало известно еще в конце гражданской войны, был бы направлен в Испанию (1937–1938) и стал бы генералом еще до начала Великой Отечественной войны. Кроме того, для него была бы выше вероятность быть репрессированным в рамках операции «Весна» (1930–1931), когда расстреливались, отправлялись в лагеря или увольнялись из Красной армии бывшие офицеры царской и белых армий. Но, если Малиновский, подобно Говорову и Баграмяну, счастливо избежал бы этих неприятностей и сделал успешную карьеру еще до Великой Отечественной войны, у него было бы гораздо меньше шансов занять пост министра обороны. Да и Хрущеву стало бы труднее назначить на этот пост маршала, о котором было широко известно, что ранее он служил у белых, – ведь это могло вызвать недовольство других маршалов, которые у белых не служили.

Тихонов, стань о его белогвардейском прошлом известно еще в начале 1920-х, вряд ли смог бы издать, а частично и написать стихотворения своих лучших сборников «Орда» и

БОРИС СОКОЛОВ

БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ



«Брага», обрести огромную популярность в СССР в 1920–1930-е; а без всего этого сложно себе представить его номенклатурную карьеру – ведь поэт позиционировал себя как бывший красноармеец, сражавшийся с белыми.

Точно так же у Александрова было бы гораздо меньше шансов стать президентом Академии наук, стать известно о его службе у белых. В этом случае его могли не допустить к оборонной тематике, на которой и строилась его карьера. Впрочем, в сфере науки, особенно использовавшейся в военных целях, требования к анкете были не такими строгими – здесь в первую очередь требовались талантливые ученые. Тем не менее шансы на то, чтобы стать президентом Академии наук, у Александрова с белогвардейским прошлым в анкете были бы ниже – уже хотя бы потому, что с таким пунктом в биографии было сложнее вступить в партию, членство в которой для этой должности было необходимым. Весьма показательно, что трое бывших белогвардейцев, достигших наиболее значительных номенклатурных должностей (Малиновский, Тихонов, Александров), были криптобелогвардейцами.

СЛУЖБА В БЕЛЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ АРМИЯХ

Источников о службе названных представителей советской элиты в белых или национальных армиях, особенно документальных, сохранилось очень мало. Документы по личному составу белых армий почти не сохранились. Поэтому зачастую удается установить лишь факт службы в белой или национальной армии без особых подробностей.

Родион Малиновский служил прапорщиком в армии Колчака. В августе 1919 года он прибыл во Владивосток из Франции, где служил в русском Экспедиционном корпусе, а после его расформирования – в русском «Легионе чести» французского Иностранного легиона. В автобиографиях Малиновский проводил версию, согласно которой он нелегально добрался на поездах от Владивостока до Омска, чтобы вступить в Красную армию. Реальность, как мы постарались доказать в предыдущих исследованиях, была иной: он служил в армии Колчака².

Леонид Говоров получил чин прапорщика еще при Временном правительстве 1 июля 1917 года, после окончания Константиновского артиллерийского училища, и служил младшим офицером отдельной Сибирской запасной мортирной батареи в Томске. В марте 1918 года он был демобилизован и вернулся

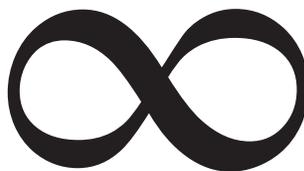
2 Подробнее о Малиновском, а также о «белых биографиях» Валентина Катаева и Всеволода Иванова, см.: Он же. *«Белым был – красным стал»: Валентин Катаев и Всеволод Иванов // Неприкосновенный запас.* 2022. № 6(146). С. 129–148.

в родную Елабугу, где работал в кооперации, а в сентябре добровольно вступил в занявшую город Народную армию Колчака. В советских анкетах он писал, что был мобилизован, однако в сохранившемся представлении Говорова к чину подпоручика колчаковской армии за боевое отличие было отмечено, что 8 сентября 1918 года он «поступил добровольцем в 5-ю Прикамскую батарею, переименованную в 3-ю батарею 8-й Камской стр[елковой] арт[иллерийской] бригады и с этого дня участвовал в кампании против большевиков». 13 июля 1919 года приказом адмирала Колчака Говоров был произведен в подпоручики. Он участвовал в весеннем наступлении к Волге и в последующем отступлении в Сибирь. 16 декабря 1919 года Говоров присоединился к восстанию гарнизона Томска против власти Колчака, 18 декабря был назначен помощником начальника боевой рабочей дружины Томска, а 21 января 1920 года был направлен в распоряжение инспектора артиллерии советской 5-й армии. При поступлении в Красную армию Говоров скрыл, как то, что служил у белых добровольно, так и то, что чин подпоручика получил от Колчака, а не при Временном правительстве³.

Иван Баграмян в официальных документах писал, что «происходил из бедной крестьянской семьи», которой сопутствовала «беспросветная нужда», однако не помешавшая ей отправить сына в техническое училище, да еще нанять ему репетитора по французскому языку. И это при том, что в семье было семеро детей. В 1915 году Баграмян добровольцем пошел в царскую армию в качестве вольноопределяющегося, служил в запасных пехотных и кавалерийских частях, в январе 1917-го был направлен в 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков, которую окончил в июле того же года, и был назначен командиром пехотной роты на Кавказском фронте. В декабре 1917-го он демобилизовался, вернулся в Армению, вступил в армянскую армию и стал членом правящей партии «Дашнакцутюн». В армии Баграмян дослужился до поручика, командовал ротой, сабельным эскадронном, полком; участвовал в армяно-турецкой войне 1920 года в составе 3-го стрелкового и 1-го кавалерийского полков дивизии под командованием генерал-майора Мовсеса Силикяна. В этой войне армяне потерпели тяжелое поражение. В декабре 1920-го дашнаки вынуждены были отказаться от власти и передать ее большевикам. Та часть армянской армии, которая сражалась на турецком фронте, присоединилась к Красной армии, где Баграмян стал командиром эскадрона 1-го Армянского полка⁴. Сопротивление большевикам оказывала только дивизия Га-

3 Ганин А.В. *Белые страницы биографии Маршала Советского Союза Л.А. Говорова* // Омский научный вестник. Общество, история, современность. 2018. № 4. С. 10–14.

4 Лазарев С.Е. *Превратности карьеры маршала И.Х. Баграмяна* // Ученые записки Орловского государственного университета. Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1(39). С. 37–39.



региона Нжде в Сюнике. Баграмян не участвовал в дашнакском восстании в феврале 1921 года, когда основная часть Армении, включая Ереван, перешла под контроль восставших.

Николай Тихонов Первую мировую войну окончил прапорщиком и выборным командиром эскадрона 20-го драгунского Финляндского полка. Он имел достаточно приличное образование: кончил кадетский корпус (но без морской практики и сдачи выпускных экзаменов, так как ушел на войну), и был произведен в прапорщики скорее всего 7 октября 1917 года или ранее. То, что до октябрьской революции он был офицером, Тихонов успешно скрывал до конца своих дней. В 1918 году он служил в Лужском партизанском (1-м конном) полку Красной армии Станислава Булак-Балаховича, вместе с которым перешел в ноябре в белогвардейский Северный корпус под Псковом. Далее Тихонов служил в отряде Анатолия Ливена при Балтийском ландесвере, куда перешла часть людей Булак-Балаховича, и вместе с другими ливенцами участвовал весной 1919 года в боях за освобождение Риги и всей территории Латвии от красных. Летом–осенью 1919-го вместе с частью ливенского отряда Тихонов перешел в армию Юденича, вместе с которой в составе 5-й Ливенской дивизии участвовал во втором походе на Петроград. В архиве Дома русского зарубежья я нашел документ, безусловно доказывающий службу Тихонова в Северо-Западной армии. В документах различных частей 5-й Ливенской дивизии сохранилось написанное карандашом донесение без даты с резолюцией другим почерком на обороте:

«К-ру 2 полка Передовые части противника подошли к Перегребу [деревня Гдовского уезда Петербургской губернии. – Б.С.], оттеснив наш конный разъезд. Численность противника пока не выяснена.

Тихонов [расшифровка и автограф. – Б.С.].

Прошу передать телефонограмму в штаб полка.
Е.Р.»⁵.

Резолюция наложена подполковником Евгением Решетниковым, исполнявшим должность начальника штаба 5-й дивизии в ноябре 1919 года, а в декабре ставшим начальником штаба дивизии. Как можно понять, автор донесения командовал разъездом конной разведки либо 5-й Ливенской дивизии, либо 18-го Рижского (он же 2-й Ливенский) полка. Текстолог и архивист Давид Фельдман, сравнив по моей просьбе сканы донесения и многочисленных автографов поэта⁶ – за что я

5 Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 19 и об.

6 Тихонов Н.С. *Стихотворения и поэмы*. Л.: Советский писатель, 1981. С. 97; Хренков Д.Т. *Николай Тихонов в Ленинграде*. Л.: Лениздат, 1984 (фото на вкладке в конце книги); Свиченская М.К. *Автографы*

приношу ему свою искреннюю благодарность, – однозначно заключил, что донесение в штаб Ливенской дивизии написано Николаем Тихоновым.

После отступления армии Юденича в январе 1920 года в Эстонию Тихонов, предположительно вместе с несколькими другими офицерами-ливенцами, отправился в Крым в армию Врангеля через Польшу, Германию и Францию, а оттуда – пароходом до Константинополя⁷. Можно предположить, что он остался в Крыму в ноябре 1920-го, возможно, будучи больным тифом, и так или иначе оказался у красных, счастливо утаив при этом свое офицерство и службу у белых. Помимо этого, ему пришлось скрывать социальное происхождение, так как он был сыном владельца магазина париков в центре Петрограда.

Анатолий Александров о службе у белых рассказывал своим родным. Его биограф, Фагам Кесаманлы, пишет:

«В 1919–1920 годах [Александров] участвовал в гражданской войне на стороне белой армии, где очень преуспел и прославился до такой степени, что был удостоен трех Георгиевских крестов. На руке у него сохранились шрамы – следы сабельных ударов. В ноябре 1920 года попал в плен к красным, был приговорен к расстрелу, но ему удалось бежать (эти факты биографии он всю жизнь скрывал)»⁸.

А вот что пишет сын Александрова – Петр:

«Только в конце 1980-х Анатолий Петрович очень скупно рассказал историю о своем участии в гражданской войне. 1919 год. Анатолий с приятелем (фамилия его неизвестна) были в Млынке, на обратном пути в Киев на железнодорожной станции Фастов. Толя встретил знакомого офицера, соседа по киевской квартире. Офицер сказал молодым людям, что в город ехать нельзя, там война и погромы и что если они истинные патриоты, то должны защитить родину и встать в ряды Белой гвардии. Мальчики ушли с ним на фронт. Уже в шестнадцать лет они узнали цену жизни и смерти. Рядовыми солдатами они дошли до Крыма. Перед ними на пирсе стоял корабль, уходящий в Турцию, но они остались. Потом попали в плен и были приговорены к расстрелу, спасла их женщина-комиссар. Она дала мальчикам какие-то поддельные документы и отпустила (по-видимому, это было в ноябре 1920 года)».

Также академик признался другому своему сыну, Александру, что шрамы на его руке – это следы от сабельных ударов⁹. Скорее всего описанные события в Фастове происходили в ок-

Серapiонов в фонде И.А. Груздева: к 100-летию литературной группы «Серapiоновы братья». Николай Семенович Тихонов (1896–1979). Российская национальная библиотека. Виртуальные выставки (<https://expositions.nlr.ru/ve/RA5136/avtografy-serapionov-tikhonov>).

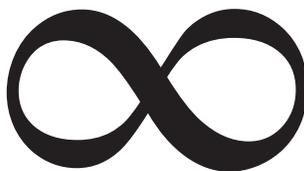
7 Соколов Б.В. *Соцреалист во стане белых воинов?* С. 55–57.

8 Кесаманлы Ф.П. *Академик Анатолий Петрович Александров* // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Наука и образование. 2011. № 4. С. 278.

9 Александров П.А. *Академик Анатолий Петрович Александров. Прямая речь*. М.: Наука, 2002. С. 15–16.

БОРИС СОКОЛОВ

БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ



тябре 1919 года, когда 14–16 октября Киев был занят красноармейцами, там и в окрестностях шли бои, в результате которых белые (при поддержке киевских добровольцев) город отбили. Однако Александров никак не могу попасть в Крым с киевской группой генерал-лейтенанта Николая Бредова: она после занятия Киева Красной армией 16 декабря 1919 года отступила не в Крым, а в Польшу. Скорее всего Александров в тот период, когда Киев находился во власти белых, был направлен в Крым в юнкерское училище. У него был достаточный образовательный ценз: в 1918 году он окончил реальное училище в Киеве. Юнкера участвовали в обороне Крыма в январе 1920-го и в последующих боях Русской армии Врангеля. Возможно, насчет трех Георгиевских крестов – это поэтическое преувеличение, но как минимум один крест у Александрова скорее всего был.

Племянник Александрова, Михаил Классон, приводит рассказ сына Александра об отце:

«Мне было тогда больше двадцати лет, и я приехал к родителям, которые были на охоте в районе Обнинска. Мы там порядочно приняли на грудь, и отец предложил мне прокатиться на машине. Он иногда любил сам поездить на своей “эмке”, за рулем которой обычно сидел его охранник. Был довольно густой туман, а отец гнал очень быстро. Мне стало страшно, и я стал просить его ехать потише. Он, глядя вперед неподвижными глазами, сказал: “Что, страшно? Разве это страшно? Вот представь себе, что ты лежишь за пулеметом, а на тебя летит казачья лава! А за тобой прохаживается офицер, постукивает хлыстиком по сапогам, и говорит: “Рано, рано! Не стрелять!” А ты уже видишь пену на лошадиных мордах, блеск сабель! Вот когда страшно!”

Еще был такой эпизод: я читал “Тихий Дон”, отец вошел, спросил, что читаю. Я дал ему книгу, она была открыта как раз в том месте, где Григорий Мелехов уже вернулся в хутор и ждет, арестуют его или нет. Отец прочел страничку и сказал: “Да, это самое ужасное: вот так сидеть и ждать ареста!” Я спрашиваю: “А ты ждал?” Он ответил: “Много лет!”»¹⁰

Петр Александров приводит рассказ другого племянника своего отца – академика Евгения Александрова, – согласно которому в 1969 году тот сообщил ему:

«[В 16 лет] оказался в белой армии, где безумно преуспел и прославился до такой степени, что удостоился трех Георгиевских крестов. [...] Но тогда он осознал, что с такой наградой в России после 1917 года долго не проживешь. И он решил эти Георгиевские кресты спрятать. Закопал их под каким-то мостом, а потом вскоре

10 Классон М.И. *Роберт Классон и Мотовиловы – биографические очерки* ([https://famhist.ru/famhist/ klasson/ukaz-imen.pdf](https://famhist.ru/famhist/klasson/ukaz-imen.pdf)). За указание на этот источник приношу искреннюю благодарность своему другу Андрею Мартынову.

попал в облаву и оказался вместе со многими захваченными в каком-то подвале. Захваченных вызывали одного за другим на допрос и немедленно убивали – оставшиеся слышали выстрелы. Дядю вызвали на допрос в свой черед. Допрашивала его какая-то девица в “кожаной тужурке”, которая прониклась сочувствием к дяде (бывшему очень красивым и рослым молодым человеком) и молча показала ему на некий черный выход наружу, каковым он и воспользовался незамедлительно»¹¹.

Рассказ о чудесном спасении Александрова в Крыму выглядит правдоподобно. В условиях, когда бывших белогвардейцев в Крыму расстреливали десятками тысяч, спасение зависело исключительно от прихоти какого-нибудь комиссара или чекиста. По всей вероятности, примерно так же спасся Тихонов. Наверное, перед тем, как попасть к красным, он тоже догадался закопать или выбросить два своих Георгиевских креста, полученных еще в Первую мировую.

О службе Бориса Иогансона у белых известно очень мало. Как утверждал в мемуарах художник Алексей Смирнов, Иогансон писал портреты верховного правителя адмирала Колчака вместе с художником Александром Соловьевым¹². В советское время журнал «Искусство» в 1959 году писал об Иогансоне так:

«Факты подтверждают это: служба в белой армии, где художник увидел моральное ничтожество белых офицеров, побег из армии, скитания по дорогам гражданской войны, тифозный госпиталь и, наконец, служба в Красной армии – действительно “этапы большого пути”, закономерно приведшего живописца к выводу, что служить народу – главное призвание художника»¹³.

Из этого описания можно только предположить, что Иогансон, как и тысячи других солдат и офицеров колчаковской армии, находился в тифозном госпитале в Омске в ноябре 1919 года, в момент его оставления белыми, и попал в плен к красным. Внук художника, Игорь Иогансон, в 2001 году утверждал, что его дед сам признался Сталину в своей службе у белых:

«Как вам удалось такое состояние, такой эффект “присутствия?” – тихонько вопрошал его искусствовед “номер один” на банкете в его честь. – “А я сам там был!” – громко заявил дед. Он имел в тот момент в виду сидящего спиной генерала на своей картине “Допрос коммунистов”, а не задействованные им подземные стихии. Правда – повысил себя в чине. Он был белым офицером (неизвестные страницы из его биографии)»¹⁴.

11 Александров П.А. *Указ. соч.* С. 15.

12 Смирнов А.Г. *Полное и окончательное безобразие. Мемуары. Эссе* / Сост. И. Врубель-Голубкина, М. Гробман. Тель-Авив; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. С. 89–90.

13 Цит. по: <https://wyradhe.livejournal.com/214114.html#>.

14 Иогансон И. *Мои предки* // Комментарии. 2001. № 20 (www.commentmag.ru/magazine/).



Ничего конкретного о службе Иогансона у белых в этом сообщении нет. Можно только предположить, что он служил вместе с Соловьевым, который в советскую элиту потом не выбился и очень завидовал Иогансону, хотя при советской власти вел вполне безбедное существование и даже писал парадные портреты советских маршалов. «Белая биография» Соловьева реконструирована Занфирой Девятьяровой. Летом 1918 года тот вступил в Народную армию Комуца в Казани. Девятьярова предположила, что он мог служить в Стрелковой бригаде особого назначения Владимира Каппеля. Затем Соловьев в чине поручика оказался в составе 1-го Волжского армейского корпуса, которым тоже командовал Каппель, но вскоре перешел служить инструктором в отделение по внешкольному образованию войск при Главном штабе в Омске. Девятьярова опознала Соловьева на фотографии «Генерал Морис Жанен в группе у поезда. Омск, 1919 г.»¹⁵. По ее предположению, Соловьев принимал участие в подавлении кустанайского восстания в апреле 1919-го и в Тобольском сражении в августе–сентябре 1919-го, а также в сибирском Ледяном походе Каппеля¹⁶. Смирнов утверждал, что Соловьев рассказывал ему, как «его конь был рядом с конем, на котором замерзший труп генерала Каппеля отступал с его армией»¹⁷.

Можно предположить, что Иогансон, как и Соловьев, служил в 1-м Волжском корпусе, а потом при штабе в Омске и вместе с Соловьевым участвовал в подавлении кустанайского восстания и в Тобольском сражении. Но в сибирском Ледяном походе Иогансон скорее всего не участвовал, так как попал в плен еще в Омске. Вероятно, он имел примерно тот же чин, что и Соловьев, – поручика или подпоручика.

Николай Зубов окончил Морской кадетский корпус. В декабре 1915 года он был произведен в капитаны 2-го ранга, а Первую мировую войну закончил командиром эскадренного миноносца «Орфей» Балтийского флота. Как вспоминал капитан 2-го ранга Гаральд Граф, после февральской революции тот решительно стоял за продолжение войны до победного конца: «Экзальтированные речи капитана 2 ранга Н. Зубова так действовали на матросов, что они становились на колени и приносили клятву о борьбе за Россию»¹⁸. На Урале он всту-

15 См.: *Штабной вагон главнокомандующего Союзными войсками в Сибири генерала Мориса Жанена. Омск 1918–1919 гг.* (<http://kvf47.rasfokus.ru/photos/best/photo1970484>). Соловьев здесь – стоящий вторым слева русский офицер.

16 Девятьярова З.Г. «Я обязан Дмитрию Николаевичу Кардовскому всем, что мною сделано в жизни...». *Неизвестные страницы биографии художника А.М. Соловьева периода гражданской войны (1918–1922) // Творчество Д.Н. Кардовского и его учеников в контексте российской культуры XX века. Материалы научной конференции. Переславль-Залесский, 7 сентября 2016 г.* Переславль-Залесский: УГП имени А.К. Айламазяна, 2016. С. 81–89.

17 Смирнов А.Г. *Указ. соч.* С. 91.

18 Граф Г.К. *На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию.* СПб.: Гангут, 1997. С. 355.

пил в Народную армию Комуча. Приказ начальника 7-й Уральской дивизии горных стрелков – одной из лучших у белых на Восточном фронте – генерал-майора Владимира Голицына от 27 сентября 1918 года гласил: «Подполковника (капитана 2 ранга) Николая Николаевича Зубова зачисляю в список 26 Шадринского полка горных стрелков и назначаю командующим обоими бронированными поездами дивизии». А уже 5 октября Зубов возглавил отдельный броневой железнодорожный дивизион 3-го Уральского армейского корпуса, состоявший все из тех же двух бронепоездов – «Горняк» и «Тагил». Значительная часть 3-го Уральского корпуса, уже лишившегося бронепоездов, сдалась в плен красным в начале января 1920 года в районе деревни Алтайской. Скорее всего тогда же был пленен и Зубов. Он заявил, что был командиром запасного батальона и в боях не участвовал. Так и писал в автобиографии: «В 1918–1919 годах был мобилизован в армию Колчака, где служил командиром запасного батальона в чине подполковника». Возможно, в момент сдачи в плен так оно и было. Бывшего командира бронедивизиона после потери бронепоездов могли назначить командиром запасного батальона. А про свое боевое прошлое Николай Николаевич по понятным причинам утаил. Неприятельские бронепоезда красноармейцы особенно ненавидели и могли под горячую руку и расстрелять. А уже с 1920 года Зубов служил начальником учебного отдела в Штабе морских сил Красной армии¹⁹.

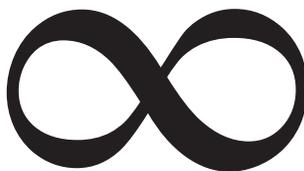
Леонид Леонов был сыном писателя, издателя и журналиста Максима Леонова, примыкавшего к эсерам. Революцию 1917 года Леонов встретил в Архангельске, где находился в ссылке его отец. В марте 1919-го Леонов был призван в белую Северную армию и направлен в артиллерийское училище в Архангельске. 31 мая он был выпущен подпрапорщиком артиллерии и в июне принимал участие в боях на реке Шепелевке у деревни Звон в составе 1-го Северного отдельного артиллерийского дивизиона. 3 ноября его произвели в прапорщики артиллерии, а 27 декабря перевели в 4-й Северный отдельный артиллерийский дивизион на том же Двинском фронте. В середине февраля 1920 года белый фронт перед Архангельском рассыпался. 21 февраля в город, где власть была уже у местного земства, вошли части Красной армии, а 23 февраля Леонов зарегистрировался как бывший офицер белой Северной армии²⁰. Отметим, что эвакуироваться с генералом Миллером на ледоколе «Минин» у него не было никакой возможности: туда погру-

БОРИС СОКОЛОВ

БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

19 Кузнецов Н.А. «Других писателей у меня нет...»: колчаковский фронт советской науки // Родина. 2008. № 3. С. 93–95.

20 См.: https://vk.com/wall-12288779_19867; Прилепин З. Леонид Леонов. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 82–83, 89.



зили только 600 военнослужащих из 20-тысячной армии и 200 гражданских лиц. 1 апреля 1920 года Леонов стал секретарем печатной стенной газеты архангельского отделения РОСТА «Красная весть», а в июне поступил добровольцем в Красную армию и был направлен на врангелевский фронт, где стал редактором «Бюллетеня» политотдела 15-й Инзенской стрелковой дивизии²¹.

Служба Валентина Катаева у белых в Добровольческой армии Деникина продолжалась в феврале–марте и с сентября 1919 года по январь 1920-го, когда он заболел сыпным тифом и был эвакуирован в одесский госпиталь. Более 20 лет Катаев скрывал этот эпизод, но в 1942-м при заполнении личной карточки члена Союза писателей СССР на вопрос «Служил ли в армиях и отрядах, боровшихся против советской власти?» ответил: «Был мобилизован в 1920 году Деникиным, прослужил 4 дня в запасной артиллерийской бригаде, дезертировал», – что не имело ничего общего с действительностью. В 1942-м Одесса была оккупирована румынской армией, и Катаев опасался, что в местных изданиях могут быть опубликованы материалы о его службе у белых. В Добровольческой армии он служил в чине подпоручика²².

Всеволод Иванов очень короткое время в ноябре 1919 года служил пулеметчиком на белом бронепоезде в войсках Колчака и в дальнейшем благополучно скрыл этот факт, хотя и отразил его в автобиографии 1921 года. Он был в звании рядового²³.

Что касается Николая Погодина (Стукалова), то имеется свидетельство жены Михаила Булгакова, Елены, записавшей в дневнике 24 мая 1935 года:

«Были на премьере “Аристократов” в Вахтанговском. Пьеса – гимн ГПУ. [...] После спектакля Симонов пригласил нас к себе. [...] Погодин [автор “Аристократов”. – Б. С.] много рассказывал: о Буденном, о том, как он – Погодин – попал в плен и как его чуть не расстреляли»²⁴.

Вероятно, Погодин попал в плен при взятии буденновцами Ростова-на-Дону 10 января 1920 года. Можно предположить, что он был юнкером Новочеркасского училища или даже произведен в прапорщики. В составленной историком Сергеем Волковым картотеке участников Белого движения есть Николай Митрофанович Стукалов – уроженец Кубанской области, прапорщик в Вооруженных силах Юга России, взятый в плен и в начале 1922 года, находившийся на особом учете в Кубано-

21 Прилепин З. *Указ. соч.* С. 695.

22 Там же. С. 129.

23 Там же. С. 136–137.

24 *Дневник Елены Булгаковой.* М.: Книжная палата, 1990. С. 99.

Черноморском ОВК, а также Николай Митрофанович Стукалов – подпоручик того же воинского формирования, в 1919-м служивший на Новороссийской военной базе. Возможно, в данном случае речь идет об одном и том же человеке²⁵.

Согласно официальной советской биографии, Николай Погодин родился 3(16) ноября 1900 года в станице Гундоровской области Войска Донского и числился незаконнорожденным. Какое-то время он служил в Красной армии «добровольцем», а уже в 1920 году печатался в ростовской газете «Трудовая жизнь». При этом Погодин будто бы происходил из семьи бедных тамбовских крестьян, бежавших от нищеты на Дон, и не имел даже законченного среднего образования. О его службе у белых не упоминалось²⁶. Поскольку метрическая запись о рождении Погодина (Стукалова) до сих пор не опубликована, нельзя быть уверенным ни в дате и месте его рождения, ни в подлинном отчестве, ни в полученном образовании. Тот факт, что буденновцы чуть не расстреляли Погодина, может свидетельствовать о том, что он был юнкером или офицером. Попавших в плен рядовых деникинцев обычно не расстреливали, а мобилизовывали в Красную армию. Тем не менее тождественность Николая Федорович Погодина и Николая Митрофановича Стукалова не может считаться доказанной. Добавим только, что «добровольность» службы Погодина в Конной армии Буденного была очень условной – ведь делать это пришлось под угрозой расстрела. Не исключено, что псевдоним Погодин – в честь настоящей фамилии главного героя романа Леонида Андреева «Сашка Жегулев» (1911)²⁷ – драматург принял для того, чтобы его не мог опознать кто-то из сослуживцев по Вооруженным силам Юга России.

Сведения о службе у белых Бориса Лавренева (Сергеева), происходившего из разорившихся дворян, крайне скудны и противоречивы. После начала Первой мировой войны он прошел ускоренный курс Михайловского артиллерийского училища и в 1915 году ушел на фронт. Он служил в 6-м Кавказском мортирном дивизионе, окончив войну в чине поручика. Во время февральской революции был комендантом штаба революционных войск Московского гарнизона, а затем адъютантом коменданта Москвы²⁸. Своему биографу Зелику Штейнману Лаврениев сообщил в 1934 году: «Попал в гетманскую мобили-

БОРИС СОКОЛОВ

БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

25 Участники Белого движения в России. Генеалогический форум ВГД (<https://forum.vgd.ru/post/395/70313/r2003488.htm>).

26 Погодин Николай Федорович // Большая российская энциклопедия (<https://bigenc.ru/c/pogodin-nikolai-fedorovich-c6861f>); Волгарь А. Жизнь и творчество Николая Погодина // Погодин Н.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Искусство, 1972. Т. 1. С. 3.

27 Волгарь А. Указ. соч. С. 4.

28 Макашина В.Г. Лаврениев Борис Андреевич // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь: В 3 т. М.: Олма-пресс инвест, 2005. Т. 2. С. 392.



зацию. В качестве явно неблагонадежного элемента в числе других зачислен был в “летучий студенческий отряд внутренней обороны”. В день вступления в Киев армии УНР отряд прекратил свое существование²⁹. Дальнейший путь Лавренева в гражданской войне неясен. В 1946-м он получил от бывшего наркома по военным и морским делам Советской Украины в 1919 году следующую замечательную справку:

«Настоящим заверяю, что военный моряк командного состава, тов. ЛАВРЕНЕВ Борис Андреевич, летом 1919 года, в бытность мою Народным Комиссаром по Военным делам Украинской Советской Республики, находился в период операций по вытеснению и ликвидации банд атамана Зеленого из районов Триполье – Канев в моем полевом штабе на ст. Мироновка в должности начальника артиллерии. В ответственный момент операции, когда теснимые банды отходили к линии железной дороги южнее селения Германовка, ставя себе целью прорыв окружения, и когда выяснился недостаток артиллерийских средств для воспрепятствования намерениям противника, – т. ЛАВРЕНЕВ, использовав штабную команду моряков, в течение суток построил местными средствами на имевшихся товарных платформах две бронеплощадки, вооружив их трехдюймовыми полевыми пушками. В оборудовании площадок т. ЛАВРЕНЕВ принимал личное участие, работая наравне с моряками и железнодорожными рабочими. 29-го июля, в момент наступления банд на полотно железной дороги, после того как прямым попаданием снаряда в паровоз был выведен из строя бронепоезд № 6, под командованием военмора т. ПОПОВА, т. ЛАВРЕНЕВ остался со своими бронеплощадками на линии в качестве единственной поддержки сводной курсантской бригады и интернационального кавдивизиона, ведших бой с бандами. В течение нескольких часов т. ЛАВРЕНЕВ преграждал дорогу отступавшим бандам у разъезда Карпыши, трижды отбрасывал бандитов картечью и в это время был ранен в левую ступню с раздроблением костей, но остался в строю и продолжал вести бой до полного окончания операции, нанеся шрапнельным огнем крупные потери бандитам, которым удалось перевалить полотно только после подрыва рельсов, лишившего бронеплощадки свободы передвижения. Уходя под огнем бронеплощадок, банды бросили на полотно и в поле много боеприпасов, снаряжения и военного имущества. Т. ЛАВРЕНЕВ сдал командование новому командиру только после личного доклада мне о бое, после чего был эвакуирован в Киев. Бывший наркомвоен Украинской Советской Республики Н. Подвойский. Москва, 1946 г.»³⁰.

Таким образом, не вызывает сомнений, что с лета 1919 года Лавренив находился в Красной армии. Но Подвойский не сообщает, откуда Лавренив прибыл в его штаб. Поэтому закрадыва-

29 Цит. по: Огрызко В. *Время невысказанности* // Литературная Россия. 2015. № 23 (<https://litrossia.ru/item/4405-oldarchive>).

30 Там же.

ется подозрение, что ранее он служил у белых. Лавренев мог попасть в плен во время боев красных с Добровольческой армией на Левобережной Украине в июне–июле 1919 года. Возможно, обстоятельства его пленения схожи с тем, как в плену у красных оказался один из персонажей лавреневской повести «Ветер» (1924): «долговязый, сухопарый ротмистр с сивыми усами», которого матрос Василий Гулявин обращает в советскую веру после того, как тот залпом выпивает ведро спирта, – хотя там это событие отнесено к 1918 году.

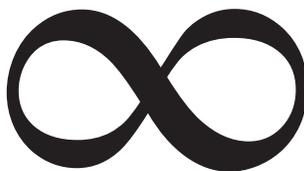
Василий Ян (Янчевецкий) в 1917 году в чине коллежского советника находился в Яссах в канцелярии министра-посланника в Румынии генерал-лейтенанта Александра Мосолова. После октябрьской революции в Яссах было создано тайное общество для борьбы с большевизмом, возглавленное военным атташе, полковником Борисом Палицыным, которое первоначально состояло из пяти человек, включая Янчевецкого. 12 декабря в Яссы прибыл полковник Михаил Дроздовский с намерением создать добровольческий отряд для борьбы с большевиками. Он возглавил созданную Палицыным организацию, которая стала называться 1-й бригадой русских добровольцев. В тот же день вышел первый номер газеты «Республиканец», издателем которой выступил Янчевецкий. В передовице он писал:

«Мы переживаем трудное, тяжелое время. Это уже не революция, которая делает переворот и затем создает новые, лучшие условия жизни. Это началось смутное время полной разрухи. [...] И, чем больше повсюду беспорядков, грабежей, погромов, столкновений одной части населения с другой, тем более все сознают, что нельзя больше ждать спасения из Петрограда. Нужно самим браться за дело. [...] Теперь нужны сильные духом, твердые люди на местах, которые, не боясь трудностей, даже опасностей, будут работать над установлением связей между разными национальными организациями и партиями для совместного подавления разрухи, для созыва независимого Учредительного собрания, которое выработает основные законы нового, республиканского строя».

Газета имела резко антибольшевистский характер и широко распространялась среди русских войск в Румынии, а в начале 1918 года была переименована в «Родину»³¹. В дальнейшем Янчевецкий принял участие в походе отряда Дроздовского из Ясс до Новочеркасска. В не публиковавшихся при жизни воспоминаниях он писал об этом так, не упоминая Дроздовского: «Я оставил спокойную жизнь за границей и пробрался через Украину и большевистский фронт, чтобы участвовать в борьбе

БОРИС СОКОЛОВ
БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

31 Просветов И.В. *10 жизней Василия Яна. Белогвардеец, которого наградил Сталин*. М.: Издательские решения, 2016. С. 47–48; Луков Е.В., Шевелев Д.Н. *Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.)*. Томск: Издательство Томского университета, 2007. С. 70.



с большевизмом и в возрождении родины»³². В официальной же биографии период гражданской войны он осветил совсем скупо: «Весной 1918 года вернулся в Россию, попал в Сибирь, бежал от колчаковской мобилизации интеллигенции в Минусинск, где в 1922 году было организатором газеты “Власть труда”»³³.

В конце мая Янчевецкий с семьей оказался в Самаре, где узнал о восстании Чехословацкого корпуса. Можно предположить, что он получил командировку от командования Добровольческой армии для подпольной работы в Поволжье. 8 июня чехословаки заняли Самару, где образовался Комуч, который начал формировать Народную армию. Янчевецкий же стал издавать газету, редакция и типография которой размещались в вагонах поезда, чтобы можно было следовать за войсками. С редакцией газеты он добрался до Челябинска, где выпустил ее под названием «Республиканец», а с 14 января 1919 года переименовал ее в «Родину».

Главной задачей газеты Янчевецкий ставил «проведение идей верности союзникам, возрождения России и борьбы с большевизмом»³⁴. Первый номер, теперь уже под новым названием «Вперед», вышел уже в колчаковской столице Омске в марте 1919 года. 3 марта Янчевецкий был утвержден начальником осведомительного отделения Особой канцелярии при штабе Верховного главнокомандующего (Осканверха), ведавшей пропагандой в армии. Фактически он исполнял эту должность с 21 января и печатался под псевдонимом Янчевецкий-Кременец³⁵. Погоны коллежского советника совпадали с полковничьими, поэтому служившие под его началом в газете «Вперед» называли его полковником. Однако документов о присвоении Янчевецкому такого звания не найдено. Максимальный тираж газеты «Вперед» в период колчаковского наступления к Волге достиг трех тысяч экземпляров³⁶.

Когда белые в конце декабря взяли Пермь, захватив трофеи и 31 тысячу пленных, Янчевецкий радостно писал в «Республиканце»:

«Падение Перми приближает нас к сердцу врага – к Москве. – А скорейшее достижение Москвы и ликвидация большевизма не может не радовать каждого изголодавшегося по хлебу, миру и покою русского»³⁷.

А после колчаковского переворота и ареста ряда эсеров прозорливо предупреждал:

32 ПРОСВЕТОВ И.В. *Указ. соч.* С. 49.

33 Там же. С. 1–2.

34 Луков Е.В., ШЕВЕЛЕВ Д.Н. *Указ. соч.* С. 70.

35 Там же. С. 71.

36 Там же. С. 55.

37 ПРОСВЕТОВ И.В. *Указ. соч.* С. 51.

«Нужно не отталкивать тех лиц и те партии, которые уже ведут борьбу, уже организованы. Большевизм – слишком грозное явление, чтобы презирать и отталкивать всякую помощь в общей борьбе против него»³⁸.

Полковник Иосиф Ильин (1885–1981), возглавлявший у Колчака штаб формирования дружин Святого Креста, 23 июня 1919 года записал свои впечатления от встречи с Янчевецким в Екатеринбурге: «Очень умный, тонкий человек; его сразу не разберешь и мыслей его не узнаешь»³⁹. Возможно, эти качества помогли ему скрывать свое белогвардейское прошлое. В мемуарах Ильин писал:

«Мы с ним [Янчевецким. – Б.С.] много говорили о Колчаке, которому он очень симпатизировал, но на положение смотрел мрачно. Очень критически говорил о чехах, которые, по его мнению, играют в руку большевиков, и не менее критически отзывался о союзниках: “Англичане уже уходят. Стоило обозначиться неудаче, и союзники быстро эвакуируются. В чем их помощь? Два-три батальона в тылу? А эта комическая батарея французов? А что делается в тылу? Вы знаете, какие восстания крестьян в Сибири? Положение Колчака тяжелое... А кто его окружает? Разве один Пепеляев – еще человек с характером, а ведь остальные – это же провинциальные чиновники, какой у них государственный опыт?”»⁴⁰

Последний дошедший до нас номер газеты «Вперед» датирован 17 октября 1919 года. Неизвестно, выходила ли газета после этого. Последний документ, касающийся службы Янчевецкого у белых, – телеграмма директора «Русского бюро печати» Александра Клафтона (1871–1920) от 16 декабря 1919 года, принятая в Иркутске: «Еду поезде Верховного правителя. [...] Эвакуирую Ново-Николаевский район пользуясь любезностью газеты “Вперед” и имея две теплушки»⁴¹. Янчевецкий в эшелоне добрался до Ачинска. Там 29 декабря 1919 года произошел взрыв двух вагонов с порохом и трех цистерн с горючим, повлекший большое число жертв. Сын Янчевецкого, Михаил, вспоминал:

«Оказавшись в какой-то момент в Ачинске, мы пережили партизанский налет. Партизаны подорвали колчаковский поезд, в котором была вся наша семья. Отец был в городе в это время, поэтому с ним ничего не случилось. А у нас все были ранены. Я был оглушен, контужен, а мне было тогда лет семь. Женя, сестра моя сводная,

38 Там же. С. 54.

39 Ильин И.С. *Скитания русского офицера: дневник Иосифа Ильина. 1914–1920*. М.: Книжница; Русский путь, 2016. С. 379.

40 Просветов И.В. *Указ. соч.* С. 56.

41 Там же. С. 60.



была ранена, Ольга Алексеевна, моя воспитательница, тоже была ранена. С нами ехала одна американка – ее разорвало на части. Все вокруг было разрушено и сгорело – весь поезд. Это был кошмар. Отец стоял со всем своим израненным семейством на перроне, все вокруг в крови, пожарище. В это время проходил поезд с Колчаком. И начальник колчаковского штаба, полковник, увидел нас, бросил отцу из окна вагона саквояж, полный денег. На них мы купили лошадь и дровни и смогли существовать какое-то время. Он нас спас, этот офицер. Отец решил тогда, что дело кончилось с Белогвардейской армией, с Колчаком. Мы поселились в Туве»⁴².

Не исключено, что про саквояж, выброшенный неким полковником из окна поезда, – красивая легенда. У Янчевецкого просто могли остаться какие-то деньги, предназначенные для издания газеты. Поскольку в Ачинске он выходил из вагона в город только в штатском, никто в городе не заподозрил в нем видного военного пропагандиста Колчака. Когда 2 января 1920 года красные заняли Ачинск, Янчевецкий в Ачинском ревкоме представился учителем из Петрограда, получил место школьного инспектора, а при первой возможности уехал подальше от Транссиба – учителем по оргнабору в Тыву (Урянхайский край)⁴³.

Лев Книппер был этническим немцем, сыном действительного статского советника Константина Книппера (1866–1924), инженера-железнодорожника, начальника технического управления Министерства путей сообщения в правительстве адмирала Колчака, а после разгрома белого Восточного фронта благополучно вернувшегося в Москву и репрессиям не подвергавшемуся. Лев Книппер служил в 6-й батарее 2-го конно-артиллерийского дивизиона Добровольческой армии Деникина, дослужился до подпоручика и вместе с Русской армией Врангеля в ноябре 1920 года эвакуировался в Галлиполи. Свою биографию периода Первой мировой и гражданской войн он вспоминал так:

«В угаре лжепатриотизма, под грузом с детства нажитых понятий и предрассудков я убежал на фронт. Меня насильно вернули в Москву и заставили окончить гимназию [частную гимназию Флерова. – Б.С.] (удивительно, что я получил тогда “золотую медаль”). Затем поступление в Московское высшее техническое училище (ныне МГТУ имени Баумана), служба вольноопределяющимся сначала в Москве в одной из войсковых запасных частей, затем опять фронт и летом 1917 года – школа в Орле, готовившая офицеров конной

42 Янчевецкий М.В. «Начальник колчаковского штаба бросил моему отцу из окна вагона саквояж, полный денег». Воспоминания о писателе Яне. Интервью Елене Чавчавадзе // Газета. 2003. 3 апреля (<https://web.archive.org/web/20070930210802/http://www.gzt.ru/culture/2003/04/03/110404.html>).

43 Просветов И.В. *Указ. соч.* С. 63–64.

артиллерии. Отъезд к родственникам на юг России; мобилизация в белую армию, дезертирство»⁴⁴.

БОРИС СОКОЛОВ

БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

Но, как полагает английский историк Энтони Бивор, на самом деле весной 1917 года Лев Книппер был выпущен из училища в чине прапорщика и всю гражданскую войну прослужил на юге России в белой армии. Когда он оказался на Галлипольском полуострове, то сумел связаться со своей теткой Ольгой Книппер (Книппер-Чеховой), которая вместе с группой актеров МХАТа под руководством Качалова гастролировала на Балканах. Она выслала племяннику деньги и пригласила присоединиться к группе. В начале 1921 года они встретились в Загребе, а в апреле вся группа получила временные советские паспорта в полпредстве в Берлине⁴⁵. В мае 1922 года, после переговоров с советскими властями, группа вернулась в Москву, причем Книппер-Чеховой удалось добиться обещания, что ее племянника не тронут⁴⁶. Как вспоминал сын Книппера, Андрей, рассказывая в интервью с Бивором об ужасах, которые тот наблюдал во время своей службы у белых, отец описывал их командира, генерала Хлудова:

«У него был тяжелый взгляд, и он ходил взад и вперед по рядам солдат, уделяя особое внимание тем, кто был насильно мобилизован. Иногда, после долгого прохождения вдоль строя, он вдруг говорил кому-нибудь из них: “У тебя в голове играют красные дьяволы!” – и расстреливал его на месте»⁴⁷.

Британский историк, очевидно, не опознал в генерале Хлудове героя булгаковской пьесы «Бег» и сцены, когда тот отправляет на казнь вестового Крапилина. Прототипом Хлудова был врангелевский генерал Яков Слащев (Слащев-Крымский). Более вероятным представляется то, что настоящих жестокостей белых Книппер не видел и придумывал их, ссылаясь на булгаковского генерала Хлудова, чтобы оправдать свое мнимое дезертирство от белых. Но не исключено, что Книппер действительно служил под началом Слащева, а его сын много десятилетий спустя по ошибке вместо Слащева упомянул восходящего к нему персонажа.

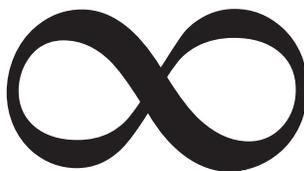
Александр Довженко в 1914 году окончил Глуховский учительский институт и начал преподавать естествознание и гимнастику, а затем физику, географию, историю во Втором Жито-

44 Финкельштейн К. *Книппер Лев Константинович – музыкант, альпинист, разведчик* (<https://tunnel.ru/post-lev-konstantinovich-knipper>); *Лев Книппер 1898–1974. Воспоминания, дневники, заметки*. М.: Советский композитор, 1980. С. 15.

45 Шверубович В. В. *О людях, о театре и о себе*. М.: Искусство, 1976. С. 153, 175.

46 BEEVOR A. *The Mystery of Olga Chekhova*. London: Penguin Random House, 2018. P. 49, 64, 76, 80, 88–91.

47 Ibid. P. 64.



мирском высшем начальном училище. В 1917 году он поступил в Киевский коммерческий институт, а в конце 1917-го вступил в армию Украинской Народной Республики.

В НКВД были прекрасно осведомлены о его службе в армии УНР. Так, в письме начальника 2-го отдела УГБ НКВД УССР, капитана П.Г. Дроздецкого, и начальника 6-го отделения 2-го отдела УГБ НКВД УССР, лейтенанта Я.Л. Герсонского, заместителю начальника особого отдела ГУГБ НКВД СССР, капитану Ф.Г. Петрову, 19 февраля 1941 года сообщалось:

«ДОВЖЕНКО Александр Петрович нами активно разрабатывается как украинский националист. В прошлом – петлюровец, благодаря связям избегнув наказания, сумел устроиться в 1921–22 гг. на ответственную работу в полпредстве УССР, сначала в Польше, а затем в Германии. Оставив в дальнейшем работу в полпредстве, поступил на учебу в немецкую художественную школу, по окончании которой вернулся на Украину»⁴⁸.

Роман Росляк свидетельствует, что в досье на Довженко НКВД УССР, начатом в конце 1920-х, отмечено, что тот служил в армии УНР. Согласно этому документу, Довженко был арестован в конце декабря 1919 года Волынской ЧК, когда пытался перейти границу между Польшей и Советской Украиной. Ему инкриминировали участие в петлюровской армии, в которую он вступил добровольно, и незаконное пересечение границы с поддельными документами на имя учителя сельской школы. 27 декабря он был приговорен к заключению в концлагерь до конца гражданской войны. Но в тот же день приговор был отменен на заседании губернского комитета Украинской коммунистической партии боротьбистов (украинских левых эсеров, объединившихся весной 1920 года с КП(б) Украины). За Довженко заступился один из лидеров боротьбистов – поэт Василий Элан-Блакитный (1893/94–1925) – который посоветовал тому вступить в их партию, что Довженко и сделал в начале 1920 года. Затем вместе с ней он влился в компартию Украины, выбыл из нее в августе 1923-го в ходе партийной чистки – и в дальнейшем не пытался восстановиться. В 1920 году Довженко преподавал историю и географию в школе красных старшин при штабе 44-й стрелковой дивизии в Житомире, а с начала 1921 года работал в представительстве Советской Украины в Польше⁴⁹.

Старшая сестра первой жены Довженко, Варвары Крыловой, рассказывала украинскому писателю Борису Антоненко-Давидовичу, как тот «в конце 1917-го или в начале 1918 года заходил

48 Горин Г. [Росляк Р.] *Кто вы, мистер «Альберт»? Александр Довженко в документах советских спецслужб. Часть третья* // Сеанс. 2019. 14 сентября (<https://seance.ru/articles/alexander-dovzhenko-donosy-3/>).

49 ROSLIAK R. *Oleksandr Dovzhenko and the Soviet Secret Police* // Images. 2023. Vol. XXXIV. № 43. P. 177–178.

к ним в серой шапке со шлыком, принадлежа к куреню Черных гайдамаков, участвовавших в штурме киевского “Арсенала”. Земляк Довженко инженер Петр Шох, позднее эмигрировавший, подтвердил, что служил вместе с ним в 1918 году в 3-м Сердючком полку Украинской армии⁵⁰. В каком чине был Довженко в армии УНР, неизвестно до сих пор. Олесь Гончар записал в дневнике 7 февраля 1994 года:

«Недавно довелось узнать, будто Довженко в чине петлюровского сотника участвовал в штурме “Арсенала”. Если это правда, можно понять, какой дамоклов меч Довженко чувствовал над собой во все последующие годы»⁵¹.

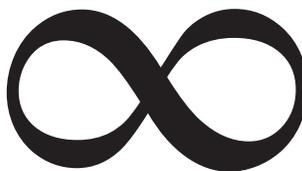
Это единственное на сегодня свидетельство о службе Довженко в армии УНР, где указан его чин. Сам Гончар узнал об этом не от Довженко, а от кого-то из общих с ним знакомых, причем уже после обретения Украиной независимости, когда такая информация уже ничем не могла повредить Довженко. Сам писатель не был вполне уверен в ее достоверности. Сомнения здесь вызывает не сам факт участия Довженко в подавлении восстания на «Арсенале», а его чин. В армии УНР сотник был третьим офицерским чином, примерно соответствующим капитану русской императорской армии. Маловероятно, что в начале 1918 года Довженко, ранее не служивший в армии, имел столь высокий чин. Возможно, что он стал сотником позднее, в 1919-м. Можно также допустить, что Довженко успел в 1917-м окончить ускоренный курс одного из киевских военных училищ. Тогда его производство в сотники вполне объяснимо. Факт же окончания военного училища по понятным причинам приходилось скрывать. Житомирский писатель Борис Дубман утверждает, что есть донос в ВЧК «какого-то Кандыбы о том, что в родительском доме в Соснице хранится фотография Александра Довженко в “гайдамацькій формі – кожусі, смушевій шапці з китицею, шаблюю на боці”, которую потом передадут в киевский музей Довженко, откуда она и исчезла»⁵². Если эта информация соответствует действительности, то сабля на боку может указывать на офицерство Довженко.

Игнатий Сосновский (Добржиньский) родился в Риге, в польской дворянской семье, успел окончить два курса историко-филологического и философского факультетов Московского университета. В конце 1918 года стал членом Польской организации войсковой под кличкой «Сверчок» (*Świerszcz*), участвовал в разоружении немецких гарнизонов в Сувалках и Гродно.

50 Тримбач С.В. *Олександр Довженко. Загибель богів. Ідентифікація автора в національному часо-просторі*. Вінниця: Глобус-Пресс, 2007. С. 39–40.

51 Гончар О.Т. *Щоденники. Т. 3 (1984–1995)*. Київ: Веселка, 2003. С. 511.

52 Дубман Б. *Юные годы Александра Довженко в Житомире* (<https://proza.ru/2012/11/14/1871>).



После обретения Польшей независимости в чине подпоручика служил офицером 2-го отдела (разведка) Генштаба Польской армии и являлся начальником разведывательного отделения в Литве и Восточной Пруссии.

С ноября 1919 года под именем Сосновского был резидентом польской разведки в Москве, где служил писарем в автоброневом дивизионе. В июне 1920-го арестован ЧК вместе со своей невестой Яной Реплинской. В августе, после допросов и бесед с главой ВЧК Феликсом Дзержинским и одним из лидеров польских коммунистов Юлианом Мархлевским, согласился служить в ВЧК. Сосновский выдал всю известную ему польскую агентурную сеть, поставив условие, что арестованные поляки не будут расстреляны, а только депортированы в Польшу. Артур Артузов (Фраучи), арестовавший Сосновского в качестве начальника оперативного отделения Особого отдела ВЧК, уже после собственного ареста в 1937 году писал:

«Дзержинский разрешил обещать Сосновскому не стрелять идейных пилсудчиков из его агентов, а выпустить в Польшу под честное слово не заниматься более шпионажем против РСФСР. На этом условии Сосновский стал давать показания. Дзержинский по делу Сосновского советовался с Лениным и счел возможным рекомендовать Польскому Бюро ЦК РКП(б) принять Сосновского в РКП(б)».

Сосновский убедил многих своих бывших агентов сотрудничать с чекистами, а сам в 1921 году вступил в РКП(б). Рекомендации ему дали члены Польского Бюро ЦК РКП(б) Феликс Кон и Юлиан Мархлевский⁵³.

Вадим Шверубович был сыном одного из ведущих актеров Художественного театра Василия Качалова (Шверубовича) и актрисы Нины Литовцевой (Левестамм). В 1919 году он окончил гимназию и вместе с родителями отправился на гастроли на юг России. Здесь в захваченном Добровольческой армией Харькове Шверубович в июле 1919-го поступил вольноопределяющимся в 12-й драгунский Стародубовский полк. Вместе с ним он проделал поход на Москву и обратное беспорядочное отступление на Северный Кавказ. Шверубович вспоминал:

«Армия начала рассыпаться. Таяла она и в боях, и от тифа, и главным образом от дезертирства. Отступили за Харьков – исчезли все харьковские, прошли Лозовую – не осталось ни одного из екатеринославских и так далее. Дивизию свели в дивизион. Всю армию переименовали в отряд. У нас от эскадрона осталась горсть в восемь человек. Офицеры уезжали в командировки (“за ремонтом”, “за пополнением”, “за огнеприпасом”) и не возвращались»⁵⁴.

53 Петров Н.В., Скоркин К.В. *Кто руководил НКВД, 1934–1941: справочник*. М.: Звенья, 1999. С. 390–391.

54 ШВЕРУБОВИЧ В.В. *Указ. соч.* С. 105.

Дальше Вадиму Шверубовичу повезло: на Кубани он заболел возвратным тифом, его эвакуировали в Екатеринодар, где в то время как раз выступала качаловская труппа. В феврале 1920 года в госпитале его случайно нашли знакомые и помогли присоединиться к труппе МХАТа. Шверубович получил паспорт на имя артиста Вадимова, работал помощником режиссера и сотрудником постановочной части, поэтому, когда качаловская труппа вернулась в Москву, власти ничего не знали о службе Шверубовича у белых.

БОРИС СОКОЛОВ
БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

ОТРАЖЕНИЕ БЕЛОГВАРДЕЙСКОГО ОПЫТА В ТВОРЧЕСТВЕ И КАРЬЕРЕ

Опыт службы в белых и национальных армиях сам по себе никак не повлиял на карьеру тех бывших белогвардейцев, которые стали советскими маршалами. На карьеру Баграмяна и Говорова, о чьей службе соответственно у дашнаков и белых было известно, повлиял не опыт, а сам факт участия в антибольшевистских вооруженных формированиях. Криптобелогвардейцы от негативного влияния такого рода были избавлены, в том числе Малиновский, белогвардейский опыт которого отразился только в его литературных произведениях (в свободное время он писал): пьесе «Подвиги жизни», где автобиографический герой Петр Степин имеет послужной список колчаковского офицера, и романе «Первая память», где автобиографический герой Иван Гринько посещает офицерское казино. Но пьеса никогда не ставилась и была забыта, а роман опубликовали только посмертно.

Сосновский во время службы в польской разведке имел в качестве противников не только большевиков, но и белогвардейцев. Поэтому в ВЧК-ОГПУ его использовали прежде всего для борьбы с белой эмиграцией. Сосновский активно участвовал в операции «Трест», направленной против монархической эмиграции, и даже возглавлял отделение ОГПУ, действовавшее против белых эмигрантов.

Книппера ОГПУ также использовала для установления контактов с белоэмигрантами, вероятно, и в целях их вербовки, для чего он неоднократно выезжал за границу, в том числе уже во время Второй мировой войны – в оккупированный СССР и западными союзниками Иран якобы для изучения местного музыкального фольклора. Что же касается музыкального творчества, то опыт службы в конной артиллерии белых отразился в наиболее известном его произведении – песне «Полюшко-поле» (1933), написанной на стихи поэта Виктора Гусева и ставшей настолько популярной, что ее считают на-



родной⁵⁵. Как и во многих других случаях, белогвардейский опыт автора апроприировался красными. Сам же Книппер всячески демонстрировал свое раскаяние за белогвардейское прошлое. В письме к Ольге Книппер-Чеховой он писал:

«Всею силою моего мозга я желаю быть истинным большевиком, а для этого мне недостает знания. Ничто не может избавить меня от чувства вины перед партией и советским строем за годы гражданской войны. Для меня моя личная жизнь, мое творчество, абсолютно все переплетается с жизнью партии»⁵⁶.

Тихонов активно использовал личный белогвардейский опыт в своих лучших сборниках «Орда», «Брага» и в стихотворении «Атака под Роденпойсом»⁵⁷. Перед поэтом стояла очень непростая задача – приспособить стихи под свою выдуманную биографию. В отличие от других бывших белогвардейцев, Тихонов не пытался заменить белых героев на красных, а оставил свои стихи в том виде, в каком они создавались во время его службы в белых армиях. Их герои амбивалентны, их нельзя определенно отнести к белой, красной или какой-либо иной стороне. А в стихотворении «Да, чужда мне, чужда Нева...», впервые опубликованном в альманахе «Пчелы» (Берлин, 1923) и в том же году републикованной в Москве во второй книге альманаха «Недра», Тихонов осмелился осуждать красный террор и пытки взятых в плен офицеров:

Тело бросили в долгий гон,
Но нельзя же годами в бреду
Вместе с кожей срезать погон
Иль на лбу вырезать звезду⁵⁸.

Возможно, до Тихонова дошли слухи, будто бы в Ямбурге чекисты пленных офицеров и солдат Северо-Западной армии, его соратников по походу на Петроград, казнили, сажая на кол⁵⁹. И он наверняка знал, что в освобожденном от красных Харькове Добровольческая армия при эксгумации жертв ЧК обнаружила, что «на трупах бывших офицеров [...] были вырезаны ножом или выжжены огнем погоны на плечах, на лбу – советская звезда, а на груди – орденские знаки»⁶⁰. Об этом эпизоде много писали в 1919–1920 годах в денкинских и врангелевских газетах. Стихотворение Тихонова близко к стихотворению Максимилиана Волошина «Терминология» (1921)

55 GAÏDAMOVITCH T. A. *Lev Konstantinovich Knipper*. Paris: Chant du Monde, 2006. P. 12, 14.

56 Финкельштейн К. *Указ. соч.*

57 См.: Соколов Б. *Социалист во стане белых воинов?* С. 31–36, 54–55, 62–65.

58 Тихонов Н. С. *100 стихотворений*. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2024. С. 106.

59 Жевахов Н. Д. *Воспоминания товарища Обер-Прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова*. Т. 2: Март 1917 – Январь 1920. Новый Сад, 1928. С. 190.

60 Там же. С. 185.

и опубликованного в 1923-м во втором номере журнала «Новая русская книга» (Берлин). Там тоже обыгрывалась чекистская терминология: «шили погоны», «кроили лампасы»⁶¹.

У Катаева амбивалентность, противопоставление на равных белых и красных, присутствует в стихотворении «Современник», опубликованном в 1922 году в журнале «Россия»⁶².

И в гром погромов, в перья, в темь,
В дуэли бронепоездов:
– Полжизни за Московский кремль!
– Полцарства за Ростов!

Читатели, вероятно, были уверены, что Катаев находился на том бронепоезде, где кричали «Полцарства за Ростов!» – неофициальную столицу деникинских Вооруженных сил Юга России, – тогда как в действительности он был на деникинском бронепоезде и, возможно, сам слышал «Полжизни за Московский кремль!»⁶³.

У Иванова белогвардейский опыт отразился прежде всего в «Партизанских повестях» и особенно в «Бронепоезде 14-69», где белые представлены как сугубо отрицательные персонажи. Работу в белогвардейской газете «Вперед» ему всерьез поставили в вину в 1939 году и не стали выдвигать кандидатом в депутаты Моссовета, в связи с чем Иванову пришлось писать покаянное письмо Сталину. Но в службе на белом бронепоезде его не уличили⁶⁴.

Леонов отразил свой белогвардейский опыт в повести «Белая ночь» (1928), где показал разложение белой армии на Северном фронте. Но в целом белый период не сыграл значительной роли в его творчестве.

Для Лавренева белогвардейский опыт оказался более значим. Белогвардейцы обильно представлены в его повести «Ветер» (1924) – как отъявленные мерзавцы и сочувствия не вызывают (за исключением перешедшего на службу к красным ротмистра). В этом же качестве белые фигурируют в «Рас-

БОРИС СОКОЛОВ

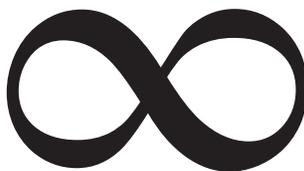
БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

61 Волошин М.А. *Собрание сочинений*. М.: Эллис Лак, 2003. Т. 1. С. 344. Строки из этого стихотворения Сергей Мельгунов поставил эпиграфом к своей книге о красном терроре (Мельгунов С.П. *Красный террор в России*. Нью-Йорк: Brandy, 1979. С. 87). Вероятно, большинство современников полагали, что Тихонов в своем стихотворении осуждает как красный, так и белый террор, предполагая, что погон на плечах как символ белых вырезали красные, а звезду на лбу, как символ красных, – белые. И только те, кто служил в белых армиях Юга России, понимали, что речь в стихотворении идет только о красном терроре. Скорее всего подобное амбивалентное восприятие стихотворения Тихонова способствовало тому, что оно все-таки было републиковано в СССР, тогда как стихотворение Волошина, где действительно осуждался как красный, так и белый террор (строчка «Правду выпытывали из-под ногтей») относилась к председателю Одесской ЧК Северному (Б.С. Юзефовичу), которого именно так пытали белогвардейцы⁶¹, так и не было опубликовано в СССР при жизни автора.

62 КАТАЕВ В.П. *Собрание сочинений: В 10 т.* М.: Художественная литература, 1984. Т. 10. С. 640.

63 Соколов Б.В. «Белым был – красным стал». С. 129–130.

64 Там же. С. 136–140.



сказе о простой вещи» (1924) и в «Седьмом спутнике» (1927). А вот в «Сорок первом» (1924) никакого снижения или окрикатуривания белогвардейцев нет. Поручик Говоруха-Отрок оказывается способен вызвать любовь преданной революции девушки-бойца Марютки и сам полюбить ее. Но чувство долга оказывается выше любви, и Марютка убивает возлюбленного, когда белые пытаются освободить его, и тем самым обрекает себя на верную гибель, которая, однако, остается за пределами повествования. Лавренев утверждал:

«В образ Марютки целиком вошла девушка-доброволец одной из частей Туркфронта Аня Власова, часто бывавшая в редакции “Красной звезды” со своими необычайно трогательными, но нелепыми стихами, которые мной и цитированы без изменений в повести. А Говоруха-Отрок – такой же реальный поручик, захваченный одним из наших кавалерийских отрядов в приаральских песках. Я и свел этих персонажей вместе, придумав робинзонаду на острове Барса-Кельмес»⁶⁵.

Но, по всей вероятности, он привнес в этот образ и какие-то собственные черты в период службы у белых. А свою самую известную пьесу «Разлом» (1927) Лавренев начинает с рассказа о жестокости революционной стихии – о жуткой расправе матросов над офицером. Главный отрицательный герой пьесы лейтенант Штубе сообщает:

«Вы помните, Софья Петровна, Домбровского? [...] Так вот я сейчас прочел, что этого милого мальчишку в Севастополе пьяная матросня швырнула в топку “Императрицы Екатерины”... Вытащили косточки. [...] Сказать, что человека швырнули в топку корабля, – это безобразие?.. А сделать это, видимо, не безобразие»⁶⁶.

Газетный рассказ о расправе над офицером неслучайно передан отрицательному герою, что должно заставить зрителей засомневаться в его достоверности. А финальная расправа матросов над самим Штубе выглядит оправданной, так как он активный контрреволюционер, пытавшийся взорвать крейсер «Заря» (прототип – «Аврора»). И убивают его не так зверски, как Домбровского – не сжигают в топке живым, а топят в море.

Ян отразил свой опыт гражданской войны в ранних произведениях – пьесах «Нита. Драма из эпохи Омского переворота адмирала Колчака», поставленной в феврале 1923 году в Минусинске, «Красноармейская звезда» и «Невеста красного партизана», поставленных в том же году, рассказах «Партизанская выдержка, или Валенки летом» (1922) и «Загадка озера Каранор» (1929). Пьесы были обычными агитками. В «Ните» на

65 Огрызко В. Указ. соч.

66 Лавренев Б.А. *Собрание сочинений: В 6 т.* М.: Художественная литература, 1984. Т. 5. С. 73–74.

сцене появлялся адмирал Колчак и заявляет: «Вы хотите, чтобы я отвечал за всех! Довольно таких беззаконий!» Своей возлюбленной Анне Ратмировой (ее прототип – Анна Тимирева) Колчак жалуется: «Все меня рвут со всех сторон... Моим именем действуют, от моего имени говорят». А главной героине, принимая от нее прошение за невинно арестованного студента, ее возлюбленного, адмирал замечает: «Без причин смертного приговора не вынесут»⁶⁷. Похоже, Ян даже в советской агитке попытался представить трагедию лично ему симпатичного в прошлом адмирала Колчака, взвалившего непосильную ношу, и потому погубившего и свое дело, и собственную жизнь.

В детской пьесе Яна «Красноармейская звезда» белых не было, а в «Невесте красного партизана», судя по рецензии в минусинской газете «Власть труда», «автор смело задумал передать символически всю жизнь и тлю старой “единой и неделимой” Святой Руси и автономной Сибири с ее выскочкой Колчаком, и красную торжествующую победу над белобандитами»⁶⁸. Тем не менее пьесы Яна были забыты, а «партизанские» рассказы остались на периферии творчества. Прославили же его исторические романы и повести, многократно переиздававшиеся.

Иогансон стал известным благодаря своей картине «Допрос коммунистов» (1933), позже объявленной эталоном социалистического реализма. Возникновение художественного решения полотна, заказанного Реввоенсоветом к 25-летию в Музее Красной армии, автор описывает так:

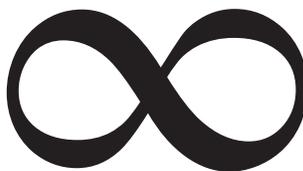
«Мое внимание привлекли выставленные в витринах [музея] фотографии наших комиссаров, боровшихся на фронте гражданской войны, и белых офицеров, в особенности Анненкова. Какой разительный контраст лиц! Мужественные честные лица одних, борющихся за счастье человечества, и дряблые физиономии, зверские рожи других – бандитов, веками душивших и вешавших борцов за социализм. Рождается образ: изба, замороженное окно, стоящие на допросе большевики и допрашивающие белобандиты. Причем если бы я впал в карикатурный трафарет, изображая белых, то картина не получилась бы. Необходимо изобразить их так, каковы они есть, и образ тогда будет наиболее сильным и доходчивым; опасно было бы впасть в ходульность в изображении как одной, так и другой стороны»⁶⁹.

Трудно сказать, действительно ли Иогансон вдохновился посещением музея или опирался на собственные воспоминания.

67 Просветов И. *Указ. соч.* С. 69.

68 Там же. С. 78. У местной ЧК могли возникнуть подозрения, откуда простой школьный учитель так хорошо знает Колчака и его окружение, и в сентябре 1923 года, через месяц после премьеры «Невесты красного партизана», воспользовавшись командировкой в Москву, Ян навсегда покинул Сибирь.

69 Моргунов Н.С. *Указ. соч.* С. 41–42.



Не исключено, что ему довелось служить у своего полного тезки – атамана, генерал-майора Бориса Владимировича Анненкова, командующего отдельной Семиреченской армией, – или у кого-то из других белоказачьих генералов. Во всяком случае один из двух изображенных на картине генералов – это казачий генерал в серой черкеске, обычной для сибирских казаков, и он отдаленно похож на Анненкова.

Довженко впервые затронул тему гражданской войны в фильме «Звенигора» (1927), который и принес ему настоящую известность. Одним из соавторов сценария был Юрий Тютюнник – бывший генерал-хорунжий армии УНР, вынужденно перешедший на сторону советской власти после того, как в 1923 году чекисты заманили его в ловушку. Это, однако, не спасло бывшего генерала от расстрела в 1930-м. В «Звенигоре» речь идет о тысячелетней истории Украины. Петлюровцы изображены в фильме крайне негативно, а один из главных героев, петлюровец Павло, показан бездельником, бандитом и диверсантом.

В следующем фильме «Арсенал» (1929) Довженко опирался уже на собственный опыт, но восставших рабочих сделали непобедимыми героями, а петлюровцев – мелкими злодеями. Близкий друг Довженко, писатель Олесь Гончар, утверждал, что ни разу не слышал от того ни одного доброго слова про фильм «Арсенал»⁷⁰. По его свидетельству, когда Довженко показал фильм писателю Миколе Хвылевому (Фитилеву), драматургу Миколе Кулишу и другим деятелям украинской культуры, «они фильм не приняли (особенно критику Директории), и отсюда начало глубокого конфликта (“Сашко, зачем ты это сделал, ты ж сам там был”)⁷¹». В отличие от Тихонова и Катаева, Довженко не делает свой опыт амбивалентным, а просто меняет оценки противоборствующих сторон на противоположные. Еще более карикатурными петлюровцы стали в «Щорсе» (1939), за который режиссер получил Сталинскую премию 1-й степени, и останавливаться он не собирался. 25 июня 1941 года агент НКВД «Альберт» (Григорий Зельдович – редактор Комитета по делам кинематографии при СНК СССР) привел слова Довженко, сказанные «в присутствии очень многих»:

«Я хочу написать сценарий (короткометражку), в которой показать парашютиста-петлюровца, который спускается возле родного села в момент, когда его мать отправляет его братьев в Красную армию. Он пытается агитировать, но его убивают»⁷².

Насколько известно, этот замысел не был реализован. Украинский биограф Довженко Сергей Тримбач пишет:

70 Гончар О.Т. *Указ. соч.* С. 369.

71 Там же. С. 544.

72 Горин Г. [Росляк Р.] *Указ. соч.*

«Довженко, как и немалое количество украинских интеллектуалов двадцати лет, верил, что можно совместить силу и мощь большевистской идеи и украинскую натуру. Он, как и многие ровесники, обжегшись на поражении украинцев в годы гражданской войны, сделал ставку на силу и на то, что эта сила большевика поможет воскресить Украину и украинскую культуру как таковую. Он ошибся»⁷³.

Некоторые из упомянутых здесь бывших белогвардейцев были знакомы друг с другом. Малиновский и Иванов встречались еще у белых, но неизвестно, возобновили ли они знакомство. Но даже если и возобновили, это могло произойти только после Великой Отечественной войны. Тихонов и Катаев дружили и, вероятно, знали о белогвардейском прошлом друг друга. Иванов и Ян были знакомы по работе в газете «Вперед», и Иванов содействовал вхождению Яна в советскую литературу. Малиновский, став министром обороны, оказывал определенное покровительство Баграмяну: по его рекомендации последний в июне 1958 года был назначен заместителем министра обороны СССР (начальником тыла) и ушел с этого поста уже после смерти Малиновского. Но нет доказательств, что Малиновский помогал Баграмяну из-за его антибольшевистского прошлого. В целом же бывшие белогвардейцы не образовывали какой-то сплоченной группировки в советской элите, да и вряд ли это было возможно, когда многим из них приходилось скрывать прошлое.

РЕПРЕССИИ И РАЗОБЛАЧЕНИЯ

Серьезным репрессиям из-за белогвардейского прошлого подверглись двое из семнадцати героев этой статьи. Сосновский был арестован 23 ноября 1936 года, став одной из первых жертв «польской операции» НКВД. Его погубили национальность, высокий пост в НКВД и прошлая служба в польской разведке. С таким «букетом» шансов уцелеть не было. Сосновский был осужден 15 ноября 1937-го в «особом порядке» за «шпионаж и участие в контрреволюционном заговоре в органах НКВД» и в тот же день расстрелян. В 1958 году его реабилитировали.

Зубов, как бывший офицер-белогвардеец, в 1924 году был сослан в город Чердынь на Северном Урале, где провел четыре года. Не успел он вернуться из ссылки, как в 1930-м был арестован по делу «Промпартии» и около года находился в Бутырской тюрьме в Москве, но был освобожден без предъявления обвинения⁷⁴. Эти репрессии, безусловно, серьезно осложнили

73 Тримбач С. *Довженко – це міф!* (<https://web.archive.org/web/20071112144225/http://www.telekritika.ua/daidzhest/2006-11-24/7845>).

74 *Могила Н.Н. Зубова* // Новодевичье кладбище (<https://novodevichye.com/zubov/>).



ему жизнь, но, в конечном счете, не воспрепятствовали научной карьере.

Остальные, если и подвергались репрессиям, то не в связи со своим белогвардейским прошлым. Тихонов в автобиографии 1922 года упоминал, что сидел в ЧК⁷⁵. Как нам представляется, арест был связан с «заговором Таганцева» (1921) и произошел из-за близости поэта к Николаю Гумилеву, однако довольно быстро Тихонова отпустили.

Баграмян в связи со своим дашнакским прошлым в 1938 году был уволен из Академии Генштаба, не получив диплома, и из Красной армии, так как вышестоящие инстанции сочли, что его «невозможно использовать по службе Генерального штаба». Тем не менее в 1939-м, в период «бериевской оттепели», он был восстановлен на службе⁷⁶.

В мае 1942 года войска Юго-Западного направления, начальником штаба которого был Баграмян, были разгромлены под Харьковом, потеряв 240 тысяч только пленными. Виновиком харьковской катастрофы и последующего отступления Сталин объявил Баграмяна в таких выражениях:

«[Баграмян] не удовлетворяет Ставку не только как начальник штаба, призванный укреплять связь и руководство армиями, но не удовлетворяет Ставку даже и как простой информатор, обязанный честно и правдиво сообщать в Ставку о положении на фронте. Более того, т. Баграмян оказался неспособным извлечь урок из той катастрофы, которая разразилась на Юго-Западном фронте. В течение каких-либо трех недель Юго-Западный фронт благодаря своему легкомыслию не только проиграл наполовину выигранную Харьковскую операцию, но успел еще отдать противнику 18–20 дивизий»⁷⁷.

Баграмян тогда был понижен до начальника штаба армии, но в таком решении Сталина свою роль сыграло, вероятно, дашнакское прошлое, а скорее даже просто национальность Баграмяна. Как раз с февраля 1942 года вермахт начал формировать из военнопленных и с участием эмигрантов армянский легион под командованием бывшего генерала армянской армии Драстамата Канаяна (Дро) – последнего военного министра дашнакского правительства и бывшего начальника Баграмяна. Возможно, Сталин подозревал, что в случае ухудшения военной обстановки Баграмян может перейти на сторону противника и присоединиться к легиону. Уверенности в этом не было, иначе Баграмяна расстреляли бы, а Сталин еще надеялся ис-

75 См.: Соколов Б. *Соцреалист во стане белых воинов?* С. 58.

76 ЛАЗАРЕВ С.Е. *Указ. соч.* С. 39–40.

77 Сталин И.В. *Директивное письмо Военному Совету Юго-Западного фронта 26 июня 1942 года* // Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 45–46.

пользовать его как военачальника, поэтому на всякий случай понизил его, чтобы в случае предательства ущерб был меньше.

Катаев, о чьей службе у белых в то время не было известно, в марте 1920 года был арестован в Одессе по делу о контрреволюционном заговоре «на маяке» и вместе с младшим братом Евгением (Петровым) просидел в ЧК полгода под угрозой расстрела. Они были освобождены в сентябре хлопотами одесского чекиста Якова Бельского (Биленкина) и сотрудника губвоенкомата П.П. Туманова⁷⁸.

Шверубович в годы Великой Отечественной войны ушел в московское ополчение, попал в плен, бежал, участвовал в движении Сопротивления в Италии, по возвращении в СССР после войны был арестован как бывший пленный, но вскоре освобожден благодаря хлопотам отца и уже в ноябре 1945 года вернулся домой⁷⁹.

Малиновский репрессий избежал, но был на подозрении, в том числе из-за своей польской фамилии. Перед самым вступлением Красной армии в Восточную Польшу 17 сентября 1939 года Малиновский был спешно перемещен с поста помощника армейского кавалерийского инспектора по оперативному отделу штаба Белорусского фронта на должность старшего преподавателя Академии имени Фрунзе. Возможно, Сталин сомневался, что Малиновский будет с энтузиазмом сражаться против поляков. Но самый опасный для Малиновского момент наступил в конце 1942-го – начале 1943 года, когда он командовал 2-й гвардейской армией под Сталинградом. Еще в августе 1942-го адъютант Малиновского, тогда командовавшего 66-й армией, капитан Александр Сиренко, перешел линию фронта будто бы для создания партизанского отряда. Донесение об этом Сталин получил только в конце декабря в связи с самоубийством в ночь на 27 декабря генерал-майора Иллариона Ларина – члена Военного Совета 2-й гвардейской армии, которой командовал Малиновский (шофер Ларина также ушел вместе с Сиренко). Ларин оставил записку: «Я ни при чем. Прошу не трогать мою семью. Родион – умный человек. Да здравствует Ленин»⁸⁰. Сталин заподозрил, что Малиновский и Ларин направили через фронт близких к себе людей, чтобы договориться о переходе к немцам, и поэтому приказал Хрущеву следить за Малиновским и в случае чего принять крайние меры, вплоть до ареста или даже физической ликвидации. Хрущев не только убедился в лояльности Малиновского, но

78 См.: Киянская О.И., Фельдман Д.М. *Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920–1930-х годов. Портреты и скандалы*. М.: Форум, 2015. С. 151–180.

79 Литвин М. *Дар великого завпоста. К 120-летию со дня рождения В.В. Шверубовича // Сцена*. 2021. № 1 (<https://the-stage.ru/articles/dar-velikogo-zavposta/>).

80 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 83. Оп. 1. Д. 19. Л. 8.



и очень сблизился с ним, даже подружился. И уже в феврале по рекомендации Хрущева Сталин назначил Малиновского командующим Южным фронтом⁸¹.

Ян в 1921 году был по доносу арестован в Урянхайском крае (Тува), но по требованию одного из создателей Тувинской Народной Республики – Иннокентия Сафьянова – освобожден без каких-либо последствий⁸². Его родной брат Дмитрий, который в 1919 году в Полтаве редактировал белогвардейскую газету «Голос юга», о чем было известно в НКВД, в 1927-м был приговорен к десяти годам заключения в Соловецком лагере за участие в контрреволюционной организации и агитацию против советской власти. Его освободили в 1933-м, но уже в 1938-м Дмитрий Янчевецкий был расстрелян⁸³. Вероятно, Яна ждала та же участь, если бы в НКВД узнали, что он редактировал газету «Вперед». Сын Яна Михаил был арестован и, по его словам, «угодил в 1949 году за неосторожно сказанное слово» в воркутинские лагеря. Освободившись 22 мая 1954-го, он еще успел встретиться с отцом незадолго до его смерти⁸⁴.

Довженко не подвергался непосредственно репрессиям, но 31 января 1944 года на заседании Политбюро Сталин подверг его сценарий «Украина в огне» уничтожающей критике, обвинив режиссера в национализме:

«Нетерпимой и неприемлемой для советских людей является откровенно националистическая идеология, явно выраженная в киноповести Довженко. Так, Довженко пишет:

“Помните, на каких бы фронтах мы сегодня ни бились, куда бы ни послал нас Сталин – на север, на юг, на запад, на все четыре стороны света, – мы бьемся за Украину! Вот она дымит перед нами в пожарах, наша мученица, родная земля! Мы бьемся за то, чему нет цены в мире, – за Украину!

– За Украину! – тихо вздохнули бойцы.

– За Украину! – за честный украинский народ! За единственный сорокамиллионный народ, не нашедший себе в столетиях Европы человеческой жизни на своей земле. За народ растерзанный, расщепленный! – Кравчина на мгновение умолк и словно не сказал дальше, а подумал вслух:

– Скажите, можем ли мы, сыны украинского народа, не презирать Европу за все эти столетия?”

81 Поболь Н., Полян П. *Сталин и Хрущев. Никита не только потешал тирана, но и пытался спасти сотню тысяч жизней* // Новая газета. 2009. 9 февраля (<https://novayagazeta.ru/articles/2009/02/09/43976-stalin-i-hrushev>); Хрущев Н.С. *Время. Люди. Власть. Воспоминания: В 4 кн.* М.: Московские новости, 1999. Кн. 1. С. 440–441.

82 ВЕРЕЩАГИНА Т. *Михаил Янчевецкий: Я сделал в жизни главное – выполнил свой сыновний долг* // Центр Азии. 2001. № 18 (<http://www.centerasia.ru/issue/2001/18/4983-mikhail-yancheveckiy-ya-sdelal-v-zhizni.html>).

83 *Сталинские списки: список лиц от 12 сентября 1938 года. Ярославская область. Бессмертный барак* (https://bessmertnybarak.ru/article/stalin_spisok_337/).

84 Фомин С.В. *Василий Ян и Звенигород* (<https://sergey-v-fomin.livejournal.com/437733.html>).

Ясно, насколько несостоятельны и неправильны такого рода взгляды. Если бы Довженко хотел сказать правду, он должен был бы сказать: куда ни пошлет вас Советское правительство – на север, на юг, на запад, на восток, – помните, что вы бьетесь и отстаиваете вместе со всеми братскими советскими народами, в дружестве с ними наш Советский Союз, нашу общую Родину, ибо отстоять Союз Советских Социалистических Республик значит отстоять и защитить и Советскую Украину. Украина, как самостоятельное государство, сохранится, окрепнет и будет расцветать только при наличии Советского Союза в целом».

Ровно год спустя Довженко записал в дневнике:

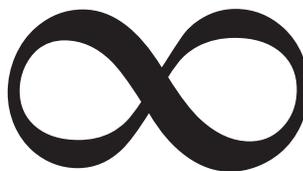
«Сегодня годовщина моей смерти. Тридцать первого января 1944 года я был привезен в Кремль. Там меня разрубили на куски, и окровавленные части моей души разбросали на позор и отдали на поругание на всех сборищах. Все, что было злого, недоброго, мстительного, все топтало и поганило меня. Я держался год и пал. Мое сердце не выдержало тяжести неправды и зла. Я родился и жил для добра и любви. Меня убили ненависть и зло великих как раз в момент их малости»⁸⁵.

После разноса на Политбюро Довженко сняли с поста художественного руководителя Киевской киностудии и назначили режиссером «Мосфильма». Сталин как будто сменил гнев на милость и за проходной фильм «Мичурин» дал так и не показавшемуся публично Довженко Сталинскую премию 2-й степени, а в 1950 году разрешил присвоить ему звание народного артиста РСФСР. Но и «Мичурин», и так и не заверченный из-за политической конъюнктуры фильм «Прощай, Америка» на голлову уступали более ранним фильмам Довженко.

У тех, кто не мог скрыть своей службы в антибольшевистских армиях, возникали проблемы со вступлением в партию. Баграмян смог стать кандидатом в члены ВКП(б) только 10 сентября 1939 года, а членом партии – два года спустя, Говоров вступил в партию в 1942-м, Иогансон – в 1943-м. Довженко, выбывший из партии в 1923-м, так и не смог в ней восстановиться. Криптобелогвардейцы вообще старались в партию не вступать, чтобы не подвергаться дополнительной проверке. Если они становились членами КПСС, то уже в постсталинское время: Катаев – в 1958 году, Александров – в 1961-м. Исключением был Малиновский, вступивший в ВКП(б) еще в конце 1920-х, поскольку в армии членство в партии давало значительные карьерные преимущества.

Разоблачения белогвардейского прошлого представляли угрозу для криптобелогвардейцев только в сталинский период, до

85 Сталин И.В. *Об антиленинских ошибках и националистических извращениях в киноповести Довженко*. Музей ЦСДФ (<https://csdfmuseum.ru/articles/140-украина-в-огне>).



Великой Отечественной войны. Но, когда Иванов и Катаев признались в службе у белых, никакой серьезной реакции не последовало. В 1948 году МВД доложило Сталину, что Говоров соврал о том, что был произведен в подпоручики еще в старой армии, тогда как в действительности этот чин он получил у Колчака за отличие, но никаких негативных последствий для маршала это разоблачение не имело⁸⁶. Так же никакой реакции со стороны послесталинского руководства не последовало, когда первая жена Малиновского донесла в 1954 году, что тот был офицером, а такой чин он мог получить только у Колчака. И тем более никакой реакции не было, когда в 1981 году в ФРГ было опубликовано письмо Катаева Бунину, доказывающее его службу на деникинском бронепоезде.

В послесталинское время служба у белых перестала считаться компроматом. В 1959 году она уже упоминалась в официальной биографии Иогансона, а в мемуарах Шверубовича (1976) рассказывалось о его участии в походе Добровольческой армии на Москву. Впрочем, в иных случаях упоминание белогвардейского прошлого оказывалось нежелательным. Так, судя по роману «Угол падения» (1967), посвященному походу Юденича на Петроград, Всеволод Кочетов догадался о белогвардейском прошлом Тихонова, однако, даже имея репутацию *enfant terrible* советской литературы, он не рискнул начать публичную атаку на последнего. Заменять Тихонова в руководстве Советского комитета мира никто не собирался – даже после его смерти адекватного преемника так и не нашли. Зато самого Кочетова за попытку дискредитировать Тихонова наверняка сняли бы с поста главного редактора журнала «Октябрь». Вообще сокрытие социального происхождения, что приходилось делать большинству бывших белогвардейцев, среди советских руководителей большим грехом не считалось. Например, Хрущев, всю жизнь писавший в анкетах и автобиографиях, что он сын крестьянина-бедняка, ставшего шахтером, уже на пенсии признался одному из охранников, что его отец был инженером-энергетиком рудоуправления⁸⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Почти все представители советской элиты, имевшие белогвардейское прошлое, сохранили свой статус до конца жизни. Единственной жертвой Большого террора стал Сосновский, но,

86 Ганин А. *Маршал Говоров под прицелом «белогвардейского» компромата* // Родина. 2024. № 7. С. 110–112.

87 Комаров С. *Как сохранить первое лицо* // МК.ru. 2008. 25 сентября (www.mk.ru/old/article/2008/09/25/21370-kak-sohranit-pervoe-litso.html).

как было сказано выше, причинами его гибели стали работа в НКВД и польская национальность. Сосновский был едва ли не единственным примером, когда офицер разведки антибольшевистской армии, не скрывавший своего прошлого, смог достичь высокого положения в НКВД. Обычно бывшие белогвардейцы не были представлены в партийной и хозяйственной номенклатуре, поскольку для этого требовалось достаточно раннее вступление в партию, что даже для криптобелогвардейцев было практически невозможно.

Зато опыт и образование бывших белогвардейцев оказались востребованы в военном деле (Малиновский, Баграмян, Говоров), науке (Александров, Зубов), литературе (Тихонов, Катаев, Иванов, Лавренев, Леонов, Ян), драматургии и театральной деятельности (Погодин, Шверубович), живописи (Иогансон), кинематографе (Довженко), музыке (Книппер). Только в этих сферах они могли сделать карьеру, где на руку им играло то, что в формирующейся советской элите была нехватка образованных и талантливых людей, тогда как прежняя элита была истреблена или оказалась в эмиграции. В сфере литературы и искусства власть привлекало сочетание у бывших бойцов антибольшевистских армий таланта и готовности следовать в той или иной мере принципам социалистического реализма. Порой при этом приходилось идти против своей совести. Так, Тихонов, ранее друживший с Пастернаком, председательствовал на заседании, на котором автора «Доктора Живаго» (отсутствовавшего на этом собрании) исключили из Союза писателей СССР. Тем не менее Тихонова Пастернак «любил [...] до конца своей жизни»⁸⁸.

За возможность реализовать свой талант приходилось платить свободой творчества и принятием чуждой идеологии. Впрочем, возвращение в 1930-е Сталина к открытому выражению имперской идеологии, от чего не отказались и его преемники, во многом примирило большинство бывших белогвардейцев с советской властью, хотя стало неприятным сюрпризом для того же Довженко.

БОРИС СОКОЛОВ

БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

88 Табидзе Н. *Радуга на рассвете* // Пастернак Б.Л. *Полное собрание сочинений с приложениями: В 11 т.* М.: Слово, 2005. Т. 11. С. 331.



«Я думаю об этом времени»

Письмо советского писателя Владимира Канторовича секретарю ЦК КПСС Петру Демичеву

ОТ ПУБЛИКАТОРА



Павел Сергеевич Глушаков (р. 1976) – историк литературы (Рига, Латвия). Автор книг «Шукшин и другие» (2018), «Мотив – структура – сюжет» (2020), «Текст – смысл – диалог» (2023), «Фрагменты» (2023).

В архиве писателя Владимира Яковлевича Канторовича (1901–1977) сохранилось письмо, направленное им в 1967 году на имя секретаря ЦК КПСС Петра Ниловича Демичева (1918–2010). В этом послании писатель обращает внимание на засилье цензуры и скованность творческой инициативы. Посылая это письмо, Канторович не мог не понимать, что такого рода обращения (индивидуальные, коллективные, открытые¹) во множестве поступают в высокие инстанции, однако у писателя, видимо, была еще вера в действенность подобного рода жестов.

Примерно в то же время (январь 1967-го) в дневнике Александра Твардовского появляется знаменательная запись, касающаяся задуманного им письма к Леониду Брежневу:

«Ясно, что так-таки бросить затею “исторического письма” не удастся, не выходит. Оно необходимо в первую очередь для самого себя и во многих других смыслах, хотя, конечно, оно не поправит дела. Но пусть его прочтут хотя бы на третьем этаже – а там прочтут-таки несомненно, пусть оно останется в копиях, подшитых в “дела” и там, и в Союзе писателей, и в редакции, и у меня, наконец. Оно

1 См.: Розенблюм О. «Дискуссий не было...»: открытые письма конца 1960-х годов как поле общественной рефлексии // Новое литературное обозрение. 2020. № 4(164). С. 38–51.

АРХИВ «НЗ»



должно разъяснить картину, дать удовлетворение тем, кого я оставляю или подвергаю своим уходом многим еще неизвестным испытаниям. Оно должно лишить людей, ответственных за операцию по разгрому журнала, малейшего чувства правомерности – моральной и всяческой – содеянного, должно быть залогом того, что история-то будет иметь и этот материал при пересмотре нынешних акций высокодумной политики. Словом, нужно писать, и, между прочим, это единственно возможное для меня в эти дни занятие, в эти дни, когда я не работаю в редакции и вишу “подвешенным”, как выразился Сурков, за “первичные половые органы”»².

Письмо, написанное Канторовичем, «наверху» прочитали. Оно и подобные ему обращения³ сделали свое дело: 7 января 1969 года появилось постановление секретариата ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара» с «прогрессивным» выражением «социалистическая демократия» в преамбуле:

«ЦК КПСС отмечает, что в современных условиях дальнейшего укрепления и развития социалистического общества, расширения социалистической демократии, значительно возрастает роль средств массовой информации, литературы и искусства в формировании мировоззрения, повышении политического и культурного уровня советского народа. [...]

Между тем отдельные авторы, режиссеры и постановщики отходят от классовых критериев при оценке и освещении сложных общественно-политических проблем, фактов и событий, а иногда становятся носителями взглядов, чуждых идеологии социалистического общества. Имеются попытки односторонне, субъективистски оценить важные периоды истории партии и государства, в критике недостатков выступать не с позиций партийной и гражданской заинтересованности, а в роли сторонних наблюдателей, что чуждо принципам социалистического реализма и партийной публицистики. [...]

2 Твардовский А. Т. *Новомирский дневник*. М.: Прозаик, 2009. Т. 2. С. 14.

3 См., например, запись беседы Твардовского с Никитой Хрущевым 20 октября 1962 года: «Отсюда я – к вопросу (второму в моем плане-памятке, затверженной перед этой беседой) о цензуре. Все по схеме, выработанной мной в многократных дружеских изъяснениях в своем кругу, т.е.:

– “Современник” Некрасова и правительство Николая I или Александра II – два разных, враждебных друг другу лагеря. Там цензура – дело естественное и само собой разумеющееся. А например, “Новый мир” и советское право – это один лагерь. Я, редактор, назначен ЦК. Зачем же надо мной еще редактор-цензор, которого заведомо ЦК никогда не назначил бы редактором журнала – по его некомпетентности, а он вправде, этот редактор над редактором, изъять любую статью, потребовать таких-то купюр и т.п.

И, главное, хотя функции этих органов (Главлита) ограничены обеспечением соблюдения государственной и военной тайны, они решительно вмешиваются в область собственно литературную («почему такой грустный пейзаж» и т.п.) и часто берут на себя как бы осуществление литературной политики партии, опираясь, например, на постановление ЦК о “Звезде” и “Ленинграде” (“Зощенко”), которое, в сущности, уже изжито, снято самим ЦК, который давно уже не только разрешил издавать Зощенку и Ахматову, но всем духом и стилем руководства литературой отошел от этого постановления (“диктат”).

– Я с вами совершенно согласен» (Там же. Т. 1. С. 124–125).



Некоторые руководители издательств, органов печати, радио, телевидения, учреждений культуры и искусства не принимают должных мер для предотвращения выпуска в свет идейно ошибочных произведений, плохо работают с авторами, проявляют уступчивость и политическую беспринципность в решении вопросов о публикации идейно порочных материалов. Отдельные руководители идеологических учреждений пытаются переложить собственную ответственность в этом отношении на Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР. [...]

Рекомендовать творческим союзам и их партийным коллективам разработать систему мер, предусматривающих повышение общественной ответственности работников литературы и искусства за идейную направленность и художественное мастерство произведений».

В переводе с бюрократического языка это означало, что вектор контроля направляется «на места», в редакции издательств и журналов. Однако тут же (согласно секретному пункту 4) замечания цензоров должны доводиться до авторов «без ссылки на Главлит». Отступление от этого рассматривалось как «нарушение партийной и государственной дисциплины». Это фактически зачеркивало все предыдущие положения:

«Установить, что все вопросы, возникающие в процессе предварительного контроля произведений и касающиеся их идейно-политического характера, рассматриваются на уровне руководителей Главлита и руководителей издающих организаций и органов культуры»⁴.

И все же усилия Канторовича и десятков других деятелей культуры не были напрасными. Общественная и творческая атмосфера в стране претерпевала некоторые изменения, тотальный идеологический контроль власти вынужденно принимал иные формы.

Владимир Канторович начал печататься в 1929 году и работал в основном в жанре очерка. Для писателя-очеркиста была важна идея становления «нового человека», поэтому он отправлялся в командировки, дававшие ему возможность взглянуть «позитивные изменения», затронувшие даже периферийные области страны. Для Канторовича центральной стала сахалинская тема: в 1932 году он выпустил книгу «Сахалинские очерки» (переиздана в 1934-м и 1935-м), в 1962-м издал сборник повестей, рассказов и очерков «Сахалинская повесть», а в 1965-м книгу «Сахалинские тетради». В 1935–1937 годах вел отдел критики в журнале «Наши достижения»⁵. В 1937-м был репрессирован. Отвечая на просьбу одного из своих корреспондентов рассказать о себе, Канторович писал:

⁴ История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М.: РОССПЭН, 1997. С. 188–190.

⁵ ЧЕЧЕНЕВА Л.В. Канторович В. // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1966. Т. 3. Стб. 374.

«Вы хотите знать обо мне. Но я в выигрышных условиях. Писатель все время высказывается, это его профессиональное занятие.

«Я ДУМАЮ ОБ ЭТОМ
ВРЕМЕНИ»...

В Литературной энциклопедии есть немного о моей биографии (на мое имя). То же (гораздо больше) в статье критика М. Кузнецова, предваряющей мою книгу “Сахалинская повесть”, 1971 г. изд. “Художественная литература”.

И там и здесь упомянуто (я об этом сам всегда пишу, да и Энциклопедия сообщает о таких данных писателя *по его желанию*), что длительный срок, то есть 19 лет, был перерыв в моей литературной деятельности, ибо 5 из них я сидел поблизости от Вашей Воркуты – в Абези – естественно, “по делам” 37 года. Сейчас, когда все это далеко позади, я думаю об этом времени (для личности писателя) не только как о вычете из полезного времени его деятельности. Я разделил судьбу многих, наверно, стал в десять раз содержательнее, чем был в молодости. Но главное (этим горжусь), не поддался, в голове сохранилось место для восприятия разных впечатлений. Все 19 лет я размышлял о жизни, а вернувшись в свою профессию, не позволил себе стать человеком одной темы своего прошлого. Я чувствовал себя в состоянии писать не только воспоминания о лагерях, а участвовать в сегодняшней жизни страны⁶.

В 1960-е Владимир Канторович был близок к редакции журнала «Новый мир», но крупных вещей не публиковал, а помещал в основном рецензии и краткие реплики по поводу тех или иных книжных новинок. Канторовича можно назвать «новомирским» автором: в центре его внимания находились забытые имена писателей, публицистов и ученых, а стремление к обнаружению социальной правды, постоянно прикрываемой официозными «победными отчетами», выразилось в том, что Канторовичу удалось найти, казалось бы, периферийную тему, благодаря которой советский читатель мог увидеть самого себя. Эта тема – социология читателя – первоначально казалась цензуре безобидной, однако именно благодаря статьям и обзорам Канторовича, Владимира Лакшина и ряда других авторов «Нового мира», количественные наблюдения стали сопровождаться эстетической и даже общественно-политической рефлексией. Лакшин свидетельствовал:

«Важной темой критического раздела “Нового мира” стала тема взаимоотношений писателя и читателя. Сейчас этим мало кого удивишь, разработаны целые социологические программы изучения любителей книги. Но в те годы сама тема читателя была нова, во всяком случае в том повороте, какой ей придал журнал.

6 Российская национальная библиотека. Ф. 1243. № 250. Л. 1–2. После возвращения из ссылки (1956) Канторович продолжил работать в жанре социального очерка, писал о проблемах общественной морали, публиковал статьи о социологии чтения. Эти работы собраны в неоднократно переиздававшейся книге «Заметки писателя о современном очерке» (1962).



С 30-х годов изучение читательского мнения как части общественного сознания начисто прекратилось. О читателе вспоминали, когда назревал очередной идеологический погром. Его мнением пользовались как дубинкой, когда надо было призвать к порядку и урезонить кого-либо из “зablуждавшихся” писателей или “ошибавшихся” ученых. Считалось, что читатель-рабочий или читатель-крестьянин олицетворяет собой как бы “глас народа”, стало быть, непререкаемый “глас божий”. И, если по какому-нибудь поводу в газете появлялось коллективное письмо читателей-сталеваров или читателей-хлеборобов, становилось ясно, что дела автора, на сочинения которого они отзывались, совсем плохи. Обычной практикой было, когда “письмо читателя” сочинялось прямо за редакционным столом или “организовывалось” на месте специальным корреспондентом газеты. Эти нравы сталинских времен перекочевали почти без изменения и в хрущевскую эпоху. Памятны письма земляков, негодовавших на Александра Яшина за правдивую и поэтичную “Вологодскую свадьбу”, или письма ялтинских таксистов, возмущенных рассказом о водителе Василия Аксенова, или письма рабочих-строителей, опровергавших как злостную клевету изображение прораба в повести Войновича “Хочу быть честным”.

“Новый мир” решил переосмыслить фигуру читателя, вернув ей реальное, нефальсифицированное содержание. Вокруг журнала, как это ежедневно подтверждала редакционная почта, сформировалась новая, равнодушная читательская публика. Ее мнения и оценки отражали неприятие всех видов лжи, тягу к демократии, желание навсегда порвать с догмами сталинизма⁷.

Огромная роль в таком переосмыслении принадлежала работам Владимира Канторовича. Он много печатался в «Вопросах литературы»: с 1958-го по 1978 год здесь появились восемнадцать его статей, обзоров и рецензий. Наиболее заметные публикации находились на стыке научного и публицистического жанра: «Воспитание художественного вкуса» (1960), «О некоторых аспектах социологии литературы» (1969), «Делать правду» (1974).

Публикуя уже после смерти писателя избранные письма Канторовича, редакция «Нового мира» высоко оценила своего автора:

«Пожалуй, мало кто из советских литераторов столь увлеченно размышлял о социологии, так часто и резко выступал против примитивного, упрощенного ее истолкования. Он и сам, по общему признанию, бесспорно, был мастером художественно-социологического исследования действительности.

Острота поднятых им социальных проблем такова, что во многих случаях от него требовалась не только смелость писателя, но и мужество гражданина. Он вступал в бой с казенным, бюрократи-

7 Лакшин В. Пути журнальные. М.: Советский писатель, 1990. С. 20–21.

ческим взглядом на вещи, за которым нередко скрывается физиономия приспособленца, рьяно выступающего якобы “В защиту общественных интересов”. Писатель беспощадно срывал подобные маски. [...]

Владимир Канторович не был обделен критикой, признательностью коллег. К его книгам (он был сначала ученым-экономистом) писал предисловия академик Струмилин. Его произведения отмечал Максим Горький, в журнале которого “Наши достижения” Канторович заведовал отделом. Константин Паустовский называл его “строго обстоятельным Канторовичем”. Его очерки высоко ценил Валентин Овечкин, писавший о нем: “Я знаю книги В. Канторовича, очень люблю и ценю творчество этого писателя, умного, честного, умеющего наблюдать жизнь и делать из своих наблюдений правильные и смелые выводы”⁸.

Владимир Канторович, насколько можно судить по его работам и характеристикам коллег, был человеком того старшего поколения, которое, несмотря на репрессии и цензурные ограничения, вполне соответствовало «оттепельным» идеалам. Поэтому его письма к партийному идеологу носят не конфронтационный характер: это корреспонденция человека, который еще верит в исправление того, что кажется ему «временными недостатками»⁹. Писатель говорит не только о себе, а ратует за интересы широкого круга читателей.

8 *Всегда открытое лицо: из переписки писателя-публициста В.Я. Канторовича // Новый мир. 1980. № 3. С. 183, 185.*

9 Такие представления подкреплялись частичными уступками власти, инерционно происходившими вплоть до 1968 года. Так, например, Канторович мог записать в свой актив то, что в 1967-м вышло постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». В этом документе, в частности, говорилось: «Современный этап общественного развития и прогресс научного знания требуют сосредоточения научно-исследовательской работы по общественным наукам в первую очередь на следующих направлениях: [...] в области правовых наук – исследование актуальных проблем государственного строительства, развития социалистической демократии; разработка вопросов организации и деятельности Советов депутатов трудящихся, научных основ государственного управления, правового регулирования хозяйственной жизни и общественных отношений; разработка мер по предотвращению и ликвидации преступности и других правонарушений, укреплению законности и правопорядка в стране; подготовка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию советского законодательства; изучение опыта государственно-правового строительства в зарубежных социалистических странах; исследование государственного строя развивающихся стран; разоблачение реакционной сущности современного империалистического государства и права; изучение международно-правовых проблем. [...] Шире практиковать в работе научно-исследовательских учреждений по общественным наукам проведение товарищеских дискуссий по спорным или недостаточно ясным вопросам» (Вопросы истории. 1967. № 9. С. 6–7). Статьи Канторовича, посвященные различным аспектам конкретных социологических исследований общества, появлявшиеся в центральной прессе, были едва ли не единственным источником информации о процессах, происходящих под покровом официальной риторики. Однако, несмотря на, казалось бы, прогрессивное постановление, статьи самого Канторовича продолжали задерживаться цензурой: «Не подписывают статью Канторовича “Социология и литература”», – свидетельствует заместитель главного редактора «Нового мира» и добавляет: «Сегодня опубликовано постановление о развитии общественных наук, где о социальных исследованиях, о необходимости обобщающих выводов и практических рекомендаций, о важности статистических анализов сказано сколько угодно. Но что цензуре до этого? Вообще что такое постановление? Пропаганда. Чиновники так на него смотрят» (Кондратович А. *Новомирский дневник*. М.: Советский писатель, 1991. С. 88).



Текст письма печатается по оригиналу (авторизированная машинопись), хранящемуся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Благодарю Андрея Дмитриева (Институт русской литературы РАН) за помощь в подготовке публикации. [Павел Глушаков]

Владимир Канторович



Владимир Канторович



Петр Демичев

Уважаемый товарищ Демичев!

Два года назад, во время Вашего доклада у московских писателей, я послал Вам записку о произволе цензуры (речь шла о необоснованных купюрах в вышедшей тогда моей книге «Сахалинские тетради»¹⁰, точнее, по поводу этого и других аналогичных фактов). В своем заключительном слове Вы ответили мне и авторам других записок на ту же тему. Вы высказались тогда за то, чтобы цензура вернулась к выполнению прежних обязанностей, следила бы только за сохранением военных тайн¹¹.

10 Канторович В. Я. *Сахалинские тетради*. М.: Советский писатель, 1965.

11 Родилась устная формула «на усмотрение редакции», которая, не будучи закреплена директивно, в реальности ничего не давала; см. тезисы обращения Твардовского к Брежневу (1968): «Доверие или недоверие ко мне, к нынешнему составу редколлегии. Гл. редактор назначается ЦК и по его представлению утверждается Союзом писателей редколлегия. Если мы не годимся – снимайте, если годимся, заслуживаем доверия – дайте возможность работать, не поступаясь достоинством литераторов и коммунистов, готовых головой отвечать перед партией за все, что составляет содержание журнала. Я не прошу читать названные произведения или те, что еще имеют быть в портфеле, я напоминаю единственно правильную формулу: “на усмотрение редакции”. Не прошу об отмене цензуры – только пусть она делает свое дело, а не служит пересыльным пунктом по пути от редакции в Отдел, где решаются судьбы рукописи, вернее, не решаются, а лишь задерживаются» (Твардовский А. Т. *Указ. соч.* Т. 2. С. 194).

После этого, редакторы «Советского Писателя», споря с цензорами, ссылались на ваши слова, но получали в ответ, что прежнее решение ЦК, возложившее на Главлит¹² ответственность за идейно-художественное содержание литературных произведений, не отменено¹³.

Зная о предстоящем Вашем выступлении на IV Съезде писателей¹⁴, я испытал живейшую потребность вновь обратиться к Вам, секретарю ЦК, с крайне беспокоящими меня мыслями, примерно на ту же тему.

Надеюсь, Вы найдете возможность ответить на мои вопросы в своей речи или иным путем.

Позволю себе коснуться трех вопросов.

1. Как никогда, за последнее десятилетие усилилась (особенно в последние 1,5 года) деятельность цензуры и прочих инстанций, препятствующих появлению в печати крупных талантливых художественных произведений. Перечень романов, повестей, документальных произведений, принятых редакциями (иногда даже набранных¹⁵), но не выпущенных в свет, – громаден. Но еще длиннее (и еще необоснованнее) список произведений, отвергнутых редакциями (надо думать, по мотивам перестраховки).

Чтобы не ссылаться на перечни, я коснусь только трех произведений, которые прочел сам: Е. Драпкиной – о последних днях Ленина¹⁶, Ал. Бека – о крупном хозяйственнике 30-х годов¹⁷ и Ал. Солженицына – «Раковый корпус»¹⁸.

Убежден, что все эти три произведения – значительные явления искусства, причем, безусловно, советского. Кстати, это

- 12** В 1966–1990 годах цензурный комитет носил название Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (Главлит СССР).
- 13** «– Пусть вами занимается Союз писателей. – Это Беляев Кондратовичу и Лакшину. – А что же будет делать цензура? – Будет заниматься своими прямыми обязанностями – охранением военной и государственной тайны!» (Там же. Т. 2. С. 271).
- 14** Четвертый съезд писателей СССР проходил 22–27 мая 1967 года, см.: «Более бессодержательного и нудного спектакля, чем этот съезд, – не придумать, хотя были попытки сказать что-то: Симонов, Гончар, особенно Кетлинская, которую я слушал и дивился поведением президиума. Старики – Федин, Тихонов, Соболев – “беспартийные”, которые хуже партийных» (Там же. Т. 2. С. 36).
- 15** «“Новый мир”, собиравшийся печатать роман “В круге первом”, вынужден был отказаться от своего намерения. Между тем у Солженицына к 1966 году был готов другой роман, или, как он стал обозначать его, во избежание путаницы с “Кругом”, повесть “Раковый корпус”. Твардовский никак не мог добиться разрешения на печатание и этой вещи, хотя в ноябре 1966 года она была с триумфом обсуждена в Московском отделении Союза писателей. Осенью 1967 года “Новый мир” заключил все же договор с автором на публикацию “Ракового корпуса” и набрал первые восемь глав. Публикация должна была начаться в № 1 за 1968 год, но была запрещена цензурой: набор был рассыпан» (Лакшин В.Я. *Возвращение Солженицына // Он же. Солженицын и колесо истории*. М.: Вече, 2008. С. 115).
- 16** Имеется в виду повесть Елизаветы Драпкиной «Зимний перевал»: Новый мир. 1968. № 10.
- 17** Роман Александра Бека «Сшибка» («Онисимов») был опубликован только в 1986 году под названием «Новое назначение».
- 18** О прохождении этого романа см. раздел «Бои за “Раковый корпус”»: в: *Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А.И. Солженицыне. 1962–1974*. М.: Русский путь, 1998. С. 243–341.



мнение совершенно единодушно отстаивают обсуждавшие их 200 московских писателей. Более чем вероятно, что по напечатанию эти романы вызовут разночтения, споры – так это же естественно! Ведь и на обсуждении «Ракового корпуса» те самые писатели и критики, которые решительно высказывались за напечатание романа, формулировали и свои критические замечания.

Излишне обосновывать специфичность искусства и ради этого приводить популярные цитаты из классиков марксизма. Совершенно очевидно, что нельзя требовать от каждого конкретного произведения литературы, чтобы оно во всех частях и пропорциях совпадало с принятой сегодня концепцией действительности. Случись так, литература обречена была бы всегда плестись в арьергарде.

Но подобные требования как раз и обуславливают запреты произведения Драбкиной, Бека, Симонова¹⁹, Мальцева²⁰, Солженицына и др. Именно по таким соображениям советский читатель более четверти века был лишен произведений таких огромных писателей, как Андрей Платонов, Мих. Булгаков и другие – на четверть века эти писатели были выведены из литературного процесса. Теперь общепризнано, что эти ошибки нанесли большой ущерб советскому искусству.

Мы словно забываем, что у нас есть квалифицированная критика, которая по опубликовании произведения способна дать ему оценку (впрочем, Время проверит и ее!). Вместо этого мы передоверяем судьбу романа одному – двум – пяти судьям (к тому же профессионально не подготовленным для этого дела, да еще выносящим свой вердикт заочно!).

Один из руководителей московских писателей сказал как-то опрометчиво: «Дискуссии нужны, партия указала, что дискуссии полезны. НО ЧТОБЫ ВСЕ ВЫСКАЗЫВАЛИ ПРАВИЛЬНЫЕ МЫСЛИ» – и был справедливо осмеян. Сегодняшние действия цензуры, право, напоминают эту формулу. Но тогда почему же право на поиск признано непререкаемой привилегией художественной интеллигенции – во всех наших уставах и речах официальных лиц?

Между прочим критик Мотяшов²¹, ПОЛЕМИЗИРУЯ С ЛАКШИНЫМ по поводу «Матренина двора», написал, что Лакшин в одном отношении ломится в открытую дверь: никто не спорит,

- 19** Дневниковые записки Константина Симонова «Сто суток войны» набраны в 1966 году для публикации в 10–11-м номерах «Нового мира», однако на совещании в ЦК решили, что «Симонов заводит нас в какие-то дебри» (*Из рабочих записей Политбюро* // Источник. 1996. № 2. С. 111), и публикация была задержана.
- 20** Первая книга романа Елизара Мальцева «Войди в каждый дом» (1960) была посвящена большой для властей теме – сельскому хозяйству в послесталинский период.
- 21** Игорь Павлович Мотяшов (р. 1932) – советский литературный критик. См. его статью (Мотяшов И. *Логика борьбы* // Москва. 1967. № 3. С. 201–209), направленную против программной работы Лакшина «Писатель, читатель, критик. Ст. 2» (Новый мир. 1966. № 8. С. 219–231).

что «Матренин двор» надо было напечатать, но и полемизировать с автором можно – и должно.

«Я ДУМАЮ ОБ ЭТОМ
ВРЕМЕНИ»...

Так неужели же А. Солженицыну – по любому счету значительному русскому советскому писателю, поднимающему многие этические проблемы современного общества (пусть он и прибегает к преувеличениям, пусть некоторые явления рассматривает «односторонне», – есть же у нас критика!) уготована судьба А. Платонова? Его прежние произведения не переиздаются, хотя продолжается бурная дискуссия о них в печати, а новые – во всяком случае «Раковый корпус» – без всяких оснований не печатают. Я думаю, в случае с А. Солженицыным нарушается основная линия отношения партии к творческой интеллигенции, вытекающая, в частности, из духа решений XX Съезда партии.

[Записка эта, адресованная Вам, была уже написана, когда я прочел письмо А. Солженицына президиуму Съезда²². Со второй частью этого письма, касающегося личной писательской судьбы автора, я, как видите, согласен. Добавлю к этому: писатели дают разные оценки творчеству Солженицына, одни оценивают его очень высоко, другие – ниже. Но мне ни разу, ни от одного писателя не приходилось слышать одобрения этой практике полного отказа от публикации и прежних, и новых произведений Солженицына – автора, заслужившего уже огромную популярность. Мотивы, по которым я сообщаю Вам эти наблюдения, изложены в пункте 3 этой записки.]

Судьба писателя А. Солженицына трагична и тревожна. Но вопрос, который я позволю себе ставить перед Вами, все-таки шире.

22 «Не имея доступа к съездовской трибуне, я прошу Съезд обсудить:

I. то нетерпимое дальше угнетение, которому наша художественная литература из десятилетия в десятилетие подвергается со стороны цензуры и с которым Союз писателей не может мириться впредь.

Не предусмотренная Конституцией и потому незаконная, нигде публично неназываемая цензура под туманным именем Главлита тяготеет над нашей художественной литературой и осуществляет произвол литературно-неграмотных людей над писателями. Пережиток средневековья, цензура доволакивает свои мафусаиловы сроки едва ли не в XXI век! Тленная, она тянется присвоить себе удел нетленного времени: отбирать достойные книги от недостойных.

За нашими писателями не предполагается, не признается права высказывать опережающие суждения о нравственной жизни человека и общества, по-своему изъяснять социальные проблемы или исторический опыт, так глубоко выстраданный в нашей стране. Произведения, которые могли бы выразить назревшую народную мысль, своевременно и целительно повлиять в области духовной или на развитие общественного сознания, – запрещаются либо уродуются цензурой по соображениям мелочным, эгоистическим, а для народной жизни недальновидным.

Отличные рукописи молодых авторов, еще никому не известных имен, получают сегодня из редакций отказы лишь потому, что они “не пройдут”. Многие члены Союза и даже делегаты этого Съезда знают, как они сами не устаивали перед цензурным давлением и уступали в структуре и замысле своих книг, заменяли в них главы, страницы, абзацы, фразы, снабжали их блеклыми названиями, чтобы только увидеть их в печати, и тем непоправимо искажали их содержание и свой творческий метод. По понятному свойству литературы все эти искажения губительны для талантливых произведений и совсем нечувствительны для бездарных. Именно лучшая часть нашей литературы появляется на свет в искаженном виде» (*Слово проливает себе дорогу...* С. 211).



Цензурные запреты последнего года, как мне представляется, способны подорвать развитие литературы – а мы все радовались успехам ее. Значит, нужны новые решения, новая практика в этих вопросах.

2. Крайне нежелательно и даже опасно, на мой взгляд, дистиллировать современную печать в связи с юбилейными датами.

Ведь дата Пятидесятилетия отмечается не в октябре и ноябре; соответствующие материалы печатаются на протяжении всего года. В газетах и журналах постепенно утвердился некий юбилейный тон, и теперь уж в редакциях толкуют не о соблюдении света и теней (что тоже примитивно), а просто отказываются от любых проблемных материалов. Эта тенденция развивается, перерастает в «кампанию», а ее еще подстегивают сверху.

Тут я могу сослаться и на личный опыт публициста.

Например, молодые редакторы издательства «Молодой Гвардии» (к которым подключился и зам. главного редактора) в конце 1966 года горячо подхватили предложение издавать серию небольших книг так называемой писательской публицистики («Проблемы – Нерешенные вопросы – Дискуссии – Проблемы»), рассчитанную на «думающего» молодого читателя. Но этот проект рухнул, ибо «наверху» сказали, что 1967 год – год Пятидесятилетия государства, 1968 год – Комсомола и Красной армии, а в юбилейные годы и разговаривать о проблемной литературе не приходится!

Но ведь и в предстоящие годы будем праздновать юбилей и тоже целый год подряд! Однако бег жизни не остановишь, ей свойственны диалектические противоречия, нерешенные вопросы будут накапливаться.

По тем же причинам газеты и журналы отказываются теперь от проблемных статей. Если уж касаться собственного опыта (хотя точно такой он и у других авторов этого жанра), то сошлюсь хотя бы на то, что уже включенная в № 7 журнала большая статья о «Социологии глазами литератора»²³ после

23 Статья, снятая цензурой, появится в 12-м номере «Нового мира». По свидетельству заместителя главного редактора журнала, «вначале пришлось ее снимать из-за того, что автор привел некоторые, правда, опубликованные в социологических изданиях цифры и факты, касающиеся образования, взглядов молодежи на будущее. [...] Даже просеянные цифры вопили, и, несмотря на наши ссылки (“ведь уже опубликовано”), цензура долго и злобно сопротивлялась» (Кондратович А. *Указ. соч.* С. 95). Дело осложнялось еще и тем, что в своей, казалось бы, сугубо эмпирической работе Владимир Канторович позволял себе «объективизм», не поощряемый идеологическими ревнителями. Он сочувственно приводил мнения читателей и профессиональных социологов о том, что «пора поднять вопрос о гласности исследований». Также автор утверждал, что «гогульным отрицанием буржуазной науки, а вовсе не серьезной полемикой с идеалистической философией истории, с новейшими модными экономическими и социальными теориями, наконец, с методологическими приемами исследований делу не поможешь. Это, конечно, правда, что многие западные социологи выполняют заказ хозяев, обслуживают предпринимателей, приспособляются к существующим социальным структурам. Но далеко не все конкретные исследования на Западе проведены апологетами капитализма» (Канторович В. *Социология и литература* // Новый мир. 1967. № 12. С. 151). Статья войдет в состав сборника: Он же. *Глазами литератора: социологические очерки*. М.: Советский писатель, 1970.

очередного инструктажа главного редактора внезапно «полетела», отложена на другой год.

Эти случаи из личной практики отнюдь не трагичны, скорее – нынешний повседневный быт. Но во что журналы превратятся, поддавшись законам «кампании» и легко ли будет вернуться потом к будничной практике?

В Древней Элладе были девять муз и только одна (захудалая) ведала гимнами, одами и прочим – Полигимния. Право, было бы серьезной ошибкой открывать зеленую улицу питомцам *одной* этой, уже поневоле велеречивой богине...

3. К сожалению, укоренился обычай, что люди, практически определяющие литературную политику, влияющие на судьбы произведений, да и писателей, общаются только с официальными руководителями Союза писателей, несущими на себе груз официальных постов, да еще, может быть, – с отдельными корифеями.

Это плохо – если будет позволено так сформулировать – для обеих сторон: и для так называемых средних писателей, и для руководителей литературной политики.

Каждый писатель убежден, что литературный процесс осуществляется силами не одних только корифеев, а безусловно, с помощью так называемых средних писателей. Во всяком случае социальных авторов разных жанров, проблемистов, тех, кто активно печатается, получает множество читательских писем и т.д.

Значит, для этих самых средних писателей (не занимающих постов, не корифеев, а старающихся в меру своих дарований, трудом своим, выполнить писательский долг) и должна быть найдена форма общения с лицами, осуществляющими литературную политику. Это – также и форма участия в управлении профессиональными литературными делами.

Но такое общение *должно быть двусторонним*, не сводиться к выслушиванию директивных докладов и к выступлениям с трибуны в большом зале, да еще по заранее составленным спискам. Нет, в основу таких встреч должна быть положена беседа, так сказать, за «круглым столом», обеспечивающая взаимную информацию и даже... спор.

Среди положительных последствий подобных встреч, помимо того, что яснее станут настроения, мнения, заботы разных писателей (разных – мы скроены не на одну колодку!), будет и такое: наверно, за ненадобностью перестанут писать коллективные письма (хотя – что в них страшного? – они адресуются в ЦК партии и непонятно, почему на встрече с журналистами, Семичастный так их аттестовал²⁴). Ведь письма эти были

24 Вероятно, имеется в виду реакция председателя КГБ Владимира Семичастного на коллективное письмо против реабилитации Сталина (1966), где он подчеркивал: «Как видно, главной целью авторов указанного письма является не столько доведение до сведения ЦК партии своего мнения по вопросу о культе личности



единственно доступной нам формой изложения своих взглядов по вопросам, которые в печати не дебатировались.

Я представил себе, что неофициальная встреча с Вами (одна из тех, которые я здесь обосновываю) уже как бы состоялась. Я изложил обуревающие меня, рядового писателя, тревоги, сформулировал пожелания.

Прошу Вас в своей речи или иным путем ответить на поднятые здесь три вопроса: о цензуре, об излишествах и односторонности юбилейных литературных материалов²⁵, о неофициальных встречах литераторов «разных рангов» с теми, кто практически вершит литературную политику.

*Подготовка текста к публикации, введение и комментарии
Павла Глушакова*

Сталина, сколько распространение этого документа среди интеллигенции и молодежи. Этим, по существу, усугубляются имеющие хождение слухи о намечающемся якобы повороте к “сталинизму” и усиливается неверное понимание отдельных выступлений и статей нашей печати, направленных на восстановление объективного, научного подхода к истории советского общества и государства, создается напряженное, нервное настроение у интеллигенции перед съездом» (Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 495. Л. 73).

- 25** Ср. с подобным же словоупотреблением: «Федор Степанович ненароком наводит на главнейшую, м.б., тему года: не таит ли в себе юбилейная шумиха тенденцию приторочить его [Сталина] к Ленину? – Тогда – нет. И мысль о том, что подобные торжества вообще не считаются с мыслимым реально отношением к ним “виновника”. Ему ли это было бы по душе. Ведь стольким душам, несущим его в себе как самое заветное и свое (я с ним читаю любую книгу и знаю, как бы он ее оценил, где он улыбнулся бы, где возмутился бы и т.д.), стыдно перед ним за все это – за стандартные статуи, роли, излишества наименований и т.д. и т.п. и пр.» (Твардовский А.Т. *Указ. соч.* Т. 2. С. 288).

Учебники истории, сталинский и постсоветский «рускоцентризм» и задачи нациестроительства

ГЕОРГИЙ
МАМВРИЙСКИЙ

Нация вряд ли может сформироваться при отсутствии коллективной памяти, слагающейся из исторических мифов. В свою очередь процесс нациестроительства не обходится без активного вмешательства государства, целью которого, как пишет Георгий Касьянов¹, становится обеспечение лояльности населения путем *«достижения некоего уровня культурной гомогенности»*. Поэтому историческая политика² государства может объяснить многие особенности, возникшие в период нациестроительства.

В России говорящей чертой исторической политики стало положение термина «россиянин», который должен обозначать всех граждан страны. Однако употребление этого слова на данный момент достаточно ограничено и редко выходит за пределы официальных заявлений или выступлений, таких как



- 1 Касьянов Г. *Украина и соседи: историческая политика 1980–2000-х*. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 32.
- 2 Под исторической политикой в статье понимается «разновидность политики, целью... которой является целенаправленное конструирование и утилитарное использование в политических целях “исторической памяти” и других форм коллективных представлений о прошлом и его репрезентаций» (Там же. С. 35).



**КУЛЬТУРА
ПОЛИТИКИ**

Георгий Сергеевич
Мамврийский (р. 2003) –
студент совместной
программы «Мировая
политика» Московской
высшей школы социаль-
ных и экономических
наук и Института
общественных наук
РАНХиГС.

послание президента к Федеральному собранию и его обращение к нации³; по сути, термин «русский» вытеснил «россиянина», обретя более широкое значение: помимо этнической принадлежности, он стал включать в себя и национальную, что признается на официальном уровне⁴. Таким образом, мы видим превалирование именно руссоцентричных нарративов даже в выборе слов, используемых гражданами России для идентификации самих себя как членов единой нации.

Отсюда возникает два ключевых вопроса. Во-первых, как в России сформировалась нация, базирующаяся на русской культуре как культуре наиболее многочисленного народа (по последней переписи населения русскими себя считают 71,73%⁵)? Во-вторых, как такой выбор стратегии нациестроительства отразился на исторической политике в России, в частности, в учебных курсах по истории и – особенно – в учебниках, которые представляют фундамент исторического образования?

Я использую концепцию Дэвида Бранденбергера, известную как «сталинский руссоцентризм»⁶, суть которого заключается в доминировании русских национальных нарративов в идеологии, пропаганде и истории – в сочетании с нарративом о «дружбе народов». По сути, это означает построение новой нации, в данном случае сталинского проекта советской нации, на основе официально трактуемой русской национальной культуры. Проводя некоторые параллели со стратегией Сталина, я именуую современную стратегию нациестроительства «российский руссоцентризм». Она также, по аналогии с политикой, описанной Бранденбергером, основывается на доминировании русских национальных нарративов и русской культуры, имея в то же время некоторые отличия. Подобный выбор был обусловлен схожим контекстом идеологического перехода, описанного Владимиром Паперным в терминах «культуры 1» и «культуры 2». Более того, возвращение к руссоцентристскому курсу в исторической политике позволило нынешнему режиму инкорпорировать советское прошлое в новый исторический нарратив, снабдив его положительной оценкой и, соответственно, интегрировав в новую нацию граждан, ностальгирующих по советской империи.

Ниже я попытаюсь проанализировать исторические нарративы постъельцинской эпохи в современных учебниках исто-

3 В обоих случаях с 1991 года президент, обращаясь к согражданам, говорит именно «уважаемые россияне».

4 Ольховская А. «Русский и/ли российский?» // Год литературы. 2022 (<https://godliteratury.ru/articles/2022/06/12/russkij-ili-rossijskij>).

5 Анализ информации об итогах Всероссийской переписи населения 2020 года в отношении национального состава и владения языкам (<https://fadm.gov.ru/otkritoee-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/file-download/lrcy1jminoxnrry855stdmef-kzhnfv7>).

6 БРАНДЕНБЕРГЕР Д.Л. *Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.)*. М.: Политическая энциклопедия. 2017.

рии, выпущенных в 2021–2023 годах, которые получили свое финальное воплощение в едином учебнике истории для 10–11 классов под редакцией Владимира Мединского. Для обоснования уместности употребления термина «руссцентризм» в контексте современного нацистроительства я также коснусь содержания сталинских учебников истории.

ГЕОРГИЙ МАМВРИЙСКИЙ
УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ,
СТАЛИНСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ
«РУССОЦЕНТРИЗМ»...

Возвращение к руссоцентристскому курсу в исторической политике позволило инкорпорировать советское прошлое в новый исторический нарратив, снабдив его положительной оценкой и интегрировав в новую нацию граждан, ностальгирующих по советской империи.

НАЦИЯ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Слово «нация» в русском языке имеет двойственное значение, что, с учетом близкого по значению слова «народ», требует внесения некоторой ясности. В этом тексте нация понимается в соответствии с определением Бенедикта Андерсона: «воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное»⁷. То есть нация – это сообщество в первую очередь политическое, а не этническое, не являющееся чем-то неизменным, так как государствам свойственно появляться и исчезать. Под «народом» мы понимаем именно этническую принадлежность. Соответственно, значения слов «нация» и «народ» почти не пересекаются, хотя иногда описываемые ими сущности вполне могут совпадать – например, в случае попыток создать нацию на основе этнического компонента (этнический национализм).

Однако дальнейший анализ критериев, определяющих нацию, сталкивается с некоторыми сложностями. Эрик Хобсбаум утверждает, что нельзя сводить нацию ни к одному из измерений (культурному, политическому и другим) и делает упор на субъективность данного феномена: все зависит от самоидентификации человека с конкретной нацией⁸. И все же тут можно нащупать некоторые исторические закономерности. Бенедикт Андерсон пишет, что нации как сообщества стали вообразимыми, когда произошло «взрывное взаимодействие между системой производства и производственных отноше-

7 Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Кучково поле, 2016. С. 47.

8 Хобсбаум Э. *Нация и национализм после 1780 года*. СПб.: Алетейя, 1995.



ний (капитализмом), технологией коммуникаций (печатью) и фатальностью человеческой языковой разнородности⁹, что способствовало появлению «печатных языков», объединяющих людей. Хобсбаум также выделяет важность культурного аспекта на начальном этапе формирования нации¹⁰ – то есть наличия определенного общего культурного поля, частью которого являются история и язык.

История в этой связи становится способом объяснить гражданам – с помощью мифологизации прошлого, – почему они являются частью одной нации. Как замечает Андрей Зорин, «центральный миф всякого государства – это вопрос, откуда оно взялось, его миф основания»¹¹. Однако «миф основания» является лишь составной частью объяснения единства нации. Более важно показать ее протяженность во времени, то, что нация не является чем-то новым, а существует на протяжении веков, если не тысячелетий. Эту особенность Хобсбаум заметил в контексте использования государствами истории для создания новых или переформатирования старых традиций¹². Илья Калинин высказывает схожие с Хобсбаумом соображения: «апелляция к исторической преемственности] ... [есть лишь стремление сохранить недавно возникшее *status quo*, наделить нуворишей генеалогией»¹³.

С 1960-х в Советском Союзе ключевыми мифами были, с одной стороны, октябрьская революция (государствообразующий миф), а с другой стороны, победа в Великой Отечественной войне («миф основания советской нации»¹⁴). В современной России системообразующую роль по-прежнему играет миф о Победе, который дополняется мифом о «лихих 1990-х» («миф основания»). Однако национальный миф не состоит лишь из нескольких наиболее важных мифов: история в национальном мифотворчестве представляет собой цепь мифологизированных событий, которые как объединяют людей общим многовековым прошлым с помощью единой исторической памяти¹⁵, так и объясняют уникальность своей нации на фоне других.

9 Андерсон Б. *Указ. соч.* С. 98–99.

10 Хобсбаум Э. *Указ. соч.* С. 23.

11 Коронный О. «Как создаются исторические мифы, полезные государству: объясняет Андрей Зорин» // Афиша. 2016. 16 сентября (<https://daily.afisha.ru/culture/2972-kak-sozdayutsya-istoricheskie-mify-poleznye-gosudarstvu-obyasnyayet-andrey-zorin/>).

12 НОВСВАМ Е., RANGER T. (Eds.). *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 1–14.

13 Калинин И.А. *О похищении культуры, единстве истории и расширении границ* // Неприкосновенный запас. 2015. № 1(99). С. 243–249.

14 Добренко Е.А. *Поздний сталинизм: эстетика политики*. М.: Новое литературное обозрение, 2020. Т. 1. С. 59.

15 Под исторической памятью понимается «целенаправленно сконструированный средствами исторической политики относительно устойчивый набор взаимосвязанных коллективных представлений о прошлом той или иной группы, кодифицированный и стандартизированный в общественных, культурных, политических дискурсах, стереотипах, мифах, символах, мнемонических и коммеморативных практиках» (Касьянов Г. *Указ соч.* С. 34).

Дополнить вышесказанное позволяет оптика, которую предлагает Энтони Смит. Он пишет, что в восточноевропейских государствах процесс нациестроительства начался позднее по сравнению с западноевропейскими странами, где «старые, непрерывные нации» сформировались по большей части «незапланированно», в то время как в Восточной Европе создание наций стало «результатом националистических целей и движений»¹⁶. Таким образом, «новые» нации имели в основе «этническую модель»¹⁷ национализма, что увеличивало важность идеологического компонента, в том числе «этноистории»¹⁸. Похожие тезисы можно найти в работе Мирослава Гроха, который выделяет два разных пути построения наций: у стран Западной Европы, с одной стороны, и Центральной и Восточной Европы, с другой. Если в первом случае появляется «гражданское общество параллельно с национальным государством», то во втором – «внешний правящий класс», доминирующий над этническими группами, что приводит к иному пути нациестроительства с упором на историю и традиции этноса, а также его этнолингвистические особенности¹⁹. А учитывая тот факт, что после распада СССР во всех бывших республиках, в том числе и в России, началось формирование новых наций, можно ожидать опоры именно на «этническую модель» национализма.

Таким образом, неотъемлемой частью процесса нациестроительства является история. Она должна стать основой для национального мифа, важную часть которого составляет «миф основания» государства. История призвана показать органическую взаимосвязь современной нации как феномена Нового времени с предыдущими эпохами, по сути, утверждая, что нация существовала *всегда*. Поэтому анализ исторической политики государства и ее влияния на формирование исторической памяти помогает выявить, как относительно новое государство формирует новую нацию. СССР (особенно с начала 1930-х), а после 1991 года и его наследница РФ, будучи восточноевропейскими государствами, были склонны использовать историю русского народа и его государственности в качестве основы строительства новой нации. Следовательно, учебники истории, являясь способом реализации исторической политики и важной частью политического дискурса, становятся крайне значимыми материалом для анализа процесса формирования новой нации.

16 SMITH A. D. *National Identity*. Harmondsworth: Penguin, 1991. P. 100.

17 Отличительной чертой «этнической модели» национализма является акцент на родовое сообщество и родную культуру (Ibid).

18 ИДЕМ. *National identity*; ИДЕМ. *When is a Nation // Geopolitics*. 2002. Vol. 7. № 2. P. 5–32.

19 ГРОХ М. *From National Movement to the Fully Formed Nation // New Left Review*. 1993. № 1(198).



СТАЛИНСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ РОССИЙСКИЙ РУССОЦЕНТРИЗМЫ

Прежде, чем переходить к сравнению сталинского и российского руссоцентризов, необходимо чуть подробнее концептуализировать само понятие. Бранденбергер пишет, что руссоцентристский курс «представлял собой преобразование советской идеологии: молчаливое признание превосходства популистских идей над пропагандой, построенной вокруг принципов утопического идеализма марксизма-ленинизма»²⁰. В конце 1920-х, в момент построения нового государства, предыдущий интернациональный нарратив оказался неэффективным как инструмент сплочения населения. Исходя из этого сталинское руководство начало возврат к имперским нарративам, в том числе в рамках преподавания истории. При этом главной целью было не «продвижение интересов русских», а воспитание «популистского чувства советского самосознания через эффективную кооптацию руссоцентристской риторики»²¹. Наиболее ярким примером руссоцентристского курса служит присвоение русскому народу статуса «первого среди равных» наравне с политикой «дружбы народов», выделяя именно его среди других этносов Советского Союза. То есть руссоцентристский курс некорректно отождествлять с этническим национализмом, так как он используется для более эффективного объединения граждан в единую нацию, не ставя целью продвигать политические интересы русского этноса.

Подобный культурно-идеологический переход Владимир Паперный описывает в терминах «культура 1» и «культура 2». При Сталине произошел переход от «культуры 1» (начало–середина 1920-х), которая заключалась в отказе от прошлого, отсутствии иерархий, реализме и утилитаризме, к «культуре 2», которая была ориентирована на прошлое, иерархичной и художественной²². Определенным водоразделом, как пишет Илья Калинин, стало празднование 20-летия октябрьской революции, обозначившего завершение «героического, революционно-романтического периода советской власти» и переход к «сталинскому национальному консерватизму»²³. Сталинское правление начало насаждение новой культурно-идеологической парадигмы, опиравшейся, помимо марксизма-ленинизма, на возвращение к государственным нарративам.

20 БРАНДЕНБЕРГЕР Д.Л. *Указ. соч.* С. 9.

21 Там же. С. 12.

22 ПАПЕРНЫЙ В. *Культура два.* М.: Новое литературное обозрение, 2016.

23 КАЛИНИН И.А. *Государственный праздник: обряды единства и ритуалы различий // Неприкосновенный запас.* 2015. № 2(100). С. 5–8.

В этой связи базовое преподавание истории в контексте начального и среднего образования стало важной частью конструирования модели нового советского патриотизма, реанимировав многие фигуры и образы, активно использовавшиеся в том числе и в Российской империи. Начало нового курса было положено постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР», которое предписывало создать новые школьные учебники, возрождая вместе с тем исторические факультеты в Московском и Ленинградском государственных университетах²⁴. Изначально предложенная на роль учебника монография Михаила Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» была отвергнута в силу «нигилизма автора по отношению к прошлому России»²⁵, поэтому была запущена активная работа над новым учебником для младших классов. В итоге был принят учебник под редакцией Александра Шестакова, опубликованный в 1937 году, который «зафиксировал новый формат советской историографии: сочетание формационного [прим. подход Покровского] и классового подхода с национально-государственническим и патриотическим пафосом»²⁶. Национально-государственная история в данном контексте – это история создания и расширения русского государства (от Руси до Российской империи).

При этом историческая политика государства не заканчивалась на учебниках истории. Важной частью была и репрезентация истории в массовой культуре, особенно в контексте «исторического поворота» в советском кинематографе 1930-х²⁷. Этот поворот особенно заметен на контрасте между фильмами «Чапаев» (1934) и «Петр Первый» (1937), который стал «центральной частью проводимой в то время кампании вокруг публикации “Краткого курса истории СССР” Шестакова»²⁸. Другие показательные примеры исторических фильмов довоенного периода – это «Александр Невский» (1938) и «Минин и Пожарский» (1939), направленные на патриотическую мобилизацию против потенциальных противников СССР – Германии и Польши соответственно.

Отдельно стоит заметить важность и академической историографии, игравшей не последнюю роль в продвижении истори-

24 Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б). *О преподавании гражданской истории в школах СССР. 15 мая 1934 г.* (<https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/353204-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-soyuza-ssr-i-tsentralnogo-komiteta-vkp-b-o-prepodavanii-grazhdanskoy-istorii-v-shkolah-sssr-15-maya-1934-g>).

25 Тихонов В. *Полезное прошлое: история в сталинском СССР*. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 103.

26 Там же. С. 125.

27 Там же. С. 74.

28 БРАНДЕНБЕРГЕР Д.Л. *Указ. соч.* С. 97.



ческой политики. Это, к примеру, демонстрируют Сталинские премии, которые стали одним из способов поддержки нового государственного взгляда на историю. Более подробно об этом пишет Виталий Тихонов, замечая, что чаще премировались работы, написанные с национально-патриотических, а не интернационалистических позиций²⁹. Подобный отход от интернационалистических нарративов приводил не только к более редкому премированию работ, описывающих с положительной стороны лидеров восстаний с участием других народов России (Степан Разин, Емельян Пугачев и Салават Юлаев), но и к уменьшению количества исторических работ о «нерусских народах» в целом. Показательным здесь является вышедший в 1943 году труд «История Казахской ССР», в создании которого участвовали 33 ученых. Написанная в контексте пропагандистской мобилизации народов СССР, необходимой в начале войны, монография не была номинирована на Сталинскую премию, обозначив в целом потерю «интереса к нерусской истории» у партийного руководства³⁰. Отсутствие интереса у партийного руководства, очевидно, считывалось историками, которые соответственно корректировали свою тематику и поле научных интересов.

С начала 1930-х происходит идеологический переход в сторону национально-государственных и патриотических нарративов, призванных обеспечить построение советской нации. Важной его частью стало создание нового исторического нарратива, что, в частности, отразилось на содержании учебников истории той эпохи.

ПОСТСОВЕТСКИЙ РОССИЙСКИЙ РУССОЦЕНТРИЗМ: ПОВТОРЕНИЕ СТАЛИНСКОГО ПУТИ?

Нынешний российский руссоцентризм так же, как и сталинский, ознаменовался сменой идеологической парадигмы. Ельцинская администрация строила «новую Россию» как «либеральную и демократическую», с апелляцией к «гражданской нации»³¹, создавая, таким образом, новую российскую нацию. Однако нациестроительство происходило на фоне максимально травматичных событий: тяжелое социально-экономическое положение 1990-х, чувство национального унижения после распада СССР, война в Чечне. Это в свою очередь вызывало активные «проявления авторитарной личности, государственнические и националистические версии исторической памяти,

29 Тихонов В. *Указ. соч.* С. 193–261.

30 БРАНДЕНБЕРГЕР Д.Л. *Указ. соч.* С. 148–155.

31 РЕПИНА Л.П. и др. *Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности.* М.: Akvilon, 2020. С. 96.

интерпретируемые как патриотические»³², а также такие этнонационалистические и просто ксенофобские «требования-лозунги», как «Россия для русских», «Москва для москвичей»³³.

В то же время власти во второй половине 1990-х стали значительно реже «использовать историю в политических целях»³⁴; она (в особенности применительно к советскому прошлому) была отдана на откуп профессиональным историкам, став тем значимым Другим, от которого тогдашняя власть отталкивалась для легитимации себя³⁵. В учебниках в тот момент происходила «национализация истории», приводившая к «выпадению информации» о частях бывшего СССР, ставших новыми независимыми государствами, однако этот процесс не привел к «радикальному пересмотру пантеона выдающихся деятелей»³⁶. В этом контексте приход Владимира Путина к власти выглядел как возвращение к ориентации на «имперский инстинкт»³⁷, ознаменовав грядущие изменения в политике национал-строительства.

При Путине «горизонтальная ельцинская система» была заменена на «вертикаль»³⁸, что отчасти соотносится с концепцией Паперного о переходе в 1930-е от «культуры 1» к «культуре 2». Сам переход был достаточно постепенным: на протяжении первых двух сроков Путина можно было наблюдать сочетание старых либерально-демократических нарративов наравне с усиливающимися образами, отсылающими к «древним традициям» и «славному прошлому», особенно заметным на фоне усиливающихся сложностей в отношениях с Западом. В этой связи безусловной вехой стало послание Федеральному собранию 2005 года, в котором распад Советского Союза был назван «крупнейшей геополитической катастрофой века»³⁹.

Соответствующие изменения начали происходить в исторической политике. В 2006 году появился новый учебник истории под редакцией Александра Филиппова и Александра Данилова, концепция которого «поразительно похожа на советский постсталинский нарратив за вычетом коммунистической ри-

ГЕОРГИЙ МАМВРИЙСКИЙ
УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ,
СТАЛИНСКИЙ И ПОСТСОВЕТ-
СКИЙ «РУССОЦЕНТРИЗМ»...

32 Там же. С. 101.

33 ПЕРЕГУДОВ С.П. *Политическая идентичность и проблемы консолидации российского государства // Политическая идентичность и политика идентичности*. М.: РОССПЭН, 2012. Т. 2. С. 303.

34 МИЛЛЕР А. *Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке*. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 329.

35 См. об этом: МАЛИНОВА О.Ю. *Использование прошлого в российской официальной символической политике (на примере анализа ежегодных президентских посланий) // Историческая политика в XXI веке*. С. 368–395.

36 МИЛЛЕР А. *Указ. соч.* С. 330.

37 ХАКИМОВ Р. *Имперский инстинкт* // Независимая газета. 2001. 2 марта (www.ng.ru/regions/2001-03-02/4_Instinct.html).

38 ПЕРЕГУДОВ С.П. *Указ. соч.* С. 293.

39 *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации* (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>).



торики»⁴⁰. При этом такой поворот следует воспринимать не столько как возрождение Советского Союза в идеологическом или политическом смысле, сколько как «включение советского в российскую современность»⁴¹. Такой шаг позволяет создать непрерывность истории, которой не было в ельцинской России, провозглашая тысячелетнее единство российской истории от Рюрика до Путина. Как мы отметили выше, «позитивизация»⁴² истории СССР в первый срок Путина во многом была направлена на граждан, ностальгирующих по СССР, что способствовало их интеграции в новую нацию.

В целом такое конструирование идентичности можно назвать относительно успешным: уже к концу первого срока Путина российская самоидентификация обогнала как советскую, так и региональную⁴³, а к 2019 году доля ощущавших себя гражданами России составила 91%, согласно исследованию ВЦИОМ⁴⁴.

Власти во второй половине 1990-х стали значительно реже использовать историю в политических целях; она была отдана на откуп профессиональным историкам, став тем значимым Другим, от которого тогдашняя власть отталкивалась для легитимации себя.

Однако между 2004-м и 2019 годами произошел ряд важных событий: до возвращения Владимира Путина в 2012-м, которое совпало с усиливающейся конфронтацией с «коллективным Западом», прошли четыре года противоречивого в контексте исторической политики президентства Дмитрия Медведева. С одной стороны, наблюдалось усиление либерально-демократических нарративов, апогеем которых стало высказывание президента «свобода лучше несвободы»⁴⁵. В сфере исторической политики проявлением этого стало признание Катынского расстрела в качестве преступления НКВД⁴⁶ и передача доку-

40 Миллер А. Указ. соч. С. 336.

41 Калинин И.А. *Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт* // Неприкосновенный запас. 2010. № 6(74). С. 6–16.

42 Ирина и Святослав Каспэ отмечали «жажду позитивности», которая не позволяет строить нацию лишь на травматических событиях: Каспэ И., Каспэ С. *Поле битвы-страна. Nation-building и наши нэйшнбилдеры* // Неприкосновенный запас. 2006. № 6(50). С. 50.

43 Холодковский К.Г. *Проблемы и противоречия российской идентичности* // Политическая идентичность и политика идентичности. 2012. № 2. С. 243.

44 Дробижева Л.М. *Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян* // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4(158). С. 480–498.

45 Дмитрий Медведев: *Самым важным считаю достижение гармонии между свободой и правопорядком* // Российская газета. 2008. 21 февраля (<https://rg.ru/2008/02/21/svoboda.html>).

46 См.: <http://duma.gov.ru/news/5093/>.

ментов по катынскому делу польской стороне. Также можно говорить об ослабевшей поддержке учебника Филиппова–Данилова: первый из соавторов не смог избраться президентом исторического отделения АН, несмотря на активное вмешательство Владислава Суркова⁴⁷ – на тот момент первого заместителя руководителя Администрации президента РФ. Однако, с другой стороны, превалировала все-таки национально-патриотическая линия предыдущего периода: именно при Медведеве была создана Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, одной из основных задач которой стала «выработка рекомендаций по адекватному реагированию на попытки фальсификации исторических фактов и событий и по нейтрализации их возможных негативных последствий»⁴⁸.

В целом же президент Дмитрий Медведев использовал историю в своей риторике для подчеркивания, с одной стороны, преемственности, а с другой, «точек разрыва» как легитимации модернизации⁴⁹. «Концептуальная специфика» медведевской модернизации выстраивала образ победоносного прошлого как ориентир для будущего, «требующем от нас быть его [прошлого] достойными»⁵⁰. Иными словами, в период медведевского президентства историческая политика переживала некоторую либерализацию по сравнению с первыми сроками Владимира Путина, хотя коренных изменений не случилось и линия по «нормализации сталинизма» осталась доминирующей⁵¹.

С возвращением Владимира Путина в 2012-м произошло лишь усиление консервативно-патриотического вектора в исторической политике. Частью этого курса стала запущенная по инициативе президента в 2013 году унификация учебников истории, которые должны быть построены «в рамках логики непрерывной российской истории» и обойтись без «двойных толкований»⁵². Это событие ознаменовало возвращение к советским практикам исторической политики, хотя и степень монополизации исторического пространства в России все еще оставалась значительно меньше, чем в СССР. Апогеем новостарой исторической политики стал единый учебник истории для 10–11 классов под авторством Владимира Мединского, выпущенный в 2023 году и включающий в себя раздел, посвящен-

ГЕОРГИЙ МАМВРИЙСКИЙ
УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ,
СТАЛИНСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ
«РУССОЦЕНТРИЗМ»...

47 Миллер А. Указ. соч.

48 Указ Президента РФ от 15.05.2009 г. № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (www.kremlin.ru/acts/bank/29288).

49 Малинова О.Ю. Указ. соч.

50 Калинин И.А. *Ностальгическая модернизация...* С. 8.

51 Миллер А. Указ. соч.

52 Президент: Учебники истории должны иметь единую концепцию // Российская газета. 2013. 25 апреля (<https://rg.ru/2013/04/25/uchebnik-anons.html>).



ный современным событиям, где «авторы... часто прибегают не к изложению материала, а к призывам и прямым обращениям к читателю»⁵³.

Активное участие государства в процессе нацистроительства подтверждается и самоидентификацией россиян. Согласно опросу ВЦИОМ, 56% респондентов называют именно государство как основание для идентификации себя с согражданами, а среди нерусских этносов эта доля составляет 62%⁵⁴, что может быть связано с тем, что им сложнее ассоциировать себя с русскими нарративами в истории и культуре.

Если в СССР полный отход от коммунистической доктрины был невозможен, что приводило к удивительной конвергенции русских национальных и марксистско-ленинских нарративов, то в России русская культура стала национальной идеей.

Ярким маркером руссоцентричности политики государства является эволюция соотношения терминов «русский» и «российский», упоминавшееся в начале статьи. Если предположить, что политика нацистроительства Владимира Путина не является руссоцентричной, и, как выражается Валерий Тишков, идет формирование «многонародной нации»⁵⁵, можно ожидать, что термин «российский» связан с государством, объединяя разные этносы, а «русский» – с конкретным этносом. Однако, согласно статье с официального сайта, посвященного «Году литературы» (2022), термин «русский» трактуется шире, чем термин «российский»: «Русским мы называем все – и то, что относится к государству, и то, что относится к народу»⁵⁶. Соотношение терминов «русский» и «российский» подчеркивает ключевое отличие сталинского руссоцентризма от постсоветского российского. Если в СССР полный отход от коммунистической доктрины был невозможен, что приводило к удивительной конвергенции русских национальных и марксистско-ленинских нарративов, то в России, как выразился Илья Калинин, русская культура стала национальной идеей⁵⁷.

Все эти изменения повлекли за собой соответствующие трансформации исторической политики в целом – и учебников

53 В Москве показали новые учебники по истории с операцией на Украине // РБК. 2023. 7 августа (www.rbc.ru/politics/07/08/2023/64d1016a9a794763ffc7ab63).

54 Дробижева Л. М. Указ. соч.

55 Тишков В. *Российский народ и национальная идентичность* // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 4. С. 135–142.

56 Ольховская А. Указ. соч.

57 Калинин И. А. *Праздник идентичности* // Неприкосновенный запас. 2015. № 3(101). С. 250–261.

истории в частности, – которые активно начались после возвращения Владимира Путина на президентский пост в 2012 году.

ГЕОРГИЙ МАМВРИЙСКИЙ
УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ,
СТАЛИНСКИЙ И ПОСТСОВЕТ-
СКИЙ «РУССОЦЕНТРИЗМ»...

УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ КАК ЧАСТЬ ПОЛИТИКИ РУССОЦЕНТРИЗМА

Выше был дан краткий обзор проблемы места и роли учебников истории для формирования нации – и взаимосвязи изменений политики нациестроительства с исторической политикой в СССР и РФ, отраженной в нарративах учебников истории. Далее мы проанализируем репрезентацию ряда периодов и событий в учебниках истории России под редакцией Владимира Мединского, сравнив их с аналогичными разделами в учебнике под редакцией Александра Шестакова для 3–4 классов (1937) и учебнике новой истории для 9 класса под редакцией Владимира Хвостова (1947).

Однако прежде, чем перейти к анализу и сравнению российских и советских учебников, необходимо сделать некоторые замечания. Ниже речь пойдет об учебнике истории России под редакцией Владимира Мединского (с 6-го по 11 класс), несмотря на то, что единый учебник истории на данный момент существует только для 10–11 классов. Сделано это для того, чтобы сохранить целостность при переходе от одного учебника к другому. С советскими учебниками ситуация немного другая: к 1950-м не было создано отдельных пособий для каждого класса, а до 1946-го не было отдельного учебника для старших классов по Новой истории, поэтому учебник под редакцией Александра Шестакова долго время использовался не только в 3–4 классах.

Нынешние учебники содержат в себе концептуальные свойства, подтверждающие тезис об использовании их государством в качестве средства исторической политики – и прежде всего указывающие на их руссоцентричность. Учебники в частности – и весь курс школьной истории в целом – описывают «государство русских», от Древней Руси вплоть до современности, практически не уделяя какого-либо внимания государствам других народов, которые располагались на территории Российской Федерации, подчеркивая, как, например, в учебнике за 6 класс, важность «истории страны» наравне с «прошлым наших предков»⁵⁸. В свою очередь сталинский учебник Шестакова начинается со слов: «СССР – страна социализма»⁵⁹, выделяя достижения прежде всего Советского Союза.

58 Черникова Т.В., Чиликин К.П. *История России с древнейших времен до начала XVI века. 6 класс: учебник* / Под общ. ред. В.Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021. С. 3.

59 *Краткий курс истории СССР: учебник для 3 и 4 классов* / Ред. А.В. Шестаков. Киев, 1937. С. 23.



Еще одним подтверждением использования учебников как непосредственного средства исторической политики государства является включение в повествование современных событий. Это делается для того, чтобы еще четче показать историческую преемственность, с одной стороны, а с другой, дать политическую оценку современным событиям, которая так же должна вытекать из исторического нарратива учебника. И если, например, учебник Шестакова заканчивается на убийстве Кирова (1934), хотя выпущен он был в 1937-м, то российский учебник за 11 класс заканчивается разделом, который посвящен событиям 24 февраля 2022 года и начавшемуся противостоянию с «коллективным Западом».

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ – СПАСИТЕЛЬ ОТ АГРЕССИИ ЗАПАДА

Фигура Александра Невского олицетворяет смену исторической политики при Сталине и переход к руссоцентризму. В СССР, где господствовала идеология марксизма-ленинизма, одним из главных героев исторического пантеона стал князь, который изначально позиционировался как «пособник новгородского торгового капитала» и эксплуататор «простого народа», с одной стороны, и символ великорусского шовинизма – с другой⁶⁰. При Сталине Александр Невский становится военным героем, отразившим «натиск с Запада», образ которого прекрасно подходил в контексте борьбы с капиталистами и империалистами Запада, в особенности – с нацистской Германией. Причем то, что выбор пал на Александра Невского, было не случайным; это можно проследить на примере подготовки учебника Шестакова. Секретарь ЦК ВКП(б) Андрей Жданов лично указывал на необходимость внесения дополнительной информации о Тевтонском ордене в проект учебника, а правительственная комиссия специально подчеркивала важность «правильной исторической оценки битвы на Чудском озере», которая остановила «движение на восток германских оккупантов»⁶¹.

Ключевую роль в создании исторического мифа вокруг Александра Невского сыграл одноименный фильм Сергея Эйзенштейна (1938), содержащий прямые отсылки к нацистам, представленных в картине в образе немецких рыцарей, которым противостоит русский князь. Впрочем, некоторые исследователи – в частности, Брандербергер – считают, что советский зритель не совсем правильно понял замысел Эйзенштейна:

60 Шенк Ф.Б. *Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000)*. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 236.

61 Там же. С. 293.

режиссер снимал фильм, прославляющий государство, а зрители увидели в нем прославление героизма русского народа⁶². За это же критиковали фильм и старые партийцы, видевшие в новом идеологическом повороте «отход от... интернационализма и классовой борьбы и поворот к русскоцентричному национализму старого образца»⁶³.

В современных учебниках истории Александр Невский столь же важен. Это становится очевидным хотя бы из подсчета дат, связанных с князем, в хронологической таблице в конце пособия. В учебнике «Истории России» для 6 класса (2021) присутствуют и Невская битва, и Ледовое побоище⁶⁴, в то время как в сталинском аналоге было только последнее событие⁶⁵. Акцент в советском учебнике именно на Ледовом побоище связан с международной ситуацией того периода: главной угрозой виделась нацистская Германия, поэтому представление немцев-рыцарей как разорителей городов, обращающих русских людей в рабство и насилюющих женщин⁶⁶, имело важное идеологическое значение. Шведы на такую роль тогда претендовать не могли.

Неразрывная связь трансформации исторического образа Александра Невского с антигерманской пропагандой в довоенный период особенно заметна после заключения пакта Молотова–Риббентропа (1939). Как пишет Бенъямин Шенк, до 22 июня 1941 года «Александр Невский исчез из исторического дискурса советского патриотизма»⁶⁷. Шенк также замечает, что в этот период изменилась и репрезентация Ледового побоища в учебниках истории. Вместо резкого описания в учебнике Шестакова, в учебнике для 8 класса под редакцией Анны Панкратовой (1940) событие описано «очень экономным стилем и с умеренными интонациями»⁶⁸.

В нынешнем российском учебнике для 6 класса акценты расставлены иначе. Целый параграф посвящен «отражению агрессии с Запада», описывающему противостояние русских князей европейцам в начале–середине XIII века. Интересно, что параграф, посвященный монгольскому нашествию, называется «Натиск на русские земли с Востока». Выбор относительно нейтрального «натиска» вместо негативно окрашенной «агрессии» в описании завоевания Руси с востока представляется не случайным: сегодня главный «враг» находится на За-

ГЕОРГИЙ МАМВРИЙСКИЙ
УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ,
СТАЛИНСКИЙ И ПОСТСОВЕТ-
СКИЙ «РУССОЦЕНТРИЗМ»...

62 BRANDENBERGER D. *The Popular Reception of S.M. Eisenstein's Aleksandr Nevskii // Epic Revisionism: Russian History and Literature as Stalinist Propaganda*. Madison: University of Wisconsin Press, 2006. P. 246.

63 ШЕНК Ф.Б. *Указ. соч.* С. 360.

64 ЧЕРНИКОВА Т.В., ЧИЛИКИН К.П. *Указ. соч.* С. 273.

65 *Краткий курс истории СССР...* С. 218.

66 Там же. С. 23.

67 ШЕНК Ф.Б. *Указ. соч.* С. 395.

68 Там же. С. 396.



паде, а восточных союзников Российской Федерации лучше не выставлять совсем уж во враждебном свете. Невская битва и Ледовое побоище описаны очень подробно, в основном основываясь на «Житии Александра Невского». И хотя указывается позиция некоторых историков, утверждающих, что Невская битва не была «масштабной», авторы учебника подчеркивают, что «значение ее оказалось не в масштабах», а в победе над «внешним врагом» и «защите от иноверцев»⁶⁹. В целом же из Невской битвы и Ледового побоища выстраивается нарратив, описывающий неудачные попытки захватить русские земли пришлыми иноземцами-европейцами, которых остановили русские воины.

Таким образом, фигура Александра Невского как одного из ключевых героев исторического пантеона, культивировавшегося в СССР, не потеряла своего значения и в современной России. Оставшись важной частью национального мифа, репрезентация древнерусского князя в учебниках истории изменилась: если в период сталинского руссоцентризма Александр Невский был в первую очередь символом борьбы с немецким «натиском на Восток», то сейчас он стал символом противостояния Западу как таковому и защиты «своих», русских, ценностей от иноверцев. Ключевая роль Александра Невского в историческом пантеоне, с одной стороны, подтверждает руссоцентричную логику в исторической политике и стратегии нацистроительства, а с другой, показывает различные идеологические роли, которые играла фигура князя в зависимости от политической конъюнктуры последних ста лет.

ВОЙНЫ И РАСШИРЕНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Для объединения разных этносов в единую нацию историческая политика должна показать преимущества включения других народов в русское государство и прогрессивную роль, которую оно сыграло в их в судьбе. Отражение войн в учебниках истории также служит способом патриотической мобилизации, что особенно важно в контексте противостояния внешнему врагу: общей чертой как сталинской, так и современной российской исторической политики является своего рода метанарратив предательства России странами Запада и ее использования в их корыстных целях.

Учебники Александра Шестакова и Владимира Хвостова наглядно демонстрируют эволюцию советских исторических нарративов в репрезентации войн от интернационалистических

69 Черникова Т.В., Чиликин К.П. Указ. соч. С. 168–169.

к государственноцентричным. Изначально советская историография рассматривала войны через марксистско-ленинскую парадигму борьбы капиталов и их политических представителей (политических партий и государств), где обычный человек – в сюжетах о российской истории – становился жертвой государства и прежде всего царизма. Например, война с Турцией (1877–1878) описывается так: «сотни тысяч плохо вооруженных солдат погибли зря»⁷⁰; а про Первую мировую сказано следующее: «царские генералы, послушные приказам царя Николая II и Антанты, гнали солдат в новые и новые наступления»⁷¹. Это усиливается важнейшим обстоятельством: война была «империалистической». Однако после Великой Отечественной войны акценты смещаются в сторону оправдания государства и перекладывания вины на царизм как политическую систему. При описании той же русско-турецкой войны теперь указывается на «храбрость русских солдат и офицеров» – при противопоставлении их профнепригодному командованию⁷². Происходит пересмотр и Первой мировой: Россия играет ключевую роль в войне с Германией и ее союзниками, находясь под постоянным давлением союзников, которые требуют наступать, чтобы устоял Западный фронт⁷³.

Нынешние российские учебники истории не обременены марксистско-ленинским учением, что только увеличивает государственноцентричность исторических нарративов. Русско-турецкая война так же изображается как героическая – русские солдаты спасали «страдающих балканских славян» – и вынужденная: Александр II пытался сначала надавить на Турцию дипломатически для облегчения участи христиан⁷⁴. Дипломатического измерения не было ни в одной из советских трактовок, что может быть связано как с идеологическим изобличением царизма, так и с новым российским нарративом о «вынужденной войне».

Рассказ о Первой мировой является апогеем государственных нарративов: в сравнении с советскими учебниками этому событию уделяется гораздо больше внимания и прямо говорится, что Россия вступила в войну для «защиты своих национальных интересов»⁷⁵. Более того, фактически идет повторение нарративов советского учебника Новой истории 1947 года:

70 *Краткий курс истории СССР...* С. 102.

71 Там же. С. 145.

72 Хвостов В.М., Зубок Л.И., Галкин И.С., Нотович Ф.О. *Новая история: 1870–1918. Учебник для 9-го класса средней школы.* М.: Учпедгиз, 1947. С. 111–112.

73 Там же. С. 145–147.

74 Черникова Т.В., Пазин Р.В. *История России. XVI – конец XVII века. 7 класс: учебник / Под общ. ред. В.Р. Мединского.* М.: Просвещение, 2021. С. 192–194.

75 Мединский В.Р., Торкунов А.В. *История России. 1914–1945 годы. 10 класс, базовый уровень: учебник.* М.: Просвещение, 2023. С. 25.



в нем Россия так же играет ключевую роль в войне, в то время как союзники «не спешили помогать»⁷⁶. Отличительной чертой является то, что сегодня царизм напрямую не винят в произошедших неудачах: называются их причины – недостаток снарядов и снабжения, – но отсутствует указание на их генезис. Придание Первой мировой войне большей значимости, чем это было в Советском Союзе, стало способом с помощью новой исторической политики создать мост между царским и советским прошлыми. С продвижением государственно-патриотических нарративов Первая мировая стала точкой слома предыдущего государства, открыв дорогу новому, которым и стал СССР, призванный продолжить «славное прошлое». Таким образом, Первая мировая стала важной точкой соединения двух российских прошлых, репрезентации которых так или иначе связаны с государством.

Похожие перемены происходят и в нарративе о покорении нерусских народов. Если в учебнике Шестакова подчеркивается угнетение народов Западной Сибири⁷⁷ и борьба народов Центральной Азии против завоеваний Российской империи⁷⁸, то в учебном пособии по Новой истории подача уже сглаживается, а присоединение Центральной Азии рассматривается как ответ на «наступательную политику Англии»⁷⁹. И хотя марксистско-ленинский идеологический подход не пропал из учебников истории (и пропаганды в целом), однако очень часто упор делался на патриотические резоны. В рассказе о присоединении нерусских народов в современных учебниках истории Россия обычно изображается как их защитница. Завоевание Сибирского ханства объясняется тем, что «другие народы притеснялись» сибирскими татарами и «готовы были перейти в подданство России»⁸⁰. Подчеркивается прогрессивная роль имперской власти – как, например, в случае завоевания Средней Азии, после которого там «были запрещены работорговля и рабовладение», «началось строительство железных дорог» и «открывались современные школы, больницы, библиотеки»⁸¹. О территориальной экспансии в этом регионе при Александре III и вовсе говорится кратко и описательно.

В целом можно сказать, что позднесталинское и современное описание войн достаточно схоже. В обоих случаях прослеживаются патриотические нарративы о «героических русских солдатах», защищающих родину. При этом в российском учеб-

76 Там же.

77 *Краткий курс истории СССР...* С. 55–56.

78 Там же. С. 147.

79 Хвостов В.М., Зубок Л.И., Галкин И.С., Нотович Ф.О. *Указ. соч.* С. 111.

80 Черникова Т.В., Чиликин К.П. *Указ. соч.* С. 81.

81 Вишняков Я.В., Могилевский Н.А., Агафонов С.В. *История России. XX – начало XX века. 9 класс: учебник* / Под общ. ред. В.Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021. С. 189.

нике намного больше внимания уделяется Первой мировой как мосту между царским и советским прошлыми, хотя, бесспорно, Великая Отечественная война остается важнейшим событием. С завоеванием нерусских народов ситуация отличается: в рассматриваемых выше советских учебниках не делается упор на «прогрессивную роль» российского государства, хотя в поздне-сталинский период работ с «патриотическим историческим дискурсом» стало больше⁸². Можно вспомнить и уменьшение внимания к истории нерусских этносов в СССР в целом, о чем упоминалось выше в связи с «Историей Казахской ССР». В учебнике Шестакова представлено изначальное конвенциональное негативное марксистско-ленинское отношение к подобным завоеваниям, в то время как учебник Хвостова его серьезно сглаживает. Нынешние же российские учебники, наоборот, подчеркивают роль России как защитницы и двигателя прогресса для нерусских народов.

ГЕОРГИЙ МАМВРИЙСКИЙ
УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ,
СТАЛИНСКИЙ И ПОСТСОВЕТ-
СКИЙ «РУССОЦЕНТРИЗМ»...

С продвижением государственно-патриотических нарративов Первая мировая стала точкой слома предыдущего государства, открыв дорогу новому, которым и стал СССР, призванный продолжить «славное прошлое». Первая мировая стала точкой соединения двух российских прошлых, репрезентации которых так или иначе связаны с государством.

* * *

Краткий очерк содержания современных российских учебников под редакцией Владимира Мединского дает возможность зафиксировать серьезные сходства с нарративами учебников сталинского периода. Это позволяет охарактеризовать современную историческую политику и стратегию нациестроительства в целом как «российский руссоцентризм» по аналогии с термином Бранденберга «сталинский руссоцентризм». Выбор схожей политики в разные периоды можно объяснить схожим контекстом, с которым в процессе формирования нации столкнулись лидеры недавно созданных государств. В случае России немаловажным фактором стало и то, что этот метод уже продемонстрировал свою эффективность при Сталине.

82 Тихонов В. Указ. соч. С. 207.



Говорить о полной идентичности двух руссоцентризмов нельзя: сталинский все еще сильно зависел от марксистско-ленинской идеологии, что вынуждало аккуратно встраивать русские национальные нарративы в советский дискурс. В свою очередь отсутствие догматичной и структурированной идеологии в современной России создало ситуацию, когда широко (почти безбрежно) понимаемая русская культура стала национальной идеей новообразовавшегося государства, усилив роль руссоцентричных нарративов в исторической политике. Это отличие заметно и при непосредственном сравнении советских и современных российских учебников истории. При этом, несмотря на активное использование марксистско-ленинских трактовок в советских учебниках истории, наравне с российскими аналогами там можно проследить фиксацию на национальной истории русского государства, на русских национальных героях как ключевых исторических фигурах, таких как Александр Невский, и на подвигах русских солдат. В то же время современные учебники истории уделяют особое внимание прогрессивной и покровительственной роли российского *государства* при расширении и включении в свой состав нерусских народов.

В данной статье по объективной причине было рассмотрено ограниченное количество периодов и событий. Поэтому представляется целесообразным продолжить разговор о школьных учебниках истории в их связи со становлением советской и постсоветской российской государственности.

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН



Все не так однозначно

Почему нынче то и дело приходится слышать эти слова? Потому что очень многое, что было определено плохим или хорошим, такую определенность теряет. Не раз за последнее время мы наталкивались на что-то дурное в хороших вещах, процессах, людях, но случалось и признавать, что у чего-то заведомо дурного открывались положительные стороны. Речь именно о том, что, не изменяя себе, можно обнаружить нечто неожиданное в окружающих людях, отношениях и вещах. Да, такие перемены происходили всегда, но сейчас они стали приметой времени, если не главной чертой, отличающей его от времен прошлых, в которых мы росли и из которых вынесли представления о том, как все должно быть.

Самое большое явление нынешнего времени, его главная отличительная черта – это то, чему общество с трудом



**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

подбирает название. Слова «специальная военная операция» были выбраны для того, что в задуманном виде не состоялось, а превратилось во что-то совсем другое. Но и слово «война» для живущих в тылу, в глубине России чуждо, ведь для них за этим стоят страшные образы сгоревших городов и сел, гигантских танковых сражений, миллионов убитых и раненых. Словом, картины из книг и фильмов «про войну», которых они – в отличие от жителей Украины и более близких к ней российских территорий – не видят. Более того, миллионы россиян вообще не упоминают вышеназванные ассоциации и страхи: стало уже общим местом рассуждение – с осуждением или восхищением, – что жизнь в российских городах стала чуть ли не веселее прежней¹.

Разным высоким чином в руководстве России начала XX века приписывают фразу «маленькая победоносная война будет нам очень кстати» относительно конфликта с Японией. Про нынешние события некоторые стратеги думали то же самое. Но получилась не маленькая, на момент написания этих строк не победоносная, однако тем не менее все равно пришедшаяся очень кстати. Ожил ВПК, некогда – основа советской экономики, если не всей жизни. Автору не раз приходилось приводить сказанные ему одним главным инженером проникновенные слова: «У нас ведь тут все стояло, люди бедствовали, но, слава богу, война началась, и все опять задышало, люди стали в семью деньги приносить».

Экономисты говорят: деньги, полученные сотрудниками оборонных заводов и сопряженных с ними производств, плюс деньги, выплаченные семьям за воюющих и за отвоевавшихся навсегда, сумели оживить экономику депрессив-

ных регионов. Эти средства, а также льготы для членов семей участников СВО привели к подвижкам в социальной структуре. Ускорилась урбанизация: люди из малых населенных пунктов стали переезжать в более крупные, в лучшие условия быта, а в строительную отрасль пришли их ипотечные средства. У отечественного автопрома появились новые покупатели, а машина в семье поднимает социальный статус. В учебные заведения пришли дети из семей, которые раньше на такие заведения, а значит, в перспективе, и на более высокие социальные позиции не заглядывались.

Однозначной – а какой же еще? – была реакция тех сотен тысяч, кто бросился вон из России, лишь только была начата СВО, лишь только была объявлена «частичная мобилизация». Однозначной была их картина мира: вот Россия, совершившая этот шаг, вот Запад, единодушно ее осудивший. Туда и нам – этот шаг России не приемлющим – дорога. Однако выяснилось, что не всех и не везде на Западе принимают. Все не так однозначно. Перед многими эти ворота почему-то закрылись, но вдруг открылись те, о которых никто и не думал – не на Западе, а на Востоке, в бывших советских республиках, к которым особого уважения у большинства беглецов никогда не было. Так или иначе, этот побег, эта эмиграция, сперва столь решительно единые и однозначные, стали меняться: одни осели на новых местах, как они думают, навсегда, другие все ищут и не определились со своей судьбой, а кто-то стал помаленьку возвращаться – на неделю, на месяцы, насовсем.

Санкции, введенные против России разными странами, во многих случаях не дали ожидавшихся от них эффектов,

¹ См., в частности, наши рассуждения об этом: Левинсон А. *Страшный праздник* // Неприкосновенный запас. 2024. № 4 (156). С. 79–82.

зато принесли много неожиданных. Некоторые экономисты утверждают, что санкции обошлись их инициаторам дороже, чем ущерб, который они нанесли экономике России. А примеры Ирана и Северной Кореи говорят, что под санкциями можно жить. Но есть и другие аспекты.

Так, еще после присоединения Крыма энтузиазм и восторг миллионов, длившийся не месяцы, а годы, в немалой степени подогревался эмоциями по поводу санкций. Задуманные как наказание, как средство, которое заставит Россию осознать порочность/противоправность проводимой ею политики, они дали совсем другой результат: «санкции нам ни почем, только крепче будем», «санкции нам на пользу, свое производство наконец будем развивать» и так далее.

Есть еще один особо неоднозначный результат санкций. В советское время параллельно с государственной экономикой существовала экономика теневая. Затем, в период «первоначального накопления», в те самые «лихие 1990-е», экономическая и социальная жизнь, почти свободная от внешнего контроля, эти теневые практики во многом продолжила и развила. Далее предпринимались попытки поставить их под контроль, хотя и в более спокойные времена продолжала существовать «серая зона», где шли свои экономические и социальные процессы. Но, когда тиски санкций всерьез ждали уже вполне респектабельную российскую экономику, руководство страны дало отечественному бизнесу волю: многие теневые практики были декриминализованы, а госконтроль резко ослаблен. Российский бизнес не упустил такой возможности, сделав всю экономику более или менее «серой», но обеспечив ей – за счет миллионов «левых

схем», хитростей, уловок, умопомрачительных комбинаций, новых и, наоборот, давно забытых старых, законных, полукриминальных и прежде незаконных практик – временное спасение. Не верховенство закона спасло положение, не прозрачность и открытость, а совсем другие манеры и практики – и этот урок отечественная культура не забудет

В социальном аспекте тоже все неоднозначно. О войнах часто говорят, что они забирают лучших... Про СВО же с одобрением говорят, что с почином Пригожина, подхваченным официальными структурами, страна очищается от криминального элемента. А еще, польстившись на деньги, ушли на фронт те, кто был никчемным в обычной жизни. Зато те, кто сможет вернуться, будут теперь учить нас жить.

Одним из самых удивительных феноменов времени, отсчет которого начался в феврале 2022 года, является то, что страна будто не замечает, что она делает и что с ней происходит. Возможно, это осознание – новая однозначность, что есть добро, а что зло, – придет, лишь когда все кончится. Кто доживет, увидит. А пока в обществе совсем разное отношение к тому, стоило ли начинать СВО или нет. На вопрос, заданный «Левада-центром»² в октябре 2024 года, о том, будь у респондента «возможность вернуться в прошлое и отменить или поддержать начало военной операции в Украине», 40% ответивших приняли бы решение ее отменить, а 44% – поддержали бы ее начало. Среди молодых (18–24 года) за отмену выступают 50%, в поддержку – 31%. Среди пожилых (55 лет и старше) – почти в точности наоборот: 32% и 51% соответственно. В целом выходит примерно поровну: все снова неоднозначно.

2 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*



Юлия
ФРОЛОВА

Такие же, но другие: национализм в Северной Стране Басков



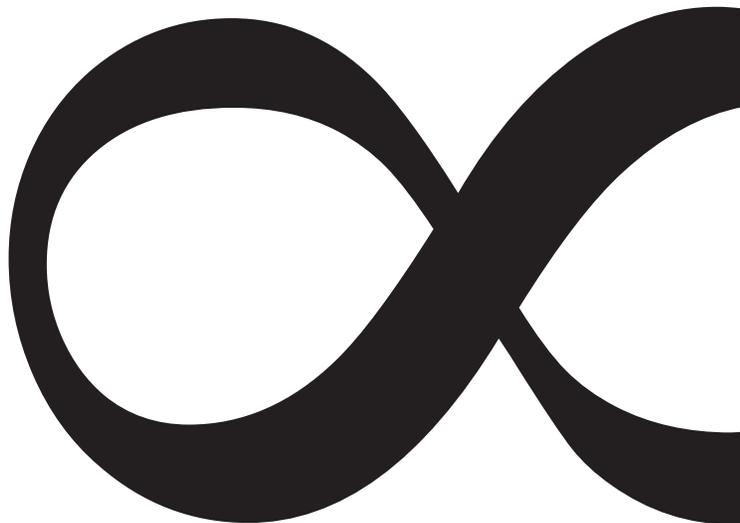
Юлия Николаевна
Фролова (р. 1989) –
доцент кафедры поли-
тологии Российского
государственного педа-
гогического университе-
та имени А.И. Герцена
(Санкт-Петербург).

Говоря о басках и их проблемах, мы зачастую, причем необоснованно, забываем, что термин «страна Басков» должен использоваться во множественном числе, поскольку территория с таким названием существует не только в Испании, но и во Франции. И если об испанской Стране Басков (Хе-гоальде) и ее национализме известно довольно много, то французская – или Северная – Страна Басков (Ипarrальде) особым вниманием специалистов и СМИ не пользуется. Справедливости ради, впрочем, стоит заметить, что этот факт объясняется не только субъективными, но и объективными причинами: аутентичных источников, освещающих ее жизнь, не так уж и много, а на английском языке – то есть в формате, наиболее доступном для научного сообщества – и того меньше. Как отмечает Глория Тоторикагена, давно занимающаяся этой проблематикой, даже южные баски не всегда в курсе того, что происходит у северян¹.

Между тем случай Ипarrальде интересен: Северная Страна Басков, в отличие от южной соседки, являет пример эволюционного, а не революционного развития автономизма: культи-

1 TOTORICAGUENA G. *Basque Diaspora: Migration and Transnational Identity*. Reno: Center for Basque Studies; University of Nevada, 2005. P. 69.

CASE STUDY 2



вирование баскской политической субъектности происходит здесь за рамками сепаратистских сценариев. В настоящей статье мы попытаемся разобраться, чем объясняется это отличие, а также затронем основные темы местной политики: стремление французских басков обзавестись собственным департаментом, их подходы к языковой и культурной самобытности, особенности региональной политической палитры.

ЮЛИЯ ФРОЛОВА

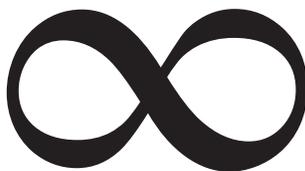
ТАКИЕ ЖЕ, НО ДРУГИЕ:
НАЦИОНАЛИЗМ В СЕВЕРНОЙ
СТРАНЕ БАСКОВ

Что такое Ипарральде?

Французский исторический регион Страна Басков расположен на юго-востоке страны и входит наряду с исторической областью Беарн в состав департамента Атлантические Пиренеи. Исторически Ипарральде состояла из провинций Лабурдан, Нижняя Наварра и Суль (Зубероа), которые на сегодняшний день распределены в департаменте следующим образом: Лабурдан и Нижняя Наварра входят в округ Байона, а Зубероа разделена между округами Байона и Олорон-Сент-Мари. Местные историки считают, что баски жили здесь уже в конце эпохи верхнего палеолита, то есть в XV–X веках до нашей эры. Греческие и римские географы, в том числе Страбон и Птолемей, упоминают о четырех племенах, говоривших на разных диалектах баскского языка (*Euskara*). После Столетней войны Лабурдан и Зубероа были официально присоединены к Франции, а Нижняя Наварра (в прошлом часть королевства Наварра) вошла в ее состав позже – в 1589 году.

Интересно, что на протяжении веков французские монархи уважали местные законы и традиционные привилегии басков (*fueros*). Так было до Французской революции, после которой Законодательное собрание Франции 1791–1792 годов их отменило – что, кстати, произошло намного раньше, чем в Южной Стране Басков, где фуэрос в том или ином виде сохранялись до утверждения диктатуры Франсиско Франко. В 1790-м революционными властями был создан административный департамент Нижние Пиренеи, объединивший Беарн со Страной Басков – вопреки тому, что обе стороны были против, убеждая правительство учредить два разных департамента.

Наконец, уже в XIX веке был нанесен еще один удар по баскским свободам, затронувший как южную, так и северную части Страны Басков: если раньше баски могли торговать на территориях всех семи баскских провинций, не уплачивая налогов до тех пор, пока товары не отправлялись в другие части Испании, то теперь торговые пошлины взимались с товаров при пересечении границы с Наваррой и Гипускоа – двух испанских баскских провинций.



НАЦИОНАЛИЗМ В ИПАРРАЛЬДЕ

Если для испанской – Южной – Страны Басков XX век стал периодом стремительного подъема национализма, то в Ипарральде в это время жизнь текла относительно спокойно². Во французской Стране Басков не было сильных религиозных и политических элит, связанных с баскской культурой, которые могли бы объединить вокруг себя националистические силы, но зато полным ходом шли процессы индустриализации, разрушающие сельский уклад, который исторически концентрировал в себе «баскость». Играли свою роль и особенности языкового ландшафта: в обществе, где французская идентичность ассоциировалась с современностью, а баскская – с традиционализмом, овладение французским превратилось в действенный социальный лифт.

На запоздалое развитие национализма повлияли и позиции внешних акторов, прежде всего южных собратьев. После гражданской войны в Испании баскское правительство в изгнании, контролируемое Баскской националистической партией (БНП – *Euzko Alderdi Jeltzalea* (баск.), *Partido Nacionalista Vasco* (исп.)), четко дало понять: роль Ипарральде лишь в том, чтобы защищать баскских беженцев и выступать своеобразным тылом борьбы за самоопределение в Испании. Конечно, никто не отрицал важность сохранения во французских землях баскского языка, баскской культуры, баскского сознания; но при этом изгнанные баски-республиканцы старались оставаться политическими реалистами. Например, Мануэль Ирухо (1891–1981) – близкий друг Антонио Агирре (1904–1960), первого президента Страны Басков, и активный деятель его правительства – всячески подчеркивал необходимость поддержки потенциального баскского государства со стороны Франции, понимая при этом, что на Париж нельзя будет рассчитывать, провозгласив курс на включение земель французских басков в состав будущего баскского государства. Конечно, сами баски Франции не были в восторге от такой позиции: ее неприятие, в частности, заставило Марка Легасса (1918–1997) – одного из их будущих лидеров – написать гневное письмо президенту Агирре, в котором БНП обвинялась в саботаже и предательстве баскского дела³.

Среди иных важных факторов, обусловивших различия двух баскских ареалов, следует упомянуть особенности государственного строительства. Дело в том, что типы распределения власти во Франции и Испании заметно различаются: если во

2 ANEDO GURRUTXAGA I. *Nacionalismo vasco e Iparralde: una historia de usos y abusos* // Revista Vasca de Administración Pública. 2008. № 80. P. 291.

3 Ibid. P. 296.

Франции и политический, и экономический центры сосредоточены в Париже, то в Испании безусловным политическим центром является Мадрид, но экономических центров несколько, и они разбросаны по всей стране. В результате на территории испанской Страны Басков сформировались элиты, способные поддерживать националистический дискурс, а на территории французской Страны Басков таких элит не оказалось. Внутрибаскская граница противопоставила друг другу две принципиально разные модели государственной организации: с одной стороны – сильное централизованное государство, не допускающее политизации этничности, с другой стороны – регионализированное «государство автономий». Свой вклад в это противопоставление внесли и исторически непростые отношения Франции и Испании, далеко не всегда оказывавшиеся дружественными: испанские набеги на провинцию Лабурдан в XVII веке и французская оккупация Гипускоа подталкивали столицы к более четкому прочерчиванию границы, но противовесом этому выступало неизбежное и интенсивное трансграничное взаимодействие территорий, говорящих на одном языке.

Еще одной причиной, способствовавшей слабости национализма в Ипarrальде, стали постоянные конфликты между пестрыми националистическими силами баскского региона, взятого в целом. В этой связи историки даже говорят о «любопытной традиции внутривнутриполитических склоков» в баскской среде⁴. Для описания взаимоотношений, складывающихся между националистами Севера и Юга, нередко привлекается метафора семьи, противопоставляющая «старшего брата» (испанских басков) «младшему брату» (французским баскам), причем от младшего требуется послушание старшему, включающее готовность не только поддерживать, но и спасать его, жертвуя собой. Вариацией этой темы можно считать и довольно экзотический фрейдистский нарратив, в рамках которого «отец» (Хегоальде) конкурирует с «сыном» (Ипarrальде) за то, чтобы добиться любви «матери» (независимости родины)⁵.

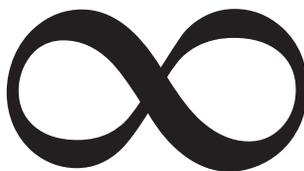
Наконец, на интересующей нас разнице сказались и состояние экономики двух регионов. Испанские провинции Страны Басков относятся к богатейшим частям страны: помимо добывающей и обрабатывающей промышленности, здесь – а конкретно в провинции Бискайя – находится крупный банковский центр не только общенационального, но даже общеевропейского уровня. Согласно подсчетам одного из ведущих испанских банков, здешний показатель ВВП на душу населения самый

ЮЛИЯ ФРОЛОВА

ТАКИЕ ЖЕ, НО ДРУГИЕ:
НАЦИОНАЛИЗМ В СЕВЕРНОЙ
СТРАНЕ БАСКОВ

4 ЯСОВ J. E. *The Future of Basque Nationalism in France* // DOUGLAS W. A., URZA C., WHITE L., ZULAIKA J. (Eds.). *Basque Politics and Nationalism on the Eve of the Millenium*. Reno: Center for Basque Studies; University of Nevada, 1999. P. 163.

5 См., например: АНЕДО GURRUTXAGA I. *Nacionalismo vasco e Iparralde...* P. 294.



высокий в стране, если вынести за скобки Мадрид⁶. Экономическая самодостаточность выступает мощным козырем в руках националистов: теоретически Южная Страна Басков в состоянии прокормить себя и без Испании. А вот в Ипarrальде наблюдается совсем иная картина: регион относится к наименее развитым во Франции, специализируясь, несмотря на прошедшую в XIX веке индустриализацию, преимущественно на сельском хозяйстве и туризме. Пожалуй, единственное, в чем Ипarrальде пошла дальше своей южной соседки, – это введение местной валюты, получившей название «эуско» (*Eusko*). Сегодня в обороте находятся четыре миллиона эуско; валютой пользуются 1400 компаний и 4000 частных лиц, что делает ее самой распространенной локальной валютой в Европе⁷. По большей части эуско используется с целью популяризации баскской культуры, но в то же время эти деньги применяют и для упрощения расчетов между местными производителями.

ПАРТИИ, ДВИЖЕНИЯ, ЛИДЕРЫ

Все баскское движение в Испании так или иначе связано с именем одного человека – харизматичного Сабино Араны (1865–1903). В Ипarrальде же было несколько лидеров.

Сначала следует упомянуть Доминика-Жозефа Гарата (1749–1833), одного из первых идеологов, предлагавших объединить Ипarrальде и Хегоальде в Новую Финикию – конфедерацию, которая составила бы часть наполеоновской империи. Да, именно так: в ту пору никакого национализма в этих краях не наблюдалось, и хотя инициаторы проекта и подразумевали определенную культурно-языковую автономию басков, продвигаемое ими территориальное образование было призвано укрепить государство Наполеона.

Августин Чахо (1811–1858) уже был больше похож на привычного националиста. Среди его идей появляется миф о «золотом веке»⁸, характеризующем баскское прошлое: предполагалось, что в те славные времена баски населяли весь Иберийский полуостров. Кроме того, Чахо первым начал говорить о значимости языка и расы, предвосхищая тезисы, которые появились впоследствии у Сабино Араны, что позволяет сделать предположение о влиянии идей Чахо на эволюцию национализма не только дома, но и в Хегоальде.

6 См.: *Autonomous Community Outlook: Basque Country*. CaixaBank Research. 2024 (www.caixabankresearch.com/sites/default/files/content/file/2024/01/22/34454/f-ccaa-pais-vasco-en.pdf).

7 См. сайт, посвященный это денежной единице: www.euskalmoneta.org.

8 АНЕДО GURRUTXAGA I. *The Transformation of National Identity in the Basque Country of France, 1789–2006*. Reno: Center for Basque Studies; University of Nevada, 2008. P. 73.

Тем не менее ни Чахо, ни Гарата нельзя назвать националистами в полном смысле слова: ни один из них не настаивал на обретении басками политической субъектности. Учитывая этот важнейший критерий, первым баскским националистом во Франции, вероятно, можно считать уже упоминавшегося Марка Легасса, который в 1940-х начал призывать к акциям гражданского неповиновения, видя в них инструмент отстаивания коллективных прав своего народа. Эта идея вызревала в том числе и под влиянием беженцев, спасавшихся во Франции от франкистов. В те же годы выявились и первые противоречия, разделившие националистов Южной и Северной Страны Басков: французские земли рассматривались в качестве периферии не только Парижем, но и испанскими басками, приписывавшими им сугубо вспомогательное значение. Это не могло не радикализировать определенную часть баскского сообщества, проживавшего во Франции. Считается, что именно взгляды Легасса послужили основой для формирования идеологии Энбаты (*Enbata*) – первого по-настоящему националистического движения басков, населявших французскую территорию⁹.

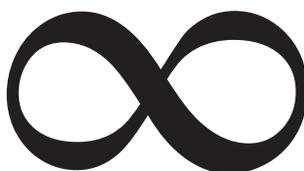
ЮЛИЯ ФРОЛОВА

ТАКИЕ ЖЕ, НО ДРУГИЕ:
НАЦИОНАЛИЗМ В СЕВЕРНОЙ
СТРАНЕ БАСКОВ

Северная Страна Басков, в отличие от южной соседки, является пример эволюционного, а не революционного развития автономизма: культивирование баскской политической субъектности происходит здесь за рамками сепаратистских сценариев.

До Энбаты и Декларации Ичасу, провозглашенной ею в 1963 году, баскского национализма во Франции фактически не существовало. В упомянутом документе впервые выдвигается тезис о необходимости учреждения отдельного баскского департамента; авторы декларации видели в этом первый шаг на пути баскского воссоединения в рамках «Европы народов». Такое воссоединение представлялось им в формате региона, автономного в политическом, административном, культурном отношении и объединяющего семь баскских провинций. В деятельности Энбаты выделялись два специфических момента: во-первых, она с самого начала дистанцировалась от насильственных действий; во-вторых, в основу ее политики закладывалось не построение собственного государства, а культивирование «Европы народов». В результате Энбата превратилась в крупнейшее политическое объединение северного региона,

9 Ibid. P. 126.



что, разумеется, поставило на повестку дня вопрос о ее взаимодействии с ведущим баскским актором, действующим на юге – террористической группировкой ЭТА (*Euskadi Ta Askatasuna* – ЭТА). Попытка французских активистов наладить контакты с испанскими террористами ожидаемо привела к дискредитации Энбаты во Франции и даже ее краткосрочному запрету в годы президентства Жоржа Помпиду. На сегодняшний день продолжает свою работу ассоциация Энбата, которая в основном занимается пропагандистской деятельностью, включая выпуск баскского политического журнала и развитие интернет-издания *enbata.info*. С 2022 года она является частью европейского аналитического Фонда Копьетера (*Corpieters Foundation*), основанного в 2007-м и сфокусированного на вопросах европейской интеграции.

Союз патриотов (*Abertzaleen Batasuna*), возникший в 1990-х, с момента своего появления дистанцируется от политических сил как Хегоальде, так и Ипарральде. Движение сложилось из небольших местных партий, состоявших преимущественно из молодежи. Главные требования Союза сводятся к учреждению отдельного баскского департамента на территории Франции, наделению баскского языка и баскской культуры особым статусом, предоставлению французским баскам права на собственную образовательную и воспитательную политику¹⁰. Впрочем, из-за сложноструктурной структуры Союза вопрос о департаментализации вызвал в нем жаркие дебаты: если более умеренная (и, стоит отметить, более рациональная) часть готова была удовлетвориться повышением статуса области до уровня департамента, то ее радикальное крыло настаивало на том, что нужно идти дальше и добиваться статута автономии, аналогичного, скажем, Статуту автономии Страны Басков (1979), легитимирующему особую политическую систему региона.

После продолжительных дискуссий к концу XX века Союз патриотов сформулировал три ключевых пункта собственной стратегии: а) акцент на создании департамента; б) вовлечение масс в свои ряды и популяризация деятельности движения в других департаментах; в) продвижение линии мирного гражданского неповиновения¹¹. На сегодняшний день Союз состоит в более широкой коалиции движений и партий Ипарральде, которая называется «“Да” Стране Басков» («EH Bai»).

Закономерен вопрос: неужели в Северной Стране Басков никогда не было своего аналога боевой группировки ЭТА? Такой аналог ожидаемо был, но представлял собой лишь бледную копию оригинала. Группа «Северяне» («*Iparretarrak*») появилась

10 IDEM. *Pasado y presente del nacionalismo en Iparralde*. Bilbao: Manu Robles Arangiz Institutua, 2004. P. 40.

11 AHEDO GURRUTXAGA I., URTEAGA E. *Gobernanza y territorio en Iparralde*. Vitoria-Gasteiz: Servicio Central de Publicaciones del Gobierno Vasco, 2005. P. 92.

в начале 1970-х, сразу заявив о себе как об организации, добивавшейся своих целей насильственными методами. Группа позиционировала себя как «баскскую социалистическую организацию за национальное освобождение» – так же называла себя и ЭТА¹². Тем не менее «Северянам» не удалось превратить себя в клон ЭТА во Франции: организационная структура была слабее, да и переподчинить и замкнуть на себя весь националистический дискурс она не смогла. На первых порах вопрос о допустимости насилия в Ипarrальде был предметом жарких дискуссий: до конца 1970-х здесь были как те, кто отвергал применение насилия по этическим соображениям, так и те, кто относился к насильственным методам с благосклонностью. В 1980-х эта двучленная схема усложнилась, обогатившись еще одним расколом: между оправдывающими насилие в Хегоальде, но отвергающими его в Ипarrальде, и поддерживающими насилие по обе стороны баскской границы.

Было в Ипarrальде и представительство БНП, которое действовало со времен гражданской войны, наплыва беженцев и образования правительства в изгнании. Французские власти относились к присутствию «испанской» баскской партии вполне терпимо – при условии ее невмешательства в местную политическую жизнь. В основном она и не вмешивалась; вероятно, именно этим объясняется ее живучесть при довольно пестром составе националистического лагеря в Ипarrальде. Тем более, что БНП, несмотря на предостережения французов, и подобно прочим баскским организациям, приобщила к продвижению идеи департаментализации: 8 октября 2002 года она официально выступила с предложением признать баскский язык в Конституции Французской Республики и провести референдум по разделению департамента Атлантические Пиренеи на две части¹³.

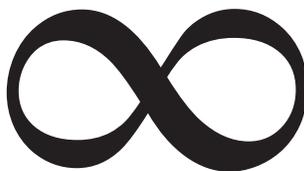
В том же году зародилось новое движение под названием «Вместе» («Vaterea»), которое стало наиболее завершенным организационным воплощением чаяний различных социальных групп, до того момента неспособных объединиться в единую структуру. Движение обобщило программные установки, которые ранее выдвигались различными баскскими партиями, несколько расширив их. Новыми – наряду с признанием национального языка на уровне Конституции Франции – стали требования ратификации Парижем Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств с целью обеспечения равного статуса баскского и французского языков в Стране Басков, учреждения Сельскохозяйственной палаты Страны Басков, призванной развивать местное аграрное производст-

ЮЛИЯ ФРОЛОВА

ТАКИЕ ЖЕ, НО ДРУГИЕ:
НАЦИОНАЛИЗМ В СЕВЕРНОЙ
СТРАНЕ БАСКОВ

12 AHEDO GURRUTXAGA I. *The Transformation of National Identity...* P. 185.

13 ИДЕМ. *Pasado y presente del nacionalismo en Iparralde*. P. 82.



во, создания собственного автономного университета¹⁴. Позже основная деятельность движения сосредоточилась вокруг проблематики собственного департамента, где оно добилось определенных успехов.

СОБСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ

Наиболее ярким проявлением автономизма в нынешней Ипарральде можно считать стремление части ее политических элит обзавестись собственным департаментом, обособленным от Беарна. Несмотря на то, что за несколько десятилетий требование так и не было реализовано, определенные шаги в направлении более продвинутой политической субъектности региона в рамках Франции все же были сделаны. Прежде всего этому способствовала европейская интеграция, набиравшая обороты после завершения «холодной войны». Связанные с ней процессы открыли двери для новаторских вариантов трансграничного взаимодействия, в том числе и с участием Хегоальде.

Новые формы, однако, внедряются с трудом, и тому есть свои объяснения. Как отмечает Игорь Ахедо, изучающий национализм французских басков, втягивание их региона в европейские объединительные схемы неизбежно осложняется столкновением двух структурных проектов развития национальной государственности в современную эпоху¹⁵. Первый, оформившийся под влиянием процессов, запущенных Французской революцией, основывается на идее сильного государства, базирующегося на триаде «государство – департамент – муниципалитет», а второй, рожденный набиравшей в минувшие десятилетия скорость евроинтеграцией, имеет в своей основе триаду «Европа – регион – межобщинность (*intercomunalidad*)». Совместить эти две логики довольно трудно, особенно во Франции, с ее крепкими централистскими традициями, поэтому не удивительно, что в конфликт двух программ наряду с Северной Страной Басков оказались втянутыми и другие французские регионы. В частности, в середине 1990-х на свет появилась Федерация солидарности регионов и народов (*Régions et Peuples Solidaires*) – политическая партия, объединившая регионалистские и автономистские группировки Франции¹⁶, которые противостоят «парижскому центризму». В это объединение, с 2009 года представленное в Европейском парламенте, входят и партии Ипарральде.

14 AHEDO GURRUTXAGA I., URTEAGA E. *Op. cit.* P. 122.

15 Ibid. P. 103.

16 Подробнее см. сайт организации: www.federation-rps.org/.

Сама Франция в последние десятилетия тоже делает некоторые шаги навстречу «своим» баскам. Прежде всего здесь стоит упомянуть общенациональную программу децентрализации, запущенную социалистами в 1980-х, а также правительственную систему мер, разработанную после обнародования в 1992 году доклада «Страна Басков – 2010». В этом документе состояние регионов, населенных французскими басками, признавалось безоговорочно плачевным: авторы констатировали, что баскская часть департамента Атлантические Пиренеи пребывает в глубочайшем и всеобъемлющем демографическом, территориальном, культурном, экономическом, социальном кризисе¹⁷. В документе напоминалось, что примененная в революционной Франции логика «нарезки» департаментов никак не учитывала этнический состав административных территорий: главной идеей тогда выступала коммуникационная равномерность. Создатели административной сетки исходили из того, чтобы время, требующееся всаднику для путешествия в главный город департамента из любой его точки, никогда не превышало одного дня. Поскольку сегодня такой критерий представляется утратившим актуальность, властям предлагалось пересмотреть устаревшие подходы и подумать об отдельном департаменте для басков.

В Ипarrальде идея создания собственного департамента уже давно в той или иной форме высказывалась в программах подавляющего большинства политических партий и общественных организаций. Как отмечает Ахедо, это требование, возникшее еще в 1792 году, периодически воспроизводилось в разнообразных политических документах в 1836-м, 1945-м, 1981-м, 1999-м, 2003 годах¹⁸. Однако начиная с 2000-х тяга к департаментализации озвучивается тише, а националистическая агитация концентрируется на более прикладных вопросах: обеспечении особого статуса языка, собственной образовательной политики, самоуправления в сфере сельского хозяйства, развития национальной культуры и так далее. Процесс вообще шел прерывисто: так, с середины 1970-х несколько разрозненных националистических течений Ипarrальде, отказавшись от планов департаментализации, переключились на требование, предполагавшее для французских басков статут автономии по испанскому образцу. Но, поскольку такой подход шел в разрез с конституционными основами Франции, к концу 1990-х все-таки восторжествовал консенсус относительно того, что статус департамента будет предпочтительнее статуса автономии. В настоящее время ключевой институцией, координирующей борьбу за департамент, выступает Торгово-промышленная па-

17 См.: *Pays Basque 2010* (<https://hal-lara.archives-ouvertes.fr/hal-02185998v1>).

18 AHEDO GURRUTXAGA I. *Pasado y presente del nacionalismo en Iparralde*. P. 12.



лата Байоны. Именно в ее стенах был разработан доклад «Страна Басков – 2010», подтолкнувший баскское обособление от Беарна.

Однако несмотря на давние чаяния, отдельного баскского департамента во Франции по-прежнему нет. Тем не менее есть и значимые изменения. Во-первых, в 1997 году Париж все-таки пошел на создание «области Страна Басков» (*Pays País Vasco*), в основу которой была положена концепция, воплощенная в законе «О пространственном планировании и устойчивом развитии территорий» 1995 года:

«Область [*Pays*] выражает общность экономических и социальных интересов, а также [...] является гарантом взаимной солидарности между городской и сельской местностью. Эта территория отражает географическую, культурную, экономическую и социальную сплоченность»¹⁹.

Во-вторых, в 2017 году появилось Сообщество муниципалитетов Страны Басков со своими органами управления и собственным финансированием – как структура горизонтального взаимодействия и низовой демократии. Согласно сайту Сообщества, сегодня в него входят 158 коммун, в которых проживают более 312 тысяч жителей²⁰.

Язык, культура и идентичность

Язык как важнейшая компонента этнического профиля неизменно играет важную роль в любом националистическом движении. Но в баскском случае эта роль не просто значительна – она выглядит приоритетной. Эту особенность можно объяснить двояко. С одной стороны, обратившись к идейным истокам баскского национализма, без труда можно убедиться в том, что и Сабино Арана в Испании, и Августин Чахо во Франции, и их более поздние последователи в обеих странах помещали в центр своей идеологии именно язык. С другой стороны, согласно распространенной политико-географической типологии сепаратистских движений, западноевропейскому типу последних, к которому принадлежат и баски, присуща «гипертрофированная роль языкового группообразующего фактора»²¹. Сегодня, если верить Атласу языков мира ЮНЕСКО, язык басков находится под угрозой исчезновения²², и, как следствие, любые по-

19 AHEDO GURRUTXAGA I., URTEAGA E. *Op. cit.* P. 147.

20 См.: www.communaute-paysbasque.fr/la-communaute-pays-basque/le-territoire/en-chiffres.

21 Попов Ф. А. *География сепаратизма в современном мире*. М.: Новый хронограф, 2012. С. 172.

22 См.: LASCANO B. *The Basque Language in Education in France*. Leuwarden: Mercator European Research Centre on Multilingualism and Language Learning, 2023. P. 1.

пытки центральных правительств ущемить или ограничить его использование влекут за собой вспышки националистических сантиментов.

Французский является единственным официальным языком в стране; остальные – «региональные языки» – не имеют особого статуса, за исключением того, что после состоявшегося в 2008 году пересмотра Конституции Французской Республики они стали считаться «достоянием Франции» (статья 75-1)²³. Однако это конституционное положение фактически не предусматривает какой-либо правовой защиты циркулирующим малым языкам, и по этой причине в большинстве случаев преподавание их основано только на доброй воле учителей и усердии учеников. Тем более, что Франция, в отличие от большинства стран, входящих в Совет Европы, не ратифицировала Европейскую хартию региональных языков.

В Ипarrальде первые значимые сдвиги в положении баскского языка и баскской культуры наметились после того, как связанные с ними проблемы были обозначены в докладе «Страна Басков – 2010». После этого начиная с 2000-х был выдвинут ряд государственных и общественных инициатив, нацеленных на защиту языковой самобытности региона; в частности, Сообщество муниципалитетов Страны Басков приняло на себя ответственность за реализацию языковой политики на местах и признало баскский и гасконско-окситанский в качестве языков официального делопроизводства на своей территории – наряду с французским²⁴.

Эти меры можно признать своевременными, так как на рубеже XX–XXI веков ситуация с национальным языком была без преувеличения плачевной: количество владеющих *Euskara* неуклонно снижалось²⁵. На нем говорили преимущественно в деревнях, которые все заметнее приходили в упадок на фоне индустриализации и урбанизации. Изучение же французского жестко мотивировалось экономическими резонами; это зафиксировала даже расхожая поговорка, согласно которой «французский зарабатывает деньги, а баскский не зарабатывает ничего». Сегодняшние попытки возродить баскский язык дали свои плоды, и в настоящее время количество владеющих им начало увеличиваться, особенно среди молодежи. В основном это связано с популяризацией национального языка и его приходом в среднюю школу, хотя достигнутые успехи не снимают важнейшей проблемы: приобретаемые познания остаются по

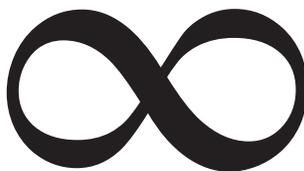
ЮЛИЯ ФРОЛОВА

ТАКИЕ ЖЕ, НО ДРУГИЕ:
НАЦИОНАЛИЗМ В СЕВЕРНОЙ
СТРАНЕ БАСКОВ

23 См.: *Полный текст Конституции 1958 года с изменениями, внесенными 23 июля 2008 года* (www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf).

24 LASCANO B. *Op. cit.* P. 4.

25 ЯСОВ J.E. *Op. cit.* P. 157.



большой части теоретическими, ибо их совсем не используют на практике, даже в бытовом общении. На это обстоятельство многократно обращали внимание и специалисты-лингвисты: так, в одном из недавних исследований подчеркивалось, что носитель языка почти не попадает в ситуации, где он мог бы применить свои знания, поскольку социум требует французского или же, по ту сторону границы, испанского²⁶.

Проблема языка в Северной Стране Басков теснейшим образом связана с проблемой образования. По мнению местных ученых, высшее образование в регионе долгое время страдало из-за отсутствия системности и внутренней логики – продвигать локальные языки в таких условиях очень трудно²⁷. Лишь в 2015 году по инициативе Совета по развитию Страны Басков возникло предложение организовать в Северной Стране Басков единый образовательный кампус – многопрофильный образовательный центр на десять тысяч обучающихся, один из крупнейших в регионе. Кроме того, сегодня наряду с мерами, нацеленными на повышение привлекательности местного образования для европейских регионов, предусматривается углубление сотрудничества по линии баскского языка с испанскими автономными сообществами Страны Басков и Наварры. Но, как бы то ни было, сделать в высшем образовании предстоит еще немало.

В средних школах преподавание баскского языка осуществляется в двух форматах: это или специальные занятия по языку и местной культуре, или двуязычное обучение, когда на региональном языке преподаются отдельные предметы. Официальная школьная программа не требует императивного внедрения этих форм, а сами школы, даже будучи заинтересованными, не всегда предлагают их из-за нехватки учителей. Тем не менее нынешнее положение можно считать значительным прогрессом, ведь до 1950-х французский был единственным языком школьного обучения. В отношении баскского языка в школьном и дошкольном образовании постепенно наблюдается увеличение как спроса, так и предложения: если в 2004–2005 учебном году баскский изучали 35,5% дошкольников, 26,9% учеников начальных классов и 15,3% учеников старших классов, то в 2019–2020 учебном году соответствующие цифры составили уже 47,7%, 39,6% и 23,1%²⁸.

Учреждение Баскского культурного института в 1990 году стало поворотным пунктом в поддержке баскской культуры

26 ARRUTI AGIRREURRETA I., PRIETO S. *Hezkuntza soziolinguistikoa. Euskal Herrian han eta hemen dauden material eta baliabideen bilketa, azterketa eta sailkapena* // BAT Soziolinguistika Aldizkaria. 2022. № 1-2(122-123). Or. 11–38.

27 URTEAGA E. *La política de enseñanza superior en el País Vasco norte* // Revista Vasca de Administración Pública. 2022. № 123. P. 355–403.

28 LASCANO B. *Op. cit.* P. 14, 19, 22.

в Ипарральде. Эта структура оказалась не первой культурной институцией такого рода, однако именно ей удалось стать консолидирующим началом для всей территории. В 1984–1988 годах в регионе функционировал Культурный центр Страны Басков, который обучал баскскому языку и развивал баскское радио и телевидение, но Баскский культурный институт превзошел его как по охвату, так и по разнообразию деятельности. Действующие программы этого учреждения многопрофильны: программа «Элекета» («Eleketa») занимается сбором и систематизацией баскской устной истории и нематериальной культуры, программы «Ибилки» и «Киму» («Ibilki» и «Kimu») популяризируют баскский театр, а программа «Aquitaine.eus» делает акцент на трансграничном развитии баскской культуры, охватывая испанские и французские баскские регионы²⁹.

По всей видимости, в результате предпринимаемых усилий французским баскам удастся выработать новую идентичность, выходящую за рамки бинарной конфронтации «баскского» и «французского». В традиционном двустороннем конфликте друг другу противостояли две идентичности: институциональная французская, опирающаяся на французское государство, и неинституциональная баскская, не располагающая столь же твердой опорой. Теперь между этими крайностями расположилась третья модель: идентичность *Pays Basque*, которая совмещает в себе приверженность баскской культуре и баскскому языку с признанием французского республиканизма. Местные ученые обобщают ее в формуле «Баски во Франции и французы в Ипарральде»³⁰. Три столпа этой идентичности – сохранение территориального единения с Францией, стремление к департаментализации и культивирование баскской уникальности – вполне могут позволить Северной Стране Басков избежать сепаратистских крайностей.

ЮЛИЯ ФРОЛОВА

ТАКИЕ ЖЕ, НО ДРУГИЕ:
НАЦИОНАЛИЗМ В СЕВЕРНОЙ
СТРАНЕ БАСКОВ

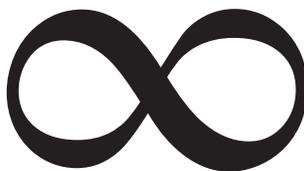
На баскских территориях Франции прямо сейчас происходит становление такой формы национального самоопределения, которая не предполагает ни сепаратизма, ни сецессии.

* * *

Незаслуженно забытая и довольно тихая история Ипарральде, уходящая в тень на фоне бурного прошлого ее южной соседки, позволяет задаться вопросом: не является ли опыт поступа-

29 URTEAGA E. *Op. cit.*

30 ANEDO GURRUTXAGA I. *Pasado y presente del nacionalismo en Iparralde*. P. 61.



ЮЛИЯ ФРОЛОВА

ТАКИЕ ЖЕ, НО ДРУГИЕ:
НАЦИОНАЛИЗМ В СЕВЕРНОЙ
СТРАНЕ БАСКОВ

тельного развития политической субъектности французских басков более успешным, чем аналогичный опыт басков испанских? Ведь в Ипarrальде баски действительно добились довольно многого – возможно, даже большего, чем в Хегоальде, избежав при этом тяжкого и кровавого прошлого, с которым их испанские братья до сих пор не могут разобраться. Однозначный ответ на этот вопрос едва ли возможен, но несомненно, что на баскских территориях Франции прямо сейчас происходит становление такой формы национального самоопределения, которая не предполагает ни сепаратизма, ни сецессии. Мы не знаем, чем закончится эта история и каким будет финал, но одно ясно уже сейчас: Северная Страна Басков заслуживает гораздо большего внимания исследователей, нежели то, что уделялось ей прежде.

ТАТЬЯНА
ВОРОЖЕЙКИНА



Аргентина и мир: эра Милея?

Спустя год после поразительной победы Хавьера Милея на выборах журнал «The Economist» вынес портрет президента Аргентины на обложку своего декабрьского номера, сопроводив иллюстрацию его высказыванием: «Мое презрение к государству бесконечно». Большому интервью, взятому у президента корреспондентом журнала, предпослан подзаголовок «Чему Хавьер Милей может научить Дональда Трампа»¹, а в редакционной подводке отмечается:

«Хавьер Милей уже год является президентом Аргентины. Он вел избирательную кампанию, размахивая бензопилой, но его экономическая программа серьезна и представляет собой одну из самых радикальных доз свободно-рыночной терапии со времен тэтчеризма. [...] Он показал, что постоянное

1 *What Javier Milei Can Teach Donald Trump* // The Economist. 2024. November 30 (www.economist.com/cdn-cgi/image/width=1424,quality=80,format=auto/content-assets/images/20241130_DE_US.jpg).



**ПРЕВРАТНОСТИ
МЕТОДА**

ное расширение государства не является неизбежным. Он позиционирует себя как принципиальный противник оппортунистического популизма того типа, который практикует Дональд Трамп. Милей верит в свободную торговлю и свободные рынки, а не в протекционизм; в бюджетную дисциплину, а не в безответственные заимствования; и, вместо насаждения иллюзий в обществе, говорит публике горькую правду»².

Позитивная в целом оценка «феномена Милей» одним из самых уважаемых в мире изданий, отражает то влияние, которое тот смог приобрести на Западе. Это влияние выходит за пределы круга праворадикальных лидеров, которых Милей изначально причислял к своим идеологическим и политическим союзникам: американского президента Дональда Трампа, бразильского экс-президента Жаира Болсонару, сальвадорского президента Найиба Букеле, эквадорского президента Даниэля Нобоа, итальянского премьер-министра Джорджи Мелони, венгерского премьер-министра Виктора Орбана, лидера ультраправой испанской партии «Vox» Сантьяго Абаскаля.

Появившийся из ниоткуда, вознесенный на президентский пост в результате глубочайшего политического и экономического кризиса в Аргентине³, Милей буквально ворвался на международную арену. Его первая речь на Всемирном экономическом форуме в Давосе была столь же грубой, прямолинейной и алармистской, как и его выступления в ходе избирательной кампании. Обращение

к ведущим политикам и предпринимателям мира президент единственной за всю современную экономическую историю страны, которая, покинув группу богатых стран, вернулась в группу стран со средним уровнем дохода⁴, начал так:

«Я сегодня здесь для того, чтобы сказать вам: Запад в опасности. В опасности потому, что те, кто, как считается, должен защищать западные ценности, на самом деле разделяют видение мира, которое неумолимо ведет к социализму и, следовательно, к бедности»⁵.

За время, прошедшее с инаугурации 10 декабря 2023 года, Милей совершил пятнадцать зарубежных поездок, из них семь в США⁶. Он неоднократно встречался с Трампом и был единственным действующим президентом, принявшим участие в торжествах в Мар-а-Лаго, посвященных победе Трампа на президентских выборах 5 ноября 2024 года.

Любимый жанр Милей в зарубежных поездках – программные лекции, с которыми он выступал на различных консервативных и праворадикальных конференциях в США, Бразилии, Испании. При этом Милей ни разу не встретился с действующими руководителями этих стран и представителями правящих в них политических партий – напротив, его визиты сопровождались жесткой полемикой и прямыми оскорблениями в адрес президента Бразилии Луиса Инасиу Лулы да Силва и председателя правительства Испании Педро Санчеса.

2 Javier Milei: «My Contempt for the State Is Infinite» // The Economist. 2024. November 28 (www.economist.com/leaders/2024/11/28/javier-milei-my-contempt-for-the-state-is-infinite).

3 ВОРОЖЕЙКИНА Т. Да здравствует свобода, черт подери! // Неприкосновенный запас. 2023. № 6(152). С. 221–232.

4 См.: Javier Milei: «My Contempt for the State Is Infinite».

5 Palabras del Presidente de la Nación, Javier Milei, en el 54 Reunión Anual, del Foro Económico Mundial, de Davos (www.argentina.gob.ar/noticias/palabras-del-presidente-de-la-nacion-javier-milei-en-el-54-reunion-anual-del-foro-economico).

6 MARINA R. Uno por uno, los viajes de Javier Milei al exterior: recorrió más de 270 mil kilómetros y estuvo fuera del país 54 días // Chequeado. 2024. 28 de noviembre (<https://chequeado.com/el-explicador/uno-por-uno-los-viajes-de-javier-milei-al-exterior-recorrio-mas-de-215-mil-kilometros-y-estuvo-fuera-del-pais-44-dias/>).

Милей сознательно обостряет отношения с левоцентристскими правительствами Латинской Америки и Испании, выступая в облюбованной им роли международного пророка анархо-капитализма и борца с социализмом и коммунизмом. «Коммунистами» Милей обзывает всех своих международных и внутренних противников слева, без различия оттенков – за одним, правда, очень важным, исключением. Китай, с которым во время избирательной кампании он отказывался иметь какие-либо дела как с коммунистической страной, через год «приятно удивил его». Оказалось, что «это очень интересный торговый партнер, поскольку он ничего не требует; единственное, о чем он просит, это чтобы ему не мешали»⁷.

Международные связи президента Аргентины не ограничиваются праворадикальными популистскими силами и близкими по духу правительствами. Гораздо более важными, если судить по его интервью, являются для него тесные контакты с бизнесменами, владельцами и руководителями крупнейших ИТ-корпораций, таких как «Google», «Apple», «Amazon» и других⁸. Его ультралиберальные проповеди имеют большой успех среди предпринимателей Кремниевой долины, в чьи представления об идеальном мире, основанном на сетевом взаимодействии и отсутствии контроля со стороны государства, прекрасно вписываются антиэлитистские взгляды Милей. За этими связями стоит не только идеологическая

близость, но и вполне прагматичная ориентация президента Аргентины на новых акторов мирового порядка.

«Милей понимает, что возможный успех или провал его программы все больше зависит от сверхбогатых и влиятельных людей – от миллиардеров, – а не правительств. [...] Он нацеливается на включение в маленький, но могущественный и влиятельный мир, от которого все больше и больше будет зависеть его собственное выживание»⁹.

Особые отношения связывают Милея с Илоном Маском. Американский миллиардер стал сторонником Милея еще в период его избирательной кампании – после того, как увидел интервью, взятое у него Такером Карлсоном. «Сверхрасходы правительства, которые являются фундаментальной причиной инфляции, разрушили бесчисленное множество стран», – согласился Маск с главной идеей Милея. В апреле 2024 года аргентинский президент посетил завод «Tesla» в Техасе, после чего встречался с Маском еще несколько раз. Их глубокая симпатия стала взаимной, и в интервью американскому журналисту Джону Ли Андерсону Милей охарактеризовал Маска так:

«Вот человек, который каждый день встает и говорит себе: “Посмотрим, какую проблему человечества я могу решить”. Он герой, благодетель общества. Бог свидетель, я надеюсь, что он сможет приехать и найти какие-то возможности для бизнеса в Аргентине. Это было бы чудесно, и я бы чувствовал себя очень счастливым и польщенным»¹⁰.

7 LORCA J. *Javier Milei arría sus banderas ideológicas y se acerca a China: «Es un socio interesante»* // El País. 2024. 1 de octubre (<https://elpais.com/argentina/2024-10-01/javier-milei-arria-sus-banderas-ideologicas-y-se-acerca-a-china-es-un-socio-interesante.html>).

8 *Exclusivo: entrevista completa de Javier Milei con Luis Majul, 1 de septiembre 2024* // La Nación +. 2024. 2 de septiembre (www.youtube.com/watch?v=olIirUD2mPY).

9 TOKATLIAN J.G. *«Milei apunta a un mundo chiquito, poderoso y decisivo que depende para sobrevivir»*. Tokatlian con Tenenbaum: *La conspiración mundial detrás de Milei* // Radio Con Vos 89,9. 2024. 26 de septiembre (www.youtube.com/watch?v=ym9bqd4Nzwc).

10 ANDERSON J.L. *Javier Milei Wages War on Argentina's Government* // The New Yorker. 2024. December 2 (www.newyorker.com/magazine/2024/12/09/javier-milei-wages-war-on-argentinass-government).



При этом Милей отнюдь не считает себя второй скрипкой в этом дуэте: после того, как избранный президент Трамп назначил Маска главой нового Департамента эффективности правительства, призванного радикально сократить федеральные расходы в США, Милей счел это своим личным достижением. «Сам Трамп включил Маска в свои ряды, чтобы воспроизвести модель, которой следует Федерико Штурценеггер [в Аргентине]»¹¹. Иначе говоря, мы экспортируем модель бензопилы по всему миру, мы меняем мир, мы делаем его более свободным», – хвастается аргентинский президент¹².

Милей вообще не грешит скромностью. Выступая в Институте Милкена в Калифорнии, он заявил, что «в Аргентине созданы все условия для того, чтобы стать новой Меккой Запада», и что после десятилетий застоя «у Аргентины есть все необходимое для начала процесса экономической конвергенции, который поставит ее в один ряд с великими державами мира»¹³. Он искренне считает себя не только вождем нового общемирового либертарианского направления, но и «одним из двух самых влиятельных политиков на планете Земля». «Сначала Трамп, а потом я», – говорит он¹⁴.

Что стоит за этим безудержным самовосхвалением? Нарциссизм, националь-

ный и личный комплекс неполноценности, компенсируемый манией величия? Или же трезвый расчет политика, стремящегося сохранить хрупкое равновесие внутри страны с помощью бурной международной активности с тем, чтобы растущая внешняя популярность стала фактором, облегчающим выход Аргентины из глубочайшего экономического кризиса? В течение первого года президентства Милею не удалось привлечь в страну новые инвестиции: пока, по выражению одного журналиста, вместо денег он привозил твиты. Но и этого оказалось достаточно, чтобы добиться успеха на мировой арене: не только Маск и Трамп, но и политики традиционного толка, далекие от радикального популизма, начинают разворачиваться в сторону Милея. Так, лидер Свободной демократической партии Германии, бывший министр финансов Кристиан Линдер, считает, что и его страна должна «немного» вдохновиться примером аргентинского президента в проведении политики жесткой экономии¹⁵.

Однако роли мирового экономического гуру для Милея явно недостаточно. Он претендует на существенно большее: на роль вождя в «культурной битве» (*batalla cultural*), победа в которой должна обеспечить необратимое верховенство свободного рынка и окончательное поражение левых, *zurdos*¹⁶. В этой обла-

11 Аргентинский экономист, возглавлявший в 2015–2018 годах – при президенте Маурисио Макри (2015–2019) – Центральный банк и назначенный в 2024-м президентом Милеем министром дерегулирования и трансформации государства.

12 *Milei brindó un nuevo apoyo a Sturzenegger y afirmó que Elon Musk imitará su gestión en EEUU* // Infobae. 2024. 8 de noviembre (nfobae.com/economia/2024/11/08/milei-brindo-un-nuevo-apoyo-a-sturzenegger-y-afirmo-que-elon-musk-imitara-su-gestion-en-eeuu/).

13 *Javier Milei en el Instituto Milken: «Argentina tiene todas las condiciones para ser la nueva meca de Occidente»* (www.argentina.gob.ar/noticias/javier-milei-en-el-instituto-milken-argentina-tiene-todas-las-condiciones-para-ser-la-1).

14 *Exclusivo: entrevista completa de Javier Milei con Luis Majul, 1 de septiembre 2024.*

15 BASSETS M. *Los liberales alemanes se sumen en la crisis tras revelarse las maquinaciones para romper el Gobierno* // El País. 4 de diciembre (https://elpais.com/internacional/2024-12-04/los-liberales-alemanes-se-sumen-en-la-crisis-tras-revelarse-las-maquinaciones-para-romper-el-gobierno.html).

16 Милей использует в отношении всех, кого считает левыми, оскорбительную кличку *zurdos* (леворукие, левши), которая вошла в обиход в годы военной диктатуры 1976–1983 годов.

ти, по мнению Милей, положение очень серьезное.

«Мы покинули поле боя, и они беспрепятственно наступали: они проникли в университеты, в СМИ, в культуру. А поскольку у них не было соперников, они выиграли культурную битву – главным образом потому, что мы в ней не участвовали. [...] В мире, где дуют свежие ветры свободы, перед нами открывается историческая возможность для того, чтобы начать менять мир. Но для этого недостаточно, как это произошло в 1990-е, только хорошего [экономического] управления и политической организации – необходимо также дать им культурную битву»¹⁷.

«Культурная битва» в представлении Милей носит цивилизационный, экзистенциальный характер:

«Мы защищаем справедливую и благородную цель, которая превыше каждого из нас. Мы, люди, – всего лишь инструменты достижения этой цели и должны быть готовы отдать за нее жизнь. Я говорю об исторической миссии Запада, о деле многих поколений, о нити, проходящей через тысячелетия. Об идеях афинских философов, которые Александр Македонский принес в Египет и в Азию, а римляне положили в основание первой межконтинентальной империи. Они возродились после нашествия варваров в аббатствах и судебных учреждениях Карла Великого, противостояли арабскому господству и вновь отвоева-

ли Испанию, чтобы затем пересечь океан и колонизовать Америку. Именно это превратило нас в граждан и освободило нас от гнета тирании. На этом пути были открыты научные методы, которые легли в основу индустриализации планеты Земля, и появился капитализм свободного предпринимательства, который избавил от нищеты миллиарды людей».

Вот так – «ни больше ни меньше», как говорит Милей. Этому благородному делу – он употребляет слово *causa*, в испанском языке означающее дело жизни, великую цель, – противостоят государство, которое служит орудием угнетения, своекорыстные политики, или «каста», как называет их Милей, присваивающие плоды труда «хороших аргентинцев» (*argentinos de bien*), и наконец, левые, навязавшие Аргентине и миру повестку глобалистского социализма (*wokismo*), включая радикальный феминизм, легализацию аборт, права меньшинств, приоритет защиты окружающей среды.

Напрашивается сравнение объявленной Милеем «культурной битвы» с крестовым походом, а его самого – с вождем крестоносцев, но это было бы неверно стилистически. В своих выступлениях аргентинский президент апеллирует к ветхозаветным источникам: Пятикнижию, Книге Маккавеев и другим¹⁸. Свою речь на Конференции

17 Здесь и далее – если не оговорено иное – цитируется речь президента Аргентины на Конференции консервативного политического действия (Conservative Political Action Conference), состоявшейся в Буэнос-Айресе 5 декабря 2024 года: *Discurso del Presidente Javier Milei en la Conferencia Política de Acción Conservadora* // Casa Rosada. Presidencia. 2024. 5 de diciembre (www.casarosada.gob.ar/informacion/discursos/50806-discurso-del-presidente-javier-milei-en-la-conferencia-politica-de-accion-conservadora).

18 Официально президент Аргентины исповедует католицизм, но до своего прихода к власти он рассматривал возможность обращения в иудаизм. Его наставники принадлежат к самым фундаменталистским течениям ортодоксального иудаизма. Первая зарубежная поездка, которую он совершил после победы на выборах и до вступления в должность, была благодарственным паломничеством к могиле последнего любавичского ребе Менахема-Мендла Шнеерсона в Нью-Йорке. См.: *Javier Milei visitó la tumba de un famoso rabino en Nueva York y pidió “bendiciones para el pueblo argentino”* // Perfil. 2023. 27 de noviembre (www.perfil.com/noticias/politica/javier-milei-visito-la-tumba-de-un-famoso-rabino-en-nueva-york-y-pidio-bendiciones-para-el-pueblo-argentino.phtml); *Javier Milei visita la tumba del “rebe de Lubavitch” en Nueva York* // Infobae. 2023. 27 de noviembre (www.infobae.com/politica/2023/11/27/javier-milei-visita-la-tumba-del-rebe-de-lubavitch-en-nueva-york/).



консервативного политического действия он назвал «Декалогом» – «Десятью заповедями». Можно было бы отмахнуться от всего этого как от мании величия и смешной патетики, которая в принципе не свойственна аргентинской культуре и аргентинскому характеру, гораздо более склонным к самоиронии и насмешливому снижению пафоса. Но «Десять заповедей» Милея – это, по сути, политические принципы, которые он применяет в том числе и для достижения тех успехов, за которые его хвалит «The Economist».

Первая «заповедь» гласит: лучше говорить неудобную правду, чем приятную ложь. «Если выход из положения тяжелый, лучше пережить его как можно скорее». С этим до сих пор согласны 44% аргентинцев, которые одобряют деятельность президента, несмотря на резкое ухудшение экономического положения населения из-за проводимой им политики жесткой экономии¹⁹. Почти половина населения готова по призыву Милея идти на жертвы в настоящем ради лучшего будущего.

Несколько «заповедей» характеризуют отношения Милея с законодательной властью, где у его партии «Свобода наступает» («La Libertad Avanza») всего 42 депутата из 257 и 7 сенаторов из 72.

«Нам наплевать на мнение политиков почти по всем вопросам. По общему правилу, чем больше голосов получает проект закона в Конгрессе, тем он вреднее для общества – и это совсем не случайно. [...] Никогда не нужно жертвовать идеями, чтобы получить голоса. Партия “Свобода наступает” твердо защищает не подлежащий обсуждению набор принципов: свободный рынок несет процветание для всех, правительство должно быть ограничено, аргентинцы лучше бюрократов знают, как про-

изводить, кого нанимать, с кем торговать и сколько кому платить. Иначе говоря, мы любой ценой отстаиваем жизнь, свободу и частную собственность. Любого, кто хочет защищать эти идеи, стоя плечом к плечу с нами, мы приветствуем, кем бы он ни был раньше, – но идеи не обсуждаются».

Этот принцип Милею также удалось в основном провести в жизнь в течение своего первого года: несмотря на отсутствие парламентского большинства, он смог после полугодичного обсуждения добиться принятия всеобъемлющего закона о дерегулировании экономики и заблокировать предложенные оппозицией законопроекты об индексации пенсий и финансировании государственных университетов. Ни в палате депутатов, ни в сенате оппозиция не собрала двух третей голосов, необходимых для преодоления президентского вето.

В отличие от экономики, политика, в представлении Милея, это игра с нулевой суммой:

«Пространства власти [*espacios del poder*], которые не занимаем мы, занимает противник – то есть левые. Поэтому мы должны быть решительными и прагматичными, отвращение к власти недопустимо, нужно использовать оружие противника. Говоря политически, мы не можем продолжать использовать мушкеты в эпоху дронов. Левые установили правила культурной битвы, и мы обязаны не только им соответствовать, но и превзойти их».

Милей предельно откровенен в том, что политика носит для него чисто инструментальный характер. Это и не могло быть иначе для человека, который сделал «антиполитику», борьбу с «кастой» своим главным знаменем. В менталитете и лексиконе аргентинского президента понятия «демократия» или

19 PAGNI C. *Milei, el centro de gravedad de una política caótica* // La Nación. 2024. 3 de diciembre (www.lanacion.com.ar/politica/milei-el-centro-de-gravedad-de-una-politica-caotica-nid03122024/).

«представительство» начисто отсутствуют. Столь чтимая им свобода, по сути, сводится к свободе экономической, свободе рынка. А в остальном – на войне, как на войне:

«Я говорил, что пришел разбудить львов, а львы охотятся группами. Это овцы разбегаются каждая в свою сторону, когда на них нападают. Поэтому в партии “Свобода наступает” тот, кто не подчиняется, идет домой. Рим не платит предателям. Мы должны быть фалангой гоплитов или римским легионом. Победить превосходящую по численности армию можно только в том случае, если никто не нарушает строй».

В «культурной битве» нет места тем, кто требует достижения консенсуса, соблюдения формы и хороших манер:

«Формы – это средства: они оцениваются по их эффективности в достижении определенных целей. Сегодня подчиниться требованиям соблюдения формы – значит поднять белый флаг пред лицом неумолимого врага. [...] Лучшей защитой всегда остается хорошая атака. Когда мы защищаемся, мы теряем инициативу и гибкость, принимая нечестные условия дискуссии, навязываемые нам врагом».

Если левые в глазах Милея – безжалостный враг, то партии центра – их пособники:

«Единственный способ борьбы с социализмом – это борьба справа. Центр, его идеи и методы везде на службе у преступных левых. Все те умеренные, которые хотят пройти между крайностями, только уступают поле битвы левым. А левым нельзя отдавать ни миллиметра. Поэтому мы скептически относимся к консенсусу, к диалогу. Мы не заинтересованы в дальнейшем поддержании знаменитого политического консенсуса, который является не чем иным, как вечным пактом о жизни за счет налогоплательщиков. Мы пришли, чтобы сломать

так называемый консенсус, потому что не может быть консенсуса между добром и злом, между моральным и аморальным».

В переводе на язык аргентинских реалий филиппики Милея против центра направлены прежде всего в адрес правоцентристской партии «Республиканское предложение» («Propuesta Republicana») бывшего президента Маурисио Макри, которая является союзником Милея и из рядов которой были рекрутированы политики, занимающие главные министерские посты в нынешнем правительстве. В настоящее время Милей заинтересован в том, чтобы максимально ослабить Макри и его партию; ему хотелось бы полностью перетянуть на свою сторону их электорат на промежуточных парламентских выборах 2025 года и президентских 2027-го.

При существующем соотношении сил Макри для Милея оказывается главным врагом: действующий президент постоянно нападает на бывшего, публично унижая его. Причины этого состоят в том, что если Милею удастся политически уничтожить «Республиканское предложение» и Гражданский радикальный союз (Unión Cívica Radical), то он обеспечит себе благоприятную электоральную диспозицию. Ему будут противостоять левые перонисты, по-прежнему возглавляемые Кристиной Фернандес де Киришнер, бывшим президентом (2007–2015) и вице-президентом (2019–2023), которую не без основания считают главной виновницей катастрофического состояния экономики, позволившего Милею в 2023 году занять президентский пост. Естественно, число ее сторонников существенно ниже количества противников.

Таковы вкратце основные политические принципы, вытекающие из «Десяти заповедей» Милея. Резюмируя их, он



в упомянутом выше выступлении на Конференции консервативного политического действия в Буэнос-Айресе ссылается на Ленина: «без революционной теории не может быть революционного движения». Независимо от отношения к Ленину его манихейское видение мира вполне соответствует ленинскому, как и представления об инструментальном значении демократических институтов, а также соотношении целей и средств.

С моей точки зрения, Милей является классическим популистом, поскольку не только стремится действовать помимо и поверх существующих институтов, но и полностью отрицает само их право на существование. В какой мере ему удастся подчинить себе политическое и гражданское общества в Аргентине, покажет будущее. Но уже сейчас очевидно, что предпринимаемая Милеем радикальная трансформация экономической модели требует не менее радикального слома модели политической; его аргентинский президент, бесспорно, считает необходимым. В предшествующей истории Аргентины в XX веке подобный слом осуществляли военные диктатуры²⁰. Если инициированная Милеем экономическая революция окажется успешной, то он с большой долей вероятности сумеет провести и революцию политическую, причем мирным путем:

«Он пришел к власти случайно в условиях глубочайшего кризиса представительства, который страна переживала в последние

годы, особенно после пандемии. Он пришел к власти без партии, без программы, без команды, без депутатов, сенаторов, губернаторов и мэров городов. Он завоевал власть не вопреки, а благодаря этим недостаткам, потому что значительная часть аргентинского общества решила отвергнуть традиционную политику и выбрала того, кто воплощал все предполагаемые достоинства антиполитики»²¹.

Рикардо Лопес Мурфи – влиятельный аргентинский политик и министр экономики в катастрофическом 2001 году – назвал Милея «феноменом подворотни» (*fenómeno del barrio*). Милей ответил ему в выступлении на Конференции консервативного политического действия, в феврале 2024 года прошедшей в Вашингтоне: «Меня назвали “феноменом подворотни”, но похоже, что подворотня немного увеличилась в размерах»²². С этим можно согласиться: Милей завоевал бесспорный престиж и за пределами праворадикальных популистских сил, в экономическом мейнстриме на Западе. Это заставляет поставить вопрос о том, в какой мере Запад принимает во внимание политические и социальные представления Милея, а также методы, которыми он ведет свою «культурную битву». Кто же он, в конечном счете: аутсайдер, вынесенный на поверхность перипетиями перманентного политико-экономического кризиса в Аргентине, или же политический профан, чутьем угадавший, в какую сторону разворачивается современный мир?

20 Подробнее см. мои предыдущие статьи: Ворожейкина Т. *Генерал Перон и справедливость без свободы* // Неприкосновенный запас. 2024. № 1(153). С. 166–183; Она же. *Аргентинский маятник* // Неприкосновенный запас. 2024. № 2(154). С. 68–76; Она же. *Аргентинский маятник – 2* // Неприкосновенный запас. 2024. № 3(155). С. 106–116.

21 PAGNI C. *Op. cit.*

22 *Palabras del Presidente de la Nación, Javier Milei en la Conferencia Política de Acción Conservadora (CPAC), en Washington, Estados Unidos* // Casa Rosada. Presidencia. 2024. 24 de febrero (www.casarosada.gob.ar/informacion/discursos/50371-palabras-del-presidente-de-la-nacion-javier-milei-en-la-conferencia-politica-de-accion-conservadora-cpac-en-washington-estados-unidos).

«Если бы я жил в другой стране, то был бы очарован Милеем; но я живу в этой», – сказал аргентинский журналист Эрнан Касиари²³. Каковы же реальные достижения Милея в стабилизации экономики? Какие обещания он выполнил, а какие нет? Какова социальная цена начавшейся экономической транс-

формации и как долго аргентинское общество сможет терпеть ее издержки? Как изменилось соотношение политических сил в Аргентине и каковы перспективы основных политических партий и блоков? На этих и других вопросах внутреннего развития страны я собираюсь остановиться в следующей статье.

23 CASIARI H. *Si viviera en otro país, estaría fascinado con Milei, pero vivo en este* // Radio Con Vos 89,9. 2024. 9 de diciembre (www.youtube.com/watch?v=XWrzWUoH6L8&t=27s).



Summary

The 158th *NZ* issue opens with a block of materials dedicated to the American literary and cultural theorist Fredric Jameson (1934–2024).

The selection was conceived as a quick response to the publication of his book *The Years of Theory: Postwar French Thought to the Present*, but while it was being prepared for *NZ*, Jameson died (on September 22nd), following which the nature of the texts included here changed, the selection inevitably acquiring a necrological air.

The block opens with a translation of a chapter from *The Years of Theory* dedicated to Gilles Deleuze. We are presenting this fragment as a preprint of the upcoming edition of Jameson's book, which is being prepared for release by the "Ad Marginem" publishing house. Konstantin Mitroshenkov (*How It Was Done in Paris: Fredric Jameson and His View of Postwar French Theory*) offers the readers of *NZ* an extensive account of the contents of *The Years of Theory*, placing it into the context of Fredric Jameson's entire body of work, with a particular emphasis on the book's genre and the circumstances of its creation. Andrei Gelianov (*Recoding the Horizon: On Fredric Jameson's Final Work*) provides a synchronic overview of both the main provisions of the American theorist's political and cultural views, and of the period in "the history of theory" (namely 1950s–1960s, with a brief foray into the early 1970s) which Jameson's new book is about. Gelianov stresses the fact that Jameson has not

been "read" and understood in Russia, and suggests that this may be due to the rather idiosyncratic path that Russian thought and society followed after the collapse of the Soviet Union. In 2025, *NZ* plans to continue discussing Fredric Jameson's legacy in a wide variety of historical and cultural contexts.

The newest instalment of the POLITICS OF CULTURE section looks at the interplay of philosophy, "theory" (as defined by Jameson) and socio-political processes of the late 19th – early 20th century. It features Igor Smirnov's article *On the Other Side of Philosophy: Friedrich Nietzsche's Concept of the Will to Power and the Problem of Reality*.

The second thematic block of this *NZ* issue is devoted to the centenary of the first Constitution of the Soviet Union. Vadim Korolkov, one of the contributors, notes that this document, crucial for the development of a new state, has not received the level of attention it certainly deserves; in a sense, in the eyes of historians and legal scholars it has been "overshadowed" by the Treaty on the Formation of the USSR (1922) and the Stalin Constitution (1936). Meanwhile, this Constitution is extremely interesting and important – both because it documented the end of the Civil War and the process of the creation of the USSR, and because it was one of the driving forces of the subsequent transformations of the Soviet Union and its federal system, right up until the collapse of 1991 (not to mention the problems in Russia today).

The thematic selection opens with two republications containing assessments

of the new Constitution given from both sides of the ideological front line of the period. The first text is by Georgy Gurvich (1886–1964), a Soviet jurist and one of the developers of the Constitution of the RSFSR (1918). The second article was written by Nikolai Alekseyev (1879–1964). Unlike Gurvich, Alekseyev was against the Bolsheviks, helped prepare the convocation of the Constituent Assembly of 1917, fought in the White Army, and emigrated first to Czechoslovakia and then to France. Despite the difference in Gurvich and Alekseyev's political stance, in their analyses both of them highlight the same key problems of the 1924 Constitution.

A look at the same document from today's perspective can be found in Vadim Korolkov and Marina Okuneva's articles. Korolkov (*"The USSR Constitution of 1924 and Critique of Modernity"*) proposes a rather unexpected approach, declaring Marxism (and its offshoot Marxism-Leninism, implicit in the USSR, which was created after 1917) to be the successor of the "critical" trajectory in 19th-century liberalism. Okuneva devoted her article to the institutional history of Soviet science – in the context of the state structure laid down in the Constitution of 1924.

This thematic block is further supplemented by a number of materials that also have to do with Soviet history and the anti-Bolshevik movement. NZ ARCHIVE features Ekaterina Nikolaeva-Tendil's article *"The Hussar Secrets: Andrei Balashov's Archive and the «Brotherhood of Russian Truth»"*, where an attempt is

made to recreate the history of perhaps the most mysterious anti-Soviet emigrant underground organisation.

In the CASE STUDY section, Boris Sokolov continues the project started in NZ issues 145 and 149, where he reconstructs "the White Guard pages" of the biographies of representatives of the Soviet cultural, military and power elites (*"Former White Guards in the Soviet Elite"*). This time Sokolov offers a broad overview of the life stories of several Soviet military leaders, writers and scientists – from the marshals Rodion Malinovsky, Leonid Govorov and Ivan Bagryamyan to physicist Anatoly Alexandrov, president of the Academy of Sciences of the Soviet Union.

Another archival publication is a 1967 letter from the Soviet publicist and regular contributor to the *"Novyi Mir"* magazine Vladimir Kantorovich, addressed to First Secretary of the CPSU Central Committee Petr Demichev and criticising the existing censorship practices (published by Pavel Glushakov). The final history-related addition to the issue is an essay by Georgy Mamvriysky focusing on how history textbooks were used to help shape and implement the state-approved approach to "memory politics" in Stalin's USSR, and how they are still used that way in today's Russia. The comparison of today's textbooks to those from the 1930s–1940s is of particular interest in Mamvriysky's piece.

As usual, this NZ issue contains the latest instalments of the regular columns SOCIOLOGICAL LYRICS by Alexei Levinson and THE REVERSE OF THE METHOD by Tatiana Vorozheykina.

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at www.eurozine.com **eurozine**

Оформить подписку на журнал можно в следующих агентствах:

«Подписные издания»: подписной индекс П3832 (только по России) <https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.periodicals.ru

«Экстра-М»: подписной индекс 42756 (по России и СНГ) www.em-print.ru

«Ивис»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.ivis.ru

«Информ-система»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informsystema.ru

«Информнаука»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informnauka.ru

«Прессинформ»: подписной индекс 45683 (по России и СНГ) <http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»: подписной индекс: 45683 (по России и за рубежом) www.ural-press.ru

Приобрести журнал вы можете в следующих магазинах:

В Москве:
«Московский Дом Книги»
ул. Новый Арбат, 8
+7 495 789-35-91

«Фаланстер»
М. Гнездииковский пер., 12/27
+7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе)
4-й Сыромятнический пер., 1-6 (территория ЦСИ Винзавод)
+7 495 926-30-42

«Циолковский»
Пятницкий пер., 8
+7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства
Лиговский пр., 27/7
+7 812 579-50-04
+7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский»
ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а
(ТЦ «Петровский пассаж»)
+7 473 233-19-28

В Екатеринбурге:
«Пиотровский»
ул. Б. Ельцина, 3
(«Ельцин-центр»)
+7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль»
ул. Б. Покровская, 46
+7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский»
ул. Ленина, 54
+7 342 243-03-51

